

ДРЕВНИЙ
Досток

Ереван 1976

2

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԳԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Հ Ի Ն Ա Ր Ե Վ, Ե Լ Ք

2

9(11)0-
2-59
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

2

5230

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1976

Редакционная коллегия:

*Н. В. АРУТЮНЯН, И. М. ДЬЯКОНОВ,
Г. Х. САРКИСЯН*

Г. КОМОРОЦН

ГИМН О ТОРГОВЛЕ ТИЛЬМУНА

(Интерполяция в тексте шумерского мифологического эпоса
«Энки и Нинхурсаг»)

Когда С. Н. Крамер в 1945 г. издал в новой обработке шумерский эпос «Энки и Нинхурсаг»¹, он мог опираться только на экземпляр из Ниппура (Ni 4561)², и—для одной незначительной части произведения—на фрагмент неизвестного происхождения, находящийся в Лувре (AO 6724)³. В последующее время была издана еще одна копия эпоса, табличка, найденная в городе Уре археологом Л. Вулли во время его раскопок (U 7754)⁴. Независимо от фрагментарности урской таблички, можно сразу установить, что она отличается от ниппурского текста. По расчетам С. Н. Крамера⁵, эта табличка имела 216 строк, в отличие от 278 строк ниппурского текста.

Текст из Ура хоть и короче, но в одном пункте—гораздо пространнее ниппурского. Столбец II таблички, который (судя по цифре «30», стоящей на полях текста) имел всего 30 строк, в своих сохранившихся 25 строках содержит отрывок, отсутствующий в ниппурском тексте. Важность этой части С. Н. Крамер понял сразу и одновременно с изданием клинописной автографии текста популяризировал во многих своих книжках и статьях свой перевод отрывка⁶, носящий характер только парафразы. Хотя текст по своей теме сразу получил известность у ассириологов и хотя теория С. Н. Крамера, основанная на нем—согласно которой дошумерское население Южного Двуречья и население цивилизации долины Инда могут быть отождествлены—многим казалась сомнительной (на нее появились отрицательные отзывы),—сам клинописный текст до сих пор остался неразработанным. Нет

ни транслитерации, ни точного перевода, ни комментария. Некоторые рецензенты клинописного издания текста⁷ отмечали особый характер столбца II, но никто не изучал историю возникновения этого отрывка.

Это добавление к тексту эпоса «Энки и Нишхурсаг» кажется во многих отношениях очень важным и даже может дать новые добавочные, существенные данные для хронологии шумерской литературы, а отчасти может осветить полнее, чем экономические первоисточники, известную область внешней торговли Южного Двуречья. В нашей последующей работе мы изучим столбец II таблички из Ура, но не будем заниматься вопросом, как урская табличка в целом соотносится с ниппурским изводом.

Место находки таблички не известно, и из-за отсутствия точных отчетов, одновременных с раскопками, его невозможно установить. И. Крехер, судя по непосредственным данным, считает⁸, что это был жилой квартал старовавилонского периода к юго-западу от нововавилонского темеоса. Из этого могло бы вытекать, что табличка относилась к частной (домашней) «библиотеке». Независимо от этого И. М. Дьяконов предполагает, что табличка U 7754 была найдена в районе между западным *kārum* и храмом (включая *Gá-nun-maḥ* богов ^dNanna и ^dNin-gal)⁹. Этот район был заселен храмовыми людьми, однако не без связей с торговлей, как, например, ювелир Ur-^dNanna; ÁB.NUN.ME.DU, Kù-^dNin-gal; gu^du₄(g) и хранитель *Gá-nun-maḥ*'a Kù-^dLugal-bàⁿ-da и др⁹, жившие на Quiet Street.

В издании клинописного текста размеры таблички не отмечены. Часть таблички обломлена. На столбце II отсутствуют последние 5 строк, нет и правого края. Сравнивая текст столбца «I» обратной стороны (окончание эпоса) с соответствующими строками ниппурского текста, можно установить, что в столбце II лицевой стороны вследствие облома отсутствует наверху не более одного знака (может быть, ни одного), а внизу не более четырех знаков. Более точное число отсутствующих в столбце знаков установить невозможно, так как текст написан с большими расстояниями между знаками.

Даем нашу транслитерацию и перевод.

- 1 kurtu-^lukl-ri-iški guškin ha-ra-li
na₄za-^lgîn^l-[zalág]-ga hu-mu-ra-bal-bal
kurme-luḥ-ḥaki na₄gug ní-g-al-dí kal-lal
gišmes-ma! -gan giš-ab-ba si(g)₅-g^lal
- 5 má-gal-gal hu-mu-ra-ab-[tùm?]
kurmar-ḥa-ši na₄-kal-la na₄-zalá[g-ga]
du₈ hu-mu-ra-ab-^lbal?¹
kurmâ-ganki ^lurudu^l ní(g)-kafa(g)-ga usu (Ā.KAL)
na₄esi na₄bûru na₄šu-min hu-mu-^lra-ab-tùm?¹
- 10 kur-ab-baki-ke₄ gišesi me-te-kal
lugal-la hu-mu-ra-ab-^lbal?¹
kur-za-lam-garkⁱ síg saḥar-sag-ga
hu-mu-ra-ab-^ltùm?¹
kurelam^li-ma síg [G^l] ŠID gú-un?¹?
- 15 hu-mu-ra-ab-bal
ēš uríki bára-nam-lugal-la uru kù-ga
še ì-giš túg-maḥ túg-si(g)₅ má-gal-^lgal^l
hu-mu-ra-ab-^ltùm?¹
a-ba-ba dagal-la hé-gál-bi hu-mu-ra-ab-^lbal?¹
- 20 uru ki-tuš-ki-tuš-bi ki-tuš-dù(g)-ga-^l?
tilmun^{ki} ki-tuš-bi ki-tuš-dù(g)-ga-^l?
še-bi še-tur-tur-íá-^l?
zú-lum-bi zú-lum-gu-ul-g[u-ul-?]
ebur-bi lll-àm ^l?
- 25 giš-bi giš-x x^l?
^l?

Примечания к транслитерации:

Строка 2: Неполная группа знаков [zalá(g)]-ga определение.

Строка 3: К слову ní-g-al-di=erištu см. ŠL 597, 246; W. v. Soden, ANw 241; CAD E 298.

Строка 4: Слово gišmes-ma!-gan —ошибка лица вместо gišmes-má-gan (знак M Ā правильно написан, например, в строках 5 и 8); перевод С. Н. Крамера, «mesh-shagan-wood» (см. Antiquity 37, стр. 111), основан, может быть, на ошибочном чтении ŠĀ.

Строка 5 и 17: Слово *má-gai*, «корабль», (а не «sailor», «моряк», как у С. Н. Крамера, ук. м.) является здесь неожиданным, судя по известным нам опискам товарных поставок. В строке 5 слово *má-gal-gal*, по всей вероятности—множественное число, и намерение надо соответственно дополнить и строку 18. Для Двуречья импорт кораблей кажется нехарактерным¹⁰; источники упоминают скорее «импорт» кораблестроительных мастеров, так, например, Сип-аххе-эриба в своем походе против Бит-Иакина привез финикийских корабельных мастеров. На самом Тильмуне вряд ли могло существовать кораблестроение. Нам кажется все-таки более вероятным видеть в слове *má-gal* в обоих случаях подлежащее предложения¹¹; отсутствие показателя «агентива» (т. е. эргатива) этому не мешает, так как гимн обозначает «агентив» только в строке 10. Таким образом, предложение имеет тот смысл, что названные товары привозятся на кораблях.

Строка 5: Остатки знака похожи на знак TUM.

Строка 8: Чтение знака *usu* сомнительно; возможно еще и *esír* (*esér?*)=*ittú*, *itfú*¹².

Строка 10: Слово *me-te*—одно из важнейших шумерских абстрактных понятий¹³.

Строка 12: Знак KUR здесь не является детерминативом! В сочетании *kur-za-lam-gar^{ki}* слово *za-lam-gar*=*kuštaru*, «шатер»¹⁴, т. е. сочетание имеет смысл «страна шатров»¹⁵.

Строка 12: Чтение знака *sig* сомнительно. Выражение *saġar-sag-ga* мы понимаем дословно, а не в его более позднем значении¹⁶.

Строка 14: Сочетание знаков *sig* [G1] ŠID надо, наверное, понимать как «отборную шерсть».

Строки 20—25: К концу этих строк можно было бы ожидать либо *hé-a* (как, например, в строках 50 и сл. эпоса), либо более корректную форму *hé-am*, либо просто *am*. Но иногда встречается и *hé*, например в новой надписи Энаннатума, R. Biggs, *Artibus Asiae* 32 (1970), 247 сл. *ensí-bi ku-lí-mi hé*.

Перевод:

1. Да перевезет тебе страна Тукриш золото из Харали,
[блестящий] лазурит;

да [несет] тебе страна Мелухха сердолик желанный, ценный,
«дерево Магана», «дерево моря», отличное;

5. (на) кораблях;
да [перевезет] тебе страна Мархаши драгоценный камень,
блестящий, (горный) хрусталь;

да [несет] тебе страна Маган крепкую медь, твердый,
диорит, орудия из камня;

10—11. да [перевезет] тебе «Страна моря» (=заморская
страна) эбеновое дерево, прекрасную роскошь царя;

12—13. да [несет] тебе «Страна шатров» отличную
шерсть, рудный порошок;

14—15. да перевезет тебе страна Элам шерсть,... дань (?);

16—19. да [несет] тебе святилище Ур, храм царства, сияющий город;

17—18. зерно, масло, знаменитую ткань, отличную ткань,
(на) кораблях—да [перевезет] тебе пространное море (все)
свое изобилне!

20. все обиталища города—да будут обиталища хороши [обиталища Тильмуна—да будут обиталища хороши [зерно его—да будет зерно мелкое, мелкое, финики его—да будут большие, большие, жатва у него—три раза [...

25. дерево его—дерево [...

[....]

Место, где отрывок был присоединен к эпосу, точно не известно, так как из 44 строк столбца I текста UET 6, I, No. 1 (над столбцом стоит цифра «44») сохранилось всего 25. Эти 25 строк, несмотря на несущественные расхождения, в общем совпадают с первыми 25 строками ниппурского извода. В остальных 19 строках урской таблички заключался текст эпоса, знакомый по ниппурскому изводу, несомненно в сокращенной форме. В этой первой части композиции речь идет только о Тильмуне, где по мифу издревле совершался священный брак первых божеств. Заключение этой первой части служат строки 50 и сл.:

uru-zu é-gú-kar-ra-kalam-ma-ka hé-a
tilmunki é¹⁷

Да будет твой город пристанским окладом Страны,

Да будет Тильмун пристанским складом Страны!

По нашему мнению, текст столбца II урской таблички мог быть вставлен или перед этими строками, или непосред-

ственно после них, так как в строке 41 ниппурского извода начинается длинный абзац, который не может быть прерван, иначе стройная система повторений и параллелизмов будет нарушена. Таким образом, надо предположить, что в урском изводе даже первые 50 строк текста эпоса были сокращены на 4—6 строк, что ввиду общей краткости урского извода вполне возможно.

Дополнения в урском изводе, таким образом, являются развитием или продолжением описания Тильмуна, которое дано во вводной части эпоса в мифологическом плане, и поэтому нет никаких сомнений, что строки II 1—19 перечисляют ввоз товаров на остров Тильмун. Как и перед добавочным отрывком (т. е. во всей первой части эпоса), так и в этом самом отрывке (строки 20 и сл.) говорится о Тильмуне, и поэтому первые 19 строк должны относиться тоже к Тильмуну. Этот дополнительный текст, как самостоятельная часть эпоса, может быть назван хвалебным гимном торговле Тильмуна.

Членение первых 25 строк ясно само по себе. Первая часть (строки 1—19) содержит перечисления, а вторая часть (строки 20—25, но, может быть, и следующее) описывают в гимническом стиле сам Тильмун.

Первые 19 строк делятся в свою очередь на девять подразделений. Каждое состоит из одного самостоятельного предложения с одним географическим названием. К сожалению, основа глагола сохранилась лишь в трех из этих предложений (строки 2, 5 и 15), в остальных же случаях сохранились только его морфологические показатели. В двух случаях читается глагол *bal* = *eberu*¹⁸, который чаще всего имеет значение «переходить», «переплывать», «переходить (через реку, море)», «пересекать», и это значение очень удачно объясняет смысл отрывка. В строке 2 содержится удвоенная форма глагола. На форму *bal-bal* в аналогичном контексте другие примеры нам не известны, но по А. Фалькенштейну¹⁹ эта форма обозначает либо повторность действия, либо множественное число предмета. В строке 5, вероятно, надо читать глагол *tum* = *wabalu* — «приносить»²⁰. В шумерских литературных текстах при распространенных повторах часто употребляются некоторые чередующиеся элементы, так, например, в эпосе «Гильгамеш и Хувава» в стереотипном обо-

роге, который описывает рубку кедра, повторенном семь раз, чередуются выражения *ka ib-šèr-re-ne*, «связали в пучки» и *da-bi ib-ku₅-ru-ne*, «ветки его оборвали»²¹. В одном диалоге между богицей Иниин и богом Амашумгальанна чередуются выражения: *inim-gim ga-àm-me-en-dè-en*, «как (подобает), речи поговорим» и *ad-gim ga-àm-gi₄-dè-en*, «да обменяемся как бы советом»²². С подобным же явлением мы встречаемся и в конце самого эпоса «Энки и Нинхурсаг»²³, и в прологе эпоса «Энмеркар и верховный жрец Аратты»²⁴. Такое чередование является характерной чертой шумерской поэтики, и можно предположить, что и в нашем эпосе глагол чередуется в строках 2 и 5 не вполне случайно, и что пропущенные глаголы в следующих строках тоже могли чередоваться (то *ba1*, то *lùm*), что мы постарались передать в переводе. Строку 19 можно представить как заключение всего предыдущего; во-первых, потому, что «пространное (обширное) море», несомненно, не является географическим названием, и, во-вторых, потому, что «изобилие» не является предметом торговли. Оба выражения—общие понятия, которые подразумевают в первом случае—страны, достигнутые водным путем, а во втором—совокупность материальных благ; в шумерских литературных текстах слово «изобилие» (*hè-gál*) употребляется всегда в этом значении. Итак, эта последняя, заключающая фраза перечисления с полной четкостью указывает на то, что предмет гимна, т. е. остров Тильмун, получает все поставки морским путем, т. е. его товары являются «изобилием» именно моря.

Географические имена, которые встречаются в тексте, в их большинстве знакомы и по документам, касающимся внешней торговли Двуречья, и по литературным или историческим текстам. Несмотря на это, о локализации некоторых из них спорят уже десятилетиями. В дальнейшем мы не будем пытаться дать подробную локализацию; географические имена нужны нам лишь для описания исторической обстановки. Важнейшим источником локализации этих географических имен является ассирийский географический «трактат», который говорит о размерах империи Шаррукина Аккадского²⁵ (точнее, как нам кажется, о радиусе его внешних сношений).

На первом месте в перечислении разбираемого здесь отрывка эпоса стоит страна Тукриш²⁶. Сама страна не очень часто встречается среди географических имен и точное местонахождение ее не известно. В списке географических имен в одной надписи Хаммурапи из Ура²⁷ Тукриш стоит после Элама, Гутиума и Субира (=Субарту). Поэтому Тукриш надо искать к востоку или северо-востоку от Двуречья. По выше-названному ассирийскому «трактату», Тукриш лежит именно в этой области; «трактат» дает даже его расстояние от Двуречья. Сами (круглые!) цифры расстояний имеют определенную, хотя и относительную, ценность²⁸. Точкой отсчета этих расстояний теоретически мог бы быть город Аккаде. (Предполагается, что «трактат» является переработкой более древнего источника и таким образом сохранил ценный материал). По тексту расстояние до страны Параша составляло 40 *bēru* (т. е. 427 км)²⁹; до страны Тукриш—60 *bēru* (640 км); до страны Элам—90 *bēru* (962 км). Из этих данных следует, что составитель трактата имел представление о том, что Тукриш лежал в Иранских горах, но севернее Элама (т. е. ближе к предполагаемому исходному пункту—Аккаде). Это совпадает с географическими данными приведенной выше надписи Хаммурапи. Одна надпись ассирийского царя Шамши-Адада³⁰ упоминает о дани царя страны Тукриш и царя «Верхней страны» (*matu eltu*). «Верхняя страна» значит «область вверх по реке (рекам)», в Малой Азии—по Галису, в Мари—по Евфрату, в Ашшуре—по Тигру и его притокам. Выражение относится здесь, по нашему мнению, примерно к сегодняшнему Курдистану. В одном хурритском ритуальном тексте из Богазкёя³¹ «господин» Тукриша назван после царя Элама и царя Луллу. Центр луллубейской территории³² лежал в области северо-восточного Ирана около современной Сулеймани и среднего течения Диялы; т. е. страна Тукриш названа в совокупности с такими географическими именами, которые обозначают центральные и северные области Иранского нагорья. Поэтому нам кажется возможным локализовать Тукриш в районе современной дороги из Керманшаха на Хамдан³³. Остальные упоминания страны Тукриш, например, в письмах из Мари³⁴, в дипломатической переписке в Телль-Амарне³⁵, в списках города Катна³⁶ и т. п., не имеют значения

для локализации, но подчеркивают важную роль, которую страна Тукриш играла в торговле золотом в Передней Азии.

Торговый товар Тукриша—лазурит, назван в строке 2 нашего текста. На территории древней Передней Азии единственным местом находки лазурита был район Бадахшан в Афганистане³⁷, откуда его вывозили через Иранское нагорье и в Двуречье. Лазуриновый путь вел из Бадахшана через восточный Иран. Раскопки последних лет в иранском Систане, прежде всего в Шахр-и Сохте³⁸, выяснили существенные детали этой обширной торговли лазуритом. Пути разветвлялись³⁹. Через северный Иран лазуриновый путь вел вдоль горы Эльбурз. Как известно, городище Тепе-Хиссар было одним из перевалочных пунктов на этом пути, и здесь при археологических раскопках было найдено и золото, и лазурит⁴⁰ (не местные, а импортные).

Бадахшан и западная Индия были связаны с Двуречьем⁴¹ двумя сухопутными торговыми путями, которые не всегда использовались одновременно⁴². Один из этих путей, на который было только что указано, опирался «Большую соляную пустыню» Ирана с севера, а другой—с юга. Товары, которые везли по этому южному пути, достигали Двуречья либо через Элам⁴³, либо морским путем через Персидский залив⁴⁴. Торговля золотом и лазуритом, впрочем, шла и по этой южной дороге. Доказательством этого служат результаты новых раскопок, например в Тепе-Иахйе⁴⁵. Но возможность, чтобы страна Тукриш являлась посредником на этой южной дороге, исключается (по ее географическому положению). Северо-иранский путь пересекал Запрос через несколько горных проходов, но торговля с южным Двуречьем велась прежде всего именно на линии современной шоссеиной дороги из Керманшаха на Багдад⁴⁶. Эти данные совпадают с приведенной выше локализацией страны Тукриш.

По тексту гимна, Тукриш является посредником в торговле золотом страны Харали, которая, по нашему мнению, является не вполне мифологической, а реальной, подлинной страной, хотя и мифологически описываемой; о локализации и разработке мифологического матернала относительно Харали—см. нашу специальную статью⁴⁷.

Имена Мелухха и Маган (Маккан) обозначают страны.

которые могли быть достигнуты через Персидский залив. Об их локализации спорят по сей день⁴⁸. Решительное слово было высказано недавно И. Е. Гельбом⁴⁹. Оба названия, по его истолкованию, являются не названием какой-то определенной области, а обозначают исторически непостоянные, сменяющиеся понятия, указывая только на общее географическое направление. Для нашей темы достаточно установить, что обе эти «страны» лежали по сторонам Персидского залива, Мелухха—по северному берегу, а Маган—по южному.

Наш пимн о Тильмуне перечисляет среди товаров, присланных Мелуххой, и «дерево Магана»⁵⁰. Из этой формулировки вытекает, что не всегда можно по названиям товаров судить о стране их происхождения. Возможно, что этим лесом торговала вначале страна Маган, но потом этот лес стал свободным предметом международной торговли, т. е. им стала торговать каждая страна, откуда этот товар происходил. Или, может быть, вначале торговля шла через Маган, как более близкий—отсюда и название. Не исключается даже возможность, что шумерская (клинописная) форма названия отражает просто народную этимологию. На это указывает и аккадская форма, и ее эквиваленты в санскрите и в эламском языке⁵¹. В таком случае название данного дерева еще в меньшей степени может быть связано с Маганом.

Названная между Мелуххой и Маганом страна Мархашш лежит, несомненно, на Иранском нагорье, к северу от Элама, приблизительно в той области, где недавно Р. М. Бемером была локализована страна Парсуа⁵². Это, возможно, является доказательством того, что известные уже с середины III тысячелетия до н. э. имена *Baraḥṣi* ~ *Marḥaṣi* ~ *Marahṣi* ~ *Paraḥṣi* связаны с именем Парсуа⁵³.

«Страна моря»⁵⁴, которая упоминается в гимне, вопреки необычному написанию слова, может быть отождествлена с исторической «Страной моря»⁵⁵. По нашим сведениям, это единственное место, где упоминается торговля этой области⁵⁶, т. е., «Страны моря». Эбеновое дерево⁵⁷ было, впрочем, скорее предметом торговли страны Мелухха⁵⁸.

«Страна шатров» (*kur-za-lam-garḳi*) могла быть областью обитания кочевников-овцеводов. Их товары, хотя четкие соответственных знаков не вполне ясно, как кажется, ука-

зывают на их занятия овцеводством. Само выражение «Страна шатров» встречается, по нашим сведениям, лишь здесь. Поэтому нет возможности сопоставить ее с какой-то определенной территорией. Но возможно, что она лежала в области к востоку от Тигра⁵⁹.

Наконец, отождествление Элама и Ура не представляет никаких трудностей. То же самое можно сказать о Тильмуне, который может быть (по современным сведениям) только островом Бахрейн в Персидском заливе⁶⁰.

Если мы рассмотрим эти географические названия, то бросится в глаза, что при перечислении автор употребил типичный шумерский прием, т. е. прием центростремительной последовательности: начиная с территорий наиболее удаленных, он переходит к все более ближним областям. Но центром, к которому приближается перечисление, в этом случае является не Двуречье, как обыкновенно, а Тильмун. Именно поэтому в перечислении Тукриш лежит дальше, чем Мелухха, а Маган дальше, чем «Страна моря» и Элам. Сам литературный прием перечисления, то есть установление последовательности этих областей, исключает всякую возможность отвергнуть идентификацию Тильмуна с Бахрейном⁶¹.

Также бросается в глаза, что среди торговых партнеров Тильмуна могли непосредственно попадать на остров лишь те страны, корабли (*má-gal-gal*) которых упоминаются в гимне, т. е. Мелухха и Ур, и, может быть, кроме этих, судя по их расположению, Маган и «Страна моря». Напротив, возможность непосредственной связи Тильмуна невероятна или исключается для Тукриша, Мархаша и «Страны шатров», и сомнительна даже и для Элама, о раннем судоходе которого все наши остальные источники пока умалчивают⁶². При таких условиях следует иметь в виду, что торговля с Тильмуном должна была быть хотя бы частично опосредствованной, и посредниками служили прибрежные территории Персидского залива. Наш гимн о Тильмуне, как мы видели, указывает на посредническую торговлю золотом из Харали; но посредническая торговля должна была и вообще играть более важную роль, чем непосредственное общение.

Товары, которые упоминаются в гимне, являются известными уже и раньше импортными или экспортными товарами

Двуречья, о которых часто упоминается в документах хозяйственной отчетности и в словарях—силлабариях⁶³. Это, из товаров импортных: guškin — «золото»⁶⁴; pa₄za-gìn — «лазурит»; pa₄gug — «сердолик»⁶⁵; gišmes-má-gan — «Dalbergia sissoo»: giš-(a)-ab-ba — «морское дерево»⁶⁶; pa₄-kal-la — «драгоценный камень»; pa₄-za-lág-ga — «сияющий камень», также вид драгоценных камней; du₈ — «горный хрусталь»; urudu — «мель»⁶⁷; pa₄esi — «диорит»; pa₄bùru, pa₄šu-mìn — орудия из камня⁶⁸; gišesi — «эбеновое дерево». Если наше чтение правильно, сюда же относится и saġar-sag-ga, «рудный порошок»⁶⁹. Зато še — «зерно»; i-giš — «сезамовое масло»; túg — «ткань»; síg — «шерсть» являются самыми важными экспортными товарами Месопотамии⁷⁰. В. Ф. Лееманс считает, что хлеба вывозили из Двуречья мало⁷¹. В этом отношении с нашей точки зрения имеет определенное значение тот факт, что в пимне речь идет о Тильмуне, т. е. о южной стране; страны побережья Персидского залива, может быть, в отличие от других соседей Двуречья, могли постоянно нуждаться во ввозном хлебе. Но вопрос кажется нам более сложным и относительно других соседних стран; эпос «Энмеркар и верховный жрец Аратты» служит доказательством того, что хлеб вывозили и в восточные страны⁷²; см. и ниже.

Список товаров в пимне о Тильмуне отличается от документов хозяйственной отчетности только некоторыми поэтическими прилагательными, таким, как kal-la — «ценный, драгоценный»; si(g)₅-ga — «превосходный»; me-te-kal lugal-la — «избранная царская роскошь»; sag, здесь — «лучший».

Итак, из гимна о Тильмуне вырисовывается следующая картина: с одной стороны — хорошо известные партнеры внешней торговли Двуречья завозят свои товары в Тильмун, (а именно те товары, которые всегда были импортными и в самом Двуречье); а с другой стороны — Двуречье (город Ур) и «Страна шатров» вывозят в Тильмун традиционные экспортные товары страны — хлеб, шерсть, ткани.

Судя по гимну, каждая поставка направлена именно в Тильмун; в тексте нет упоминаний о какой-либо обратной поставке взамен — это все было как бы даром или данью, осуществлением «райского изобилия».

Гимн не делает различия между партнерами-поставщиками Тильмуна. Нам кажется, что гимн различает страны— поставщики только по степени их удаленности от Тильмуна и не говорит ни слова о том, что речь в действительности идет о торговле этих стран с Двуречьем через Тильмун. Все это означает, что гимн о Тильмуне изображает средствами поэзии исключительно важное явление экономического порядка, а именно тот факт, что во время создания текста международным рынком и перевалочным пунктом внешней торговли служил остров Тильмун⁷³.

Упоминание внешнеторговых связей страны⁷⁴ в шумерской литературе является традиционным. Эпический текст «Энмеркар и верховный жрец Аратты» является источником по международной торговле ранней эпохи⁷⁵. В начале III тысячелетия до н. э. преобладали сухопутные связи, торговля шла в первую очередь по караванным путям⁷⁶. В этой сухопутной караванной торговле преобладало, по всей вероятности, посредничество. В этом отношении очень характерна одна версия эпоса «Гильгамеш и Хувава», в которой после строки 44 к описанию демонов добавлены следующие выражения⁷⁷: *ki-a ha-ga-an zu-me-eš*, «караванные пути на земле знающие»; и *dam-gà-ga... ki-bala zu-me-eš*, «торговцев на мятежной земле знающие»; причем «мятежная земля» в литературных текстах является обозначением стран Иранского нагорья. Нам кажется, что из этих строк вытекает, что Двуречье в большинстве случаев имело торговые связи с непосредственно близкими ему странами, а торговля на более дальнее расстояние велась при помощи их посредничества.

Развитие техники судоходства только примерно к середине III тысячелетия до н. э. достигло того уровня, что стало возможным путешествие на более далекие расстояния⁷⁸. Первым, кто упоминает иностранные суда, является Ур-Нанше из Лагаша: *má-tilmun(a) kur-ta gú giš mu-gál*, «корабль Тильмуна из (чужой) страны на шее привез лес»⁷⁹. После этого Шаррукин Аккадский упоминает корабли, прибывшие из еще более отдаленных мест: *má me-luḥ-ḥa^{ki} má má-gan^{ki} má tilmun^{ki} kar ag-gi-dè^{ki}-ka bí-kešda = MÁ me-luḥ-ḥa^{ki} MÁ má-gan^{ki} MÁ tilmun^{ki} in ga-rí-im ši a-ga-dè^{ki} ir-ku-us*, «Корабли Мелуххи, Магана и Тильмуна встали у причала Аккаде»⁸⁰.

Но мы не должны думать, что судоходство и морские связи сразу же сократили караванную торговлю со странами, доступными и по суше. Например, Гудеа получил товары и из Тильмуна⁸¹; эти товары, по всей вероятности, являются в конечном итоге товарами Магана и Мелуххи; но независимо от этого, он, судя по одному месту его надписи⁸², сохранил и непосредственную связь по суше с этими же двумя странами: *má-gan me-luḥ-ḫa kur-bi-ta gú giš mu-na-ab-gál*, «Маган и Мелухха из своих стран на шее привезли ему лес».

Караванный путь в Мелухху упоминается даже в выше цитированном ассирийском географическом «трактате»: *p ā harrān kur-me-luḥ-ḫ[a]ki*, «область караванного пути Мелуххи»⁸³. Но начиная с III династии Ура вся южная торговля Двуречья велась уже через Персидский залив⁸⁴.

Для изображения внешнеторговых связей Двуречья создан еще в III тысячелетии до н. э. особый литературный топос. Лучше всего его можно изучить в надписях Гудеи. Он, с одной стороны, в своих надписях на статуях—текстах исторического характера упоминает внешнеторговые связи Лагашского государства⁸⁵, а с другой стороны, например в своем строительном гимне⁸⁶, излагает эту же тему в литературном плане, мифологизируя те же внешнеторговые связи. О товарах, ввезенный в Двуречье, пишет он как бы о добровольной дани с места добычи⁸⁷; о богах чужих стран пишет он как о своих торговых агентах⁸⁸; жители чужих стран приходят к нему добровольно в город Гирсу со своими подарками⁸⁹. Гудеа упоминает и свои экспедиции, но, по всем известным данным, кедровые горы Амана⁹⁰ были самой отдаленной областью, куда достигали его люди⁹¹, и это считалось исключительно далекой экспедицией.

Впрочем, не столько шумерские торговцы ездили за границу, сколько иностранцы приезжали в Двуречье⁹². Обмен товарами происходил в первую очередь в Двуречье самом. Мифологическое описание у Гудеи в этом смысле совпадает с действительностью. В шумерском литературном топосе, посвященном внешней торговле, после Гудеи постоянным остается положение, по которому товары внешней торговли являются под видом «подарков чужих стран». Картина, которая обрисована в тексте «Проклятие пороку Аккаде»⁹³, содер-

жит такие же черты; см. например, строки: lú-bar-ra mušen-nu-zu-gim an-na nigine(NIGIN)-dè, «для того, чтобы чужие люди собирались (в городе), как незнакомые птицы на небеса...»; или: ke-en-ge-ra ni-ga ni-bi-ta gišmā i-im-da-gid-da, «корабли сами по себе дотянули все товары в Шумер»⁹⁴.

В гимне «Энки и мировой порядок»⁹⁵ положение усложняется. Бог Энки ездит по чужим странам, одной за другой, для того, чтобы принимать их подарки на месте—например, золотые слитки у правителя Магана⁹⁶. Независимо от этого, груженные корабли отправляются в Ниппур⁹⁷. Корабли являются собственностью Тильмуна, Магана и Мелуххи (как это видно по родительным падежам при этих именах в строках 124—126), и поэтому активными партнерами во внешней торговле надо считать эти чужие страны. Тот же самый гимн упоминает насильственное выступление бога Энки против Элама и Мархаша⁹⁸; этим фактом до сих пор пренебрегали, изучая историю шумеро-эламских войн⁹⁹. В гимне исключительно важная роль приписана городу Уру; Ур характеризуется такими словами: bá-ga-pam-ḫé kur-ra du₁₀-bad-du, «святилище изобилия, которое раскрывает свое лоно (чужим) странам»¹⁰⁰—говорит гимн, применяя необыкновенную эротическую метафору, очень удачную в данном случае, о самой важной гавани Двуречья. Хотя гимн «Энки и мировой порядок» при изображении внешней торговли остается в рамках того же литературного топоса, все же он ассимилирует определенные актуальные моменты—по нашему мнению, датируемые эпохой III династии Ура, или временем непосредственно после падения династии. Все это значит, что при использовании «топоса внешней торговли» всегда имелись в виду современные в данный момент условия, и это вполне естественно. Узкий или широкий географический горизонт поэтических произведений совпадает с действительным горизонтом торговли, и это обстоятельство дает нам определенную возможность для датировки поэтических текстов.

Гимн о Тильмуне использует при изображении торговли тот же самый литературный топос, и где он отходит от него, там надо искать какие-то изменения в описываемой обстановке.

Между гимном о Тильмуне и его предшественниками

можно найти два важных различия. Об одном из них мы уже говорили выше: по гимну перевозка идет не по направлению к Двуречью, но к острову Тильмун. Второе отличие заключается в широте географических горизонтов. Гудеа упоминает о всех четырех странах света и, в частности, о торговых отношениях с западом, севером и северо-западом¹⁰¹. В тексте «Проклятие городу Аккаде» географический горизонт не так широк. Там, кроме южных и восточных стран, упоминается только народ «Марту»¹⁰². Бросается в глаза отсутствие северных и северо-восточных областей. Гимн «Энки и мировой порядок» выдвигает на передний план город Ур и торговлю по южному морю, а в гимне о Тильмуне вся торговля сводится к торговле с этим островом. Тильмун—центр обмена товарами; все товары, которые раньше перевозились в Шумер—воспринимая составной глагол дословно—«на шее» людей, ослов или кораблей (слово *gú* употребляется во всех трех этих сочетаниях), теперь направляются на Тильмун, и даже при этом упоминаются только области, лежащие либо к востоку от Тигра, либо на берегах Персидского залива.

Морская торговля Южного Двуречья известна нам сравнительно хорошо по различным документам, среди которых на первом месте стоят документы из Ура¹⁰³. На основе этих документов А. Л. Оппенгейм в одной основополагающей статье¹⁰⁴ дал характеристику изменений в торговле Ура с Тильмуном в конце III и в начале II тысячелетия до н. э. А. Л. Оппенгейм указал на то, что Южное Двуречье активизируется в морской торговле только тогда, когда сокращается или совсем прекращается ввоз со стороны иностранных партнеров, которые раньше снабжали страну в достаточной мере.

Во время III династии Ура город Ур, несомненно, имел определенные связи с Маганом¹⁰⁵. Мы знаем, например, об одном «купце» *ga-ešg-a-ab-ba*, «ходящем по морю»¹⁰⁶, по имени Лу-Энлилла, который во время Ибби-Суэна вел торговлю с Маганом¹⁰⁷.

Причины сокращения поставок в Двуречье до сих пор изучены в недостаточной мере. В данной статье нет возможности говорить об этом подробно, мы только укажем на то, что одной из наиболее важных причин могло быть возвышение Элама во время династии Симашки¹⁰⁸: военное превос-

ходство Элама, которое было одной из причин падения III династии Ура, в значительной мере затруднило восточную торговлю, закрыв караванные пути. Морской путь был безусловно заместителем сухопутных караванных связей. Не может быть совсем случайным, что путешествие шумерского торговца в Маган впервые упоминается во время Шу-Суэна¹⁰⁹. В столетия, следующие за падением III династии Ура, южная торговля постепенно сокращается до связи с одним лишь Тильмуном. В это время характерной фигурой тильмунской торговли является хорошо нам известный Э-нацир, *alik Telmun*, «ходящий в Тильмун», от которого сохранилось много документов и писем (времени Рим-Сина)¹¹⁰. В. Ф. Лееманс многосторонне изучал внешнюю торговлю первых столетий II тысячелетия до н. э. во многих своих работах¹¹¹. По всем данным приведенных им экономических текстов, торговля с Тильмуном никак не являлась признаком упадка: объем перевозок—судя по документам—даже увеличился по сравнению с торговлей предыдущей эпохи. Но изменился сам характер торговли: Тильмун стал в это время настоящим «морским портом», рынком различных товаров стран Индийского океана, Арабского моря и Персидского залива¹¹². Остров обязан своим развитием именно этой торговле; но торговля на Тильмуне создала и для Двуречья более выгодные условия, потому что собрала в одно место все «предложения», на которые имелся «спрос».

Во время расцвета тильмунской торговли вся торговля на далекие расстояния перешла в руки посредников и, в частности, сосредоточилась в так называемых «Ports of Trade»¹¹³. Эту роль играют на севере в направлении Иранского нагорья прежде всего Ашшур, по Евфрату—Сиппар, и на юге—Ур; т. е. создалась тесная связь между Уром и Тильмуном. Торговцы Ура плывут с грузом во время плавания в оба конца. Но при этом Ур являлся в этой торговле лишь южным портом государства Ларса, как, например, Пирей для Афин¹¹⁴.

Тимн о Тильмуне попадает в контекст этой исторической обстановки. Можно даже со сравнительной точностью попытаться его датировать по нелитературным данным о тильмунской торговле. Урская табличка датирована формулой 21 года Рим-Сина¹¹⁵ (т. е. 1801 г. до н. э. по «средней» хроноло-

гии). Эта дата теоретически—ante quem, но мы все-таки считаем, что подлинная дата написания должна быть близка к этому времени.

С. Н. Крамер¹¹⁶, а следуя за ним и другие, даже, например, А. Фалькенштейн¹¹⁷, считают текст отраженным «стародавней» торговли; В. Ф. Лееманс¹¹⁸ не занимается датировкой, а использует данные только с географической точки зрения.

Если картину торговли Двуречья, которая рисуется в гимне о Тильмуне, сравнить с кратким историческим очерком, данным выше, сразу нужно исключить все «стародавние» времена, потому что до середины III тысячелетия до н. э. морская торговля не могла играть столь решающей роли. Но независимо от роли и объема этой морской торговли, центра и первоначального пункта ее не было в Тильмуне.

Географический горизонт гимна слишком узок по сравнению с торговыми связями династии Аккаде или эпохи Гудей. Во время III династии Ура Элам не мог бы еще появиться в роли, приписанной ему гимном. Следовательно, нет другой возможности как датировать текст той эпохой, в которой, по данным из нелитературных документов, развивалась торговля с Тильмуном, а именно временем династии Ларсы. Во времена царей династии Ларсы торговля с Тильмуном имела два периода расцвета: ранний—в последней трети XX—первой трети XIX века до н. э., т. е. во времена царствования Гунгунума, Абисаре и Сумуэла¹¹⁹, а затем—в первой половине царствования Рим-Сина, т. е. в последней трети XIX—начала XX в. до н. э.¹²⁰ С точки зрения экономики для датировки данного текста оба периода годятся; но с точки зрения истории литературы предпочтительнее эпоха Рим-Сина, потому что именно его годы правления являются, судя по многим другим данным, расцветом литературной жизни¹²¹.

Эта поздняя датировка может быть обоснована также особенностями языка и стиля. В глаголе, который повторяется в гимне девять раз (hu-tu-ga-bal-bal и т. п.), регрессивная ассимиляция гласного прекативного форманта *hê-* по отношению к гласному глагольного префикса *tu-* сравнительно позднее явление в языке¹²². В гимне город Ур описан такими определениями, как *èš* и *bá-ga-nam-lugal-la* (стр. 16), которые

были введены в политическую фразеологию во времена III династии Ура¹²³, но продолжали употребляться и позже¹²⁴. Культовая терминология, связанная с Уром, характеризует его не как политическую столицу, а лишь подчеркивает значение и авторитет города.

Если гимн о Тильмуне был написан во время династии Ларсы, то в основном тексте эпоса «Энки и Нинхурсаг», где он сохранился,—ввиду того, что произведение это в целом относится к более древнему слою шумерской мифологической поэзии,—он, т. е. гимн, может быть только вставкой или интерполяцией. Поэтому мы можем сказать, что урокая табличка на этом месте в столбце II содержит не вариант текста, а прямую интерполяцию. Интерполирование вероятно произвели в самом городе Уре, где была найдена табличка—это значит, другими словами, что вставной гимн был написан в одной из литературных «школ» государства Ларса.

Подлинное значение гимна о Тильмуне выявляется только теперь, когда мы приблизительно выяснили время его возникновения. Гимн как поэтическое произведение рисуется на более отвлеченном уровне, картину той же действительности, которая может быть нами воссоздана при помощи документов повседневной жизни. В этом отношении гимн о Тильмуне находит свою близкую литературную параллель в одной из глав в книге пророка Езекииля, где, как известно, город Тир изображен как купеческий корабль¹²⁵.

Гимн о Тильмуне—первый шумерский литературный текст после эпоса «Энмеркар и верховный жрец Арраты», который упоминает о том, что Шумер экспортировал определенные товары, и который перечисляет эти товары. Более ранние формы шумерского литературного топоса, связанного с внешней торговлей, исключали самую возможность перечислять вывозимые товары—хотя очевидно, что и прежде большая часть «подарков» была фактически предметом торговли¹²⁶. Однако в строительном гимне Гуден два выражения могут объясняться аналогичным образом, т. е. мы предполагаем, что в известных рамках топоса автор гимна ссылается именно на торговые связи своего города. В первом отрывке бог Тильмуна Нинзага¹²⁷ получает приказ привезти свою медь для Гуден: *ugud-da-ni še-maḥ-túm-a-gim*—«...медь свою,

подобно тому, кто несет свой знаменитый хлеб»¹²⁸. Во втором отрывке корабли привозят асфальт из гор Мадга: má-še-gán(a)-túm-a-gim—«...корабль, подобно тому, кто несет зерно полей...»¹²⁹. Можно предположить, что обменным эквивалентом¹³⁰ меди и асфальта был хлеб, и сравнение в обеих фразах просто намекает на вывоз зерна из Двуречья. Выше мы уже упоминали, что, например, корабли Э-нацира из Ура возили товары в обоих направлениях, как в Тильмун, так и в Двуречье. (Другая возможность толкования сравнений в тексте Гудеи, по которой зерно являлось данью, т. е. налогом, представляется нам маловероятной). Во всяком случае, о вывозе товаров из Двуречья мы пока ничего больше этого не можем узнать из шумерских литературных текстов.

Этот факт придает нашему гимну особое значение. Прямое сообщение гимна о внешней торговле могло возникнуть вследствие того, что литературный топос внешней торговли здесь был впервые применен к территориям, лежащим вне Двуречья, и таким образом в перечислении могли появиться и те товары, которые город Ур «дарил» острову¹³¹.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. *S. N. Kramer*, Enki and Ninḫursag. A Sumerian „Paradise“ Myth, BASOR SS 1. New Haven 1945.
2. Первое издание таблички: *St. Langdon*, Sumerian Epic of Paradise, the Flood and the Fall of Man, PBS 10, I. Philadelphia 1915; *St. Langdon—Ch. Virolleaud*, Poème sumérien du paradis, du déluge et de la chute de l'homme, Paris 1919.
3. *H. de Genouillac*, Textes religieux sumériens du Louvre, TCL 15—16. Paris 1930. № 62.
4. *C. J. Gadd—S. N. Kramer*, Literary and Religious Texts, First Part. UET 6, I. London 1963. № 1.
5. Там же, стр. 1.
6. *S. N. Kramer*, Dilmun: Quest for Paradise, „Antiquity“ 37 (1963) 111—115; Die Suche nach dem Paradies. Dilmun und die Indus-Zivilisation. „Wissenschaftliche Zeitschrift... Halle-Wittenberg“ 12 (1963) 311—317; The Sumerians. Their History, Culture and Character. Chicago 1963, 279.
7. *A. Falkenstein*, BiOr 22 (1965) 280; *D. O. Edzard*, AfO 21 (1966) 86; *J. Krecher*, ZA 58 (1967) 317—318; *W. W. Hallo*, JCS 20 (1966) 89—93.
8. *J. Krecher*, ZA 58, 316. См. уже *C. J. Gadd*, RA 30 (1933) 128; „Iraq“ 22 (1960) 157. См. еще ниже, прим. 121.

9. По устному сообщению Н. М. Дьяконова тексты с шифрами U. 77.. относятся к Quiet Street.
10. См. А. *Salonen*, Die Wasserfahrzeuge in Babylonien, Helsinki 1939; *Nautica Babylonica*, Helsinki 1942.
11. Об этом А. *Falkenstein*, GSGL II § 85.
12. ŠL 487, 3; W. v. *Soden*, AHW 408; CAD 1—J 310. См. еще W. H. *Ph. Römer*, SKIZ 119.
13. *Th. Jacobsen*, JNES 5 (1946) 139—*Th. Jacobsen*, Toward the Image of Tammuz and Other Essays on Mesopotamian History and Culture, Cambridge, Mass. 1970. 359—360; А. *Falkenstein*, SGL I 78; W. H. *Ph. Römer*, *lišān mīthurti*, Festschrift W. v. Soden, AOAT 1, Kevelaer—Neukirchen-Vluyn 1969. 279.
14. W. V. *Soden*, AHW 517; CAD K 601; в текстах: SEM 58 IV 24 (см. S. N. *Kramer*, „Genava“ 8, 281, G. *Buccellati*, The Amorites of the Ur III Period, Naples 1966. 330); TCL 15—16. 56, 3 (см. А. *Falkenstein*, SGL I 41); W. H. *Ph. Römer*, SKIZ 115.
15. J. *Krecher*, ZA 58, 318.
16. Выражение saġar-saġ-ga обозначает, наверное, „рудный (добрый) порошок“.
17. На табличке нет продолжения этих слов; писец, наверное, счел лишним выписывать повторение.
18. W. V. *Soden*, AHW 182; CAD E 10.
19. А. *Falkenstein*, GSGL I § 38; II § 98 d.
20. CAD A 1 10.
21. J. *van Dijk*, CRR 7 (=P. *Garelli*[ed.], Gilgamesh et sa légende, Paris 1960) 70—71.
22. S. N. *Kramer*, PAPS 107 (1963) 494, 8. 10.
23. См. строки 202 и 204 в издании С. Н. Крамера (см. выше, прим. 1).
24. S. N. *Kramer*, Enmerkar and the Lord of Aratta, Philadelphia 1952; И. Т. Канева, ВДИ 90 (1964, IV) 191 слл., строки 15 слл.
25. O. *Schroeder*, KAV 92; см. W. F. *Albright*, JAOS 45 (1925) 193—245; 46 (1926) 220—230; E. *Forrer*, RLA 1 (Berlin 1928) 237—240; и особенно E. *Weidner*, Das Reich Sargons von Akkad, AfO 16 (1952—53) 1—24.
26. Или Тугриш, как у Э. Форрера (E. *Forrer*, RLA 1, 239), и у Н. М. Дьяконова (История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 192, прим. 3); недавно дал он транслитерацию Tugriš/s, считая имя в хурритском—заимствованием (см. I. M. *Diakonoff*, Hurrisch und Urartäisch. Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, Beiheft 6, Neue Folge. München 1971, 56).
27. C. J. *Gadd*—L. *Legrain*—S. *Smith*, Royal Inscriptions, UET 1, London, 1958. № 146, столбец III—IV, см. C. J. *Gadd*, RA 23 (1926) 69 I. J. *Gelb*, Hurrians and Subarians, SAOC 22, Chicago 1944. 41; а к другой, гимнической части надписи —Å. *Sjöberg*, ZA 54 NF 20 (1961) 51—70. В тексте речь идет о непонятности языка этих удаленных горных стран (kur-bi bad-du e-me-bi gilim-ma=ša šadūšunu nesū lišānunu egru, III 4—7=IV 4—7) см. B. *Landsberger*, OLZ 34 (1931) 136; CAD E 42; W. v. *Soden*, AHW 190; 782.

28. *l-bēru*, как расстояние, равно, по Ф. Тюрю-Данжену, 10, 692 км. См. *F. Thureau-Dangin*, JA 1909, 98. Ср. CAD B 208.
29. См. еще у Э. Вейднера, *E. Weidner*, AfO, 16, 19 сл.
30. *E. Ebeling—B. Meissner—E. F. Weidner*, Die Inschriften der altassyrischen Könige, Leipzig 1926, стр. 24, IV 4 сл.; *A. K. Grayson*, Assyrian Royal Inscriptions, I, Wiesbaden 1972, стр. 19 сл., № 1. § 128.
31. KUB XXVII, 38, столбец IV, строка 14; см. BoTU 2, 25*; *J. Friedrich*, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, Berlin 1932. 35; *H. G. Güterbock*, ZA 44 NF 10 (1938) 81 сл. См. еще *E. A. Speiser*, Introduction to Hittite, AASOR 20. New Haven 1941, 99, с транслитерацией URUDu-ug-ri-iš.
32. *H. Klengel*, Lullubum. Ein Beitrag zur Geschichte der altvorderasiatischen Gebirgsvölker. MIO 11 (1966) 349—371; *И. М. Дьяконов*, История Мидии. М.—Л. 1955. 101—104.
33. *E. Herzfeld*, The Perstan Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East, ed. by G. Walser. Wiesbaden 1968. 233 сл. предполагает, что страна Тукриш идентична с территорией народа Турукку. Но его предположение опровергается данными упомянутого ассирийского «трактата» KAV 92, где обе они упоминаются отдельно каждая (строки 34 и 39). О Турукку см. статью: *H. Klengel*, Das Gebirgsvolk der Turukkū in den Keilschrifttexten altbabylonischer Zeit. „Klio“ 40 (1962) 5—22.
34. См. *G. Dossin*, „Syria“ 19 (1938) 915.
35. *J. A. Knudtzon*, Die El-Amarna-Tafeln. VAB 2. Leipzig 1915. № 22 II 37; № 25, IV 45.
36. *J. Bottéro*, Les inventaires de Qatna. RA 43 (1949), стр. 22; стр. 142: 55; стр. 150:123; стр. 156:188.
37. *G. Herrmann*, Lapis lazuli: The Early Phases of its Trade. „Iraq“ 30 (1968) 21—54; *A. de Lapparent—P. Bartand—J. Blaise*, Une visite au gisement de lapis lazuli de Sar-e-Sang (Hindou-Kouch, Afghanistan). „Comptes Rendus de la Société Géologique de France“, 1965; *N. Hammond*, An Archaeological Reconnaissance in the Helmand Valley, South Afghanistan. „East and West“ 20 (1970) 437—459; *M. Tosi—R. Wardak*, The Fullol Hoard, a New Find from Bronze-Age Afghanistan. „East and West“ 22 (1972) 9—17; *A. L. Oppenheim*, The Cuneiform Texts. Offprinted from: „Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia“ (1972) 9—10.
38. *M. Tosi*, Excavations at Shahr-i Sokhta, a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan. Preliminary Report on the First Campaign. „East and West“ 18 (1968) 9—66; Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign. „East and West“ 19 (1969) 283—386; A Tomb from Dāmin and the Problem of the Bampur Sequence in the Third Millennium B. C. „East and West“ 20 (1970) 9—50; *B. de Cardi*, The Bampur Sequence in the Third Millennium B. C. „Antiquity“ 41, № 161 (1967) 33—41; *M. Tosi*, On the Route for Lapis lazuli. ILN № 6808 (I. 24, 1970), № 6810 (II. 7, 1970).

39. См. *B. H. Sarianidi*, О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке. КСИА 114 (1968) 3—9 = *V. I. Sarianidi*, The Lapis Lazuli Route in the Ancient East. „Archaeology” 24 (1971) 12—15.
40. *M. E. L. Mallowan*, The Development of Cities from Al-‘Ubaid to the End of Uruk 5. САН² I, Ch. VIII. Cambridge 1967. Part II, стр. 54 сл.
41. К письменным данным из Двуречья см. *R. Biggs*, Le lapis-lazuli dans les textes sumériens archaïques. RA 60 (1966) 175—176.
42. См. *M. E. L. Mallowan*, The Mechanics of Ancient Trade in Western Asia. Reflections on the Location of Magan and Meluhha. „Iran” 3 (1965) 1—7.
43. *M. Mallowan*, Elamite Problems. „Proceedings of the British Academy” 55 (1969) 255—292; An Early Mesopotamian Link with India. JRAS 1970, II, 192—194; *F. A. Durrani*, Stone Vases as Evidence for Connection Between Mesopotamia and the Indus Valley. „Ancient Pakistan” 1 (1964) 51—96; *C. C. Lamberg-Karlovsky*, Trade Mechanisms in Indus-Mesopotamian Interrelations. JAOS 92 (1972) 222—229.
44. Из обширной литературы по этому вопросу см. недавно *E. C. L. During Caspers*, Further Evidence for Cultural Relations Between India, Baluchistan, and Iran and Mesopotamia in Early Dynastic Times. JNES 24 (1965) 53—56; Some Motifs as Evidence for Maritime Contact Between Sumer and the Indus Valley. „Persica” 5 (1970—71) 107—118; New Archaeological Evidence for Maritime Trade in the Persian Gulf During the Late Protoliterate Period. „East and West” 21 (1971) 21—44. Но аргументы автора в пользу именно морского пути с нашей точки зрения, не всегда убедительны. См. еще *H. Schmökel*, Zwischen Ur und Lothal. Die Seehandelsroute von Altmesopotamien zur Induskultur. FF 40 (1966) 143—147; *W. Nagel*, Frühe Grossplastik und die Hochkulturkunst am Erythraïschen Meer. BJV 6 (1966) 1—54; 8 (1968) 99—136; *E. Porada*, Comments on Steatite Carvings from Saudi Arabia and Other Parts of the Ancient Near East. „Artibus Asiae” 32 (1970) 323—331; *S. R. Rao*, Contacts Between Lothal and Susa. „Proceedings of the 26th International Congress of Orientalists” (New Delhi 1964), vol. II. New Delhi 1968. 35—37.
45. См. *C. C. Lamberg-Karlovsky*, Tal-i Yahya. „Iran” 7 (1969) 184—286; Tepe Yahya „Iran” 8 (1970) 197—199; Excavations at Tepe Yahya, Iran, 1967—1969. „Joint Publication of the Asia Institute of Pahlavi University”, Shiraz, Iran, Monograph № 1 = „American Schools of Prehistoric Research, Peabody Museum, Harvard University”, Bulletin № 27. 1970; Excavations at Tepe Yahya. „Artibus Asiae” 32 (1970) 302—306; The Proto-Elamite Settlement at Tepe Yahya. „Iran” 9 (1971) 87—96; An Early City in Iran... „Scientific American” 224, № 6 (June, 1971); 102—111; Proto-Elamite Account Tablets from Tepe Yahya, Southeastern Iran. „Kadmos” 10 (1971) 97—99; Trade Mechanisms in Indus-Mesopotamian Interrelations. JAOS 92 (1972) 222—229; Tepe Yahya 1971: Mesopotamia and the Indo-Iranian Borderlands. „Iran” 10 (1972); *C. C. Lamberg-Karlovsky—R. H. Meadow*, A Unique Female

- Figure: The Neolithic at Tepe Yahya. „Archaeology“ 23 (1970) 12—17; C. C. Lamberg-Karlovsky—Ph. L. Kohl, The Early Bronze Age of Iran as Seen from Tepe Yahya. „Expedition“ 13, III—IV (1971) 14—21.
46. О маршрутах см. W. F. Leemans, Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden 1960. 159 слл.; JESHO 11 (1968) 192 слл.
  47. G. Komoróczy, Das mythische Goldland Harali im alten Vorderasien. „Acta Orient. Hung.“ 26 (1972) 113—123; см. еще J. van Dijk, „Acta Orient. Hungariae“ 28 (1964) стр. 27, прим. 67а; W. F. Leemans, RLA 3, VII (Berlin 1969) 505.
  48. Библиография дискуссии приведена, например, у E. Weidner, AfO 16 (1952—53) 7 слл. и прим. 20; B. Landsberger, WdO 3, III (1966) 261 слл.; кроме цитированных ими работ см. еще, например, M. Ktосko, ZA 31 (1917) 58 слл.; B. Meissner, OLZ 20 (1917) 201—203; C. F. Lehmann-Haupt, Klio 17 (1920) 112—113; B. В. Струве, „Яфетический сборник“ 4 (Л. 1926) 20—33; A. Goetze, JNES 12 (1953) 117; H. Peake „Antiquity“ 2 (1928) 456; И. М. Дьяконова, ОГСДД, Шумер. М. 1959, см. указатель; Д. Г. Редер КСИНА 46 (1962) 37—44; B. Landsberger, MSL 8, II, 148; E. Sollberger, CRR 11 (Leiden 1964) 6—7; M. E. L. Malloyan, „Iran“ 3 (1965) 1—7; W. Nagel, BJV 6 (1966) 5—18; K. Jaritz, JNES 27 (1968) 209—213; W. F. Leemans, JESHO 11 (1968) 215—223; W. H. Ph. Römer, BiOr 26 (1969) 165; S. Parpola, Neo-Assyrian Toponyms: Kevelaer—Neukirchen-Vluyn 1970 s. v.
  49. I. J. Gelb, Makkan and Meluhha in Early Mesopotamian Sources. RA 64 (1970) 1—8.
  50. Здесь g^{is} mes-ma!-gan = g^{is} mes-má-gan; аккад. *musak'tannu*, варианты см. у W. v. Soden, AHw 678; A. Salonen, Die Möbel des alten Mesopotamien. Helsinki 1963. 220 слл.
  51. I. Gershevitsh, Sissoo at Susa. (Old Persian *yakā-* = *Dalbergia sissoo* Roxb.) BSOAS 19 (1957) 317—320. Ср. санскритск. *s'ims'apā*, влам. *še-iš-ša-ba-ut* и т. п. См. W. Eilers, JESHO 3 (1960) 29; B. Landsberger, WdO 3, 231 прим. 3. Слово *mes-mesu* обозначает определенный вид леса, см. W. v. Soden, AHw 647; A. Salonen, Die Möbel des alten Mesopotamien. Helsinki 1963. 220.
  52. R. M. Boehmer, Zur Lage von Parsua im 9. Jahrhundert vor Christus. BJV 5 (1965) 187—198.
  53. Несмотря на аргументы и этимологии И. М. Дьяконова (см. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 69, 161 и др.; Восточный Иран до Кира. В сб.: «История иранского государства и культуры». М., 1971, стр. 130) или Э. А. Грантовского (см. КСИНА 30, 1961, стр. 3—9; Древний мир. Сб. статей академику В. В. Струве. М., 1962, стр. 250—265; и недавно: Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, стр. 133 слл.), я все-таки склонен считать имена *Marḥāši* ~ *Marāḥše* ~ *Paḡāši* и *Parsua* идентичными, не исключая возможности, что эти древние географические названия в I тысячелетии до н. э. иранизировались. К идентификации см. в первую очередь E. Herzfeld, AMI 1 (1929—30) 79; Iran in the Ancient East. London—New York 1941.

- 181; The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden 1968. I 85—186, § 153; о вариантах этого географического названия см. *I. J. Gelb*, Hurrians and Subarians. SAOC 22. Chicago 1944. 35, прим. 90; *D. O. Edzard*, Die „zweite Zwischenzeit“ Babylonien. Wiesbaden 1957. 73, прим. 352; *A. Falkenstein*, ZA 57 NF 23 (1965) 80.
54. kur-ab-ba^{ki}—kur-a-ab-ba^{ki}—mät tāmti.
55. О понятии „Страна моря“ см. *M. Streck*, Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige. VAB 7, III. Leipzig 1916. 796 сл.; *A. L. Oppenheim*, Ancient Mesopotamia, Portrait of a Dead Civilisation. Chicago 1964. 404. s. v. Sealand; *J. A. Brinkman*, A Political History of Post-Kassite Babylonia. AnOr 43. Roma 1968. 149 сл.; работы Р. П. Дугерти (*R. P. Dougherty*, North Arabia and the Ancient Sealand. JSOR 15 [1931] 7—21; The Sealand of Ancient Arabia. YOS Res. 19. New Haven 1932) по этому вопросу недостоверны.
56. Переписка Бел-Ибни, «наместника» ассирийского царя Ашшур-бан-али (об этом см. *M. Dietrich*, Die Aramäer Südbabyloniens in der Sargonidenzeit, 700—618. AOAT 7. Kevelaer—Neukirchen-Vluyn 1970; Neue Quellen zur Geschichte Babyloniens III. Die Briefe des Truppenkommandanten Bel-ibni aus dem Meerland. WdO 5, II [1970] 176—190; о других документах относительно Бел-Ибни см. *J. A. Brinkman*, The Akitu Inscription of Bel-ibni and Nabû-zera-ušabši. WdO 5, I [1969] 39—50) охватывает всю южную страну.
57. ^gesl—ušū см. *W. F. Leemans*, Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden 1960. II прим. 5; *A. Falkenstein*, ZA 56 NF 22 (1964) 74 сл.; *B. Landsberger*, WdO 3, 261, прим. 4; *A. Salonen*, Die Möbel des alten Mesopotamien. Helsinki 1963. 226.
58. См. Gudea, Stat. B, VI 26—27, и подробно *W. F. Leemans*, Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden 1960 II, прим. 5.
59. О ковчежках этой области см. *D. O. Edzard*, Die „zweite Zwischenzeit“ Babylonien. Wiesbaden 1957. 104 сл.
60. См. *P. B. Cornwall*, On the Location of Tilmun. BASOR 103 (1946) 3—11; *P. B. Cornwall—A. Goetze*, Two Letters from Dilmun JCS 6 (1952) 137—145.
61. *C. H. Крамер* раньше пытался локализовать Тильмун в юго-западном Иране (см. *S. N. Kramer*, Dilmun, The Land of the Living. BASOR 96 [1944] 18—28), а потом в долине Инда (см. выше, прим. 6, и The Indus Civilisation and Dilmun, the Sumerian Paradise Land. Expedition 6, III [1964] 44—52).
62. См. современные пособия по истории Элама, например, *W. Hinz*, Persia c. 2400—1800 B. C. SANE I, Ch. XXIII. Cambridge 1963; Das Reich Elam. „Urban-Bücher“ 82. Stuttgart 1964; *P. Amiet*, Élam. Luvers-sur-Orse 1966, *Ю. Б. Юсифов*, Элам. М. 1968. Выяснение этого вопроса можно ожидать от раскопок в странах Персидского залива. См. Some Results of the Third International Conference on Asian Archaeology in Bahrain, March 1970: New Discoveries in the Persian

- Arabian Gulf States and Relations with Artifacts from Countries of the Ancient Near East. „Artibus Asiae“ 32 (1970) 291—338, ср. W. Thomas, *Archaeology* 23 (1970) 334—337; B. Hrouda, Vorderasien I, Mesopotamien, Babylonien, Iran und Anatolien. Handbuch der Archäologie. München 1971, особенно стр. 97 сл.; 124 сл.; 168 сл.
63. Материал см. в кн.: W. F. Leemans, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*. Leiden 1960. стр. 5 сл.: § 3.
64. Ср. guškin-a-ra-ii, HAR(ur₅)-ra=*hubullu* XII 253 (см. MSL 7, 167: 253); о данных в других текстах см. G. Komoróczy, „Acta Orient. Hung.“, 26 (1972) 117 сл.
65. Ср. KUR me-lu₅-ha... KURna₄GUG, Lipšur I, 1, строка 33 (см. E. Reiner, *JNES* 15, 132); HAR(ur₅)-ra=*hubullu* XVI 128.
66. Ср. giš-a-ab-ba me-lu₅-ha, HAR(ur₅)-ra=*hubullu* III 155 (см. MSL 5, 105: 155); см. еще W. v. Soden, *AHW* 516 s. v. *kušabk/šu*; CAD K 597 s. v. *kušabku*, lex. section b.
67. Упомянутое в строке 7 du₅, по всей вероятности, тот же самый камень, что и du₅-ši-a=*dusû*, о котором см. W. v. Soden, *AHW* 179; CAD D 200 сл.; pa₁-du₅-ši-a mar-ḫa-ši упоминается в HAR(ur₅)-ra=*hubullu* XVI 27 (см. MSL 10).—О меди см. H. Limet, *Le travail, du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur*. Paris 1960. стр. 30 сл.; 39; urudu-kala(g)-ga; CAD E 321 сл. Слово ni(g)-kala(g)-ga обозначает качество металла, как, например, в литературных текстах Lugal-e XI 11; An-gim dim-ma CT. 15, 42 K 4864: 18, цитированных в CAD E 321 *erû* A, lex. section. Медь из Магана упоминается часто, см., например, HAR(ur₅)-ra=*hubullu* XI 342 (см. MSL 7, 142: 342).
68. Недавно С. С. Ламберг-Карловски определил их при помощи драгоценных камней, найденных в Тепе-Няхйе, см. подробно С. С. *Lamberg-Karlovsky*, *An Early City in Iran...* „Scientific American“ 224, № 6 (June, 1971) 102—111.
69. О том, что асфальт (битум) есіг считался предметом внешней «торговли», см. *Gudea*, Cyl. A, XVI 7—12; ср. Stat. B, VI 51—54; см. еще нововозданные документы: H. Sauren, *Wirtschaftsurkunden aus der Zeit der III. Dynastie von Ur im Besitz des Musée d'Art et d'Histoire in Genf*. Napoli 1969. № 3; Zu den Wirtschaftsurkunden des Musée d'Art et d'Histoire. *Annali dell'Istituto Orientale*, Napoli 30 (1970) 1—19; 31 (1971) 165—182; A. Falkenstein, *IGL* стр. 51, № с 3; má-ad-gaki и прим. 4; W. H. Ph. Römer, *BiOr* 26 (1969) 166.
70. См. W. F. Leemans, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*. Leiden 1960. 128 сл.
71. Там же, 114 сл.
72. См. G. Komoróczy, *Zum sumerischen Epos „Enmerkar und der Herr von Aratta“ (Rätsel und Tauschhandel)*, „Acta Ant. Hung.“ 16 (1968) 15—20.
73. О раскопках Тильмуна см. популярную книгу археолога Дж. Бибби, G. Bibby, *Looking for Dilmun*. London 1970 ср. M. Tosi, *Dilmun*. „Antiquity“ 45. № 117 (1971) 21—25; см. предварительные публикации результатов в журнале „Kuml, Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab“, с 1954 г., и литературу, приведенную выше, прим. 62.

74. О внешней торговле Двуречья см. обобщающие работы *W. F. Leemans*, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*, Leiden 1960; *H. Limet*, *Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur*, Paris 1960; *B. Landsberger*, *Akkadisch-hebräische Wortgleichungen*. „Hebräische Wortforschung, Festschrift... W. Baumgartner“. VT Suppl. 16. Leiden 1967. 176—204, здесь особенно. ч. I; *A. Л. Oppenheim*, Торговля на Ближнем Востоке в древности. (V Международной конференции экономической истории, Л., 1970 г.), М., 1970.
75. См. *H. T. Kaneva*, ВДИ 89 (1964, III) 248 сл.; *G. Komoróczy*, „Acta Ant. Hung.“, 16 (1968) 15 сл.
76. См. *M. E. L. Mallowan*, *The Mechanics of Ancient Trade in Western Asia...* „Iran“ 3 (1965) 1—7; *C. C. Lamberg-Karlovsky*, *Trade Mechanisms in Indus-Mesopotamian Interrelations*. JAOS 92 (1972) 222—229; ср. *M. E. L. Mallowan*, *Early Mesopotamia and Iran*. London 1965. 21 сл.; *The Development of Cities from Al-Ubaid to the End of Uruk 5*. САH² I, Ch. VIII, Cambridge 1967, сл. *H. Frankfort—L. Davies*, *The Last Predynastic Period in Babylonia*. САH² I, Ch. XII, 21 сл.
77. *S. N. Kramer*, JCS 1 (1947) стр. 36. прим. 217, текст *a* (UM 29—13—209+29—16—414, в автографии там же, на стр. 24—25) III 8—12; см. *C. Wilcke*, *Das Lugalbandaepos*, Wiesbaden 1969, 29.
78. Это и объясняет развитие непосредственных связей между отдаленными друг от друга странами. О Персидском заливе см. *A. T. Wilson*, *The Persian Gulf. An Historical Sketch from the Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century*. Oxford 1928—London 1959, однако к исторической оценке см. литературу выше, в прим. 10, 43—44. 62.
79. *E. Sollberger*, CIRPL Urn. 21, V 3—5; ср. *E. Sollberger—J. R. Kupper*, *Inscriptions royales sumériennes et akkadiennes*, Paris 1971. См. еще *И. М. Дьяконов*, ОГСДД. Шумер. М., 1959, стр. 188, прим. 160.
80. *H. Hirsch*, AfO 20 (1933) 37 сл.; ср. там же, 49. (Šarrukin, b2, об V 9'—13'; VI 11—16). Ср. *E. Sollberger—J. R. Kupper*, *Inscriptions royales sumériennes et akkadiennes*. Paris 1971.
81. Gudea, Cyl. A XV 11—18, где два тильмунских бога снабжают его медью и стригильным лесом ср. *A. Falkenstein*, IGL 46, прим. 5.
82. Cyl. A. XV 8.
83. KAV 92, стр. 1.
84. *A. L. Oppenheim*, *The Seafaring Merchants of Ur*. JAOS 74 (1954) 6—17; *Th. Jacobsen*, „Iraq“ 22 (1960) 184 сл. = *Toward the Image of Tammuz and Other Essays on Mesopotamian History and Culture*. Cambridge, Mass. 1970, 242 сл. *W. F. Leemans*, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*, Leiden 1960, JESHO 11 (1968) 215 сл.
85. См. Stat. B V—VII; Stat. A II 6—III 1; ср. *A. Falkenstein*, IGL 46—54.
86. Cyl. A—B.
87. Ср. Cyl. A XVI 15 сл.
88. Ср. Cyl. A XV 11 сл.
89. Ср. Cyl. A XV 6 сл.

90. Kur *gišeren-na* (Cyl. A. XV 19) ama-a-nim *hur-sag eren* (Stat. B V 28), см. A. *Falkenstein*, IGL 53 сл.
91. У Гуден названа еще гора *hur-sag ha-hu-um*, лежащая в Малой Азии, см. P. *Garelli*, *Les Assyriens en Cappadoce*. Paris 1963. 109 сл.; L. L. *Orlin*, *Assyrian Colonies in Cappadocia*. The Hague—Paris 1970. 39 сл.; K. R. *Veenhof*, *Aspects of Old Assyrian Trade and its Terminology*. Leiden 1972. 129; 243; но нет прямого доказательства, что именно его люди доходили до ее рудников.
92. Этим характеризуются, как нам кажется, все цивилизации с поливным земледелием. Такое явление можно наблюдать, например, и в отношении Сирии и Египта. Рассказ Ветхого Завета о сыновьях Иакова служит иллюстрацией типичной ситуации (см. Gen. 41: 54 сл.; об исторических корнях рассказа из обширной литературы см.: J. M. A. *Janssen*, *Egyptological Remarks on the Story of Joseph in Genesis*. JEOL 14 [1957—56] 63—72; J. *Vergote*, *Joseph en Égypte*. Louvain 1959; S. *Morenz*, *Joseph in Ägypten*. ThLZ 84 [1959] 401—416; W. A. *Ward*, *The Egyptian Office of Joseph*. JSS 5 [1960] 144—150; St. *Lach*, *Urzedy Józefa Biblijnego w swietle egiptologii*. „Ruch Biblijny i Liturgiczny” 14 [Krakow 1961] 95—103. Сирийцы покупали в Египте хлеб—так же, как жители (или торговцы) соседних стран приезжали в города Южного Двуречья (об этом см. W. F. *Leemans*, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*. Leiden 1960, стр. 139 сл. *Foreigners in Lower Mesopotamia*) для приобретения необходимых для них хлеба, тканей и т. п. Ведущая в процессе исторического развития роль ранних земледельческих цивилизаций проявляется именно в их превосходстве в агрикультуре. О соотношении земледельческих государств с их соседями на Древнем Востоке см. недавно H. *Klengel*, *Zwischen Zelt und Palast. Die Begegnung von Nomaden und Sesshaften im alten Vorderasien*. Wien—Leipzig 1972.
93. A. *Falkenstein*, *Fluch über Akkade*. ZA 57 NF 23 (1965) 43—124.
94. Строки 19 и 45. *nigin-pahāru*, „собираться”, см. AfW 810.
95. I. *Bernhardt*—S. N. *Kramer*, *Enki und die Weltordnung. Ein sumerischer Keilschrift-Text über die „Lehre von der Welt“... „Wissenschaftliche Zeitschrift...“* Jena 9 (1959—60) 231—256; A. *Falkenstein*, *Sumerische religiöse Texte*, 5. „Enki und die Weltordnung”. ZA 56 NF 22 (1964) 44—113.
96. Строки 111 = 182 сл.
97. Стр. строку 128.
98. Строки 240 сл.
99. В своем комментарии А. Фалькенштейн (ZA 56, 77) расценил стк. 240 как пророчество; при этом, действующим считает он не «царя» Энки, а какого-либо неопределенного последующего царя. Но все эти домыслы кажутся нам лишними: историческая реставрация, следовавшая за падением III династии Ура, была, особенно в городе Исси, одновременно и изгнанием Элама. Это видно не только по походам, но отражается также в литературном жанре литургических причитаний

- (плачей), в которых ясно выражается оценка ситуации современниками. (См., например, *D. O. Edzard*, Die „zweite Zwischenzeit“ Babyloniens. Wiesbaden 1957. 53--58; *S. N. Kramer*, Lamentation over the Destruction of Nippur. „Eretz-Israel“ 9 [„W. F. Albright Volume“, 1969] 89--93). При таких обстоятельствах ссылка гимна «Энки и мировой порядок» на поражение Элама—не пророчество, а является скорее намеком мифологического характера на недавнее прошлое, т. е. ретроспекцией.
100. Стр. 211. А. Фалькенштейн объясняет смысл выражения du₁₀-bad-du по-другому, см. *A. Falkenstein*, SGL I 37 сл.; ZA 56, 74: „...der im (oder gegen das) Bergland weit ausschreitet“, однако дословный перевод кажется нам здесь более удовлетворительным.—Ключевая роль города Ура в южной торговле началась не позже III династии Ура, см. пролог законов царя Ур-Намму, прежде всего строки 79--86 (см. *В. Афанасьева*, ВДИ 71 [1960, I], стр. 64; *J. J. Finkelstein*, JCS 21 [1968--69] стр. 67). Ур-Намму здесь говорит о том, что корабли Магана прибыли в Ур—т. е. не в Тильмун.
101. О горизонте связей Гудеи см. *A. Falkenstein*, IGL 46--54.
102. Стр. 46; см. *G. Buccellati*, The Amorites of the Ur III Period. Naples 1966; *C. Wilcke*, Zur Geschichte der Amuriter in der Ur-III-Zeit. WdO 5, 1 (1969) 1--31; *H. Sauren*, BiOr 24 (1967) 335--337; *M. Liverani*, Per una considerazione storica del problema amorreo. OrAnt 9 (1970) 5--27; *A. Haldar*, Who were the Amorites? Leiden 1971.
103. Они изданы в кн.: *L. Legrain*, Business Documents of the Third Dynasty of Ur. UET 3. London 1947; *H. H. Figulla*, Letters and Documents of the Old-Babylonian Period. UET 5. London 1953.
104. *A. L. Oppenheim*, The Seafaring Merchants of Ur. JAOS 74 (1954) 6--17.
105. См. выше, прим. 100.
106. Слово, обозначающее профессию (титул) этого человека, встречается на отпечатке его цилиндрической печати (см. документ UET 3, 41). Само выражение известно нам с конца раннединастического периода (см. *G. Cros*, NFT стр. 221). О значении выражения см. *B. Landsberger*, OLZ 34 (1931) 132 сл. к UET 1, 50; *A. Salonen*, Nautica Babylonica. Helsinki 1942. 22; *A. L. Oppenheim*, JAOS 74, 14 сл.; *B. Landsberger*, Hebräische Wortforschung. Festschrift... W. Baumgartner. VT Suppl. 16. Leiden 1967. 177, прим. 3; *W. v. Soden*, ANW 273, s. v. *g/ka'iššu*; CAD K 35 s. v. *kaeššu*. Слово написано в форме ga-eš₈ (KASKAL)-a-ab-ba (для знака KASKAL у В. Ф. Лееманса дано чтение raš, см. Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden 1960. 22; у А. Л. Оппенгейма—чтение eš₈; чтение eš₈ зарегистрировано у И. Е. Гельба, см. *I. J. Gelb*, MAD 2. стр. 73, № 116). Выражение ga-eš₈ имеет значение „путешественник“, „странствующий торговец“, пригород Ура ga-eš₅ki (см. *E. Soltberger*, The Business and Administrative Correspondence under the Kings of Ur. TCS 1. Locust Valley, N. Y. 1966. стр. 119, № 222), к храму которого

- при III династии Ура направлялась новгородия праздничная процессия (см. *A. Falkenstein*, *Festschrift J. Friedrich*, Heidelberg 1959, 149), был, по всей вероятности, гаванью города Ура (см. *A. Falkenstein*, ук. соч. 169, прим. II, опровергая мнение М Ламбера. *M. Lambert*, *Sumer* 6 [1950] 149—164; см. еще *A. L. Oppenheim*, *JAOS* 74, 14, прим. 22), и получил свое название от «путешественников-торговцев», живших там.
107. Документы, связанные с его деятельностью, см. у В. Ф. Лееманса: *W. F. Leemans*, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*. Leiden 1960. 18—22; см. еще *A. L. Oppenheim*, *JAOS* 74, 13 сл. О других торговцах эпохи III династии Ура см. *N. W. Forde*, *The Sumerian dam-kār-e-ne of the Third Ur Dynasty*. „Diss. Univ. of Minnesota, Univ. Microfilms“ № 65—7915. Minnesota 1964.
  108. Или Симаш? О событиях см. *W. Hinz Persia* с. 2400—1800 В. С. САН² I, Ch. XXIII. Cambridge 1963. 12 сл.; *Das Reich Elam*. Urban-Bücher 82. Stuttgart 1964. 69 сл.
  109. *H. de Genouillac*, *IT* 2, 776; см. *W. F. Leemans*, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*. Leiden 1960. 22.
  110. Выражение *ātk telmun* см. *UET* 5, 81: 26. Документы, связанные с деятельностью Эа-нацира см. у *W. F. Leemans*, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*, Leiden 1960, 36—55.
  111. *W. F. Leemans*, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*. Leiden 1960; *The Trade Relations of Babylonia with Egypt in the Old Babylonian Period*. *JESHO* 3 (1961) 21—37; *Old Babylonian Letters and Economic History. A Review Article with a Digression on Foreign Trade*. *JESHO* 11 (1958) 171—226, особенно 192 сл.
  112. См. недавно *W. W. Hallo—W. K. Simpson*, *The Ancient Near East. A History*. New York 1971, 92. Археологические раскопки, проведенные на западном побережье Персидского залива и на островах Бахрейн, Файлака и т. п. (литературу см. выше, в прим. 62 и 73), приводят к таким же выводам. В частности, храм в местности Барбар, на о-ве Бахрейн, был в его конечной форме выстроен также к началу II тысячелетия до н. э., см.: *P. Mortensen*. *On the Date of the Temple at Barbar in Bahrain*. „*Artibus Asiae*“ 32 (1970) 299—302. Печати, относящиеся к группе так называемого стиля „Персидского залива“ (раньше: индийского стиля), могут также служить поддержкой для этого хронологического вывода, см. *B. Buchanan*, *A Dated „Persian Gulf“ Seal and its Implications*. „*Studies B. Landsberger*“, AS 16. Chicago 1965. 204—209; *Catalogue of Ancient Near-Eastern Seals in the Ashmolean Museum. I. Cylinder Seals*. Oxford 1966. стр 96, № 537. Контакты между Двуречьем и этими территориями начались, конечно, намного раньше, но постоянная, хорошо организованная торговля относится именно к этому периоду.
  113. См. *K. Polanyi*, *Ports of Trade in Early Societies*. „*The Journal of Economic History*“ 23 (1963) 30—45=Primitive, Archaic and Modern Economies. *Essays of Karl Polanyi*. Anchor Books 1968. 238—260.

114. Первые документы из Ура, датированные по царю государства Ларса, содержат датировочную формулу царя Гунгунума, с 6, 7 и 8 гг. его царствования (UET 5, 617; 527; 528; UET 1, 227; см., против сомнений Д. О. Эдзарда, *D. O. Edzard, Die „zweite Zwischenzeit“ Babyloniens*. Wiesbaden 1957, стр. 101, прим. 482, аргументацию у *W. W. Hallo, Studies B. Landsberger*. AS 16. Chicago, 1965, стр. 203, прим. 49). Первый документ от этого периода из Ура, в котором упоминается торговля с Тильмуном, датирован 25 г. Гунгунума (UET 5, 546). Однако документ YBC 5447 (см. издание *W. W. Hallo, A Mercantile Agreement from the Reign of Gungunum of Larsa*. „Studies B. Landsberger“. AS 16. Chicago 1965. 199—203), датированный 11-м годом Гунгунума, также связан с внешней торговлей (kaskal)— по всей вероятности, в южном направлении. Царствование Гунгунума, по «средней» хронологии,—1932—1906 г. до н. э.
115. См. *S. A. B. Mercer, Sumero-Babylonian Year-Formulae*. London 1946. № 368. (Формула сокращена!). Месяц *ziz-a* (= *šabātu*), день 24. (UET 6, 1, № 1, об. II).
116. *S. N. Kramer*, UET 6, 1, стр. 1.
117. *A. Falkenstein*, *BiOr* 22 (1965) 280.
118. *W. F. Leemans*, *JESHO* 11 (1968) 220 сл.
119. Об этом см. *W. F. Leemans*, *JESHO* 3 (1961) 24—30.
120. См. *W. F. Leemans*, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*. Leiden 1960. 36—55; ср. Н. М. Дьяконов, *Город Ур при Рим-Сине и Хаммурапи*. «IV Сессия по Древнему Востоку» (Л., 1968). Тезисы докладов, стр. 42—45; Экономика древневосточного города. Передняя Азия, III—II тыс. до н. э. «V Международный Конгресс экономической истории» (Л., 1970). М., 1970.
121. О литературной жизни при Рим-Сине см., например, тексты, упоминающие его имя, как например, *TCL* 15—16, № 35 (см. *A. Falkenstein*, *ZA* 50 NF 16 [1952] 62; *J. J. A. van Dijk*, *La Sagesse suméro-accadienne*. Leiden 1953. 16 сл.); *C. J. Gadd*, *Rim-Sin approaches the Grand Entrance*. „Iraq“ 22 (1960) 157—165 (U 7731=UET, 6, 1, № 103, „found... in a burnt level over the upper [2nd period] floor of rooms 5—6 in the private house called „№ 7 Quiet Street“—ср. выше, прим. 8—9); *C. J. Gadd*, *Two Sketches from the Life at Ur*. „Iraq“ 25 (1963) 177—188 (U 16 900 F=UET 6, II, № 402, датировку текста см. „Iraq“ 25, 178); *H. Steible*, *Ein Lied an den Gott Haja mit Bitte für den König Rimsin von Larsa*. Freiburg i. Br. 1967 (=UET 6, 1, № 101); UET 6, 1, № 100; 102; 104—106. См. еще *F. M. Th. de Liagre Böhl*, *Het Gilgamesj Epos*. Amsterdam 1958³, 117; *RLA* 3 V (Berlin 1968) 364 (Старовавилонский эпос о Гильгамеше, по его мнению, датируется также временем Рим-Сина. Но см. и возражения против этого взгляда у *Н. М. Дьяконова*, *BiOr* 18 [1961] 66; Эпос о Гильгамеше. М.—Л., 1961, стр. 114 сл.). См. также надписи Рим-Сина, *J. Karcki*, *Die sumerischen Königsinschriften der frühaltbabylonischen*

- Zeit in Umschrift und Übersetzung. Helsinki 1968, стр. 71—92; UET 8, № 84—88.
122. Ср. *A. Poebel*, GSG § 646; *A. Falkenstein*, Das Sumerische, Leiden 1959. § 34 d₃.
123. См. например, TCL 15—16, № 12, 1—2 (ср. *G. Castellino*, ZA 53, 118); SRT 11, 66 (ср. *G. Castellino*, ZA 53, 108): гимны в честь Ур-Намму.
124. См. например, SRT 1, 214 (ср. *W. H. Ph. Römer*, SKIZ 200): Иддин-Даган.
125. Из обширной литературы см. *H. H. Gowen*, Hebrew Trade and Trade Terms in Old Testament Times. JSOR 6 (1922) 1—16; *J. Garrett*, A Geographical Commentary on Ezekiel XXVII. „Geography“ 24 (1939) 240—249; *S. Smith*, „The Ship Tyre“. PE^Q 85 (1953) 97—110; *H. P. Rüger*, Das Tyrusorakel Ez 27 (Diss. Tübingen), 1961, ср. ThLZ 87 (1962) 284; *A. [R.] Millard*, Ezekiel 27, 19: the Wine Trade of Damascus. JSS 7 (1962) 201—203; *K. Yaron*, The Dirge over the King of Tyre, Ez. 28:1—19. „Annual of the Swedish Theological Institute in Jerusalem“ 3 (Leiden 1964) 28—57; *H. J. van Dijk*, Ezechiel's Prophecy of Tyre (Ez. 26, 1—28, 19). A New Approach. Roma 1968; *M. Gruber*, „Ancient Near Eastern Society of the Columbia University“, Journal 2, 1 (1963) 54—57; *R. D. Barnett*, Ezekiel and Tyre. „Eretz-Israel“ 9 (W. F. Albright Volume, 1969) 6—14.
126. Ср. *G. Komoróczy*, „Acta Ant. Hung.“. 16 (1968) 15—20.
127. См. *F. Schollmeyer*, MdO 1, V (1950): 355; письма, цитируемые там, см. *A. Goetze*, JCS 6 (1952) 142 сл.; см. *A. Falkenstein*, ZA 56 NF 22 (1964) 77; IGL 109; *D. O. Edzard*, Wörterbuch der Mythologie. I. Götter und Mythen im Vorderen Orient. Stuttgart 1965. 129 сл.
128. Gudea, Cyl. A XV 12.
129. Gudea, Cyl. A XVI 10; о локализации Мадги см. *A. Falkenstein*, IGL 51.
130. О показателе сравнения -gim см. *A. Poebel*, GSG § 353 сл., *A. Falkenstein*, GSGL I, 35; II, 97; *И. М. Дьяконов*, Языки древней Передней Азии. М. 1967. 56; *I. Kırkı*, Die Sprache der sumerischen Königsinschriften der frühaltbabylonischen Zeit. SiOr 35. Helsinki 1967, стр. 87; 232 сл.
131. Автор считает своим приятным долгом принести свою искреннюю благодарность В. К. Афанасьевой, И. М. Дьяконову и Н. Б. Янковской за помощь, которую они оказали ему при окончательной выработке текста данной статьи. После отправления рукописи данной статьи вышла чрезвычайно важная статья *G. Pettinato*: Il commercio con l'estero della Mesopotamia meridionale nel 3. millennio av. Chr. „Mesopotamia“ 7 (1972) 43—166, результаты которой я уже не мог разработать.

А. А. ВАЙМАН

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ШУМЕРО-ВАВИЛОНСКОЙ МЕТРОЛОГИИ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Статья посвящена исследованию шумеро-вавилонской метрологии времени III династии Ура и I вавилонской династии (конец III—начало II тыс. до н. э.). В основу статьи положены старовавилонские математические задачи. В связи с этим надо иметь в виду, что решая задачи, вавилоняне (и до них, очевидно, шумеры) приводили величины, выраженные в различных мерах, к одной, которую далее будем называть основной мерой системы. Вычисления, при помощи которых решены задачи, выполнены в шестидесятиричной позиционной системе счета¹. Комментируя эти задачи, мы сохраним в ряде случаев шестидесятиричные позиционные выражения, транскрибируя их нашими цифрами, например (поставленный сверху штрих отделяет друг от друга шестидесятиричные разряды, два штриха—целую часть от дробной):

$$6' 40'0 = 6 \cdot 60^2 + 40 \cdot 60 = 24\ 000.$$

$$0''6'45 = 6/60 + 45/60^2 = 9/80.$$

(Поскольку шумеры и вавилоняне не употребляли знака для нуля и знака, отделяющего целую часть числа от шестидесятиричной дроби, абсолютное значение числовых записей устанавливается из контекста задач). Конечно, целые шестидесятиричные числа можно преобразовать в десятиричные, а шестидесятиричные дроби—в простые, но при этом будет потеряна вычислительная специфика задач, которой мы не

¹ Подробней об этой системе см. ШВМ, стр. 7.

всегда вправе пренебрегать. Надо подчеркнуть, что шестидесятиричная позиционная система служила исключительно для вычислительных целей,—исходные данные расчетов и их окончательные результаты выражались в других системах, которые располагали, кетати сказать, своими собственными наборами цифр—в десяти-шестиричной (или десятиричной) системе счета и метрологических системах².

Почти во всех задачах, которых мы будем касаться, рассматриваются цилиндрические тела, и в их решении прямо или косвенно используется формула:

$$s \approx 1/12 c^2 = 0'5 c^2,$$

где s —площадь круга, c —длина окружности³. Вывод этой формулы основан на общепринятом в вавилонских математических текстах значении $\pi \approx 3$.

II. МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Как известно, для любого языка характерно наличие омонимов—одинаково звучащих слов, и синонимов—одинаково значащих слов. Нечто аналогичное наблюдается в шумеро-вавилонской метрологии. При этом роль слов играют метрологические системы, роль звучаний слов—соответствующие метрологические шкалы (отношения мер данной системы и их названия), а роль значений слов—соответствующие метрологические величины.

Существование метрологических омонимов является причиной того, что количество метрологических систем превосходит количество метрологических шкал. Системы распределяются по шкалам следующим образом (шкалы названы по основным мерам систем; названия мер даны по-шумерски⁴):

² ШВМ, стр. 13 и сл.

³ ШВМ, стр. 133 и сл.

⁴ Полную сводку мер, употреблявшихся в Двуречьи, начиная с середины III тыс. до н. э. до I тыс. включительно, см. *F. Thureau-Dangin, L'U, Le Qa et la Mine, JA, XIII, 1909, стр. 79—111, он же, Numeration et metrologie sumerienne, RA, XVIII, 1921, стр. 124—142.*

⁵ Транскрибируя соответствующие слова, мы вместо *šu-si* будем писать *šusi*, вместо *silá—sila*, вместо *bán—ban*, вместо *gin—gin*, вместо *ma—pa—pa*, вместо *gín—gun*. Произношение названий мер, транскрибированных нами как *gar*, *sar* и *pi*, не установлено.

Шкала gar

- 1 šusi = 1/360 gar,
- 1 kuš = 30 šusi = 1/12 gar,
- 1 gar = 12 kuš,
- 1 eš = 10 gar,
- 1 uš = 6 eš = 60 gar,
- 1 danna = 30 uš = 1 800 gar.

По этой шкале построена только система мер длины, известная в своей средней части (gar, eš, uš) еще из документов, раскопанных в Джемдет-насре (начало III тыс. до н. э.).

Шкала sar

- 1 še = 1/10 800 sar,
- 1 gin = 180 še = 1/60 sar,
- 1 sar = 60 gin,
- 1 iku = 180 sar,
- 1 eše = 6 iku = 600 sar,
- 1 bur = 3 eše = 1 800 sar,
- 1 buru = 10 bur = 18 000 sar,
- 1 sar = 6 buru 108 000 sar.

По этой шкале построены системы мер площади, объема и количества кирпичей. Первоначально возникла система мер площади, которая засвидетельствована, начиная с iku и выше, уже протошумерскими текстами из Джемдет-насра. Система мер объема была, по-видимому, создана при III династии Ура, во всяком случае, ранее указанного времени меры объема в клинописных текстах не засвидетельствованы. То же самое можно сказать и о системе мер количества кирпичей.

Шкала sila

- 1 še = 1/10 800 sila,
- 1 gin = 180 še = 1/60 sila,
- 1 sila = 60 gin,
- 1 ban = 10 sila,
- 1 pi = 6 ban = 60 sila,
- 1 gur = 5 pi = 300 sila.

По этой шкале построены системы мер емкости, площади и объема. Первоначально была создана система мер емкости, которая наряду с еще двумя аналогичными системами употребляется в документах, начиная с аккадского времени. Система мер объема известна нам по текстам времени III династии Ура и I вавилонской династии, а система мер площади — по текстам времени I вавилонской династии. Вероятней всего, что обе эти системы были созданы совместно при III династии Ура.

Шкала mana

- 1 še = 1/10 800 mana,
- 1 gin = 180 še = 1/60 = mana,
- 1 mana = 60 gin,
- 1 gup = 60 mana.

По этой шкале построена только система мер веса, известная, за исключением меры še, начиная со второй четверти III тыс. до н. э. (в конце I тыс. эта шкала засвидетельствована астрономическими текстами также для системы мер времени).

По величинам, к которым они относятся, системы мер распределяются следующим образом.

Длина

Эта величина может быть выражена мерами одной системы — шкалы gar:

$$1 \text{ gar} \approx 54,4 \text{ дм.}$$

Надо отметить, что мера gar выступает в качестве основной лишь в тех случаях, когда требуется выразить горизонтальные размеры фигур. Таковы, в частности, длина и ширина полевых участков, длина и ширина сооружений и т. д. Однако высота сооружений, когда эта величина необходима для вычисления объема, всегда выражается в мерах kuš:

$$1 \text{ kuš} \approx 4,95 \text{ дм.}$$

Площадь

Эта величина может быть выражена мерами двух систем, одной—шкалы *sar*—основная мера которой определяется как площадь квадрата стороной 1 *gar*:

$$1 \text{ sar} = 1 \text{ gar}^2 \approx 3\,528,36 \text{ дм}^2,$$

другой—шкалы *sila*—основная мера которой определяется как площадь квадрата стороной 6 *šusi* = 1/60 *gar*:

$$1 \text{ sila} = 1/3\,600 \text{ gar}^2 \approx 0,98 \text{ дм}^2$$

(см. ниже, V). Таким образом, система шкалы *sar* как бы охватывает область больших величин, а система шкалы *sila*—область малых. Первая система известна по многочисленным документам преимущественно в связи с выражением площади полевых участков. Вторая система засвидетельствована лишь несколькими текстами, в которых она используется для выражения площади поперечного сечения (в текстах—«толщины») колоды. По-видимому, этим ограничивалось применение указанной системы.

Объем

Эта величина тоже может быть выражена мерами двух систем, одной,—шкалы *sar*—основная мера которой определяется как объем параллелепипеда с площадью основания 1 *sar* и высотой 1 *kuš*:

1 *sar* объема = 1 *sar* площади · 1 *kuš* $\approx 17\,465,385 \text{ дм}^3$,
другой,—шкалы *sila*—основная мера которой определяется как объем куба с ребром 6 *šusi* = 1/60 *gar*:

$$1 \text{ sila} \text{ объема} = 1/216\,000 \text{ gar}^3 \approx 0,97 \text{ дм}^3$$

(см. ниже, VI). Последнюю меру можно также определить как объем куба, площадь грани которого равна 1 *sila* площади.

Таким образом, система мер объема шкалы *sar* как бы охватывает область больших величин, а шкалы *sila*—область малых. Первая система известна по довольно большому числу текстов, в которых она употребляется для выражения объема различного рода сооружений—стен жилых построек, насы-

лей, каналов и т. п. Вторая система засвидетельствована документами исключительно в связи с пружоэластичностью судов. По-видимому, этим ограничивалось применение указанной системы.

Емкость

Эта величина может быть выражена мерами одной системы—шкалы *silā*. Основная мера системы определяется как объем цилиндра, диаметр которого равен высоте и равен $6 \text{ šusi} = 1/60 \text{ gar}$. Отсюда следует что

$$1 \text{ silā} \approx 0,762 \text{ л.}$$

В настоящее время исследователи оперируют в своих работах двумя другими значениями: $1 \text{ silā} \approx 0,842 \text{ л}$ и $0,97 \text{ л}$, которые, как мы ниже увидим, являются ошибочными (см. III). Применялась указанная система мер для выражения емкости сыпучих и жидких тел.

Вес

Эта величина может быть выражена мерами одной системы—шкалы *mapa*. Вероятней всего, что основная мера этой системы была определена как вес $2/3 \text{ silā}$ воды, из чего следует, что

$$1 \text{ mapa} \approx 0,508 \text{ кг}$$

(см. ниже, VIII). Общепринятым является несколько другое значение— $1 \text{ mapa} \approx 0,505 \text{ кг}$.

Количество кирпичей

Эта величина может быть выражена мерами шкалы *gar*—

$$1 \text{ gar} \text{ кирпичей} = 720 \text{ кирпичей}^6.$$

Таким образом, на четыре метрологические шкалы—*gar*, *gar*, *silā*, *mapa*—приходится восемь систем мер: одна—длины, две—площади, две—объема, одна—емкости, одна—веса, од-

⁶ МСТ, стр. 94—96; ШВМ, стр. 39, 45.

на—количества кирпичей. Четыре наиболее важные системы мер—длины, площади (*sar*), объема (*sar*) и емкости (*sila*)—были установлены и исследованы довольно давно, в чем большую роль сыграли работы Ф. Тюрю-Данжена. Система мер количества кирпичей была изучена значительно позже по данным, которые удалось обнаружить в клинописных математических текстах (О. Нейгебауер и А. Сакс). Системы мер площади и объема шкалы *sila* устанавливаются в этой статье. Хотя последние системы в клинописных документах встречаются редко и роль их в хозяйственной практике незначительна, они представляют большой интерес как свидетельство развитости и оригинальности метрологического мышления шумеров. В статье устанавливаются также принятые в древности определения меры емкости *sila* и меры веса *шапа*, в связи с чем предлагаются новые метрические значения этих мер. По-новому или впервые истолковывается ряд задач. Предлагается реконструкция формы и размеров вавилонских водяных часов.

III. МЕРА ЕМКОСТИ *sila*

Абсолютные значения мер веса, длины и, следовательно, площади и объема были установлены более пятидесяти лет назад (Ф. Тюрю-Данжен) и по сей день являются общепринятыми⁷. Что же касается мер емкости, то им приписывались различные значения в зависимости от появлявшихся время от времени новых данных. С опубликованием в середине тридцатых годов клинописных математических текстов появилась возможность установить абсолютные значения мер емкости по зафиксированным в задачах размерам цилиндрических сосудов, исправивших роль метрологических стандартов. Девять задач, в которых рассматриваются такие сосуды, содержатся в тексте YBC 4669⁸. В них заданы емкость сосудов (*p*) и диаметр (*d*), и требуется вычислить высоту (*h*) (см. № 1—9). Решения задач отсутствуют, приводятся лишь ответы.

⁷ JA, XIII, 1909, стр. 79—111.

⁸ MKT, I, стр. 514 и сл., задачи 1—9.

№№	p (sila)	d (šusi)	h (šusi)
1	60	24	22 1/2
2	30	17 1/2	20
3	10	12	15
4	1	6	5
5	1/2	4 1/2	5 1/2
6	1/3	4	4 1/2
7	1/6	3	4
8	1/12	2	4 1/2
9	1/60	1	3 1/2

(В задаче № 2 вместо $1/3$ kuš=20 šusi должно было стоять $1/3$ kuš 1 šusi,—точное значение высоты $21 \frac{39}{245}$ šusi; в задаче № 9 точное значение высоты $3 \frac{3}{5}$ šusi, что округлено до $3 \frac{1}{2}$ šusi).

Любая из этих задач достаточна для того, чтобы найти абсолютные значения мер емкости, однако удобнее всего опереться на № 4. Согласно этой задаче, мера емкости sila определяется как объем цилиндра, у которого

$$d=h=6 \text{ šusi}=0''12 \text{ kuš}=0''1 \text{ gar.}$$

По формуле объема цилиндра,

$$v=\pi/4 \cdot d^2 h,$$

имеем

$$1 \text{ sila}=\pi/4 \cdot 0''0'0'1 \text{ gar}^3,$$

или

$$1 \text{ sila} \approx 0,762 \text{ л.}$$

что и было указано выше (см. II).

Помимо этого значения меры емкости sila можно указать еще четыре, которые были предложены в разное время Ф. Туро-Данженом (в литрах): 0,415, 0,81, 0,842, 0,97. Первое значение, 0,415 л, было установлено (1909 г.)⁹ путем сопоставления действительной емкости серебряного сосуда со значе-

⁹ JA, XIII, стр. 90 и сл. В сводке мер (стр. 101) Ф. Туро-Данжен приводит несколько иное значение рассматриваемой меры, 0,404 л, которое получено им на основании весьма сомнительного определения меры gur=300 sila, как объема куба с ребром, равным 1 kuš. Позже он, по-видимому, отказался от этого определения (см. RA XVIII, 1921, стр. 128).

нием емкости, которое, как предполагается, зафиксировано в посвятельной надписи на нем царя Энтемены (последняя треть XXV в. до н. э.). Но если быть точным, в надписи, о которой идет речь, упоминается не емкость сосуда, а его название, *niġin*, и хотя в это время мера емкости жидких тел, равная 10 *silá*, тоже называлась *niġin*, нельзя утверждать, что сосуд обязательно должен был иметь емкость 1 *niġin*. Так, например, в задачах, которые мы выше рассмотрели, два сосуда из десяти одинаково названы *ban*, причем емкость одного действительно равна 1 *ban*, емкость же другого—3 *ban*. Согласно данным хозяйственных документов времени III династии Ура, сосуд *ban* мог иметь также емкость 5 *silá*¹⁰, в свою очередь, сосуд *silá* мог иметь емкость 2 *silá*¹¹. Итак, вряд ли сосуд с надписью Энтемены можно считать подходящим объектом для метрологических определений.

Значение 0,81 л было установлено путем сопоставления (1912 г.)¹² действительной емкости алебастрового сосуда нововавилонского времени (середина VI в. до н. э.) с емкостью, обозначенной на его тулове. В данном случае сопоставление вполне обосновано, и несмотря на то, что сосуд частично реставрирован, это значение должно быть близко к истинному.

Значение 0,842 л устанавливается (1921 г.)¹³ на основании клинописной записи в одном из нововавилонских текстов, которая гласит: «*sûtu 1 ma-na*». Запись толкуется в том смысле, что 1 *sûtu* (аккадский перевод шумерского *ban*) воды весит 10 *ma-na*. Так как в поздневавилонское время 1 *ban* = 6 *silá*, то, принимая 1 *ma-na* ≈ 0,505 кг, получим 1 *silá* ≈ 0,842 л. В этом рассуждении имеется, однако, весьма существенный недостаток: в самой записи не говорится о весе воды¹⁴, а скорей всего о весе *sûtu*, т. е. некоторого сосуда для измерения емкости. Так ли надо понимать эту запись или еще иначе—ясно, что вывод, который был сделан на ее основании, не достоверен.

¹⁰ UET, III, текст 739.

¹¹ UET, III, текст 648.

¹² F. Thureau-Dangin, Notes Assyriologiques, RA, IX, 1912, стр. 24 и сл.

¹³ RA, XVIII, 1921, стр. 131.

¹⁴ О емкости 1 *ma-na* воды см. ниже, VIII.

Значение 0,97 л является результатом истолкования тех же, в основном, задач, которые рассматриваются в нашей статье. Как будет показано ниже (см. X), — это неправильное истолкование и, следовательно, выводы, которые из него сделаны, не должны учитываться.

Таким образом, из четырех значений рассматриваемой меры емкости только одно должно быть принято во внимание, 0,81 л, — оно близко к тому значению, которое получено нами, 0,762 л.

IV. МЕРА ОБЪЕМА sar И МЕРА ЕМКОСТИ sila

Опираясь на ту же задачу, № 4, выразим меру объема sar через меру емкости sila при общепринятом в клинописных математических текстах значении $\pi \approx 3$. Получим

$$1 \text{ sila} \approx 3/4 \cdot 0'0'1 \text{ gar}^2 \cdot 0'12 \text{ kuš} = 0'0'0'9 \text{ sar},$$

или

$$1 \text{ sar объема} \approx 6'40'0 \text{ sila} = 24 \text{ 000 sila}. \quad (1)$$

Последняя величина встречается в клинописных текстах, где она названа «постоянной кучи». Помимо описки постоянных величин¹⁵ она засвидетельствована тремя задачами. В двух (см. №№ 10 и 11)¹⁶ рассматривается трубка, для которой заданы емкость p и длина окружности c ; требуется вычислить длину трубки h .

Задачи № 10, 11

№№	p (sila)	c (gar)	h (kuš)
10	1	0'0'3	12'0
11	1	0'0'10	1'4'48

Решение:

$$h = p/s,$$

где s — площадь поперечного сечения трубки найдена по формуле:

$$s = 0'5 c^2,$$

¹⁵ MTS, стр. 27, текст III, об. 50.

¹⁶ MKT, 1, стр. 151, текст BM 8154, об. III, 35—46.

а p —объем трубки, выраженный в sil , преобразован в объем, выраженный в sar , для чего использовано соотношение (1):

$$p = 1 \text{ sil} = 1/6'40'0 \text{ sar} = 0''0'0'9 \text{ sar}.$$

(Так как числитель и знаменатель выражения для h содержат в качестве множителя одно и то же приближение числа π , результат вычисления является точной, а не приближенной величиной).

V. ОБЪЕМ ПАРАЛЛЕЛЕПИПЕДА И ЕМКОСТЬ ЦИЛИНДРА

В некоторых задачах вместо соотношения между основной мерой емкости и основной мерой объема (1) применяется соотношение между объемом цилиндра p , выраженным в мерах емкости sil , и объемом описанного вокруг него параллелепипеда v , выраженным в мерах кубических gar :

$$v = 0''0'0'1 \text{ gar}^3 / \text{sil} \cdot p. \quad (2)$$

Это соотношение могло быть выведено из определения меры емкости sil . Так как цилиндр емкостью 1 sil и высотой 6 $\text{šusi} = 0'1 \text{ gar}$, равной диаметру, может быть вписан в куб, объем которого равен $0''0'0'1 \text{ gar}^3$, то, соответственно цилиндр емкостью p может быть вписан в параллелепипед, объем которого v , равен правой части соотношения (2).

Численное выражение метрологической постоянной ($0''0'0'1$) в соотношении (2) таково, что сильно упрощает расчеты при решении целого ряда задач. Это особенно ощутимо, — поскольку $v = d^2 h$, — когда по емкости цилиндра и высоте (или диаметру) вычисляется диаметр (соответственно, высота). Именно в связи с такими задачами целесообразно использовать соотношение (2), хотя вместо него можно также применять и соотношение (1). Однако в тех случаях, когда в качестве заданной величины в задачах выступает длина окружности, с чем мы, в частности, встретились выше, соотношение (2) не дает каких-либо преимуществ при вычислениях по сравнению с соотношением (1). Вместе с тем соотношение (1), в отличие от (2), универсально и годится во всех случаях преобразования мер объема в меры емкости, в том числе и тех, когда рассматриваются тела, отличные от цилиндра. Обратимся к задачам.

Задача № 12¹⁷

Рассматривается стандартный цилиндрический сосуд, для которого известны емкость p , и диаметр d ; требуется вычислить его высоту h :

$$p = 1'0 \text{ sila}, d = 0'4 \text{ gar}, (h = 0'3'45 \text{ gar}).$$

Решение:

$$h = v/d^2,$$

где d^2 —площадь основания параллелепипеда, в который вписывается цилиндр. Действие по вычислению объема опущено, тем не менее ясно, что оно должно было быть выполнено при помощи соотношения (2):

$$v = 0'0'0'1 \text{ gar}^3/\text{sila} \cdot 1 \text{ sila} = 0'0'0'1 \text{ gar}^3.$$

Дело в том, что из-за отсутствия в шумеро-вавилонской шестидесятиричной системе специального знака для ноля, обозначения величин p и v в письме, как это следует из соотношения (2), должны совпасть. Но в таком случае действие по вычислению объема в решении задачи вообще могло и не быть зафиксировано. (Это действие было бы зафиксировано так: «1 на 1 умножь, 1 ты видишь»).

Задача № 13¹⁸

Под № 13 мы объединили две задачи—прямую и обратную. В прямой задаче по емкости стандартного цилиндрического сосуда p , емкости горизонтального слоя в сосуде p' , и высоте его h , требуется вычислить высоту слоя h' :

Решение:

$$h' = h : p/p'$$

(деление p на p' опущено).

В обратной задаче по диаметру цилиндрического сосуда d , и высоте слоя h' , требуется вычислить емкость слоя p' :

$$d = 0'2 \text{ gar} = 12 \text{ šusi}, h' = 0'0'15 \text{ gar} = 1 \frac{1}{2} \text{ šusi}, (h = 0'0'15 \text{ gar}).$$

Решение:

$$v' = d^2 h' = 0'0'0'1 \text{ gar}^3$$

Вычисление емкости цилиндрического слоя по объему описанного вокруг него параллелепипеда опять опущено.

¹⁷ МКТ, 3, стр. 54, комментарии к тексту ВМ 85194, об. I, 44—46.

¹⁸ МКТ, 3, стр. 54, комментарии к тексту ВМ 85 194, об. III, 35—46.

Поскольку $v' = 0''0'0'1 \text{ gar}^3$, значение $p' = \text{sila}$ представляется очевидным. В тексте сказано: «15, глубину (имеется в виду h'), на 4 (т. е. d^2) умножь, 1 ты видишь. Это 1 sila зерна».

Кстати отметим, что сосуды, рассмотренные в последних двух задачах, выше уже упоминались. В задаче № 12 имеется в виду тот же сосуд, что и в задаче № 1, а в задаче № 13 — тот, что в задаче № 3.

Задача № 14¹⁹

Даны размеры кедр: длина $h = 5 \text{ gar} = 1'0 \text{ kuš}$; «толщина» у корня $p_1 = 1'4 \text{ sila}$; «толщина» у вершины $p_2 = 8 \text{ sila}$; цена кедр $g = 3 \frac{1}{3} \text{ мапа серебра}$. Требуется вычислить емкость p' , части кедр, цена которой $g' = \frac{1}{3} \text{ мапа}$.

Решение:

$$1) \langle v_1 = 0''0'0'1 \text{ gar}^3/\text{sila} \cdot p_1 = 0''0'1'4 \text{ gar}^3 \rangle,$$

$$2) \langle v_2 = 0''0'0'1 \text{ gar}^3/\text{sila} \cdot p_2 = 0''0'0'8 \text{ gar}^3 \rangle,$$

$$3) d_1 = \sqrt[3]{v_1} = 0''4 \text{ gar},$$

$$4) d_2 = \sqrt[3]{v_2} = 0''2 \text{ gar},$$

$$5) d = 1/2 (d_1 + d_2) = 0''3 \text{ gar},$$

$$6) c = 3d = 0''9 \text{ gar},$$

$$7) p = 0''5 c^2 h = 0''6'45 \text{ sar},$$

$$8) p = 6'40'0 \cdot 0''6'45 \text{ sila} = 45'0 \text{ sila},$$

$$9) p' = p \cdot g'/g = 4'30 \text{ sila}.$$

В первых двух действиях по емкостям двух цилиндров вычисляются объемы двух описанных вокруг них параллелепипедов, для чего применяется соотношение (2). Как и в предыдущих задачах, эти действия опущены. Из следующих двух действий выясняется, что цилиндры, о которых идет речь, имеют диаметры, равные высотам, и, следовательно, описанные вокруг них параллелепипеды являются кубами. Этими действиями вычисляются диаметры цилиндров, которые, как явствует из последующего, представляют собой диаметры кедр у его корня и у вершины. Далее вычисляется средний диаметр кедр, средняя длина окружности и средний объем, выраженный в мерах объема (действия 5-е, 6-е,

¹⁹ МКТ, 1, стр. 368, 370, текст VAT 8522, задача 1.

7-е). Затем средний объем переводится в меры емкости, для чего используется соотношение (1)²⁰ (действие 8-е). В заключение определяется искомая величина, т. е. выраженный в мерах емкости объем части кедра, цена которой, как и цена всего кедра, задана в условии задачи (действие 9-е).

Надо думать, что ситуация, которая рассматривается в задаче, не взята из практики, а придумана ее составителем. По-видимому, одна из главных целей, которую имел в виду составитель, было показать на примере одной задачи применение сразу двух, эквивалентных по существу, метрологических соотношений, (1) и (2).

VI. МЕРА ОБЪЕМА sar II МЕРА ОБЪЕМА sila

Опубликованы задачи, которые несомненно свидетельствуют о том, что существовала система мер объема со шкалой sila. При этом основная мера системы, sila объема, определяется как объем куба, в который может быть вписан цилиндр, емкостью 1 sila, ребро которого, следовательно, равно $6 \text{ šusi} = 0''1 \text{ gar}$. Таким образом,

$$1 \text{ sila объема} = (0''1 \text{ gar})^3 = 0''0'01 \text{ gar}^3,$$

или

$$1 \text{ sila объема} = 0''0'0'12 \text{ sar}.$$

Отсюда следует, что

$$1 \text{ sila объема} = 0,97 \text{ дм}^3,$$

и что

$$1 \text{ sar объема} = 5'0'0 \text{ sila.} \quad (3)$$

Задача № 15²¹

«Если судно поднимает 1 sar кирпичей, сколько оно поднимает зерна? Ты: $0''0'0'41'40$ (sar)—это объем одного кирпича. Умножь $0''0'0'41'40$ на $5'0'0$ (sila) и $3''28'20$ (sila)—это объем. $3 \frac{1}{3}$ sila $8 \frac{1}{3}$ gin—зерно одного кирпича. Умножь $3''28'20'$ (sila) на $12'0$ (= 1 sar кирпичей), $41'40$ (sila) ты видишь. Ты видишь $8 \text{ gur } 1 \text{ pi } 40 \text{ sila}$. Таков способ».

²⁰ Число $6'40'0$ (в клинописи, $6'40$) названо в тексте «постоянной кучи»: *igi-gub na-aš-ri-ki-im*; в издании последнее слово ошибочно транскрибировано как *na-ra-di-im*.

²¹ МКТ, I, стр. 150, 162; МСТ, стр. 96, текст BM 85 194, задача 30.

Итак, известны количество кирпичей, которое «поднимает» судно,

$$n = 1 \text{ sar} \text{ кирпичей} = 12'0 \text{ кирпичей,}$$

и объем одного кирпича,

$$v = 0''0'0'41'40 \text{ sar}$$

(имеется в виду кирпич в $1/2 \text{ kuš} \times 1/3 \text{ kuš} \times 5 \text{ šusi}$).

Требуется вычислить, сколько судно «поднимает зерна» (обозначим последнюю величину через v).

Решение:

1) $v = 0''0'0'41'40 \cdot 5'0'0 \text{ sila} = 3''28'20 \text{ sila} = 3 \frac{1}{3} \text{ sila} \text{ } 8 \frac{1}{3} \text{ gin.}$

2) $v' = vn = 41'40 \text{ sila} = 8 \text{ gur } 1 \text{ pi } 40 \text{ sila.}$

Первое действие нельзя истолковать иначе, как преобразование объема одного кирпича, выраженного в sar объема, в объем, выраженный в sila объема, которое выполнено при помощи соотношения (3), а второе действие—как определение объема n кирпичей. Что же касается самого соотношения (3), то оно вытекает из приведенного выше определения меры объема sila, которое, в свою очередь, основано на определении одноименной меры емкости.

Задача, которую мы рассмотрели, позволяет сделать еще один вывод. Известно, что грузовместимость судна измерялась в Двуречье, начиная с эпохи III династии Ура, в мерах шкалы sila, и как принято считать—это меры емкости. Но в задаче, которую мы сейчас рассмотрели, речь идет, по сути дела, о грузовместимости, и выражается она в мерах объема шкалы sila. Естественно полагать, что именно эти меры имеются в виду во всех случаях фиксации грузовместимости судна. Причем, так как в документах хозяйственной отчетности эта величина выражается в целых числах gur, а 1 gur объема шкалы sila = 1 gin объема шкалы sar, то перевод мер из одной шкалы в другую не составлял никакого труда. По-видимому, область применения системы мер объема шкалы sila и ограничивается, в основном, грузовместимостью судов. Ниже приводится грузовместимость восемнадцати типов судов, учтенных в одном из документов времени III династии Ура²².

²² УЕТ. III, текст, 272, об. IV.

Грузовместимость судов

(в мерах объема систем шкалы sar и sila и в м³)

№ п/п	gur	sar	gin	m ³
1	1		1	0,3
2	2		2	0,6
3	5		5	1,5
4	6		6	1,8
5	10		10	3
6	15		15	4,5
7	20	1/3		6
8	30	1/2		9
9	40	2/3		12
10	50	5/6		15
11	1'0	1		18
12	1'20	1 1/3		24
13	1'30	1 1/2		27
14	2'0	2		36
15	2'20	2 1/3		42
16	2'30	2 1/2		45
17	3'0	3		48
18	5'0	5		90

VII. МЕРА ПЛОЩАДИ sar И МЕРА ПЛОЩАДИ sila

Опубликованы задачи, которые указывают также на существование системы мер площади шкалы sila. Основная мера этой системы, sila, определяется как площадь квадрата, сторона которого равна 0"1 gar (или как площадь грани куба, объем которого равен 1 sila объема). Итак,

$$1 \text{ sila площади} = (0"1 \text{ gar})^2 = 0"0'1 \text{ sar площади.}$$

Отсюда,

$$1 \text{ sar площади} \approx 0,98 \text{ дм}^2,$$

и

$$1 \text{ sar площади} = 1'0'0 \text{ sila площади.} \quad (4)$$

Задача № 16²³

Задана длина окружности колоды,

$$c = 1 \text{ kuš} = 0"5 \text{ gar.}$$

²³ МСТ, стр. 57 и сл., текст YBC 8600. Здесь же содержится обратная задача: по заданной «толщине» колоды требуется вычислить длину ее окружности.

Требуется вычислить ее «толщину» s .

Решение:

$$s = 4'48 \cdot 0''5^2 = 2 \text{ (sila)}.$$

Отсюда следует, что под мерой *sila* в этой задаче подразумевается мера площади, а под «толщиной» колоды — площадь ее поперечного сечения. Что же касается величины, которая наряду с длиной окружности фигурирует в решении задачи, то она должна иметь размерность *sila* площади/*sag* площади. Так как эта величина в условии не указана и появляется только в решении, можно считать, что имеется в виду некоторая постоянная²⁴. Итак,

$$s = 4'48 \frac{\text{sila площади}}{\text{sag площади}} c^2. \quad (5)$$

Как могла быть получена эта формула? При обычном для клинописных математических текстов приближении числа $\pi \approx 3$ площадь поперечного сечения колоды

$$s = 0''5 c^2,$$

где, если длина окружности выражена в мерах длины *sag*, площадь будет выражена в мерах площади *sag*. Для того, чтобы площадь была выражена в мерах площади *sila*, необходимо, используя соотношение (4), произвести преобразование мер. В результате найдем:

$$s = 5'0 \frac{\text{sila площади}}{\text{sag площади}} c^2.$$

Как мы видим, последняя формула отличается от формулы (5) численным значением метрологической постоянной. Различие это можно объяснить двояко. Можно предположить, что площадь была найдена при лучшем приближении числа π , чем $\pi \approx 3$, а именно, при $\pi \approx 3 \frac{1}{8}$. В этом случае имеем:

$$s = c^2/4 \pi \approx 2/25 c^2 = 0''448 c^2,$$

что и приводит к формуле (5). Но можно также предположить, что площадь была найдена при обычном приближении

²⁴ Помимо упомянутых двух задач постоянная «толщины» колоды встречается также в списках постоянных величин, см. МСТ, стр. 132, текст YBC 5022, об. 58.

числа π , и затем, чтобы получить круглое значение «толщины», постоянная 5'0 была заменена на постоянную 4'48²⁵. Действительно, постоянная 4'48 при $c=1/2$ kuš, 1 kuš, 2 kuš, 3 kuš дает $s=1/2$ sila, 2 sila, 8 sila, 18 sila и т. д., в то время как постоянная 5'0 дает, соответственно, $s=1/2$ sila 1 gin 45 še, 2 sila 5 gin, 8 sila 20 gin, 18 2/3 sila 5 gin и т. д. Однако вряд ли круглое значение в данном случае может расцениваться как большое преимущество, если его вообще можно считать таковым. Надо учитывать, что умножение на 5'0 является более простой процедурой, чем умножение на 4'48, а результат умножения при желании всегда можно округлить. Так, например, при $c=3$ kuš = 0"15 gar получаем $s=18"45$ sila $\approx$ 18 sila. К тому же для значений длины окружности, которые меньше 1 kuš, постоянная 4'48 вообще не дает никаких преимуществ, а в некоторых случаях приводит к менее благоприятным результатам, чем постоянная 5'0. Так, для $c=6$ šusi, 12 šusi, 18 šusi, 24 šusi постоянная 4'48 приводит, соответственно к $s=4$ 2/3 gin 24 sē, 19 gin 36 sē, 2/3 sila, 3 gin 36 še, 1 sila 16 2/3 gin 24 še, а постоянная 5'0 — к $s=5$ gin, 1/3 sila, 2/3 sila 5 gin, 1 1/3 sila. Таким образом, второе предположение вряд ли можно обосновать. Что же касается первого предположения, то оно представляется вполне правдоподобным. Действительно, если считать, что прубому, но удобному для расчетов значению $\pi \approx 3$ предпочли в виде исключения более точное значение $\pi \approx 3 1/8$, то ведь речь идет об определении малых площадей. Именно таковыми являются, по существу, площади поперечного сечения колод, и стремление получить в данном случае достаточно точный результат представляется оправданным.

Надо подчеркнуть, что в хозяйственных документах мера площади sila тоже встречается исключительно в связи с характеристикой площади поперечного сечения колод. Повидимому, это основная, если не единственная область при-

²⁵ Таково объяснение значения постоянной, предложенное О. Нейгбауером и А. Саксом. Другое объяснение, согласно которому постоянная была найдена при более точном, чем общепринятое значение π , они считают менее вероятным. Саму «толщину» эти исследователи толкуют как емкость слоя колоды высотой 6 šusi, а не как площадь поперечного сечения (см. МСТ, стр. 57—59 и примечание 152 k).

менения указанной меры. В одном из писем старовавилонского времени сообщается о 7200 деревьях (колодах) «от 1/3 sila, 1/2 sila до 1 sila толщины и от 2 kuš, 3 kuš до 4 kuš длины»²⁶. В другом письме говорится о деревьях (колодах), распределенных по породам, названия которых мы опускаем: 6 штук длиной 6 kuš, длиной окружности 1 kuš; 1 штука длиной 5 kuš, длиной окружности 1 kuš; 10 штук «толщиной» 2 sila, длиной 5 и 6 kuš, 1 штука «толщиной» 1 sila, длиной 6 kuš²⁷. Интересно, что в этом письме толщина деревьев, причем у всех одна и та же, выражена двумя способами: в двух случаях указана длина окружности, 1 kuš; в двух других—площадь поперечного сечения, 2 sila.

VIII. ВОДЯНЫЕ ЧАСЫ

(Мера веса тапа и мера емкости sila)

Приведенное в нашем исследовании определение меры емкости sila позволяет реконструировать форму и размеры старовавилонских водяных часов, сведений о которых сохранились в четырех задачах. Одна из них ниже приводится целиком.

Задача № 17

«Водяные часы. Если открыть 1/2 sila (воды), превышение уровня над уровнем (будет) 0''0'45. На сколько отстоит от отметки 1 sila (воды)? Ты: 0''30 часть от 1 sila (воды) водяных часов, образуй, 0''3'20 (gar) ты видишь. 0''3'20 (gar) на 0''0'45 умножь, 0''0'2'30 (gar), т. е. 1/4 šusi ты видишь. (Это) 1 sila (воды) отстоит от отметки. Таков способ».

Речь идет о том, что когда из водяных часов вытекает вода емкостью p_1 , уровень ее понижается на h_1 , а когда вытекает вода емкостью p_2 , уровень ее понижается на h_2 , что составляет α часть всей высоты часов: $h_2 = \alpha h_1$. Как видно из решения задачи, имеется в виду, что

²⁶ A. Ungnad, *Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie*, Leipzig, 1914, стр. 48 и сл.

²⁷ L. Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, I, 1930, стр. 40 сл.

$$\frac{p_1}{p_2} = \frac{h_1}{h_2} = \frac{h_1}{\alpha h}$$

Ниже числовые данные, касающиеся водяных часов (по четырем задачам), сведены воедино. Искомые величины заключены в круглые скобки. Диаметр d явным образом не указан и вычислен на основании p_1 и h_1 .

Задачи № 17—20

№	d (šusi)	h (šusi)	h_1 (šusi)	p_1 (sila)	p_2 (sila)	$\alpha = h_2/h$
17	30	10	1/4	1	1/2	(0''0'45)
18	30	10	(1/4)	1	1/2	0''0'45
19	54	10	2/27	1	3 1/3	(0''1'28'53'20)
20	30	8	1/4	1	1/2	(0''0'56'15)

Решения задач соответствуют формулам:

$$\text{№ 18: } h_1 = (p_1/p_2 \cdot h) \alpha,$$

$$\text{№ 17, 19: } \alpha = (p_2/p_1 \cdot 1/h) h_1,$$

$$\text{№ 20: } \alpha = p_2/p_1 : h/h_1.$$

(Задачи № 17, 18, 19 помещены в указанной последовательности в одном тексте²⁸, № 20—в другом²⁹. В связи с этим обращает на себя внимание, что порядок действий по вычислению α в задачах № 17, 19 и в задаче № 20 не одинаков).

О форме водяных часов в задачах не указано ничего. Предположим, что подразумеваются водяные часы в форме цилиндра. В таком случае в соответствии с соотношением (2) имеем:

$$d^2 h_1 = 0''0'0'1 \text{ gar}^3 / \text{sila} \cdot p_1.$$

Отсюда

$$d = \sqrt{0''0'0'1 \text{ gar}^3 / \text{sila} \cdot p_1 / h_1}.$$

Подставив в последнюю формулу значения

$$p_1 = 1 \text{ sila}, h_1 = 2/27 \text{ šusi} = 0''0'0'44'26'40 \text{ gar},$$

которые приводятся в задаче № 19, находим:

$$d = \sqrt{0''1'21 \text{ gar}^2} = 0''9 \text{ gar} = 54 \text{ šusi}.$$

²⁸ МКТ, I, стр. 145, 155, текст ВМ 85 194, лиц. II, 27—33, 34—40, 41—48.

²⁹ МКТ, I, стр. 223, 227, текст ВМ 85 110, об. II, 10—16.

Результат этот для нас чрезвычайно важен. Ведь форма водяных часов могла и не учитываться составителем задач, так как с точки зрения содержания последних безразлично, имеют часы форму цилиндра, параллелепипеда и т. п. — лишь бы емкость горизонтального слоя воды в них была пропорциональна высоте, а это подразумевается само собой. Тем не менее, форма часов была учтена и, как мы считаем, речь идет о цилиндре. Только в этом случае величина d , найденная как диаметр цилиндра, могла оказаться, несмотря на извлечение квадратного корня, рациональной. И хотя диаметр часов не фигурирует в задачах явным образом, именно диаметр должен был служить исходной величиной при их составлении. Исходными величинами служили также, если судить по соответствующим значениям, емкость цилиндрического слоя $p_1 = 1 \text{ sila}$ (соответственно $p_2 = 1/2 \text{ sila}$) и высота часов $h = 10 \text{ šusi}$. Что же касается высоты слоя $h_1 = 2/27 \text{ šusi}$ (соответственно, h_2), это производная величина, которая была определена на основе исходных d и p_1 .

В полной мере сказанное справедливо только по отношению к задаче № 19. В остальных трех, № 17, 18, 20, ситуация, с которой мы сталкиваемся, более сложна. В этих задачах

$$p_1 = 1 \text{ sila}, h_1 = 1/4 \text{ šusi} = 0''0'2'30 \text{ gar}.$$

Подставив последние значения в формулу для диаметра, найдем

$$d = \sqrt{0''0'24} \text{ gar},$$

что является иррациональной величиной. Мало вероятно, однако, что при составлении задач в качестве исходной была выбрана такая величина. Вместе с тем, $0''0'24 \approx 0''0'25$, и поэтому не исключено, что имеется в виду

$$d = \sqrt{0''0'25} \text{ gar} = 0''5 \text{ gar} = 1 \text{ kuš}.$$

Выбор в качестве диаметра единицы длины более чем вероятен. Пользуясь соотношением (2), вычислим по указанному значению диаметра соответствующую высоту цилиндрического слоя h_1 . Имеем:

$$(0''5 \text{ gar})^2 h_1 = 0''0'0'1 \text{ gar}^3/\text{sila} \cdot 1 \text{ sila}$$

и, следовательно,

$h_1 = 0''2'24 \text{ gar} = 6/25 \text{ šusi} = 1/5 \text{ šusi} + 1/5 \cdot 1/5 \text{ šusi}^{30}$,
 что на $0''0'0'6 \text{ gar}$ меньше значения $h_1 = 0''0'2'30 \text{ gar} = 1/4 \text{ šusi}$, указанного в задачах. Чем объясняется такое расхождение между вычисленным и истинным значениями высоты h_1 ? Можно предположить, что составитель задач предпочел точному, но громоздкому выражению высоты слоя в šusi , которое получается, если следовать вавилонскому обозначению простых дробей, округленное, но краткое обозначение этой величины. Вряд ли, однако, такое объяснение можно считать убедительным. Начать с того, что не обязательно было выражать эту величину и в gar и в šusi . Во всяком случае, в одной задаче (№ 18) h_1 выражено только в gar , хотя в остальных трех (№ 17, 19, 20) — в обеих мерах. К тому же вавилоняне располагали средствами выражения в šusi вычисленного значения h_1 и могли воспользоваться ими.

Представляется убедительным другое предположение. Его обсуждение начнем с анализа двух задач, прямой и обратной, № 17 и 18. В них говорится о водяных часах, имеющих, как мы видели, следующие размеры: $d = 1 \text{ kuš} = 0''5 \text{ gar}$, $h = 10 \cdot \text{šusi} = 0''1'40 \text{ gar}$. Определим полную емкость часов. Опираясь на соотношение (2), можно записать:

$$(0''5 \text{ gar})^2 \cdot 0''1'40 \text{ gar} = 0''0'0'1 \text{ gar}^3 / \text{sila} \cdot p,$$

что приводит к значению

$$p = 41''40 \text{ sila} = 41 \frac{2}{3} \text{ sila}.$$

Вместе с тем, поскольку цилиндрический слой часов емкостью $p_1 = 1 \text{ sila}$ имеет высоту $h_1 = 1/4 \text{ šusi}$, то следовательно, при той же высоте часов их полная емкость должна быть равна

$$p = (10 : 1/4) \cdot 1 \text{ sila} = 40 \text{ sila}.$$

Наше предположение заключается в том, что в расчетах по установлению размеров водяных часов, наряду с диаметром, 1 kuš , роль исходной величины играла полная емкость часов, 40 sila , а не их высота, которая была вычислена на основании исходных. Так, записав

³⁰ Простая правильная дробь, исключая $2/3$ и $5/6$, обозначалась в старовавилонское время в виде суммы $1/m + 1/n - 1/m$, где m и n — целые числа (A. Sachs, Notes on Fractional Expression in Old Babylonian Mathematical Texts. — YCS, 1, 1946, стр. 203—214. см. также ШВМ, стр. 18. и сл.).

$$(0''5 \text{ gar})^2 h = 0''0'0'1 \text{ gar}^2/\text{sila} \cdot 40 \text{ sila},$$

найдем:

$$h = 0''1'36 \text{ gar} = 9 \frac{3}{5} \text{ šusi} \approx 10 \text{ šusi} = 1/3 \text{ kuš}.$$

Ряд обстоятельств свидетельствует о том, что полная емкость часов, 40 sila, в свою очередь, тоже является производной величиной, которая найдена как емкость суточного расхода воды весом 1 gun.

Во-первых, принимая во внимание установленное выше абсолютное значение меры емкости sila, получим:

$$\text{вес } 40 \text{ sila} \text{ воды} \approx 30,48 \text{ кг}.$$

Вместе с тем,

$$1 \text{ gun} = 60 \text{ mana} \approx 30,30 \text{ кг}.$$

Таким образом, можно полагать, что

$$\text{вес } 40 \text{ sila} \text{ воды} = 1 \text{ gun}.$$

Во-вторых, согласно данным одного из астрономических текстов селевкидского времени, у вавилонян действительно имелись часы с суточным расходом воды в 1 gun³¹.

В третьих, часы, которые рассматриваются в задачах, были рассчитаны именно на суточный расход воды. Только в этом случае величина $\alpha = h_2/h$ приобретает определенный смысл, как выражение части суток. Например, в задачах № 17, 18, где $\alpha = 0''0'45$, эту величину, очевидно, надо понимать как $0''0'45 \text{ суток} = 1/80 \text{ суток}$. При суточном расходе воды в часах, равном 1 gun, этому промежутку времени будет соответствовать $0''0'45 \text{ gun} = 45 \text{ gin}$ вытекшей воды, что в свою очередь может служить обозначением времени. Пример, который мы привели, с достаточной очевидностью обнаруживает преимущество водяных часов с упомянутым суточным расходом воды, позволяющим без особых расчетов переводить время, выраженное в суточных мерах, во время, выраженное в мерах весовых. Все вместе взятое убеждает в том, что часы, о которых идет речь в задачах № 17, 18, были рассчитаны на суточный расход воды в 1 gun и что часы эти должны были иметь форму цилиндра следующих размеров:

³¹ F. Thureau-Dangin, Distances entre étoiles fixes, RA, X, 1913, стр. 28.

$m=1$ gun, $d=1$ kuš, $h=1/3$ kuš ($p=40$ sila) (6)
 (m —вес суточного расхода воды). При «конструировании» часов суточный расход воды и диаметр должны были играть роль исходных величин, а высота—производной величины, вычисленной на основании исходных. Но прежде чем, применив соотношение (1) или (2), определить высоту, необходимо было весовое выражение суточного расхода воды перевести в емкостное, для чего надо было воспользоваться соотношением, о котором речь шла выше:

емкость 1 gun воды = 40 sila.

Из него, в частности, следует, что 1 sila емкости = 1 1/2 тапа воды, или

1 тапа = весу 2/3 sila воды, (7)

что является, по существу, определением основной меры веса.

По-видимому, реально существовали только те водяные часы, которым посвящены задачи № 17, 18. Часы же, рассматриваемые в задачах № 19, 20,—это, надо полагать, лишь теоретически возможные часы, представлявшие интерес в связи с составлением упомянутых задач. И дело не только в том, что первые часы отличаются от вторых отмеченным выше суточным расходом воды в 1 gun—сами задачи как будто указывают на то, что их составитель сначала имел дело с конкретными часами, а затем, с целью усложнить задачи, по своему произволу изменил отдельные размеры часов. Стремление разнообразить задачи, сохранив объект рассмотрения в них, проявляется уже в № 17, 18. Поскольку и в той и в другой говорится об одних и тех же часах, первая решена как прямая задача, вторая—как обратная. Задача № 19 опять является прямой, но в ней только высота часов остается такой же, как в предыдущих, а диаметр выбирается иным. Соответственно изменяется высота слоя воды емкостью 1 sila. (Для упрощения вычислений выбрана также другая емкость для второго слоя воды в часах). Как отмечалось выше, все три задачи помещены в одном и том же тексте и в той последовательности, в какой они нами рассмотрены. Задача № 20 (тоже прямая) находится в другом тексте, но и в ней обнаруживается уже известный нам прием. Диаметр часов выбран таким, как в первых двух задачах, но зато высота уменьшена на пятую часть. В результате высота слоя воды, емкостью

I sila остается прежней, а время снижения уровня воды на эту высоту соответственно увеличивается.

Можно привести еще другие соображения в пользу действительного существования водяных часов, засвидетельствованных задачами № 17, 18, в отличие от тех, которые рассматриваются в № 19, 20. В частности, можно указать на то, что хотя высота часов и является заданной величиной, она указана в условии лишь одной задачи, № 20. Но именно в этой последней высота часов, 8 šusi, отличается, согласно высказанному положению, от высоты реально существовавших часов, 10 šusi. Вместе с тем в задачах № 17, 18, 19, где высота часов должна была относиться к реально существующему объекту, эта величина появляется только в решении, а в условии она не указана. Отсутствие в условии задачи упоминания заданной величины—явление сравнительно частое в клинописных математических текстах. Как правило, в таких случаях имеется в виду величина, которая хорошо известна, например, постоянная величина. Очевидно, роль постоянной играла высота реально существовавших часов, равная $10 \text{ šusi} = 1/3 \text{ kuš}$.

IX. ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ПРАКТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕР

Итак, в клинописных математических текстах сохранились неявные определения четырех мер: емкости—sila, объема—sila, площади—sila, веса—maṣa. Можно ли быть уверенным в том, что упомянутые определения относятся к действительным мерам? Очевидно, да. Практическое употребление названных мер объема и площади (sila) непосредственно засвидетельствовано документами хозяйственной отчетности, а так как определение указанных мер существенно опирается на определение одноименной меры емкости, то и эта последняя должна была иметь практическое значение. Наконец, употребление на практике определения меры веса maṣa вытекает, очевидно, из факта существования водяных часов, расчет которых был произведен, как мы выше пытались показать, на основании соотношения основных мер емкости и веса.

Если судить по данным клинописных текстов, меры эти появились примерно одновременно. Так, создание меры объ-

ема *silá* относится ко времени правления III династии Ура, когда в документах впервые начали фиксировать пружовместимость суден. Следовательно, этим же временем, во всяком случае, не более поздним, надо датировать определенные меры емкости *silá*, как объема цилиндрического сосуда установленных размеров. По-видимому, с временем правления III династии Ура надо связывать также определение меры веса тапа, как веса воды установленной емкости, хотя в данном случае нельзя исключить и старовавилонское время, к которому относятся тексты с задачами на водяные часы. При этом надо иметь в виду, что речь идет лишь о теоретическом определении меры емкости *silá* и меры веса тапа. Сами эти меры были широко распространены в Шумере до эпохи III династии Ура, следовательно, определения, о которых идет речь, как бы вносили порядок в то, что уже существовало на практике. Насколько такое упорядочение было обусловлено практическими потребностями, не совсем ясно. Определение основной меры емкости могло быть вызвано тем, что возникала необходимость в переводе при различного рода расчетах мер емкости в меры объема и обратно, например, в связи с устройством зернохранилищ, изготовлением сосудов для измерения емкости и т. п. Трудней объяснить, чем могло быть вызвано определение основной меры веса, так как кроме использования ее для расчетов водяных часов ничего больше указать нельзя.

Само собой разумеется, что первоначально практические меры емкости и веса не могли полностью совпасть с соответствующими теоретическими мерами, особенно если принять во внимание удивительно удачный характер приведенных выше соотношений. Задача, связанная с определением мер, по всей видимости, облегчалась тем, что амплитуда колебаний абсолютного значения мер на практике была, вероятно, достаточно велика. Это должно было позволить сделать наиболее подходящий выбор нужной величины в качестве теоретически определяемой меры.

Мера площади *silá* применялась, очевидно, только в старовавилонское время, которым датируются немногочисленные тексты, в которых она встречается. В эпоху III династии Ура вместо площади поперечного сечения, которая выражалась

при помощи этой меры, для характеристики толщины колоды всегда указывалась длина окружности. Таким образом, если даже мера площади *сила* и была создана в эпоху III династии Ура, вряд ли она тогда же получила практическое приложение.

Х. ОШИБОЧНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

По поводу круга проблем, которые рассмотрены в этой статье, общепринята в настоящее время другая точка зрения, высказанная О. Нейгебауером³² и Ф. Тюро-Данженом³³ и поддерживаемая А. Саксом³⁴. Она заключается, прежде всего, в том, что в задаче № 15 грузопместимость судна выражается не в мерах объема системы шкалы *сила*, а в мерах емкости. Из этого следует, прежде всего, что не существовало специальной системы мер объема шкалы *сила* и что соотношение (3), которое, по нашему мнению, связывает меру объема *сар* с мерой объема *сила*, на самом деле надо понимать как соотношение (3'), которое связывает меру объема *сар* с мерой емкости *сила*:

$$1 \text{ сар объема} = 5'0'0' \text{ сила емкости.} \quad (3')$$

Необходимо признать, что само по себе такое истолкование задачи не только не противоречит тексту, но представляется наиболее естественным. Соответственно можно истолковать ряд других задач, о которых шла речь выше, но при том условии, что в наших рассуждениях вместо цилиндра во всех случаях будет фигурировать прямой параллелепипед с квадратным основанием. Это означает, что стандартные сосуды для измерения емкости в задачах № 17—20 мы должны реконструировать не в форме цилиндров, а в форме параллелепипедов, причем величина *d*, которая выше выступала в качестве диаметра, должна рассматриваться как сторона квадрата. Точно так же вместо емкости цилиндров в первой половине задачи № 14 надо видеть емкость параллелепипедов. В результате мера емкости *сила*, согласно задаче № 4, должна

³² MKT, 3, стр. 54.

³³ F. Thureau-Dangin, La mesure de „Qa“, RA, XXXIV, 1937, стр. 80—86.

³⁴ A. Sachs, Some Metrological Problems in Old-Babylonian Mathematical Texts. BASOR, vol. 96, 1944, стр. 30. Эта же точка зрения была принята мною в ШВМ, стр. 24.

быть определена как объем куба, ребро которого равно $6 \text{ šusi} \approx 0''1 \text{ gar}$, что приводит к значению

$$1 \text{ sila} \approx 0,97 \text{ л.}$$

(С нашей точки зрения мера емкости *sila*—это не объем куба указанных размеров, а объем цилиндра, который может быть вписан в такой куб). В то же время соотношение (2)— между объемом параллелепипеда и емкостью вписанного в него цилиндра—использованное, согласно нашему толкованию, в решении задач № 12, 13 и первой половины 14, теперь теряет всякий смысл и должно быть заменено соотношением

$$1 \text{ sila} := 0''0'0'1 \text{ gar}^3, \quad (2')$$

которое следует из приведенного определения меры емкости *sila*. Теряют смысл и те рассуждения, которые касаются суточного расхода воды водяных часов (задачи № 17—20), и в связи с этим становится неверным соотношение (7), являющееся определением меры веса *maṇa*. Что же касается соотношения (6), которое, согласно сказанному выше, фиксирует размеры действительно существовавших водяных часов, то оно, соответственно, должно быть заменено соотношением

$$d = 1 \text{ kuš}, \quad h = 1/3 \text{ kuš}, \quad (6')$$

где d —уже не диаметр, а сторона квадрата, лежащего в основании параллелепипеда высотой h . Понятно, однако, что доказательства истинности указанного соотношения, аналогичные тем, которые приведены выше, в значительной мере теряют смысл. Но утверждение, касающееся существования меры площади *sila*, в отличие от аналогичного утверждения, касающегося одноименной меры объема, не зависят от того, как будет истолкована задача № 15 и какое из двух определений меры емкости *sila* мы примем³⁵. В обоих случаях справедливо соотношение

$$1 \text{ gar площади} = 1'0'0 \text{ sila площади}. \quad (4)$$

В обоих случаях справедлива также засвидетельствованная задачей № 16 формула:

$$s = 4'48 \text{ sila площади} / \text{gar площади} \cdot c^2. \quad (5)$$

³⁵ О. Нейгебауер и А. Сакс не указывают на существование специальной системы мер площади шкалы *sila*, используемой для характери-

Таким образом, с общепринятой, традиционной точки зрения удается объяснить почти все задачи, которые рассмотрены выше, № 1—9, 12—14 (первая половина), 15—20, при этом наше соотношение (2) надо заменить на (2'), (3) на (3'), (6) на (6'), оставляя (4) и (5) без изменений. Нетрудно заметить, что традиционная точка зрения менее богата выводами, чем та, которая отражена в статье. Уже нельзя говорить ни о существовании специальной системы мер объема шкалы *šila*, ни об определении меры веса *šapa*, как веса воды установленной емкости, ни об использовании в метрологических расчетах соотношения между объемом параллелепипеда и емкостью вписанного в него цилиндра и т. д. Конечно, указанное обстоятельство не может служить основанием для критики. Но традиционная точка зрения наталкивается на затруднения, которые представляются непреодолимыми.

Начнем с того, что приходится допустить существование сосудов для измерения емкости, имеющих форму параллелепипедов, к тому же обязательно почему-то с квадратным основанием. Понятию, что более естественной в данном случае была бы форма цилиндров. Гораздо более существенным является затруднение, которое возникает в связи с термином *dal*, обозначающим в приведенных выше задачах величину *d*. Дело в том, что этот термин довольно часто встречается в математических текстах, в которых он выражает понятие, хотя и емкое, но совершенно определенное—секущая³⁶. В треугольнике и трапеции—это линия, параллельная основанию, в круге—хорда и диаметр. Поэтому если в упомянутых задачах употреблен термин *dal*, он может относиться к диаметру, но не к стороне квадрата, для обозначения которого, кстати сказать, имелись другие клинописные термины. Следовательно, цилиндр может фигурировать в указанных задачах, а параллелепипед исключается. Хотя последнее обстоятельство и решает дело, необходимо также иметь в виду, что традиционная точка зрения совершенно не учитывает существования трех задач, о которых говорилось выше, № 10, 11, 14 (вторая

стики площади поперечного сечения колоды, ее «толщины». По их мнению, последняя величина представляет собой объем поперечного слоя колоды, высотой 6 *šusi*, выраженный в мерах емкости (см. примечание 25).

³⁶ ШВМ, стр. 104 и сл.

половина), а вместе с ними—соотношения (1). Между тем, именно соотношение (1), как со всей бесспорностью вытекает из решения указанных задач, связывает меру емкости *сила* с мерой объема *саг*, и, следовательно, в этой роли не может выступать соотношение (2'). Все вместе взятое не оставляет сомнения в том, что традиционная точка зрения является ошибочной.

В. Н. ХАЧАТРЯН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТОПОНИМИКИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СТРАНЫ ХАТТИ

Изучение вопросов топонимики центральных районов страны Хатти связано со значительными трудностями, ввиду скудости сведений, сохранившихся в источниках. Дело в том, что после возникновения хеттской государственности¹ в победных текстах не фигурируют центральные районы Хатти, так как там не происходили военные действия. Поэтому в специальной литературе по вопросам локализации центральных районов почти ничего нет. С целью преодоления указанных трудностей здесь привлечены данные тех хеттских ритуальных текстов, в которых описаны религиозные шествия по поселениям центральных районов. Об их составе до некоторой степени свидетельствуют также списки, перечисляющие имена богов и места их почитания по районам.

Район Хаттусы

Хатти в узком смысле служит названием района Хаттусы. Один из списков жертвоприношений времен Нового царства свидетельствует о близлежащих к Хаттусе поселениях.

Приведем соответствующий отрывок из текста молитвы царя Муваталли:

ЛС, I, 54. dIŠTAR uruḪa-at-ta-ri-na dPí-ir-wa-aš dAš-ga-ši-pa-aš
ḫur-sagPiš-ku-ru-nu-wa

55. DINGIR LÚmeš DINGIR SALmeš ḪUR.SAGmeš IDmeš
ŠA uruKÜ.BABBAR-ti

¹ О возникновении хеттского государства оставил текст царь Анита— см. подробно Г. Г. Гиоргадзе, ВДИ, 1965, № 4, стр. 87—111.

54. «Богиня Саусга города Хаттарина, бог Пирва, бог Асгасипа, горы Пискурунува.

55. боги, богини гор, рек Хатти²».

По сообщению приведенного отрывка, горы Пискурунува и город Хаттарина, как видно, находились в пределах района Хатти.

Эти сведения подтверждаются и другим текстом — о религиозном шествии одного из хеттских царей:

IV. 4. [uruḫ]a-at-tu-ša-az kat-ta ú-iz-zi

5. [I]-NA uruTa-ta-[šu]-na pa-iz-zi

8. na-aš-kán uruTa-ta-šu-[na-az] ar-ḫa pa-iz-zi . . . an-da-an

9. uruš-tu-ḫi-la pa-iz-zi

10. . . . . uru[š-tu]-ḫi-la-az-ma an-da-an uruḫa-ak-ma-ra

11. pa-iz-zi

15. dUTU-ŠI-kán ku-wa-pí uruḫa-at-t[a-ri-na]-a ú-iz-zi

33. . . . . ma-aḫ-ḫa-an dUTU-ŠI I-NA ḫar-sa gPiš-ku-ru-nu-wa

34. ša-ra-a pa-iz-zi

4. «...Он из [города λ]аттуса спускается

5. (и) идет в город Тата[су]на....

8. Он из Татасу[ны] выходит (и) в

9. город Истухила идет.

10. .... А из [Исту]хилы в город Хакмара

11. он идет....

15. Когда Солнце поднимается в город Хат[тарин]а, ...

33. .... Когда Солнце в горы Пискурунува

34. поднимается....»³.

Прибывая в города Татасуна, Истухила, Хакмара, Хаттарина и горы Пискурунува, царь приносит соответствующие жертвы их богам, описание которых нами опущено.

² KUB, VI, 45. См. также A. Goetze, ANET, 1950, стр. 397 сл.

³ KUB, XXII, 27. См. подробно F. Cornelius, *Orientalia*, Roma, Vol. 27, Fasc. 3, 1958, стр. 243 сл.

Согласно приведенному отрывку, исходным пунктом для царя является город Хаттусы. А город Хаттарина находился в районе Хаттусы. Между ними же были расположены поселения Татасуна, Истухила и Хакмара. Следовательно, указанные три населенных пункта также следует искать в рассматриваемом районе.

Одни из хеттских текстов свидетельствует о составе района Хаттусы:

III. 9—11 pu-za-kán DAM-an e-ša-ri nu I-NA uguTa-ú-i-ní-ja an-da-an pa-iz-zi

24—26. ma-aḥ-ḥa-an-ma ðAM-an I-NA uguWa-ar-ga-ta-ú-wi ma-an-ni-in-ku-wa-aḥ-ḥi

9—11. «Жена садится и в город Тавинийа идет....»

24—26. А когда жена приближается к городу Варгатави,....»⁴.

Мы здесь не приводим описание ритуала. По сообщению текста, какая-то женщина из Хаттусы с целью исполнения ритуала на носилках отправляется в город Тавинийа, а потом в Варгатави. То, что она отправляется в Тавинийа на носилках, указывает на близость Варгатави и Тавинийа к Хаттусе. Следовательно, эти поселения находились, вероятно, в районе Хаттусы.

Относительно установления границ района Хаттусы весьма интересен сохранившийся список с перечислением поселений по районам центральной страны Хатти. По этому списку в Хатти, кроме Хаттусы, входили следующие районы: Катапа, Тахурпа, Кукувава, Картапахз, Салма, Парсананхила, Самлусна, Тиссува и Дунча⁵.

В работе «Восточные провинции Хеттской империи» в разделе «Тахурпы» нами установлено, что между Хаттусой и Тахурпой находились поселения Хакмара и Татасуна, а в разделе «Кукувава» — что на дороге между Анкувой и Хаттусой — находились Имрала и Хубигаса. Значит, район Хат-

⁴ KUB, XI, 32. По названию города Тавинийа были наименованы одни из городских ворот Хаттусы — см. N. Güterbock, INES, XX, 1961, № 2, стр. 86—87.

⁵ HT, № 2.

тусы с юго-востока граничил с Тахурпой, а с востока—с Кукувавой⁶.

Кроме указанных районов, Хаттуса имела общую границу и с Картапахой, о чем свидетельствует один из хеттских культовых текстов, в которых описывается ритуальное шествие, посвященное богу Дат(т)а Ципаландскому:

III, 1—3. A-NA dU u^{ru}Zi-pa-[la-an-da] A-NA KASKAL
EZEN+ŠE ku-wa-pi u^{ru}Kar-ta-pa-ḫa pa-iz-zi

1—3. «Когда идут в город Картапаха с целью
дорожного праздника, посвященного богу
Дат(т)а города Ципаланда...»⁷.

Если учесть, что известные нам религиозные шествия всегда начинались из Хаттусы, то будет ясно, что и в данном случае именно из Хаттусы люди попали в Картапаху.

Как мы увидим ниже, район Картапахы имел общую границу и с Анкувой, с которой граничил также район Хаттусы.

Итак, из сведений хеттских текстов, согласно которым во время религиозных шествий из Хаттусы через поселения Хакмара и Татасуна можно было попасть в Тахурпу, а через Имралу и Хубигасу—в Анкуву (центр Кукувавы), в Картапаху же—из Хаттусы, можно предположить наличие общих границ с Хаттусой районов Тахурпа, Кукувава и Картапаха.

Картапаха

Согласно списку центральных районов, в Картапахе находились следующие населенные пункты: Хацкалла, Цилпитта, Алгамаха, Лахтарахура, Тасумийа, Дулма, Саккура, Маристаха, Тыльмийа, Таста, Духаонийа, Сануккита и Дупницалма⁸.

Другой текст, описывающий религиозное шествие, свидетельствует о порядке отправления из Хаттусы в Картапаху с целью исполнения праздника, посвященного богу Датта ципаландскому⁹. Согласно указанному тексту, районы Кар-

⁶ В. Н. Хачатрян, Восточные провинции Хеттской империи, Ереван, 1971.

⁷ KUB, XI, 33.

⁸ НТ, № 2, II, стк. 20—33.

⁹ KUB, XI, 33, III, IV.

тапах и Хаттусы граничили между собой. Кроме того, в тексте перечислены все те продукты и жертвенные животные, которыми помазаннык города Картапаха должен обеспечить ритуал. Затем перечислены продукты, которые должны быть доставлены туда из города Хипурийя, Халипута, Митта и Даха (Таха)¹⁰.

Исходя из того, что перечисленные продукты для каждого из этих городов сравнительно меньше, чем продукты, выделенные для Картапахы, и исполнители праздника из Хаттусы идут именно в Картапаху, где получают продукты для остальных городов, приходим к заключению, что упомянутые города находились в районе Картапахы.

О границах района Картапахы рассказывает также один из древнехеттских текстов, согласно которому поселения Варатта и Харпуста находились между населенными пунктами Санайаванца, Талипацийя, Халипутта и Иттума¹¹. Талипация и Халипутта, как об этом шла речь выше, были расположены в районе Картапахы. Следовательно, там же находился и город Варатта. Название же Варатарусна, возможно, следует воспринимать как «поселение Варата, лежащее в стороне (?)»¹². Отсюда предполагается, что поселения Варатта и Варатарусна находились рядом: первое из них было расположено у Талипацийи и Халипутты, лежавших в свою очередь в районе Картапахы, а Варатарусна была рядом с Вараттой—в районе Анкувы. Следовательно, районы Картапахы и Анкувы граничили друг с другом.

Так обстоит дело и с общей границей между районами Картапахы и Парсананхилы. Как уже говорилось, в районе Картапахы находился город Таха (ср. Тахандурийя в Парсананхиле). Любопытно, что в хеттском имеется слово *andurija*—«внутренний», на основании которого Тахандурийя, возможно, следует объяснить как «Внутренняя Таха». Это ука-

¹⁰ КВо, X, 10. IV, стк. 13—24. Здесь в качестве городов района Картапахы упомянуты: Марисдуха, Дуницалма, Талиция и Таста.

¹¹ KUB, XL, 106, III, 4—10. См. *H. Klengel*, MIO, 8 (1961), стр. 15 сл.

¹² Последний же напоминает поселение Варатарусна, находившееся в районе Анкувы. Конечно, это разные населенные пункты. Ср., например, Эратели и Эратели-ули—*H. В. Арутюнян*, Биайнили, Ереван, 1970, стр. 222 и 418.

зывает, по-видимому, на близость упомянутых поселений. Следовательно, районы Картапах и Парсананхилы, очевидно, были расположены по соседству. Указанное выше мнение подтверждается одним, правда дефектным, текстом. В нем описывается нападение касков на поселения Тухасу[...] и Тахантар[рийа], и часто встречаются выражения «люди—каскаки» и «пришли»¹³. Из текста видно, что указанные населенные пункты находились рядом. Название Тухасу[...], быть может, следует отождествить с поселением Духасийа в районе Картапах, а Тахантаррийа—с Тахандурийа (ср. Тахандарийа дубликата этих же списков)¹⁴, входившей в состав Парсананхилы¹⁵. Имеющееся в указанных выше названиях колебание d/t широко известно в хеттском письме. На основании всего этого можно предположить, что районы Картапах и Парсананхилы граничили друг с другом.

Иначе объясняется наличие общих границ между Картапахой и Салмой. Выше уже говорилось о том, что поселение Мита находилось в районе Картапах. Согласно сообщению другого ритуального текста, для городов Мита и Салма в Хаттусе выделялось несколько статуэток¹⁶, что и указывает на их близость. Это дает основание предположить наличие общих границ между районами Картапах и Салма.

Итак, поселение Варатта, лежавшее в районе Картапах, находилось рядом с Варатарусной (в районе Анкувы), что и указывает на наличие общих границ между Картапахой и Анкувой. Таким же образом, при сопоставлении названий поселения Таха (в Картапах) и Тахандурийа (в Парсананхиле), мы приходим к заключению, что районы Картапах и Парсананхилы были соседними территориями. А установленные местоположения Миты (в Картапах, где-то у Салмы), дает основание предположить близость Картапах к Салме. Исходя из этих соображений, мы приходим к выводу, что район Картапах был расположен, по-видимому, между районами Анкувой, Хаттусой, Парсананхилой и Салмой.

¹³ КUB, XXIII, 17, 2—12. Многие из указанных текстов, ввиду их фрагментарности, не были изданы.

¹⁴ KBo, II, 31, 20.

¹⁵ HT, 2, III, 17.

¹⁶ HT, 4, 8—9.

Имея в виду, что район Анжувы был расположен в бассейне верхнего течения реки Делидже, Хаттусы—у Богазкёя, Салмы—в районе античной Галатии, Картапаху следует, по-видимому, локализовать между указанными пунктами, т. е. в бассейне среднего течения реки Кызыл-Ирмак, ниже слияния с ней притока Делидже.

Салма и Парсананхила

Согласно списку центральных районов страны Хатти, Салма имела следующие поселения: Ангуллия, Хапцисна, Пипискава, Импация, Хамманда, Исхенкала (?), Целпутта, Татания, Камавия, Тапеллу, Тахапина, Галвадда, Анталлия, Урантия, Анхелла, Касайя, Ваддуматва и Ваххаспа¹⁷.

Город Анхелла тождествен с *Anchelu Tabula Peutingeriana*, находившимся где-то у Анкары. Как будто, это сопоставление указывает на то, что район Салмы занимал примерно античную Галатию. В победных текстах город Салма вовсе не упоминается, что и говорит в пользу его местоположения в центральной Хатти.

Район Парсананхилы¹⁸, согласно списку центральных областей Хатти, имел следующие поселения: Парсананхита, Кадаха, Хахалия, Сантасарра, Тивалия, Хапардуна, Тахандурия, Ваннипар, Миса, Парсананция, Исхахара, Хапутта и [.....]тиса¹⁹.

Отождествление Салмы с Галатией приводит к выводу о том, что между последней и районом Хаттусы должен был находиться другой район, который, как и первые, граничил с Картапахой. В соответствующем разделе выше мы

¹⁷ НТ, 2, I, 28—30, II, 1—19.

¹⁸ Интересно, что в названии Парсананхила Э. Лярош выделяет компонент *hila* «двор, имущество». Хеттское слово *parsana* означает «пантера, леопард» (род. п. ед. ч. с окончанием *an*). Основа же *parsana* сама представляет форму косвенного падежа от *parsa*. Любопытно, что в другом списке центральных районов вместо Парсананхилы выступает район Парса. RHA, 19/69, 1967, стр. 82, KUB, VI, 45, II, 2+KUB, VI, 46, II, 45. Ф. Корнелиус предлагает его искать у юго-западных пределов Картапы, в бассейне среднего течения Кызыл-Ирмака—см. *Orientalia*, Roma, 1958, vol. 27, № 4, стр. 390 сл.

¹⁹ НТ, 2, III, 3—27.

уже видели, что с Хаттусой граничил и район Парсананхилы, который в свою очередь был расположен у Картапахи. Если наше предположение верно, то Парсананхила следует локализовать между Салмой и Хаттусой, у Картапахи.

Самлусна

В списке центральных районов Дунна вместе с Тиссувой занимает последнее место. Однако там не перечислены названия относящихся к ним поселений, как это сделано в отношении других районов²⁰. Это обстоятельство, быть может, указывает на то, что они представляли небольшие районы. В этой связи привлекает внимание также тот факт, что эти районы в хеттских текстах фигурируют весьма редко. По нашему мнению, прав Э. Форрер, когда город Дунна хеттских текстов отождествляет с античн. Туане несколько к востоку от совр. Аксарая²¹.

Итак, после локализации всех центральных районов страны Хатти, на карте остается район совр. Кыршехира в низиие реки Кызыл-Ирмак, который окружен районами Аринна, Тахурпа, Хаттуса, Парсананхила, Дунна и совр. озером Туз. В списке центральных районов остается Самлусна, которую, по-видимому, следует поместить в указанном месте. Но, к сожалению, об этом районе пока мы не располагаем другими, более полноценными данными. По списку лишь известно, что в него входили следующие поселения: Хапинува, Китавеллува, Тахациция, Капарси, Хасерукка, Саттувара, Муттана, Анхирция, Вакина, Циспарна, Хина[...], Саттуда, Сахалутта, Муцананда и Циспинува²².

В заключение следует добавить, что центральную страну Хатти, согласно «Конституции» Телипину²³, в древнюю эпоху окружали следующие страны: Туванувз (совр. Нигде)²⁴, Ху-

²⁰ НТ, 2, V.

²¹ Geogr., стр. 72.

²² НТ, 2, IV, 15—28+V, 1—5. Названия двух поселений на таблице повреждены.

²³ См. *J. Friedrich*, *Der Alte Orient*, 21, 3, 1925, 6—9; 21—22; *Caumont*, *RHA* 1, 1930, 9—14.

²⁴ См. *Kiz.*, стр. 53.

лисна (к востоку от Туванувы)²⁵, Ненасса (несколько к югу от совр. Сиваса)²⁶, Ланда (где-то к западу от совр. Дивриги), Цалара²⁷, Парсуханда (у совр. Невшехира)²⁸ и Лусна (античн. *Lystra* у Коньи)²⁹.

---

25 См. там же, стр. 53.

26 См. там же, стр. 21 сл.

27 См. *Geogr.*, стр. 63—64.

28 См. там же.

29 См. там же.

Н. А. МКРТЧЯН

РЕДУПЛИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ В ХЕТТСКОМ И АРМЯНСКОМ

В индоевропейском языке было известно несколько видов удвоения основ: перфектное, презентное и корневое (или простой повтор корня). Редупликация, или сложение слов посредством повторения корней, как в древнеармянском (=грабаре), так и в современном языке остается одним из важных средств словообразования, особенно глаголообразования¹. Такой способ глаголообразования широко распространен и в клинописном хеттском, где находим большое количество глагольных форм типа полной редупликации или простого повтора корня, например: *ḫulḫulīja* «бороться, сражаться», *raḡiraḡaḡ* «дуть (в музыкальный инструмент)», *galga-ḡnaḡ* «переливаться, защелкать», *kuṣkuṣ(š)* «толочь, ушибить, размельчать, бить», *kurkurāi* «изувечить, изуродовать, разрезать», *wariwagan(t)* «жгучий, пылающий, горячий», *kikiš* «стать, сделаться», *ašaš* «сажать», *laḫlaḫīja* «отправляться в поход», *katkatinu* «окунуться» (?) и т. д.²

Характерен тот факт, что большинство приведенных здесь глаголов встречается и в армянском не только с тем же звучанием, но и с тем же значением. Среди хетто-армянских параллелей особенно возрастает роль глаголов с повторным корнем, так как они выявляют не только сходные слова в хеттском и армянском, но и являются свидетелями сходной сис-

¹ А. А. Абрамян, Глагол в современном арм. языке, I, Ереван, 1962, 136—156.

² J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952. Также его Hethitisches Elementarbuch, Teil I, § 155.

темы словообразования в двух соседних языках: это явление сравнительно редко встречается в других индоевропейских языках. Как мы покажем при рассмотрении отдельных слов, было бы правильным считать такие глаголы заимствованием из хеттского, так как наличие подобной системы словообразования и в армянском дает нам право считать это явлением общего характера, а параллельные формы—воспринимать как изоглоссы данного ареала.

Г. А. Капанцян с сомнением предполагал, что хетт. *kuḡkuḡai* и арм. *k'gk'gel* «искалечить, трепать, разрыхлять»—равнозначные формы и восходят к «малоазийскому» корню *khir-* (*kir*), при варианте *khur-* (*khog*)³. В настоящее время, когда значение хетт. *kuḡkuḡai* установлено твердо, мы убеждаемся в правильности этого предположения; приводим отрывок из «Хеттских законов» § 95, где употреблено *kuḡkuḡai* : *ÍR-ša KA + KAK—ŠU iš-ta-a-ma-nu-uš-šu-uš ku-ur-kur-iš-ki-iz-zi* «Нос и уши слуги искалечат»⁴.

Из клинописных хеттских текстов дошла до нас простая форма этого глагола—*kuer/kuḡ-* «резать»⁵, которая облегчает вопрос установления значения *kuḡkuḡai* и доказывает, что *kuḡkuḡai*—это форма с удвоенной основой, т. е. редуцированная.

Значение клинописного хеттского глагола *katkatenu* или *katkatinu* нуждается в уточнении, так как специалисты предлагали различные значения этого глагола—«нагибаться вниз», «опуститься на колени», «колебать, потрясать», «обмакивать, окунуть, обливать» и т. д.⁶ На наш взгляд, здесь путаются разные по значению, но близкие по звучанию два слова: первое из них образовано от корня *katta* «вниз», а второе от *kat «капля». *katkatt-inu* очень часто встречается в хеттских клинописных текстах о коневодстве, где поручается взять коня к реке и сделать *katkattinu*, напр.: *nam-ma-aš ÍD-i kat-ta*

³ Г. А. Капанцян, Историко-лингвистические работы, Ереван, 1956, 395, 398.

⁴ F. Imparatti, *Le Leggi Ittite*, Roma, 1964, 92, § 95: *Heth. Gesetze*, § 95.

⁵ J. Friedrich, *NW 113, 117* (= *Hethitisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952).

⁶ Там же, 106, также *Ergänzungsheft III, 19* (Heidelberg, 1966).

i-e-ḫu-ta-an-zi na-aš 3 ŠU we-te-ni-id kat-kat-ti-nu-an-zi «Потом коня доставляют к реке и 3 раза водой делают katkati-pu⁷».

В других идентичных предложениях рекомендуется сделать katkatinu 4, 5, 6 раз, и т. д.⁸. Несомненно, здесь речь идет об **обрызгивании** коня, тем более, что употребляется katkattinu с творительным падежом wedenit (от watar «вода»).

Излишне предлагать другие значения katkattinu, так как с водой, разумеется, следует предполагать или **обливание**, или **обрызгивание**, **купание** и т. д. Мы предлагаем эти значения, исходя не только из вышеупомянутых контекстов, но и учитывая наличие в армянском языке параллельной формы kat'kat-el «капать, брызгать», от основы kat'—«капля» (есть и kat'-il «капля»).

В клинописном хеттском galgal-ināi воспринимается как «форма, способ пения»⁹. galgal-ināi часто встречается в текстах похоронных обрядов в таких выражениях: «...и оплакивающие женщины поднимают galgalināi и стоны» (nu galga-li-na-i[z-z]i nu ^{SAL}tap-ta-ra-aš-ša u-e-iš-ki-u-an da-i)¹⁰. Так как глаголы galgal-ināi и weškiwan dā однородны, то нетрудно предположить, что они и по смыслу близки. Г. Оттен в работе „Хеттские похоронные ритуалы“ переводит galgal-ināi как „петь“¹¹, но нам кажется что galgal-ināi—не обыкновенное пение, а пение с плачем и воплями, тем более, что для обыкновенного пения в хеттском существует слово išhamāi¹².

В армянском в значении хеттского galgal-ināi имеется gełgeł-ei — «петь трелью», gełgeł-ank «трель»¹³. Мы

⁷ КВо III, 2 (= Keilschrifttexte aus Bogazköy).

⁸ Там же.

⁹ J. Friedrich, HW, Nachträge, 342.

¹⁰ H. Otten, Hethitische Totenritualen, 1956, 68: Также KUB XXX, XXXIX (= Keilschrifturkunden aus Bogazköy).

¹¹ Там же.

¹² J. Friedrich, HW, 85.

¹³ НСАЯ, I, 536 (=Новый словарь арм. языка, Венеция, 1836—1837 гг.).

имеем возможность процитировать одно из описаний похоронных обрядов армян V в., где оплакивание (= пение с оплакиванием) женщинами выражено этим словом *geiḡei*. Хотя это описание похоронного обряда от хеттских времен отделяют 20 веков, но в своем выражении они поразительно совпадают: *ew jaunarku-k'n amenaun... i meḡ kocoyn barbaḡein geiḡei-eal xandaḡatut'eamb* «И оплакивающие все... среди вопля голосили с *geiḡei* умилением», — рассказывает Ф. Бузанд¹⁴.

В армянском, кроме этого значения, *geiḡei* употребляется в смысле «трель, колоратура, перелив, выщелкивание», напр. *and eḡanaks arkeal geiḡei-ēn (dḡirs)* «Заливаются (дьяконы), сопровождая мелодию». *Aniḡk'eḡn aḡatakein geiḡei* «Колеса вопили *geiḡei*» и т. д.¹⁵ Хотя хетт. *galgal-ināi* и арм. *geiḡei-eḡ* по звучанию и значению — сопоставимые параллели, но источник их трудно указать, так как в семитских языках тоже существуют созвучные слова, напр. в евр. *kilkel* «голос, колос», в араб. *qalqala* «шуметь». Эти формы очевидно звукоподражательные, как и арм. *gḡi-al*, *galgal-iwn*, *kiki-al*, и греческ. *κίλκλι*, *γέγγιλι* и т. д.¹⁶

Хеттское слово *kuškuš* (*š*) воспринимается как «размельчать, распиливать, толочь»¹⁷. Нетрудно проверить эти значения в контексте: *wašši^{III.A} da-a-i nu wa-aš-ši^{III.A} ku-uš-ku-uš-ša-an-zi* «Скорлупы берут, скорлупы толкут (=размельчают)¹⁸. *SAR^{III.A} -ma ḡu-u-ma-an ku-eš-ku-eš-zi* «Зелень всю тоже размельчают»¹⁹. От слова *kuškuš* образовано также *DUG^{III.A} kuškušulli* «ступка»²⁰, которое встречается вместе с глагольной формой в следующем предложении: *na-at-ša-an A-NA DUG^{III.A} ku-uš-ku-uš-šu-ul-li kaḡ-ta ku-uš-ku-uš-zi*. «Потом в ступке размельчают (=делают *kuškuš*)»²¹. По своему значению и звучанию хетт. *kuškuš* напоминает арм. *koškoč*, которое воспринимается как «разбиты, биты», откуда глагол *koškoč-*

¹⁴ Ф. Бузанд, История Армении.

¹⁵ НСАЯ, I, 536.

¹⁶ Там же.

¹⁷ J. Friedrich, HW, 120.

¹⁸ KBo V 2 IV 40—41.

¹⁹ KUB VII 1 25.

²⁰ J. Friedrich, HW, 130.

²¹ KBo V 2 IV 22—25.

el «разбивать, избивать, разламывать, бить, ломать, ударять». В армянском употребляются также формы koškočamañ «смерть от избивания», koškočič «колотушка, трепало», añañakoškoč «побойще, разгром». В контекстах встречаем kēsķ'n koškočeañ «половина разбилась», koškočel k'arambķ' «каменем разбить», afeal zosķin koškočeał zgluxs dičñ iwreanc psakoķ zardaren. «Взяв золото расплющенное, украшают венком головы своих богов» и т. д.²² В армянском засвидетельствована и простая форма koš-el²³, что дает нам право рассматривать koškoč-el как редуцированную форму от koš, хотя некоторые специалисты считают, что koškoč — от корня koš²⁴.

Хетто-армянские лексические параллели приобретают особое значение тогда, когда в сопоставленных формах значение хеттского слова не известно или определено приблизительно. Таковы в хеттском слова ^{SAL}gangatitalla, ^{UTUL}gangatī, gangatāi; из них ^{SAL}gangatitalla предлагается перевести «жертвующая овощной суп», поскольку слово ^{UTUL}gangatī название какого-то блюда (ритуального), где наличествует идеограмма ^{UTUL} «обед, кушанье»²⁵. Насколько убедительно это, если для нас остается пока неясным, что представляет собой это кушанье? Обратимся к контексту:

Зоммер и Элолф переводят ^{UTUL}gangatī «жертвенная каша», а Э. Лярош — «овощной суп», И. Фридрих объясняет: «трава и овощи», т. е. «овощной суп и травяной суп». Делается вывод, что глагол gangatāi обозначает «угостить овощным супом; насытить, удовлетворить» или «очиститься обрядом, замолить, искупить, примирить»²⁶. Армянокий хеттолог В. Хачатрян предлагает переводить gangatāi «гадать»²⁷, Г. Кронассер — «стремиться к жертвоприношению, под-

²² НСАЯ, I, 1115—1116, НАС 447.

²³ Там же; также, Г. Джаукян. Очерки..., стр. 165—169.

²⁴ Р. Ачарян, КСАЯ (= Корневой словарь арм. языка), Ереван, 1926—1935, 3, 1131.

²⁵ J. Friedrich, HW 98.

²⁶ Там же.

²⁷ В. Хачатрян, Хеттская надпись КУВ XXIX, 4, Историко-филологический журнал, 1964, № 2, стр. 165—181 (на арм. языке).

готовиться», или оставляет без перевода²⁹. Разгадке значения хетт. gangatāi, на наш взгляд, может помочь сохранившееся в армянском языке созвучное слово gangat «шепот, жалоба» и глагольная форма—gangat-ei «жаловаться, шептать, сетовать» и т. д.³⁰. Приводим хетт. gangat-āi в контекстах, чтобы убедиться, насколько оправдывают себя предлагаемые значения gangat-ai: nu hu-u-da-ak DINGIR^{LUM} IŠ-TU ŠA LUGAL hu-u-ma-an-da-a-aš hu-u-ur-dī-ja-aš ud-da-ni-i ga-an-ga-ta-a-iz-zi. «И бог (главный жрец) вместе с царем немедленно о каждом проклятом деле царя делает gangat (=жалуется? рассказывает шепотом?) перед сосудом царицы»³¹.

Далее рассказывается как царь делает gangat вместе со жрецом, или вслед за ним о своих заклинаниях, после чего следует обряд причащения. В 41—42 строках говорится: «А затем бог почетной клятвы у «сосуда царя», вместе с прорицательницей, тестом похлебки и «платком почетной клятвы» делает освящение во рту»³². На наш взгляд, причащению и освящению предшествует исповедь, что выражается глаголом gangatāi, отсюда ясно, что и растение gangati^{SAR} и жрица^{SAL} gangatitalla именуется по названию обряда, а не наоборот. Очищение царя и царицы от колдовства, зла, проклятия совершается перед богом и жрецом, который, выслушав жалобы, сетования царя и царицы после 13-дневных обрядов, освобождает их от грехов и колдовства. Итак, на наш взгляд, хетт. gangat и арм. gangat равнозначные слова: хетт. gangat (āi) имеет значения «жалоба, сетование».

Р. Ачарян арм. gangat/k'ank'ad считает словом с повторным корнем, но каков простой корень, гап или gat, остается невыясненным³⁴.

В клинописном хеттском цагцаран(t) имеет значение «пылающий, жгучий, пламенеть, гореть». Оно образовано

²⁸ Н. Kronasser, Die Umsiedelung der schwarzen Gottheit, стр. 49—50.

²⁹ НСАЯ, I, 528; НАС, 203.

³⁰ КУВ XXIX 7 I 1—2; Н. Kronasser, Die Umsiedelung...

³¹ КУВ XXIX, 7 I 41—42.

³² Там же.

³³ Р. Ачарян, КСАЯ, II, 63; его же, ПГАЯ, III, 92.

повторением корня *waḡ-* „жечь, гореть“ и суффиксом причастия *-ant/-an*³⁵. В армянском также встречается это слово *waḡvaḡ*, глагольная форма *vaḡ-el* „жечь, гореть“³⁶ и редуцированная форма *vaḡvaḡ-il*, чаще же прилагательная форма *vaḡvḡan* или *vaḡvḡun*. В армянском (в грабаре) встречаем параллельные формы, как сложные, так и составные, которые воспринимаются как сложные слова, что лишний раз доказывает образование этих слов в армянском самостоятельно, независимо от хеттского, напр., *vaḡ i vaḡean* иногда пишется как одно слово—*vaḡivaḡean*, *vaḡivaḡeal*. *Cir ciranoḡ vaḡ i vaḡeal zdems*. „Предо мной пламенный путь порфиры“. *Karmraḡaḡ aḡeal vaḡ i vaḡean hnjan koḡeal* „Раскалив докрасна, воспламененным сунул в точило“³⁷. В хеттском в одном тексте мы встречаем *wariwaran(t)* между словами „дерево“ и „топка“: *wa-ri-wa-ra-an GiŠ... nu Ki ra-aḡ-ḡu-ur* „Пылающее дерево... и топка“³⁸.

В клинописном хеттском пониманию значения глагола *ḡuḡuḡiḡa* помогает дошедший до нас хетто-аккадский словарь, где как синоним данного слова употреблено аккадское *MUNDAḤḤSU* (=воин), что вынуждает нас переводить *ḡuḡuḡiḡa* как „бороться, воевать“³⁹. До нас дошла и простая форма *ḡullāi/ḡulliḡa*, которая воспринимается как „отважиться, набрасываться, сопротивляться, возражать, противоречить“, но на этот раз синонимом является не аккадское *MUNDAḤḤSU*, а *ŠALĀTU*, которое имеет значения „прорывать, рассекать, разламывать“⁴⁰. Следовательно, редуцированная форма *ḡuḡuḡiḡa* от глагола *ḡullāi/ḡulliḡa*⁴¹.

Г. Капанцян пробовал армянское слово с повторным корнем *xoḡxoḡ-em* „убивать, резать многократно“ связать с хеттским *ḡullāi/ḡulliḡa*⁴². Не только различие в смысле, но и

³⁵ *J. Friedrich*, HW, 245, HE, § 17a.

³⁶ НСАЯ, II, 785, НАС, 749—750.

³⁷ НСАЯ, II, 785.

³⁸ KUB XVII 10 III 22.

³⁹ *J. Friedrich*, HW, 74.

⁴⁰ Там же, стр. 73.

⁴¹ Там же, стр. 74.

⁴² Г. А. Капанцян, ИЛР, 363 (=Историко-лингвистические работы, Ереван, 1956).

несхожесть форм этих слов делает сравнение сомнительным. Замечая это различие, Г. Б. Джаукян сопоставляет с хетт. *ḫullija* арм. *holēl*, принимая только значения „рассеять, изгнать, отбивать“, а *ḫulḫulija* с арм. *hoḫol-el*⁴³. Как видим, эти сопоставления кажутся правильными с точки зрения фонетической, но, по нашему мнению, правильнее было бы с хетт. *ḫulḫulija* сопоставить арм. *hoḫol-el*, которое образовано редуплицированием основы *hol*. Значения арм. *hol-el* в некоторых словарях даны неправильно. Например, словарь С. Амагуни „Айоц бар у бан“ („Армянское слово и и речь“) *hol-el* и *hoḫol-el*, считая синонимами, поясняет так: „Палку сунуть куда-нибудь или во что-нибудь и качать в разные стороны“⁴⁴, но контексты не подтверждают приведенных им значений, ни вышеупомянутые объяснения, ни объяснения „Настольного словаря“⁴⁵: напр., *ḵan suarateḷ k'rk'rel em, hoḫolel em* „Я рылся в рыбьем ястыке и растрепал, разрыхлял (= *hoḫolel*)“ или: *P'etə kaheṣ oḵi bni meḵ holeṣ* „Он сунул палку в змеиную нору и разрыл её“. Еще примеры: *Ḡkneri bunə holeṣ, ḡknerə p'axan* „Разрушил мышиную нору и мыши разбежались“, *sur-sur miḫeri berannerov... dēpi himk'erə holelov, hoḫolelov* „острыми кончиками молотков разрыхляя, разрушая фундаменты...“ (= *holelov hoḫolelov*) и т. д.⁴⁶. Как видим, и простая форма — *hol-el* и редуплицированная форма *hoḫol-el* — равнозначные слова и выражают значения „разрушить, разрывать, разрыхлять, разлагать“. Р. Ачарян в своем „Диалектном словаре“ (= Гаваракан бараран) дает такое же объяснение слова *hoḫola*: „ответшальный, разрушенный“, *hoḫol-el* „рыться“⁴⁷. По нашему мнению, после этих уточнений, арм. *hol-el* можно свободно сопоставить с хетт. формой *ḫull-ai/ḫullija*, а арм. *hoḫol-el* — с хетт. *ḫulḫul-ija*.

43 Г. Б. Джаукян, АндИЯ, 150 (= Армянский и древние и.-е. языки, Ереван, 1970).

44 С. Амагуни, Айоц бар у бан, Вагаршапат, 1912, стр. 287.

45 НАС, 384, НСАЯ, I, 957.

46 С. Амагуни, ук. соч., стр. 287.

47 Р. Ачарян, Провинциальный (= диалектный) словарь. Тифлис, 1912, стр. 481.

Конечно, хеттских и армянских редулицированных форм существует гораздо больше, чем сохранившиеся параллели, которые мы могли привести здесь. Дело в том, что в ряде случаев в хеттском или армянском сохранились либо только простые, либо только редулицированные формы, напр.: в армянском от k'rk'g-el и hetak'rk'ig можно догадаться, что k'rk'g-el образован от простого корня *kig-el, которое в армянском не встречается. Наоборот, в хеттском употребляются и простая форма этой параллели kueg и редуликация—kurkur-ai. В арм. ĭax-el „сильно ударять, разламывать, разбить, разорвать,“ „имеет и редулицированную форму ĭaxĭax-el „разгромить, сокрушить, разможить“⁴⁸, а в хеттском сохранилась только простая форма zaḥḥija со значением „разгромить, сокрушить, бить“⁴⁹. В армянском от существительного ар' „горсть“ образована глагольная форма ар'-el „отнимать, захватить“ в диалектах есть и форма ар's-el, в древнеармянском часто ар's asel „взять в горсть“, имеется и редулицированная форма har'ar'el (=h+ar'+ar'+el) в значении „захватить, отнять, взять, брать“, напр.: Evgorē i Kretaçwoç har'-ar'eçaw „Европа была захвачена крисянами“⁵⁰.

Арм. ар', ар'-el можно сопоставить с хетт. ар-/ер— „захватить, брать, взять, отнимать“⁵¹, от которого не засвидетельствована форма с повторным корнем.

Также в армянском имеется šor-el и šoršor-el (šawr-el) „соскабливать, соскребать, отнимать“, в хеттском только šar-ija „соскабливать, соскребать“⁵².

В армянском имеется aip', aip'-un „поврежденный“, и zaip'aip'-un „шаткий, разрушенный, обветшалый“, а в хетт. имеется только aip-ant „больной, поврежденный?“⁵³.

Конечно, было бы неправильно считать образование новых слов с помощью повторения корня (редулицирования) монополией индоевропейских языков, так как такой словооб-

⁴⁸ НАС, 703, НСАЯ II.

⁴⁹ J. Friedrich, HW, 256.

⁵⁰ НСАЯ II.

⁵¹ J. Friedrich, HW, 41.

⁵² Там же, стр. 183.

⁵³ Там же, стр. 20

разовательный способ не чужд и другим, неиндоевропейским языкам, например шумерскому, аккадскому, хурритскому, грузинскому и т. д. Но среди н.-е. и не н.-е. языков этот способ нигде не приобретает такого широкого распространения, как именно в этих двух соседних языках—в хеттском и армянском.

Возможно, что из н.-е. языков такое большое распространение словообразования способом редупликации только в хеттском и армянском—результат длительного общения с соседними неиндоевропейскими языками, где также можно показать много примеров глаголосождения с повторным корнем. Например: шумерское ug_4-ug_4 «качать» в аккадском встречается как $ug(g)ug(u)eg(u)$ ⁵⁴ также с значением «качать», что через аккадский перешло в армянский: $eger-el, ogog-el$ «качание», «качать» и т. д. (от $awgawg-el > ogog-el$).

В армянском явление редупликации до наших дней не потеряло своей жизнеспособности при словообразовании и особенно при глаголообразовании с итеративным значением, например: от bek имеем $bekbek-el$ «изломать», от $*arg$ — $argarg-el$ «возбуждать, раздувать», от $*er$ или $*og$ (awg)— $eger-el/ogog-el$ «шататься, качнуться», от $*r'au$ — $r'aur'au-el$ «ласкать, лелеять», от $*k'au$ — $k'auk'au-el$ «разваливать, разорять», от $*oi$ (awi)— $oioi-el$ «омывать, заливать» и т. д.

В современном армянском образованы сотни новых редулицированных глаголов, которые не встречаются в грабаре, например: $calcl-el$ «складывать» (от cal), $camcm-el$ «пожевывать, жевать» (от cam), $pa\check{c}p\check{c}-el$ «расцеловывать, расцеловать» (от $pa\check{c}$), $p'ogp'g-el$ «перекапывать, перекопать», (от $p'og$), $vazvz-el$ «побегать» (от vaz), $\check{so}\check{soi}-ai$ «сверкать, сиять» (от soi) и т. д.

⁵⁴ ANw 65—66, FD AN 138.

Г. ФРАЙДАНК

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОТНОШЕНИЯХ СРЕДНЕАССИРИЙСКОГО ЦАРСТВА С СЕВЕРНЫМИ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМИ СТРАНАМИ

Общеизвестно, что название Урарту впервые встречается в надписях среднеассирийского царя Салманасара I. Рассказывается о восьми странах, которые в совокупности называются Уруатри. При сыне и наследнике Салманасара I — Тукульти-Нинурте I этот же район впервые упоминается под названием Наири; название Уруатри в указанный период уже не встречается¹.

Как известно, при Тукульти-Нинурте I широко использовался труд пленных и переселенцев для осуществления крупных строительных проектов царя и, прежде всего, для сооружения нового города Кар-Тукульти-Нинурта. Основную часть таких рабочих — не ассорийцев после покорения Вавилонии, составляли касситы. Но в Кар-Тукульти-Нинурте, в Ашшуре и в других местах царства жило и работало также много других лиц иностранного происхождения².

В клинописных источниках имеются данные о переселенцах из стран Наири. Один из неопубликованных среднеассирийских документов³, например, касается однократной выдачи шерсти 993 лицам, работавшим в Кар-Тукульти-Нинурте. Среди них 720 субарейцев, т. е. хуритов, 174 человека из страны Кадмухи и 99 человек из страны Наири. Хуриты получа-

¹ Ср. Н. В. Арутюнян, Биайнили (Урарту), Ереван, 1970, стр. 17 сл.

² Ср. E. F. Weidner, Studien zur Zeitgeschichte Tukulti-Ninurtas I, AfO 13, 1939—1941, стр. 121 сл.; H. Freydank, Zwei Verpfligungstexte aus Kar-Tukulti-Ninurta, AoF 1, 1974, S. 55—89.

³ VAT 18002

ли по десять мин шерсти, люди из Кадмухи и Наири—по двадцать мин.

Между прочим, шерсть получалась от захваченного в Вавилонии мелкого рогатого скота. Кроме того, документ упоминает некоторых строителей, получавших по три, два или одному таланту шерсти, т. е. значительно больше, чем остальные рабочие.

Среди имен этих строителей встречается имя Urad-^dInua. В аккадском пантеоне божество с таким именем, по-видимому, неизвестно. Но в урартских источниках, а именно в надписи из Мхер-капуси, упоминается имя богини, которая, по мнению Г. А. Меликишвили, называлась ^dInuanaue⁴. По Ф. В. Кёнигу, Inua-naue является дательным падежом множественного числа, т. е. «божествам Inua»⁵.

Решение этого вопроса входит в компетенцию урартологов; однако же вполне ясно, что основа имени—^dinua.

Можно указать еще на два известных среднеассирийских имени: Кидин-Халди и Халди-э[...], которые перечислены у Cl. Saporetti⁶.

Еще два примера имен урартского происхождения имеются в неопубликованном среднеассирийском тексте из Ашшура, дата которого не сохранилась⁷. Он содержит, главным образом, список женских и мужских имен. На этой табличке еще раз встречается имя бога Халди в имени m^ṣil-li-^dHal-di-e. Имя матери этого человека, к сожалению, не сохранилось.

В другом случае отец женщины по имени Ṭar-pu-ti-^dNIN-É.GAL-lim⁸, носит имя Er-ri-me-na. При имени Errimena отсутствует детерминатив мужских имен, однако сходство с урартским царским именем Erimena настолько ясно, что идентичность этих имен едва ли может вызвать сомнение.

⁴ См. Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960, стр. 144, 146, 149 (прим. 26) и 430.

⁵ F. W. König, Handbuch der chaldäischen Inschriften, Graz, 1955—1957, S. 188.

⁶ Cl. Saporetti, Onomastica medio-assira, I/II Roma, 1970, I, p. 224, 283.

⁷ VAT 18086 (Ass. 16308g).

⁸ Женщина по имени Tarrūti-Belat-ekalli упоминается также в тексте KAR 220 (ср. Cl. Saporetti, I, p. 478; E. Ebeling, Mittelassyrische Rezepte zur Herstellung von wohlriechenden Salben, Orientalia 17, 1948), который датируется временем царствования Тукульти-Нинурты I.

Из указанных выше имен особый интерес представляет имя Еггімена, идентичное с урартским царским именем Егімена. Это тем более важно, если иметь в виду, что в урартских письменных источниках Егімена в основном выступает в качестве не собственного имени самого царя, а отчества Русы III (Руса, сын Эримены).

Приведенные выше факты автор склонен считать результатом тесных взаимоотношений ассирийцев со своими северными соседями—урартами.

С. КАШКАИ

О ГОРОДАХ-КРЕПОСТЯХ НА ТЕРРИТОРИИ МАННЫ

Территория Южного Азербайджана и в особенности районы Приурмийского бассейна в последнее десятилетие находятся в центре внимания археологов и историков. Богатые материалы, обнаруженные при раскопках в Хасанлу к юго-западу от озера Урмия, дали толчок к повсеместному выявлению и обзору древних поселений, большинство из которых имеет слой, относящийся к началу I тыс. до н. э., времени, когда, по ассирийским и урартским источникам, на указанной территории образовалось государство Манна.

Начало I тыс. до н. э. характерно тем, что население начинает укреплять свои поселения в наиболее благоприятных и выгодных в стратегическом отношении местностях, превращая их в неприступные крепости. Постепенно некоторые из этих поселений становятся настоящими городами.

Яркой иллюстрацией этого переходного этапа является прекрасно выполненные Р. Дайсоном раскопки поселения на холме Хасанлу, где стратиграфическая последовательность культур доходит до VI тыс. до н. э. Небольшие постройки из нетесанных каменных оснований и необожженных квадратных кирпичей конца II тыс. до н. э. сменяются более крупными зданиями начала I тыс. до н. э. (хотя сохраняются прежней формы кирпичи $38 \times 38 \times 16$ см) и строительная техника: при постройке зданий сохраняется принцип использования ряда целых кирпичей с рядом половинных, что давало ширину стены приблизительно в 60 см), которые обносятся уже

I R. H. Dyson. Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu, JNES, XXIV, 3, 1965, стр. 197.

мощной каменной стеной, способной выдержать длительную осаду.

Ассирийские и урартские клинописные источники, называющие поселения Маннейского государства, делят их на укрепленные города-крепости „*ālāni dannūti*“, которые они захватывали после длительного боя (а иногда это им даже не удавалось), и на поселения, которые располагались вокруг этих крепостей „*ālāni šehrūti ša lemēti-šunu*“.

Урартские тексты, кроме того, отмечают существование дворцов во взятых городах и называют укрепленные крепости «*Ē.GAL agunni*» в противоположность простым поселениям, называемым URU².

Но „*ālāni dannūti*“ не все были одинаково городами—населенными пунктами. Некоторые из них, видимо, были просто оборонительными сооружениями, занимавшими стратегически важные позиции и защищавшими подступы к более важным населенным центрам. В них сосредоточивалось некоторое количество войска для предотвращения вражеского проникновения. Сюда же на время обороны стогнался скот и укрывались жители близлежащих деревень. Эти крепости занимали небольшую площадь на вершине холма, обнесенную стеной. Видимо, такой крепостью являлась в древности Зибна (Узбна, Иззибна), топографическое описание которой дал Р. Дайсон. Развалины древней крепости находятся на холме высотой в 90 м. Верхняя часть холма, окруженная стеной из сырцовых кирпичей, где находятся остатки небольших построек, занимает очень ограниченное пространство. Сам Р. Дайсон говорит, что невозможно считать это городом, в смысле постоянного местожительства населения³.

Крепость Зибна А. Годар локализует на холме, около места находки клада, недалеко от современной деревни Зивие; другая крепость, Армаит (Урмейате), также упоминаемая ассирийскими источниками вместе с Зибна, локализуется

---

² См. Г. А. Меликишвили, Вопросы истории Маннейского царства, ВДИ, 4, 1968, стр. 70. О городах см. также И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 185—188; И. Г. Алиев, История Мидии, Баку, 1960, стр. 200—202.

³ R. H. Dyson, Archaeological Scrap Glimpses of History of Ztwiye, „Expedition“, V, 3, 1963.

им рядом, на месте современной деревни Сахаб. Находящееся в пяти километрах порождище Капланту А. Годар отождествляет с Изирту⁴; правда, И. М. Дьяконов считает это сомнительным⁵. Во всяком случае, маннейская столица Изирту находилась в непосредственной близости от крепостей Зибиа и Армаит. Они всегда упоминаются вместе, и к Изирту ассирийцы подходили после разрушения этих крепостей. Видимо, они именно являлись оборонительными сооружениями, построенными недалеко от столицы Манны, и защищали подступы к ней.

К этому же типу относятся небольшая крепость, раскопанная в Аграб-тепе, недалеко от Хасанлу, и крепость Сарандж-кала, на берегу р. Аракс. Крепость на Аграб-тепе окружена стеной с выступающими башнями. Она была сожжена два раза и восстанавливалась по первоначальному плану. Возможно, что сооружения на Аграб-тепе служили препятствием к подходам к самому городу, расположенному в древности на холме Хасанлу⁶.

Почти полностью сохранившиеся мощные крепостные стены Сарандж-кала с башнями, близко поставленными на западной стороне и реже на восточной, ограждают небольшой участок вершины холма. Каких-либо других построек в пределах стены не найдено⁷.

Оборонным целям служили также башни, строившиеся вдоль границ государства. Имеется сообщение Саргона II о строительстве в маннейской области Сангибуту специальных башен, уведомляющих о приближении врага: a-na ubānātmeš šadē di-ma-a-te ru-uk-ku-sa-mē šu-zu-uz-za-a ki-da-at ab-ri šā šepē nak-ri ul-lu-ú-te ma-dì-tú še-ri li-lá-a-te e-mu-gu-ma ú-ad-du-ú «на горных вершинах были утверждены башни, днем и ночью они следили за зажиганием костров и сообщали о приближении далекого многочисленного врага»⁸.

⁴ A. Godard, Le tresor de Ziwiye (Kourdistan), Haarlem, 1950, стр. 127.

⁵ И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 207.

⁶ R. H. Dyson, Hasanlu et les vallées de Solduz et d'Ushnu, „Archaeologie vivante“, I, 1968, стр. 85.

⁷ W. Kleiss, Bericht über Erkundungsfahrten in Iran im Jahre 1970, „Archaeologische Mitteilungen aus Iran“, IV, 1971, стр. 58.

⁸ F. Thureau-Dangin, Une relation de l'huitième campagne de Sar-gon II, Paris, 1912, стрк. 249–250; АВИУ № 49, стр. 328.

Другая часть „ālāni dannūti“, подступы к которым особенно защищались, занимала гораздо большую площадь и укреплялась более тщательно. Они имели внутри цитадель, храмы и другие жилые здания. Некоторые из них назывались „al šarrūti“ и являлись местожительством царя, знати или областеначальников, в них сосредоточивались материальные богатства страны. Разница между крепостями обоих типов ясно видна при перечислении добычи. Если, разрушая крепости первого типа, захватывают в них и окружающих поселениях только скот, то из вторых вывозились скот, зерно из амбаров, запасы серебра, золота и предметы ремесленного производства.

Представить внешний вид таких крепостей помогают изображения их на ассирийских рельефах.

Сцена взятия маннейской крепости ассирийцами изображена на рельефе времен Саргона II из Хорсабада⁹. Изображение башенки, подобной башням ассирийского рельефа, и модель трехэтажного здания, сделанные из бронзовой пластинки, найдены в Топрах-кале¹⁰. На Кармир-блуре найдена такая же башенка, вырезанная из кости¹¹. Крепостные стены и башни Кармир-блур имеют такие же архитектурные формы¹². Саргон II дал подробное описание захвата маннейской крепости Ушкайи¹³: i-na ti-bu-ut iskakkemes-ia dan-nu-ti a-na bir-ti šú-a-ti e-li-ma bu-še-e-ša šad-lu-ti aš-lu-lam-ma a-na qé-reb uš-man-ni-ia ú-se-rib dūr-ša dan-nu šá tim-man-šú eli qí-šir šadī šur-šú-du-ma ú 8 ina išten ammatī ma-ši-iḫ ku-bur-šú ul-tu gab-dib-bi-šú aš-bat-am-ma a-di uš-šú zak-ru-te ak-šud-du is-te-niš ab-bu-ui-ma qa-q-a-riš ú-šam-ḫi-ir bītate-mēš qer-bé-e-ša ilGIBIL u-ša-aš-bit-ma iṣgu-šu-remēš-ši-na ši-ḫu-ti ṭi-tal-li-iš ú-še-mi «натиском моего сильного оружия я поднялся в эту крепость, разграбил обильное ее имущество и велел перенести его в мой лагерь. Ее крепкую стену, чей фундамент

⁹ F. E. Botta et F. Flandin, Monument de Ninive II, 1849, табл. 145, 146.

¹⁰ E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, London, 1935, стр. 8.

¹¹ Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту VIII—VI в. до н. э., Л., 1962, стр. 90.

¹² Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур I, Ереван, 1950, стр. 17; *его же*, Ванское царство, М., 1959, стр. 204.

¹³ По-видимому, современное Уски на северном склоне Сохенда, западнее Тебриза, см. АВИУ № 49, прим. 41.

был утверждён на скале и имел восемь локтей в толщину, от зубцов ее начав, пока не достиг ее высокого основания, заразя снес и сравнял с землей. Дома внутри ее я предал огню и их длинные балки обратил я в пламя»¹⁴.

Для большей недоступности особо важных крепостей их окружали рвами, вокруг насыпались прочные валы. Такими крепостями, как сообщает Саргон II, были Таруи и Тармакиса¹⁵.

Сведения клинописных источников о существовании в приурмийском районе крупных, сильно укрепленных крепостей подтверждают и археологические работы, проведенные здесь.

Древняя крепость, раскопанная в Хасанлу, занимала большой холм диаметром в 600 м у основания и 200 м в верхней части. Вершина холма была застроена несколькими зданиями, из которых в настоящее время раскопано только три. Вокруг холма шла укрепленная стена, от которой осталось основание в 3 м 20 см толщиной, т. е. почти равное «8 локтям» надписи Саргона II. Основание стен было сложено из крупных каменных плит, которые добывались в 10—12 км от Хасанлу. Такими же большими плитами (от 1,80 см до 3 м в длину) застилалась улицы внутри крепости. Высота полностью сохранившегося основания стены—около 2 м 60 см. Остальная же часть крепостной стены была построена из сырьевых кирпичей квадратной формы. Р. Дайсон предполагает, что высота стен древней крепости в Хасанлу могла быть около 10 м. По всей окружности стены с интервалом в 30—35 м было сооружено одиннадцать квадратных выступающих башен по 10 кв. м каждая. Между башнями стена была еще в каждом промежутке усилена двумя контрфорсами размером 3×0,5 м¹⁶.

Эти укрепления напоминают урартские—раскопанные в Кармир-блуре и в крепости на Ванской скале¹⁷. В центре на-

¹⁴ F. Thureau-Dangin, ук. соч., стр. 178—181, АВИУ № 49, стр. 326.

¹⁵ Там же, стр. 189.

¹⁶ R. H. Dyson, Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu, стр. 198; *ego же*. The Death of a City, „Expedition“, II, 1960, стр. 7; T. Cuyler Joung, The Architecture of Hasanlu, „Iranica Antiqua“, VI, 1966; стр. 48—71.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 199—200;

ходила цитадель, которая возвышалась над остальной частью, так как она была сооружена на насыпи. Здесь же было откопано несколько зданий, разделенных мощными улицами. Как полагает Р. Дайсон, здания эти были в два этажа или даже три; может быть, они были похожи на здание, изображенное на бронзовой пластинке из Топрах-кала.

Кирпичные стены зданий в 1 м 20 см толщиной строились на каменном основании.

Жилые здания в Хасанлу имели портики с деревянными колоннами, но Р. Дайсон считает, что, возможно, портики были пристроены позже, чем строились основные помещения¹⁸. Одно из зданий состояло из узкой длинной прихожей при входе с маленькими комнатками по бокам; в одной из них была лестница, которая вела в верхние этажи. За прихожей находился большой зал, размером 18×24 м с восемью деревянными колоннами полуметрового диаметра. Сохранились обмазанные глиной каменные основания колонн¹⁹. Две пары из них располагались в середине зала, а две—у боковых стен. По остаткам сохранившихся стен Р. Дайсон предполагает, что колонны достигали более 7 м высоты. Вдоль стен зала имелись глиняные скамьи (суфы) из сырцового кирпича, обмазанные глиной. В центре находился очаг. Стены в отдельных комнатах облицовывались глазурованным кирпичом, напоминающим ассирийский. Пол в колонном зале и комнатах был устлан каменными плитами²⁰. Двери вращались на оси в каменных подпятниках²¹. Из сообщения Саргона II мы знаем, что кровли царских дворцов покрывались кипарисовыми балками, чтобы они имели приятный аромат²².

Некоторое представление об убранстве помещений дают анналы Салманасара III. О захвате соседней с Манной об-

¹⁸ R. H. Dyson, *Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu*, стр. 198.

¹⁹ Каменные основания четырех колонн, подобных хасанлуским, поддерживавших крышу, найдены в Алтын-тепе. Диаметр колонн равен 67 см, высота—24 см. См. T. Ozgüç, *Altintepe*, Ankara, 1969, стр. 34.

²⁰ R. H. Dyson, *Hasanlu et les vallées de Solduz et d'Ushnu*, стр. 85—87; *его же*, *Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu*, стр. 199; V. E. Crawford, *Hasanlu 1960*, ВММА, XX, 4, 1961, стр. 89—90.

²¹ R. H. Dyson, *Hasanlu and Early Iran*, „*Archaeology*“, XIII, 2, стр. 121.

²² АВИУ № 49.

ласти Аллабрии говорится: alšur-di-ra al dan-nu-ti-šu ša mja-an-zi-bur-ia-áš ma'al-lab-ri-a-a išdalat ħurāši sekrētimeš ekallātemeš-šu makkūr ekalli-šu ma'du aš-lu-la—«Шурдиру, укрепленный город Янзи-Буриаша аллабрийского, золотую дверь, его дворцовых наложниц и много собственности его дворца я захватил»²³. Салманасар не называет Шурдиру столицей, но лишь укрепленным городом. По аналогии мы можем представить, что и в маннейских городах-крепостях существовали отдельные богато убранные помещения «дворцовых наложниц», тем более, в крепости на Хасанлу, в одной из комнат, примыкавших к колонному залу, было найдено 44 скелета одновременно погибших женщин, с медными кольцами на пальцах, браслетами и булавками²⁴.

Второе из крупных зданий в цитадели Хасанлу археологи определяют как храм; в центральном помещении этого здания, в центре, находилась кирпичная платформа, высотой в 1 м, предположительно—алтарь для сожжения жертвоприношений²⁵. У одной из стен найдено возвышение с мелкими ступеньками, на котором находился железный треножный светильник. Пол был устлан плитам, под которыми проходила труба для стока воды²⁶.

К основным зданиям пристраивалось множество подсобных помещений. В одном из них в большом количестве были найдены огромные сосуды для хранения зерна или вина.

На территории, окруженной стеной, жили также и мастера, снабжающие население предметами ремесленного производства. В одном из одноэтажных домов, названном «Домом ремесленника», были обнаружены одно- и двухстворчатые формы для отлития бронзовых изделий: топоров, украшений и др. Перед домом находилась небольшая печь для обжига и сушки керамических изделий. Готовые изделия хранились на крыше, которая, видимо, была плоской. В развалинах

---

²³ G. G. Cameron, Annals of Shalmaneser III, King of Assyria, „Sumer“, VI, 1, 1950, стр. 24.

²⁴ «Archaeology», 1, XIV, 1961, стр. 64.

²⁵ M. van Loon, Excavation in Northwest Iran, 1962, „Persica“, 1, 1963, стр. 26.

²⁶ R. H. Dyson, Hasanlu et les vallées de Solduz et d'Ushnu, стр. 88.

рухнувшей крыши обнаружено большое количество прекрасной обожженной серо-черной керамики²⁷.

По-видимому, такой же крупной крепостью было поселение на холме близ деревни Хафтаван, южнее города Шапура, датируемое концом II и началом I тыс. до н. э. Предварительные раскопки показали, что крепость занимала довольно обширную площадь, была застроена отдельными домами, имела мощёные улицы²⁸.

В низинах, вокруг крепостей, располагались *ālāni sehrūti* — мелкие поселения, жители которых занимались земледелием и скотоводством. Город-крепость снабжался продуктами, очевидно, из поселений, окружавших его. Иногда к одному городу примыкало большое количество поселений. При описании захвата неприятельских городов в клинописных источниках используется обычно трафаретная формула о захвате хорошо укрепленного города-крепости и мелких поселений, окружавших эту крепость. Например: «Я [Салманасар III (858—824)] захватил Масахуру, его царский город, вместе с поселениями, его окружавшими»; или «Города Узе, Бируту, и Лагаллага—их крепости, вместе с сотней поселений, которые лежат вокруг них, я [Ашшурнасирапал II (883—859)] захватил»²⁹. Жители многочисленных поселений во время нападения укрывались в горах или в близлежащей укрепленной крепости, свозили сюда свое имущество, сгоняли скот. Надпись Ашшурнасирапала II свидетельствует об этом: «Свои девять поселений они покинули, и городу Ишпилибрия, своей цитадели, доверились»³⁰. При осаде крепости в обороне, кроме войск, участвовало и укрывшееся в нем население. Из летописей видно, что некоторые крепости были особенно мощными; их не всегда удавалось захватить, и некоторые осаждались по нескольку раз. Окружающие поселения грабились и сжигались. Но строительная техника была настолько высока, что разрушенные крепости очень быстро восста-

²⁷ R. H. Dyson, *Hasanlu and Early Iran*, стр. 121.

²⁸ C. A. Burney, *Haftavan Tepe. Survey of Excavation in Iran 1967—8*, „Iran“, VII, 1969, стр. 178; *то же*, *Excavations at Haftavan Tepe. 1968. First Preliminary Report*, „Iran“, VIII, 1970, стр. 164—165.

²⁹ ARAB I, 587, 588.

³⁰ ARAB I, 447.

навливались и приводились в пригодное к жизни и обороне состояние.

Таким образом, благодаря археологическому материалу и сопоставлению его с данными письменных источников, мы видим, что населением приурмийских областей для обеспечения своей безопасности была разработана система оборонительных сооружений и достигнут высокий уровень в строительной технике. Материалы показывают также, что в начале I тыс. до н. э. здесь существовали такие развитые центры, как город, раскопанный в Хасанлу, что имеет большое значение для определения экономического и политического уровня развития общества.

Н. В. АРУТЮНЯН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ УРАРТУ

Последний период истории Урарту—период упадка и гибели этого дрезвесточного государства—до сих пор изучен недостаточно, хотя и в этом направлении проделана значительная работа, особенно советскими историками¹. Однако целый ряд вопросов все же нуждается в коренном пересмотре или в новом освещении.

Недостаточность изучения интересующего нас периода истории Урарту объясняется не только скудостью материала, содержащегося в известных ныне урартских и ассирийских надписях, но и, разным образом, не совсем глубоким анализом урартских письменных памятников, обнаруженных за последние десятилетия при раскопках Тейшебани (Кармир-блур).

Вследствие сказанного, в специальной литературе нередко возникали не совсем обоснованные разногласия при чтении и интерпретации письменных источников, следовательно, и при установлении многих важнейших вопросов последнего периода хронологии Урарту, начиная со времени правления Сардури III—Сардури, сына Русы.

Древневосточная наука об урартском царе Сардури III осведомлена давно, согласно отрывочным данным двух надписей его современника—ассирийского царя Ашшурбанапа-

---

¹ И. М. Дьяконов, Последние годы Урартского государства по ассирийско-вавилонским источникам, ВДИ, 1951, № 2, стр. 29—39; Б. Б. Пиотровский, Ванское царство (Урарту), М., 1959, стр. 111—116; Н. В. Арутюнян, Бианли (Урарту), Ереван, 1970, стр. 328—336.

ла, который в эпонимат Шамашданнинани (около 638 г. до н. э.)² сообщил: «...Иштардури, царь Урарту, цари, предки которого царям, моим предкам, всегда писали «брат»,—теперь же Иштардури, услышав о силе (и) деяниях, которые судили мне великие боги,—как сын своему отцу постоянно пишет: «господин», так и он, согласно этому, стал постоянно писать: «царю, моему господину...»³.

Сохранились также отрывки копии ответного письма Ашшурбанапала к урартскому царю. Ассирийский царь считал Сардури III своим сыном, желая ему лично, а также дворцу и стране его мира. Далее письмо содержит данные о том, что сначала же своего правления урартский царь искал друга и это доставляло радость Ашшурбанапалу⁴.

Хотя в приведенном письме не упоминается имя урартского царя, однако, как заметил И. М. Дьяконов, уже то обстоятельство, что Ашшурбанапал урартского царя здесь считает своим «сыном», в то время как, по сведениям предыдущей надписи того же ассирийского царя, Иштардури называл Ашшурбанапала своим «отцом», как будто не оставляет сомнения в том, что в рассматриваемом письме также речь идет именно об урартском царе Сардури III⁵.

В дальнейшем о царствовании Сардури III были обнаружены совершенно новые факты, на этот раз уже в самих урартских письменных источниках. Так, в 1956 г. при раскопках Кармир-блур была найдена глиняная клинописная табличка, в первых двух строках которой можно было прочесть: ^{1D}Sar₅-du-ri-i-še ¹Ru-sa-a-b[i-n]i-[še], а ниже, на оттиске цилиндрической печати—...ri ¹Ru-sa ^{1D}Sar₅-du-ri⁶.

Вызывает сомнение отсутствие знака -hi в конце отчества царя, т. е. по нормам урартской письменности скорее ожидалась бы форма ^{1D}Sarduri ¹Rusahi⁷. Именно на этом, т. е. на отсутствии знака -hi в конце отчества царя, основано мнение И. М. Дьяконова о том, что эта табличка свидетельствует о

² RLA, II, стр. 455.

³ И. М. Дьяконов, АВИИУ, 72 (X, 40—50).

⁴ L. Waterman, RCAE, II, 1242; И. М. Дьяконов, АВИИУ, 79.

⁵ И. М. Дьяконов, АВИИУ, 79, прим. 1.

⁶ Н. В. Арутюнян, Новая клинописная табличка из раскопок Кармир-блур. „Festschrift Johannes Friedrich“, Heidelberg, 1959, стр. 36, 38.

⁷ Там же, стр. 38, правый столбец, прим. 1.

совместном правлении Русы и Сардури—Русы II и Сардури III⁸.

Однако видно, что на цилиндрической печати просто невозможно было поместить знак *hi* в конце ¹Rusa—отчества ^{1D}Sarduri. На это указывают начальные строки рассматриваемой таблички, в которых налицо ^{1D}Sarduri še ¹Rusaḫiniše «Сардури, сын Русы». Следовательно, можно заключить, что указанная кармир-блурская табличка была составлена царем Сардури, сыном Русы, поэтому относится ко времени правления лишь Сардури III⁹.

Следует обратить внимание на то, что Сардури III, согласно урартским письменным источникам, был известен несколько раньше. В свое время на оттиске цилиндрической печати таблички, обнаруженной в 1949 г. на Кармир-блуре, И. М. Дьяконов прочел: KİŠIB LÚa-[...]da-¹⁰. Но впоследствии это свое чтение он справедливо пересмотрел следующим образом: KİŠIB [m]dSa[r₃]-d[u-r]i [Ru-sa]-a-ḫé¹¹. Здесь уже И. М. Дьяконов думает, что «...мы имеем дело с печатью Сардури III, сына Русы II, времени его самостоятельного правления, т. е. 30-х годов VII в. до н. э.»¹².

Собственно говоря, такой вывод может быть вполне правильным и для времени составления таблички 1956 г. На совместное же правление Русы II и Сардури III трудно настаивать, ибо в урартских письменных источниках в пользу этого невозможно найти ни одного полноценного факта. Что касается описки на оттиске цилиндрической печати на клинописной табличке 1956 г. (^{1D}Sarduri ¹Rusa вместо ^{1D}Sarduri ¹Rusaḫi; ср. текст самой таблички: ^{1D}Sarduriše ¹Rusaḫiniše), то подобные примеры невнимательности урартских писцов при составлении текстов, как известно, наблюдаются и в некоторых других случаях. Вспомним хотя бы наличие ^{1D}Sarduri

⁸ И. М. Дьяконов, УПД, стр. 32.

⁹ Н. В. Арутюнян, ук. соч., стр. 39. О письменных памятниках совместного правления урартских царей мы довольно хорошо осведомлены по совместным надписям Ишпуни-Менуа.

¹⁰ См. в кн.: Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, Ереван, 1952, стр. 75—76.

¹¹ И. М. Дьяконов, УПД, стр. 32—33 (текст № 2).

¹² Там же, стр. 50—51.

^{1D}Sarduhi (вместо ^{1D}Sarduri ^{1D}Sardu<ri>hi) на оттиске печати клинописной таблички, найденной в 1957 г. на Кармир-блуре¹³. С другой стороны, известные нам оттиски печатей на глиняных табличках и других предметах (скажем, на булле из Кармир-блур; об этом несколько ниже) не имеют ни одного примера с указанием лишь только имен царей, без их отчества.

Таким образом, Сардури, сын Русы, т. е. урартский царь Сардури III, известен науке как по ассирийским, так и по урартским клинописным источникам. Он являлся преемником и сыном Русы II, основателя города-крепости Тейшебаини.

Сведения о времени правления Сардури III, к сожалению, весьма скудны. Известно, например, что он являлся современником ассирийского царя Ашшурбанапала, о дате правления которого также в специальной литературе имеются разногласия: 669—639 или 668—633 гг. (?) до н. э.¹⁴ С другой стороны, «Иштардури, царь Урарту» (resp. Сардури III), упоминается в надписи Ашшурбанапала на так называемом «Цилиндре Рассама», которая датирована эпонимом Шамашданинианини, т. е. около 638 г. до н. э.¹⁵

Следовательно, на основании приведенных выше данных в общей сложности выясняется, что Сардури III, по крайней мере в начале 30-х годов VII в. до н. э., уже был правителем Урарту. Но сколько длилось его царствование—к сожалению, об этом ничего не известно. К тому же, если начало правления Сардури III так или иначе значительно можно отодвинуть назад, то последние годы его правления после 638 г. до н. э., очевидно, были на исходе. Здесь следует иметь в виду, что после Сардури III, в сравнительно короткий промежуток времени (менее 50 лет), на урартском престоле, как увидим ниже, появляются, по меньшей мере, еще четыре царя.

При изучении последующего периода истории Урарту привлекли внимание исследователей некоторые клинописные

¹³ Там же, стр. 34—35 (текст № 5).

¹⁴ RLA, I, стр. 301. ВДИ, 1951, № 3, стр. 236. И. М. Дьяконов указал нам на выявленные за последнее время новые данные относительно даты смерти Ашшурбанапала: умер в 629/8 или, вероятнее, в 627 г., но правил лишь до 635/4 г. до н. э. См. W. v. Soden, ZA NF 24 (58), 1967, S. 241—256.

¹⁵ RLA, II, стр. 455.

тексты, происходящие из Кармир-блуре. Один из них был обнаружен в 1957 г. на обломках бронзового щита и гласит:

[^DHal-di-e e-ú-ri-e (или: EN-ŠÚ) i-ni a-še] ^{ID}Sar₅-du-ri-e-[še] ^{ID}Sar₅-du-ri-hi-ni-še uš-tú-ni [ul-gu-ši-a-ni]-e-di-ni ^DHai-di-ni-ni al-[su-ši-ni ^{ID}Sar₅-du-ri-ni] LUGÁL DAN·NU LUGÁL al-su-i-ni a-lu-si ^{URU}Tu-uš-pa-[e URU]

«Богу Халди, владыке (своему), этот щит Сардури, сын Сардури, посвятил ради (своей) жизни. Халдовым величием Сардури—царь могущественный, царь великий, правитель Тушпы-города»¹⁶.

Известен также фрагмент клинописной таблички, обнаруженной опять-таки в 1957 г. на Кармир-блуре, на оттиске цилиндрической печати которого сохранился следующий текст:

^{ID}Sar₅-d[u]-hi ^{ID}Sa[r₅-du-ri]; читай наоборот: ^{ID}Sarduri ^{ID}Sarduhi¹⁷.

В приведенном тексте бросается в глаза отосутствие знака *gi* в отчестве царя, т. е. вместо имеющегося ^{ID}Sar₅-d[u]-hi, несомненно, должно было быть ^{ID}Sar₅-d[u]-<gi>-hi¹⁸.

Итак, очевидно, что в обоих случаях, и на бронзовом щите, и на оттиске печати фрагмента глиняной таблички мы имеем дело с одним и тем же лицом—урартским царем Сардури, сыном Сардури.

В этой связи И. М. Дьяконов обращает внимание на то обстоятельство, что «На древнем ближнем Востоке сыну обычно не давали имени еще живущего отца; и поныне у верующих евреев, сохраняющих, как известно, в своей религии множество древневосточных черт, дать ребенку имя еще живого лица—значит желать смерти последнему. То же самое сохранялось в старину, например, в Норвегии и в ряде стран мира»¹⁹.

¹⁶ Ср. Г. А. Меликишвили, УКН, 459 (ВДИ, 1971, № 4, стр. 273—274); Б. Б. Пиотровский, в кн. УПД, стр. 6; И. М. Дьяконов, УПД, стр. 65. Приведенные нами выше восстановления и синтаксическая структура текста предложены на основании надписей УКН, 174; 267; 269; 276 (лиц. стор., стк. 1—4); 292; 293.

¹⁷ Ср. И. М. Дьяконов, УПД, текст № 5.

¹⁸ Ср. ук. соч., стр. 64—65.

¹⁹ И. М. Дьяконов, УПД, стр. 62.

На основании приведенных выше соображений И. М. Дьяконов склонен предположить, что подобный обычай существовал, по-видимому, и у урартов, поэтому рождение царя Сардури, сына Сардури, он относит ко времени после смерти его отца Сардури III и предполагает царствование Сардури IV не только после Эримены, но и после его сына Русы III²⁰.

В данном вопросе с И. М. Дьяконовым фактически полностью солидаризируется и Г. А. Меликишвили. В дополнении своего корпуса урартских клинообразных надписей царя Сардури IV он также считает последним царем Урарту²¹.

Однако факт наличия среди урартских царей Сардури сына Сардури, и, как увидим ниже, Русы, сына Русы, скорее утверждает, что указанный выше обычай древних евреев и норвежцев вряд ли существовал также у урартов. В этой связи можно сравнить аналогичный с урартским обычай, существовавший в Египте, древнем Иране и древней Армении (об этом подробнее ниже). В противном случае создаются искусственные преграды для законной наследственности урартских царей. Именно этим следует объяснить тот факт, что И. М. Дьяконов вынужден здесь отказаться от общепринятых норм установления наследственности урартских царей и думать, что, возможно, царю Сардури III наследовал его дядя (?) или, скорее, брат (?) Эримена²².

При подобном толковании вопроса, дело осложняется еще и тем, что возникает, например, необходимость доказательства того, что Сардури IV был единственным сыном Сардури III, Эримена был братом или дядей Сардури III и т. д.

Исходя из сказанного, нам кажется, что нет основания Сардури IV считать сыном, но не преемником царя Сардури III. Имеющиеся факты, наоборот, в полной мере подтверждают, что Сардури, сын Сардури, был и сыном, и законным преемником Сардури III.

До сих пор не установлено, кто именно был преемником Сардури IV. Наиболее вероятный его преемник—Эримена— в науке в основном известен по надписям своего сына Русы III: Русы, сына Эримена. Однако одна из клинописных

²⁰ Там же, стр. 28.

²¹ Г. А. Меликишвили, УЖН, ВДИ, 1971, № 4, стр. 273—274.

²² И. М. Дьяконов, УПД, стр. 65.

табличек Кармир-блур была составлена от имени Эримены. На оттиске цилиндрической печати этой таблички И. М. Дьяконов читает 'E-gi-me-na-ni'²³.

Итак, в данном случае действительно мы имеем дело с именем Эримены. Но, к сожалению, трудно сказать что-нибудь определенное о его наследственных связях с предшествующим царем Сардури IV. На оттиске цилиндрической печати глиняной таблички после 'Erimenani' сохранились лишь неразборчивые остатки некоторых клинописных знаков. Иными словами, отчество царя здесь установить невозможно. С другой стороны, имея в виду многочисленность царей Бийанили-Урарту в последний небольшой период его истории, можно полагать, что Эримена был, по-видимому, преемником (и сыном?) упомянутого выше Сардури IV²⁴.

Известно, что впоследствии в Бийанили-Урарту царствовал сын Эримены—Руса III, с именем которого сохранились короткие клинописные тексты на бронзовых предметах (в основном, на щитах) из раскопок Топрах-кале и небольшие надписи на камнях о сооружении зернохранилищ, обнаруженные у подножия Армавирского холма и в Эребуни²⁵.

Долгое время в специальной литературе господствовала точка зрения, что Руса III, по всей вероятности, был последним царем Урарту. Однако кропотливая работа над некоторыми клинописными источниками, происходящими из Кармир-блур, особенно над остатками клинописного текста на глиняной булле, позже привела нас к выводу, что Руса III не мог быть последним царем Урарту и ему пришел на смену, по всей видимости, другой царь, опять-таки по имени Руса²⁶. В последнее же время, как известно, И. М. Дьяконов склонен думать, что Сардури IV (о нем подробнее см. выше) родился, по-видимому, после смерти своего отца, поэтому царю Сардури III наследовал, возможно, его дядя (?) или брат (?) Эримена. В таком случае Сардури IV, по мнению И. М. Дья-

²³ Там же, стр. 34 (текст № 3).

²⁴ И. В. Арутюнян, Бийанили (Урарту), стр. 331—332.

²⁵ М. В. Никольский, КНЗ, XIX; Г. А. Меликишвили, УКН, 287, 289—296; И. В. Арутюнян, К. Л. Оганесян, ВДИ, 1970, № 3, стр. 111.

²⁶ И. В. Арутюнян, К интерпретации надписи на глиняной булле Кармир-блур, ИФЖ, 1960, № 1, стр. 223—229.

конова, должен был править после Русы III, сына Эримены, и быть последним царем Урарту²⁷.

Однако выше мы уже видели, что нет достаточного основания рождение Сардури IV отнести ко времени после смерти своего отца Сардури III и, следовательно, вряд ли можно отодвинуть время правления Сардури IV вплоть до падения Урарту, после Эримены и Русы III. Это невозможно тем более потому, что предпоследний урартский царь Руса III, как об этом свидетельствуют нижеследующие неопровержимые факты, имел своего законного сына-наследника.

Итак, для установления преемника Русы III представляет значительный интерес клинописная табличка, которая, согласно чтению и интерпретации И. М. Дьяконова, содержит приказ какому-то старшему пастуху с именем Курги²⁸ о том, что некий раб Тата похитил девушку и не желает ее отдать. Предлагается разыскать похитителя и вернуть девушку хозяину (?). После указанного текста, на табличке имеется оттиск цилиндрической печати с клинописным текстом: 'Ru-sa-a-i 'Ru-sa-hi KIŠIB LÚA.NIN-II «Русы, сына Русы, печать царевича» (букв. «сына царицы»)²⁹. Известна и другая табличка, происходящая опять-таки из Кармир-блур, на оттиске цилиндрической печати которой также читается KIŠIB LÚA.NIN-II³⁰, но отсутствует имя царя.

Царевича Русу, сына Русы, однако, И. М. Дьяконов почему-то считает сыном Русы II (братом правившего Сардури III)³¹. А ведь известно, что и сыном, и преемником Русы II был Сардури III. Ниже мы еще постараемся показать, что это мнение полностью исключается.

Но пока обратим внимание на тот весьма важный факт, что сохранился еще один письменный документ с именем Русы, сына Русы, согласно которому владелец его является не царевичем, как это мы видели выше, а уже вполне самостоя-

²⁷ И. М. Дьяконов, УПД, стр. 64—65.

²⁸ Так, согласно тексту—см. Н. В. Арутюнян, Бийнили (Урарту), стр. 334 и прим. 102; у И. М. Дьяконова—Кулу (?). УПД, стр. 34, текст № 4, стк. 4.

²⁹ И. М. Дьяконов, УПД, стр. 62.

³⁰ Там же, текст № 7.

³¹ Там же, стр. 62.

тельным царем. Правда, И. М. Дьяконов в своей работе обращает внимание на наше чтение о том, что «Руса сын Русы, упомянут также на оттиске печати на булле из Кармир-блур»³², однако почему-то он упускает из виду то весьма важное обстоятельство, что в данном случае, как это увидим ниже, нет ни малейшего намека на то, что Руса, сын Русы, в это время был все еще царевичем.

Остановимся, следовательно, на весьма важном тексте клинописи, сохранившемся на оттиске цилиндрической печати интересующей нас глиняной буллы.

Напомним, что булла была обнаружена при раскопках 1952 г. на Кармир-блуре, в одной из небольших кладовых для зерна (№ 5), расположенных в западной части центра цитадели. Булла лежала на полу, среди перегоревшего ячменя и была предназначена для запечатывания указанной выше кладовой. Булла опечатывала две веревки, связывавшие запор, печатями двух лиц, одно из которых имело столбчатую печать обычного урартского типа (четыре оттиска по сторонам буллы), а другое—цилиндрическую печать ассирийского типа (откатка по гребню буллы). С этой буллой, по своему внешнему виду, совпадает булла, найденная в 1949 г., опять-таки на Кармир-блуре, в кладовой № 25. На этой булле сохранились лишь некоторые неразборчивые клинописные знаки³³.

На верхнем и нижнем поясках оттиска цилиндрической печати буллы 1952 г. сохранились две строки клинописи, причем текст нижней строки передан в обычной форме—слева направо, в то время как знаки верхней строки—в зеркальном изображении (справа налево).

В свое время Б. Б. Пиотровский эту надпись прочел следующим образом:

(1) i-ni KIŠIB I[.....] (2) É [....] I Ru-sa-ḫi

³² Там же.

³³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, Ереван, 1952, стр. 23 и рис. 24 на стр. 53; *он же*, Урартские надписи из раскопок Кармир-блур 1952 г., ЭВ, IX, 1954, стр. 76—77 и рис. 5; *он же*, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, стр. 14, рис. 7 и стр. 58—59; *он же*, Ванское царство (Урарту), М., 1959, стр. 159. Буллы хранятся в Историческом музее Армении—инв. 2010/74. КБ—52.

«Эта печать... дома... сына Русы»³⁴.

Почти то же самое чтение для «клинописного текста буллы ранее предложил и Г. А. Меликишвили. Хотя он констатирует тот факт, что «текст надписи приводит в чтении Б. Б. Пиотровского», однако из его чтения в 1-й строке он исключает детерминатив лица (имени царя) после гетерограммы KIŠIB «печать», а во 2-й строке восстанавливает детерминатив отчества царя³⁵.

Таким образом, согласно предложенным ранее чтениям Б. Б. Пиотровского и Г. А. Меликишвили, в тексте на булле было видно лишь отчество царя—«сын Русы». И поскольку в то время в урартской эпиграфике были известны лишь два царя с отчеством Руса—Аршишти II, сын Русы I и Сардури III, сын Русы II, поэтому Б. Б. Пиотровский и Г. А. Меликишвили, на основании упомянутого выше чтения текста буллы, соответственно заключили, что в данном случае наука имеет дело, по-видимому, или с Сардури III, или же с Аршишти II. Б. Б. Пиотровский по этому поводу тогда писал:

«...на оттиске не сохранилось ни имя владельца печати, ни имя царя. Так как кладовая запечатывалась буллой незадолго до осады, то вероятнее всего в имени царя видеть имя Сардури, сына Русы (ок. 645—625 гг. до н. э.), современника ассирийского царя Ашшурбанапала»³⁶.

Г. А. Меликишвили же писал: «Отнесение данной надписи царю Аршишти II, сыну Русы,—весьма условно. Дальнейшее изучение надписи, вероятно, внесет ясность в этот вопрос»³⁷.

Предложенные выше интерпретации надписи на булле, как это наглядно видно, были основаны на далеко не полном чтении текста, следовательно, разумеется, что в определенной мере были условны также восстановленные в нем имена урартских царей Сардури III или Аршишти II.

Однако, как выяснилось впоследствии, клинописный текст глиняной буллы можно прочесть почти полностью. И, самое

³⁴ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 59.

³⁵ Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1953, № 4, стр. 228; он же, УКН, 277а.

³⁶ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 59; он же, ЭВ, IX, стр. 77.

³⁷ Г. А. Меликишвили, УКН, 277а и примеч.

главное, в нем сохранилось не только отчество, как об этом специалисты думали ранее, но и имя самого царя, владельца печати.

Итак, вместо прежнего чтения $i-ni\ K\dot{I}\dot{S}\dot{I}B\ I[.....]\ \acute{E}[....]$ ${}^1Ru-sa-ḫi$, для клинописного текста буллы мы предложили транслитерацию и перевод:

(1) $-sa-i-ni\ K\dot{I}\dot{S}\dot{I}B\ {}^1Ru-[s]a-i-ni\ K\dot{I}\dot{S}\dot{I}B\ {}^1R[u]-$

(2) $[GAL-ni?] {}^1Ru-sa-ḫi\ \acute{E}.[G]AL-[ni?] {}^1Ru-sa-ḫi\ \acute{E}$

(1) «(Царя) Руса печать»³⁸;

(2) из (?) крепости сына Русы»³⁹.

Таким образом, видно, что текст этой надписи повествует о том, что печать, которой запечатывалась глиняная булла (а в конечном счете зернохранилище), принадлежала урартскому царю Руса, сыну Руса и происходила из его крепости, т. е. из Тейшебаини.

Привлекает, внимание, однако, тот факт, что отчество ${}^1Ru-sa-ḫi$ 2-й строки надписи, как это ни странно, выступает в отрыве от царского имени ${}^1Ru-sa-i-ni$ 1-й строки. Но следует иметь в виду, что подобные примеры, хотя и довольно редко, тем не менее встречаются в урартской эпиграфике. С этой точки зрения представляет, например, интерес соответствующий отрывок совместной надписи Ишпуини, его сына Менуа и внука Инушпуа, высеченной на скале у восточных ворот Ванской цитадели (Тебриз-капуон):

$D\dot{H}al-di-ni-ni\ u\check{s}-ma-a-\check{s}i-ni\ I\check{s}-pu-\acute{u}-i-ni-\check{s}e\ a-li-e\ I\check{D}Sa_r_3-du-$
 $ri-[e]-ḫi-[ni-\check{s}e\ i-e-\check{s}e]\ I\check{M}e-nu-\acute{u}-a-\check{s}e\ I\check{s}-pu-[u-i-ni-e-ḫi-ni-\check{s}e]$
 $I\check{I}-nu-u\check{s}-pu-a-\check{s}e\ I\check{M}e-n[u-\acute{u}-a-ḫi-ni-\check{s}e]\ D\dot{H}al-di-e-i\ su-si-[i-e\ \check{s}i-$
 $-i-di-I\check{s}-t\acute{u}-\check{s}e]$ ⁴⁰

«Бога Халди могуществом»⁴¹ Ишпуини говорит: Я, сын Сардурн, Менуа, сын Ишпуини (и) Инушпуа, сын Менуа, построили *susi*⁴² бога Халди».

³⁸ ${}^1Rusa\ i\ ni\ K\dot{I}\dot{S}\dot{I}B$ — букв. «Русаевская печать».

³⁹ И. В. Арутюнян, К интерпретации надписи на глиняной булле Кармир-блур, ИФЖ, 1960, № 1, стр. 227.

⁴⁰ СICh II, стк. 1—6. УКН, 18, стк. 1—6.

⁴¹ Букв. «Халдовым могуществом».

⁴² К вопросу об интерпретации слова *susi* см. 2. Պարագրոզյան, տիրախի-ի մեկնարանու թյան շուրջը, «Известия» АН Арм. ССР (обществен. науки), 1958, № 9, стр. 105—106.

Как видно из приведенного примера, имя царя Ишпуни стоит в отрыве от его отчества Сардури; между ними имеется слово *alīe* «говорит».

С подобным же явлением мы сталкиваемся и в надписи царя Менуа, обнаруженной на борту одного из бронзовых щитов, происходивших из раскопок Кармир-блур. Ниже приводим 1-ю строку надписи:

¹Ar-gi-iš-ti-ni-i ú-ri-iš-ḥu-si-ni-i ¹Me-nu-a-ḥi-ni-i i-ni a-še
¹Ar-gi-iš-ti-ni ¹Me-nu-a-ḥi LUGÁL DAN.NU LUGÁL al-su-i-ni
LUGÁL ^{KUR}BI-i-a-na-ú-e a-lu-si ^{URU}Ṭu-uš-ṣa URU⁴³.

«(Царя) Аргишти оружейной, сына Менуа, этот щит (принадлежит). Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Биа(й)нили, правитель Тушпа-города».

В приведенном тексте, как это видно, имя царя Аргишти вначале стоит в отрыве от его отчества Менуа (между ними проскользнуло слово *urīšḥusini* «оружейный»), в то время как несколько ниже они выступают рядом.

Приведенные выше примеры, очевидно, не оставляют сомнения в том, что и в ¹Rusaḥi 2-й строки надписи на булле следует видеть не что иное, как отчество царя ¹Rusaini 1-й строки. Следовательно, ¹Rusaini... ¹Rusaḥi может означать именно «Руса, ...сын Русы».

Но привлекает внимание то обстоятельство, что клинописный текст буллы ¹Rusaini KIŠIB ¹Rusaḥi É.[G]AL-[e/i?] ⁴⁴ за последнее время Г. А. Меликишвили склонен воспринять так: «Печать (царя) Руса. Крепость (царя) Руса»⁴⁵. Одним словом, если ранее при чтении ¹Rusaḥi Г. А. Меликишвили думал, что в тексте налицо лишь отчество царя, то ныне, после установления также чтения ¹Rusaini, он уже, наоборот, думает, что в обоих случаях налицо имя царя, т. е. и ¹Rusaini, и ¹Rusaḥi почему-то им одинаково воспринимаются как имя царя Русы.

⁴³ Б. Б. Пиотровский, Три урартские надписи на бронзовых предметах из Тейшебаини (Кармир-блур), ЭВ, III, 1949, стр. 88—89; Г. А. Меликишвили, УКН, 144.

⁴⁴ Быть может, É.[G]AL-n[i?], «из (?) крепости».

⁴⁵ Г. А. Меликишвили, УКН, 277а, ВДН, 1971, № 3, стр. 230—231.

Однако здесь следует иметь в виду, что еще в 1960 г. при публикации надписи на булле мы обратили надлежащее внимание, что если в окончаниях топонимических и этнических названий, как правило, -hi выступает в роли суффикса принадлежности, то в окончаниях собственных имен, в их числе и царских имен, указанный суффикс, без единого исключения, является показателем отчества той или иной личности (царя)⁴⁶.

Следовательно, из сказанного несомненно вытекает, что ¹Rusaḫi 2-й строки надписи на булле означает «сын Русы» (букв. „Русаевич“), а выражение ¹Rusaḫi É.GAL-e/l? — „сына Русы крепости“. Поэтому ¹Rusaḫi 2-й строки надписи, несомненно, является отчеством царя ¹Rusaiṇi 1-й строки.

Кстати, приведенный несколько выше перевод текста буллы («Печать (царя) Руса. Крепость (царя) Руса»), предложенный Г. А. Меликишвили, как нам кажется, не находит должного оправдания и с другой точки зрения. Правда, конкретно не упоминается о каком именно Русе идет речь в данном случае, однако под ним Г. А. Меликишвили подразумевает, очевидно, царя Руса II, основателя города-крепости Тейшебаини.

Но вспомним, что булла с оттиском печати была применена для запечатывания зернохранилища незадолго до осады крепости. Следовательно, интересующая нас цилиндрическая печать с клинописным на ней текстом, как это видно, употреблялась здесь в момент гибели Тейшебаини. В таком случае, разумеется, она должна была принадлежать именно последнему урартскому царю. Что же касается Русы II, то он, как известно, был значительно оторван от времени гибели Тейшебаини; по крайней мере, после него в Урарту правили еще пять царей—Сардури III, Сардури IV, Эримена, Руса III и, как увидим ниже, Руса IV.

Итак, на оттисках двух разных цилиндрических печатей, обнаруженных на глиняной табличке и булле налицо «Руса, сын Русы», причем в одном случае указывается на то, что владелец этой печати являлся царевичем (KIŠIB LÚA.NIN-II),

---

⁴⁶ Н. В. Арутюнян, К интерпретации надписи на глиняной булле Кармир-блур, ИФЖ, 1960, № 1, стр. 226.

а в другом—печать Русы принадлежит крепости сына Русы (URusaini KIŠIB⁴⁷ URusaḫi É.GAL-e/i)⁴⁸. Следовательно, из приведенных фактов вполне определенно явствует, что если при подготовке клинописной таблички Руса, сын Русы, все еще был царевичем, то несколько позже, ко времени запечатывания буллой тейшебаинского зернохранилища, тот же Руса, сын Русы, уже стал царем, поэтому для административных целей ныне была употреблена другая, вновь подготовленная печать (без указания на LÚA.NIN-II).

Но кто же был Руса, сын Русы?

Надписи на отпечатках цилиндрических печатей, сохранившиеся на глиняной табличке и булле, как видно, вполне определенно свидетельствуют, что в данном случае мы имеем дело с каким-то царем с именем Руса, который был сыном другого соименного царя. При этом до последних времен из урартских царей с именем Руса были известны Руса I (сын Сардури II), Руса II (сын Аргишти II) и Руса III (сын Эрмены). Были известны также сыновья Русы I и Русы II—соответственно Аргишти II и Сардури III. Что касается Русы III, то отсутствие соответствующих фактов долгое время не позволяло выяснить: был ли он последним царем Урарту или же в заключительный период существования этого государства уже правил другое лицо—преемник Русы III.

Надписи на отпечатках двух разных цилиндрических печатей—на клинописной табличке и булле (буллах?)—не оставляют сомнения в том, что Руса III не мог быть последним

⁴⁷ URusaini KIŠIB „Русавская печать“ по своей грамматической форме ср. с URusainie Éurišḫusi(e) „Русавскому дому urišḫusi“ (УКН 270—274), URusainie ḫubigi „Русавской долине“ (УКН, 281, стк. 16—17), URusaini URU TUR-gi „Русавскому Городу-малому“ (УКН, 285).

⁴⁸ При восприятии текста в форме (1) URusaini KIŠIB (2) URusaḫi É.GAL-[e/i?] «Русавская печать, сына Русы крепости» вторая строка надписи на цилиндрической печати, естественно, начинается именно на том месте, где кончается первая строка, приведенная в зеркальном изображении. Это свидетельствует о правильности восприятия текста в указанной выше синтаксической схеме. При любом другом перемещении слов (например, KIŠIB URusaini É.GAL-e/i URusaḫi и т. д.) нарушается гармоничность начала и конца строк, т. е. тексты упомянутых двух строк начинаются и кончаются в разных отрывках. См. рис. буллы в нашей кн. ЗСУ, стр. 83.

царем Урарту и ему, по всей вероятности, пришел на смену другой царь—соименный сын Русы III.

С другой стороны, обстоятельства находки интересующей нас глиняной буллы, как на это обратил надлежащее внимание Б. Б. Пиотровский, свидетельствуют о том, что кладовая запечатывалась ею незадолго до осады крепости. Следовательно, этот факт также вполне определенно указывает на то, что владелец упомянутой цилиндрической печати—Русы, сын Русы—был современником гибели города-крепости Тейшебани.

О дате правления Русы, сына Русы—Русы IV в настоящее время трудно сказать что-нибудь определенное. К тому же до сих пор все еще не установлена также дата правления его отца—Русы III. Б. Б. Пиотровский, например, ранее считал, что он являлся последним урартским царем, от которого дошли до нас клинообразные надписи, и думал, что он правил в 605—585 гг. до н. э.⁴⁹

Примерно такого же мнения придерживался до последнего времени о дате правления Русы III Г. А. Меликишвили: «О конце царствования Русы III неизвестно ничего определенного: был ли он последним царем Урарту, современником периода ликвидации независимости Урарту (609—585 гг. до н. э.), или в это время царствовал уже его преемник—трудно сказать»⁵⁰.

Однако известно, что с походом мидийского царя Киаксара против Урарту (609 г. до н. э.) последнее теряет свою независимость. Поэтому последующий небольшой период мог быть периодом окончательной ликвидации остатков урартской независимости⁵¹. Исходя из сказанного, можно думать, что «Русы, сын Русы» надписи на булле (равным образом, и на оттиске печати на табличке) являлся, по всей вероятности, современником ликвидации последних остатков урартской независимости (609—590 гг. до н. э.).

---

⁴⁹ Б. Б. Пиотровский, *История и культура Урарту*, Ереван, 1944, стр. 38; *он же*, *Ваицкое царство (Урарту)*, М., 1959, стр. 42.

⁵⁰ Г. А. Меликишвили, *УКН*, стр. 426, 439.

⁵¹ И. М. Дьяконов, *Последние годы урартского государства по ассирийско-вавилонским источникам*, ВДИ, 1951, № 2, стр. 31—39.

Русой IV, очевидно, замыкалась хронологическая шкала: урартских царей, если иметь в виду хотя бы факт многочисленности царей, в совсем небольшой промежуток времени. В самом деле, если время правления Сардури III считать 30-е годы VII в. до н. э.⁵², а время гибели Урарту—590 г. до н. э., то получается, что в течение менее 50 лет в Урарту правили в количестве 5 царей: Сардури III, Сардури IV, Эримена, Руса III, Руса IV⁵³.

Современные цари (отец и сын) Сардури III и Сардури IV, Руса III и Руса IV вряд ли могут нарушить последовательность правления урартских царей. В этой связи следует обратить внимание на то, что носили одинаковые имена также египетские фараоны Сенусерт II и его сын Сенусерт III, Аменхет III и его сын Аменхет IV, Аменхетеп III и его сын Аменхетеп IV, целый ряд Рамсесов, начиная от Рамсеса IV (V) вплоть до Рамсеса IX (X), Тутмос I, его сын Тутмос II и внук Тутмос III и т. д.

В древнем же Иране носили одно и то же имя отец и сын. Артаксерксы II и III, Фрааты IV и V, Бахрамы I, II и III, Шапуры II и III.

В этом отношении не являлась исключением и древняя Армения—наследница Урарту. Здесь также носили одинаковые имена цари Тигран I и его сын Тигран II, Тигран III и его сын Тигран IV.

Исходя из сказанного, разумеется, в хронологической шкале последнего периода истории Урарту Сардури IV и Руса IV должны занять законные места именно после своих отцов Сардури III и Русы III.

Таким образом, приведенные выше факты, очевидно, позволяют предложить следующую хронологическую таблицу царей, правивших в последний период истории Урарту:

Руса, сын Аргишти (Руса II).

Сардури, сын Русы (Сардури III).

Сардури, сын Сардури (Сардури IV).

⁵² И. М. Дьяконов, УПД, стр. 33.

⁵³ Ср. время правления Аргишти I (786—764 гг.), Сардури II (764—735 гг.), Русы I (735—713 гг.) и др.

Эримена, [сын Сардури?!].
Руса, сын Эримены (Руса III).
Руса, сын Русы (Руса IV)⁵⁴.

---

⁵⁴ Ср. *H. В. Арутюнян*, Бнайнили (автореферат диссертации), Тбилиси, 1968, стр. 33; *Boris B. Piotrowski*, *Urartu*, München-Genf-Paris, 1969, S. 176; *Boris B. Piotrowsky*, *Urartu*, Geneva-Paris-Munich, 1969, p. 197.

Иную таблицу предлагает И. М. Дьяконов:

Руса II—имел двух сыновей: Сардури III (Сардури, сын Русы)—царь и Руса, сын Русы—царевич. Некоторое время Руса II царствовал вместе с сыном Сардури III.

Сардури III—Сардури, сын Русы (II); некоторое время правил вместе с отцом. Сыном Сардури III был Сардури, сын Сардури (Сардури IV), который, однако, родился, по-видимому, после смерти отца, поэтому несовершеннолетний Сардури не мог вовремя вступить на царский престол.

Эримена—брат Русы II или дядя, скорее брат, Сардури III.

Руса III—Руса, сын Эримены.

Сардури IV—Сардури, сын Сардури. Родился, по-видимому, после смерти отца—Сардури III, поэтому вступил на царский престол со значительным опозданием (см. также под Сардури III).

М. А. ИСРАЕЛЯН

УТОЧНЕНИЯ К ЧТЕНИЮ УРАРТСКИХ НАДПИСЕЙ

1. ОБ УРАРТСКОЙ СИСТЕМЕ СЧИСЛЕНИЯ

Изучением системы счисления урартов занимался ряд специалистов, однако единой точки зрения до сих пор не выработано. Трудность вопроса в том, что в урартской письменности цифровые значения в большинстве случаев передаются не словами, а клинописными логограммами, выражающими данную цифру. Прибегнуть к лексическим сравнениям с другими языками трудно, поскольку урартские имена числительные дают слишком мало материала: нам известны лишь словесные обозначения для числа «один» *šusini* и для «тьмы»—10 000—*atibi*.

Отождествляя начало второго слова *ati*—с грузинским словом ათი (*athi*) «десять», Н. Я. Марр и некоторые другие исследователи полагали, что урартская система счисления близка к грузинской¹. Это истолкование, однако, оставляло необъясненным окончание слова *-bi*. Есть и такие исследователи, которые, напротив, придерживаются того мнения, что урартская система счисления не имеет связей с грузинской, поскольку в основу ее положен десятиричный принцип с остатками семитической шестидесятиричной системы².

¹ Н. Я. Марр, АЭВ, 1922, стр. 33. При этом *atibi* воспринимается все же как 10 000. См. также СІСh, стр. 141.

² Գ. Բ. Պետրոսյան, Թվարիտիկությանը Արարտուկյան ըրտ ուրարտական սեպագր արձանագրության ներքին (Г. Б. Петросян, Арифметика в Урарту по урартским клинописным надписям), Известия АН Арм.ССР*, Общественные науки, 1945, № 3—4, стр. 63 и сл.

Исследование наличного материала приводит нас к убеждению, что в основе урартского счисления лежит не какая-либо иная, но только десятиричная система.

Грузинское счисление, как известно, основано на двадцатиричной системе. Так, для того, чтобы сказать 40, надо в грузинском языке произнести «два двадцать» (2×20), 50 — «два двадцать и десять» ($2 \times 20 + 10$) и т. д. Подобных явлений в урартской системе числительных не наблюдается, и основа для отождествления урартского *atibi* с грузинским *athi*, если отвлечься от определенного внешнего сходства, слишком шатка. Поэтому, по нашему мнению, более правы те исследователи, которые в слове *atibi* -b(i) считают коренным, и слово *atibi* ассоциируют с армянским *թիւ* *t'iw* — «число»³.

Что касается второго предположения, относительно того, что в урартском языке наличны остаточные явления шестидесятиричной системы, то едва ли оправдано и оно. Известно, что в урартских надписях для написания цифр 70, 80, 90 употребляется аккадская шестидесятиричная система Υ 70 (то есть Υ 60 и $\langle$ 10), Υ 80 (60 и 20), Υ 90 (60 и 30), что и дало основание исследователям для упомянутого выше предположения.

Однако факты показывают также, что само число 60 в урартских текстах, без единого исключения, записывалось шестью десятками $\{\{\{\}$. Это, без сомнения, означает, что знак Υ , взятый отдельно, не воспринимался урартами как 60, хотя это было бы более удобным для высекания на камне. 60 как единица счета отсутствует в их системе счисления, а запись 70, 80, 90 механически перенята из ассиро-вавилонской практики с целью избежать сложности начертания этих цифр семью, восемью или девятью знаками «десятка». Так же механически перенята, например, из ассирийской же клинописи, сочетание *l ana ammatu* или *l ammatu* для обозначения понятия «локоть»⁴.

³ Г. Б. Джаукян, Урартский и индоевропейские языки, Ереван, 1963, стр. 107.

⁴ См. И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ, 1951, IV, стр. 116, а также Г. А. Меликишвили, УЖН, № 110, внешняя сторона, стр. 9, прим. 1.

О том, что урарты руководствовались десятиричной системой счисления, свидетельствует и соотношение единиц емкости: 1 *terusi* составляет приблизительно 0,1 часть 1 *aqarqi*.

Исходя из сказанного, в римской цифровой системе урартское 𐎠𐎡𐎢 (60) следует выражать просто как LX, а не XX XX XX (20, 20, 20), как делает это И. М. Дьяконов⁵, в каковом написании, очевидно, имеется в виду принятая в грузинском языке двадцатиричная система. По этому же принципу 50 также надо было бы разложить на XX XX X (20, 20, 10), чего, однако, у И. М. Дьяконова мы не видим. 80 и 90 надо писать просто LXXX и XC, а не LX XX и LX XXX, в каковых написаниях предполагается наличие элементов шестидесятиричной системы.

2. В УКН 127 II, СТК. 17 СЛЕДУЕТ ВОССТАНОВИТЬ НЕ

s[iʔ]-ri, а p[a]-ri

В указанном тексте Аргишти I рассказывает о военном походе в страну Хате, во время которого он совершил набег с одной стороны (?) (*andani*)⁶ на Туатехийскую страну, с другой стороны (?) (*salmathi*)—на город Мелитеа. Имеющееся здесь повреждение, начиная с А. Сейса, восстанавливалось как s[iʔ]-ri, по Ф. Кёнигу—x-ri-ki-ri⁷. Мы считаем, что правы те исследователи, которые ki-ri считают отдельным словом, которое встречается также в УКН, 155 E, стк. 56.

Далее текст уведомляет, что Аргишти дошел до города Питенра и, по всей вероятности, до реки Мелнаини. (17) ku-tè-a-di pa-ri URU Pi-te-i-[ra/gu...]-ni pi-ni p[a]-ri ki-ri Me-li-a-i-ni ID.

Наше уточнение оправдывается не только смыслом, но и сохранившимся на фотографии следом клинописного знака (УКН, фото 29). Горизонтальные клинья Σ , сохранившиеся от

⁵ И. М. Дьяконов, УПД, № 12, стр. 39. Независимо от нас к такому же заключению пришел урартовед О. Карагемян (рукопись).

⁶ По поводу слов *andani* и *salmathi* см. М. Salvini, Nuove inserzioni urartee dagli scavi di Arin-berd, nell'Armenia Sovietica, Roma, 1969 (Studi Micenei et Egeo-Anatolici, Fas. Nono, стр. 18).

⁷ F. König HChI, 80, § 3 (VII).

знака, будучи равной величины, не могут составить *si*. Вероятнее всего, они составляли знак *ra ni*, таким образом, здесь было начертано известное нам слово *ra-gi*—«до».

Если верно определение И. Фридрихом слова *ki-gi* как «чаша»⁸, что вполне подходит к УКН, 155 Е (для перевода 56 строки—1535 бронзовых чаш), тогда в нашем случае следует предположить его употребление в переносном смысле, со значением «бассейн» или «русло» реки. В таком случае, выражение *ra-gi ki-gi* будет означать «до русла (бассейна)» реки Мелниани.

Не будет, пожалуй, ошибочным предположить, что Аргшти дошел до города Питенра со стороны Туатехийской страны, а до реки Мелниани со стороны Мелитеа.

Итак, УКН 127, II стк. 17 мы предлагаем читать и переводить следующим образом (17) *ku-tè-a-di ra-gi URUPi-te-i-[ra/gi...]-ni ri-ni r[a]-gi ki-gi Me-li-a-i-ni ID* «Дошел (я) до города Питенра, ...под..., до бассейна реки Мелниани».

Такое уточнение дает основание изъять из урартского словаря мнимое слово *si-gi*.

3. В УКН, 266, В НАЧАЛЕ СТРОКИ 17 СЛЕДУЕТ
ЧИТАТЬ e'a

Строку 17 этого текста исследователи читают следующим образом (17) ¹⁰IM-i-ni É.GAL ba-du-si-[e ši-di]-is-tú-bi [te-gi-bi ti]-ni (18) ¹¹IM-i URU.

Последнее выражение—назвал именем «город Тейшебы» определенно подсказывает, что в начале стк. 17 не могло быть имени Тейшебы.

Действительно, внимательное изучение показывает, что там высечен знак 'a, а не IM. Этот знак правильно прочтен еще И. И. Мещаниновым, однако он присоединил его к следующему *ini*—«этот» и получилось несуществующее слово 'aini⁹.

⁸ J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, grammatischer Abriss... (MVAG, 37. Bd, 3. Heft, 1933, Leipzig), стр. 69.

⁹ И. И. Мещанинов, Коларганская надпись. ИАН СССР, VII серия (отд. обществ. наук), 1932, 1, стр. 87 сл.

Исходя из вышеуказанных соображений, места написания и содержания, мы предлагаем восстановить здесь урартское слово e'a («и, также»), которое оправдано и смыслом, поскольку в предыдущей 15-й строке текста (16-я строка сильно повреждена), упоминается строительство многих крепостей: šidištuli inili É.GALMEŠ... «построил эти крепости». Получится следующее логическое построение (15) šidištuli inili É.GALMEŠ... (17) [e]-'a i-ni É.GAL ba-du-si-[e ši-di-iš]-tú-bi [te-ru-bi ti]-ni (18) DIM-i URU... «(15) Построил эти крепости... (17) а также эту крепость великолепную (я) построил, назвал именем (18) «город Тейшебы».

4. В УКН, 127 IV, СТК. 72 ПРЕДЛАГАЕТСЯ ВОССТАНОВИТЬ СЛОВО iu «КОГДА»

В начале указанной строки есть повреждение, где можно уместить 2—3 знака. Г. А. Меликишвили оставил лауну без восстановления. Ф. Кёниг, очевидно исходя из смысла текста, восстановил здесь [É.GA]L¹⁰

Имея в виду CICH 112 B 2, стк. 41, а также учитывая размеры поврежденных мест этих двух текстов и оставшиеся следы знаков, мы считаем правильным восстановить здесь слово [iu] «когда».

Таким образом, упомянутая строка будет читаться так: [I'Ar-giš]-ti-še I'Mi-nu-ú-a-ḫi-ni-še a-li-e (72) [i-ú] I'Ar-giš-te-e-ḫi-ni-li ši-du-bi (73) [I'Dm]u-na-ni PA₃ I'A-za-i-ni-e KUR-ni-e a-gu-bi. «(71) Аргишти Минувич говорит: (72) когда город Аргиштихинили я построил, (74) из реки канал для страны 'Аза(ни) я провел».

Это примерно похоже на порядок слов, который встречается в надписи на бронзовой подставке, найденной на Кармир-блуре¹¹, и во многих других текстах¹².

¹⁰ F. Kōnig HChI, 80, § 10.

¹¹ Б. Б. Пиотровский, Урартская надпись из раскопок Кармир-блур, связанная с основанием Эребуни, ЭВ, XVII, 1966, стр. 3—5. См. также В. Բարսիլյան, Էրեբունի բերդ-քաղաքի պատմություն (М. А. Исраелян, История крепости-города Эребуни), Ереван, 1971, стр. 183—184.

¹² УКН, 65, стк. 5; 155, G. стк. 2; 268, строки 9—10 и др.

5. В УКН, 127 I ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ КОНЕЦ 33-й СТРОКИ.
КОТОРЫИ В ОРИГИНАЛЕ ПОВРЕЖДЕН

В указанном отрывке Хорхорской летописи как предыдущие и последующие строки, так и стк. 33 повреждены. Исследователи, опубликовавшие летопись, Г. А. Меликишвили и Ф. Кёниг, их не восстановили, оставив место незаполненным, а Н. В. Арутюнян в 33-й строке восстановил только окончания KUR Artarmu-[e-di]. Имея в виду 8—11-е строки колонки E летописи Сардури II и ориентируясь на сходное выражение¹³, мы восстанавливаем здесь (33) uštadi Artarmu-[edi ši-a-bi ka-ú-ki-e] (34) gunušinie su-[ú-i-du-lú-ú-bi a-šú-bi pari] (35) URUMES[.....]. В этом последнем случае Ф. Кёниг восстанавливает только глагол следующим образом: su-[tú-qu-ú-bi]; Г. А. Меликишвили также восстанавливает только глагол, по примеру 10-й строки текста Сардури II: su-[ú-i-du-lu-ú-bi] (УКН, 155, прилож. 15). Наш перевод восстановленного текста следующий: «Я отправился в поход в страну Артарму. Передо мной появилось войско, я отбросил ašubi до...».

---

¹³ УКН, 155 E, в строках 8—11 сказано (8)... uštadi (9) KURPuluadiedi šiabi kauki (10) gunušinie suidulubi (11) ašubi parie URULibliuni. После чего и завоевывается этот укрепленный царский город Либлунн.

Д. Н. САРКИСЯН

СТРАНА ШУБРИА В УРАРТСКИХ НАДПИСЯХ

Название страны *mašubria* (вар. *mašubrē*, *mašubura*) является модификацией названий шумерского периода *šUBURki*, аккадского периода *Subartu^{ki}* (идеограмма *SU.BIR^{ki}*) и среднеассирийского периода *mašubarī*, но имеет иное географическое содержание, отличаясь от них своей территорией. Территория страны Шубриа в основном ограничивалась южными районами горного массива Сасуна.

Первые свидетельства о стране Шубриа принадлежат ассирийским царям Ашшурбелкале (1076—1059)¹, по сообщению которого в этой стране имелось поселение *ṢMurar-gir*, и Ададнерари II (911—890)², который упоминает о городах *Aginu*, *Turḫu*, *Zaduri*, входящих в состав страны Шубриа. Ашшурнацирапал II (884—859)³ упоминает поселение *ṢMagiḫu* в связи с расположенными севернее Тушки (современный Карх) городом Дамдамуса и страной Нирдун. Возможно, что это поселение отождествимо с упомянутым выше шубрийским поселением *Мурар[гир]*, поскольку к сходству названий прибавляется близость их локализации. Во время Ашшурнацирапала II уже существовало царство Шубриа, во главе которого стоял *Anḫite*.

¹ E. A. W. Budge, L. W. King, *Annals of the Kings of Assyria*, I, London, 1902, стр. 132—138, стк. 18—19; АВИНУ № 18.

² D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, I, Chicago, 1926, стр. 362.

³ АКА, I, стр. 291, стк. 110—111; АВИНУ № 23, I, 101.

Салманасар III (859—824)⁴ стремился подавить самостоятельность страны Шубриа: дважды он упоминает, что во время своего пятого похода он запер Анхите Шубрийца в его городе, получил от него многочисленную дань. Здесь же упоминается о завоевании 11 городов. Однако в краткой пояснительной надписи на Балаватских воротах он говорит уже о завоевании ^{a1}Уршуми, города Анхите Шубрийского. Возможно, что речь здесь идет о другом походе.

И. Маркварт⁵ и Э. Форрер⁶ сопоставляли город Упуму (Уппуму, Уппумму) с византийским Архумон (армянское Апум, современный Фум), который находится в горах Сасуна в трех км к югу от Илджии.

После Салманасара III и до Саргона II (722/1—705), в течение целого века, ассирийские надписи не упоминают страну Шубриа. Письма разведчиков времечки Саргона II⁷ снова говорят о стране Шубриа, упоминая также о поселении ^{a1}Penza (сравнимом с ^{a1}Benzu)⁸. По этим данным, страна Шубриа была подвластна Урарту. Именно этим можно объяснить то явление, что Шубриа от Салманасара III до Саргона II не упоминается в ассирийских источниках. Эта эпоха совпадает с могуществом Урарту и его территориальным расширением, во время которого и была присоединена к Урарту страна Шубриа.

⁴ A. H. Layard, *Inscriptions in the Cuneiform Character from Assyrian Monuments*, London, 1851, table 46, стр. 89, стк. 52—51, table 12, стр. 14, стк. 11—12; F. Delitzsch und P. Haupt, *Beiträge zur Assyriologie und Semitischer Sprachwissenschaft*, Band VI, Leipzig, 1909, стр. 46; И. М. Дьяконов, *АВИИУ*, №№ 28 (52), 29, 31.

⁵ J. Marquart, *Étatsnaher nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci*, Berlin, 1901, стр. 141.

⁶ E. Forrer, *Die Provinzeinteilung des Assyrischen Reiches*, Leipzig, 1921, стр. 87—88.

⁷ R. F. Harper, *Assyrian and Babylonian Letters*, I—XII, London, 1892, Part. II, № 138, стк. 7—12, 1—10; *АВИИУ*, № 50 (32).

⁸ В составе Урарту Тиглатпаласар упоминает поселение с названием ^{a1}Benzu (P. Rost, *Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III*, Band I, стр. 46, стк. 34).—И. М. Дьяконов сравнивает упомянутое в письмах Саргона II ^{a1}Penza с упомянутым у Тиглатпаласара III поселением ^{a1}Benzu, которое было в составе Урарту—*АВИИУ*, № 42 (28 сл.), № 50 (32) и прим. 3.

Ассархаддон (680—669)⁹ упоминает, что накануне 673 г. в Шубрии существовало царство, во главе которого стоял *ṣub-Ni-iq-te-šub*. Столицей страны был Уппуму. Ассархаддон в 673 г. захватил всю Шубрию, вместе с 21 городом, в числе которых упоминаются *ḫulimmi*, *markuša*, *ka-ku-za*. После похода Ассархаддона Шубрия делится на две области с центрами Уппуму и Куллимери (Куллимери) и в таком виде вводится в состав Ассирии.

Адшурбанал¹⁰ (668—633) в своих надписях больше не упоминает страны *ṣubria*, а вместо нее упоминает две страны: *ḫullimmi* и *urrimmi*, потому что, как было сказано, Шубрия в 673 г. была захвачена и разделена на два наместничества, с центрами Уппуму и Куллимери.

Б. Б. Пиотровский¹¹ подчеркивает, что «...страна Шуприя, по непонятной причине, не упоминается в урартских клинописях...». Другие исследователи отождествляют страну Шубрия и встречающуюся в урартских надписях страну Урме, усматривая в качестве связующего звена между ними упоминаемый в надписях урартского царя Менуа (810—786) вместе со страной Урме город *Qulmeri*, который в ассирийских надписях, в форме *ḫullimmi*, четко выступает в составе страны Шубрия.

Г. А. Меликишвили в этой связи выражает следующее мнение: «...Шуприя, являющаяся, согласно ассирийским источникам, крупной величиной, вовсе не упоминается в урартских источниках—здесь ведь речь идет о территории, непосредственно примыкающей с запада к территории Урарту. Очевидно, эту территорию в урартских источниках нужно искать под другими названиями. В этом отношении обращает на себя внимание, что один из главных центров страны Шуприя—город *Kullimeri* упоминается и в урартских источниках (в форме «Кулмери» *Qulmeri*; УКН, № 40, 41), притом в

⁹ *F. Bauer*, Ein Erstbericht Assarhaddons, Berlin und Leipzig, 1931, col. IV, стк. 1—9, *H. Winckler*, Supria (Altorientalische Forschungen II, 1901, col. I, стк. 36); АВИИУ, 70.

¹⁰ *G. Smith*, History of Assurbanipal, London, 1871, part VI, Cylinder «A», column IV, стр. 98—99, стк. 6—14. См. также АВИИУ № 73, где пропущено Уппуму.

¹¹ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, стр. 77.

связи со страной Урме (вар. Урмеухи). Эта последняя страна упоминается в надписях, найденных в долине совр. гор. Муш, что делает возможным локализацию страны Урме в этом районе, т. е. там, где по ассирийским источникам нужно предположить территорию страны Шуприа. Поэтому, естественно думать, что Урме (ухи) урартских источников подразумевает, по крайней мере, одну часть ассирийск. Шуприа^{12а}. И. М. Дьяконов считает, что «...центром Урме, по-видимому, был Кулмери (ассир. Куллимери), который ассирийские источники, наряду с г. Улпуму, считают центром Шубрии»¹³.

По мнению Н. В. Арутюняна, «Если Кулмери урартских надписей выступает в качестве города страны Урме, то Куллимери (Кулламери) ассирийских источников является городом Шуприи. При этом существует определенная связь также между странами Урме и Шуприа...»¹⁴.

С. Т. Еремян выражает мнение, что «...еще Менуа (810—785) предпринял поход на Шуприа, которую он называл Урмеухи или Урме. Он захватил эту страну вместе с городом Qulimeri (т. е. Куллимери)»¹⁵.

Как данные ассирийских клинописных надписей, так и мнения упомянутых ученых подтверждают, что Куллимери (урартское Кулмери) был одним из центров страны Шуприа, и это несомненно. Однако действительно ли верно, что Кулмери находился в стране Урме? Рассмотрим имеющиеся данные, сохранившиеся в двух надписях царя Менуа—из Муша и Трмерда. Вот сохранившийся текст надписи из Муша:

а) Передняя сторона

[D]Hal-di-ni-ni [uš-ma]-ši-ni [u]š-ta-a-b[i] [¹]Me-nu-a-ni
[¹]Iš-pu-u-ni-ḫi ¹u¹-lu-uš-ta-b[i] [D]Hal-di-i-ni [¹M]e-n[u]-¹a¹-
-[še a-li-e]

¹² Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 52.

^{12а} УЖН, стр. 446.

¹³ И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 139.

¹⁴ Н. В. Арутюнян, Биайнили, Ереван, 1970, стр. 169.

¹⁵ С. Т. Еремян, Племенной союз армян в стране Арме-Шуприа, (Ս. Տ. Երեմյան, Հայերի ցեղային միությունը Արմե-Շուպրիա երկրում, ԳԲՀ, Երևան, 1958, № 3, էջ 64), Ереван, ИФЖ, 1958, № 3, стр. 64.

b) Правая сторона

l'a¹-al-du-b[i] me-e-ši-ni [p]i-e-i [D]UB te-ru-b[i] [Q]u-
-ul-me-ri ʔal-su-u-ni ʔIV KUR-ni-li ʔe¹-di-i-ni

c) Задняя сторона

[U]RU A-ta-u-ni-e [u]š-ta-a-di KURUr-me-i-e-di [h]a-a-ū-b[i]
KURUr-me-i-e te-ru-u-b[i] i-ni DUB-t[e] ʔKURAr-ḫi-i-e-d[i]
[.....].

d) Левая сторона

(формула проклятия)

«а. Могуществом бога Халди выступил (в поход) Менуа, сын Ишнуни. Предшествовал (?) (ему) бог Халди. Менуа говорит:...

б. Поощрил я (его) под условием (выплаты) дани; надпись я установил. (Город) Кулмери... четыре страны оттуда...

с. Город Атауне. Выступил я (в поход) против страны Урме, завоевал я страну Урме; установил я эту надпись. На страну Архп...»¹⁶.

d. (формула проклятия).

Действия Менуа описаны в данной надписи в отрывках b и c. Из них первый относится к упомянутому поселению [Q]u-ul-me-ri, где Менуа и, вероятно, ставит стелу. Далее, как отмечает Г. А. Меликишвили¹⁷, речь идет о том, что он поощрил правителя страны под условием выплаты дани, а также о захвате четырех стран. Однако детерминатив перед Кулмери не сохранился. И. М. Дьяконов¹⁸ предлагает восстановить детерминатив племени ¹, поскольку детерминатив города ^{URU} не умещается в отбитой части строки. В следующем отрывке надписи место действий Менуа явно меняется. Здесь Менуа заявляет: (2) [u]š-ta-a-di (3) KURUr-me-i-e-di (4) [h]a-a-ū-b[i] (5) KURUr-me-i-e. Здесь uštadi «выступил в поход», «направился», глагол движения, указывает, что страна Урме находилась вне Кулмери (а также вне упоминаемых с Кулмери четырех стран и города Атауне), что Менуа двинулся дальше, ушел из Кулмери и прибыл в страну Урме.

¹⁶ УКН, № 41.

¹⁷ УКН, № 41, прим. 2.

¹⁸ И. М. Дьяконов, ЭВ, IV, стр. 107 (Заметки по урартской эпиграфике, III. Страна Айду. Город Кулмери. Страна Урме).

Итак, по сведениям надписи из Муша, страна Урме своей территорией отличалась от Кулмери. Что касается надписи из Трмерда, то она сохранилась в еще более поврежденном состоянии. В ней также рассказывается о захвате Урме и Кулмери.

Во фрагменте «А» описывается захват страны Урме; во фрагменте «В» — захват города Кулмери, связанные с ним разрушения и, далее, строительные работы Менуа в этом месте; во фрагменте «С» почти ничего не сохранилось и трудно сказать, о чем шла здесь речь.

Лемани-Гаупт¹⁹ считал возможным другое расположение фрагментов лицевой стороны надписи, а именно: В+С+А. Лемани-Гаупт несомненно прав, ибо, согласно надписи из Муша, Урме была захвачена после Кулмери.

Фрагмент «В»

1. [.....]
[...] IV ME URUMEŠ za-áš-[gu-bi...]
[...] a-ma-a-áš-tú-ú-[bi.....]
[...] É.GALMEŠ ši-a [.....]
5. [...] URUQu-ul-me-e-[ri .....]
[...] e qa ar šú ku[.....]
[...] É. GAL-ni za-du-ú-[bi .....]
[...] bu-ra-a áš-tú-ú-[bi .....]
[el-ir-ši-du-bi e-s[i .....]
10. [... KURe]-ba-ni 'a-al-du-[ú-bi .....]
[.....] ni [.....]
[.....]

«...400 городов; я умертвил... я сжег... крепости... город Кулмери... крепость я построил... я поработил... посадил я на (свое) место... страну. Я пощадил...»²⁰.

Как в фрагменте «В» надписи из Муша, так и здесь ведомые Менуа военные действия в основном совершаются вокруг Кулмери, причем на территории, отличной от страны Урме. Здесь город Кулмери связан с 400 поселениями, с мно-

¹⁹ УКН. № 40, прим. 5.

²⁰ УКН. № 40, фрагмент «В»

жеством крепостей, которые уничтожает и сжигает Менуа, а после захвата страны строит там новые крепости. Надписи из Муша и Трмерда свидетельствуют, что Кулмери имел своего властителя или царя, которого Менуа пощадил и оставил на месте, с условием выплаты дани. Заслуживает внимания тот факт, что в надписи из Трмерда употребляется термин KUREbani «страна». Это свидетельствует о том, что речь идет не просто о городе, но о городе-стране, т. е., может быть, о стране, названной по центральному городу, поскольку при захвате обычного города не употребляется термин KUREbani, а он употребляется в том случае, когда данный город представляется как центр страны. Например, термин KUREbani «страна» Менуа использует при упоминании города Халдириулхи: (18) ¹Me-nu-ú-a-še a-li-e... (24) II LUGÁLMEŠ-li-li e-di-ni su-ṭu-qu-[ú]-bi (25) ¹Ba-al-tú-u-ul-ḫi-e KURE-ba-a-ni-i-e (26) URUḫa-al-di-ri-ul-ḫi KURE-ba-a-ni-i-e (27) É.GALMEŠ-a-ši-li a-gu-ú-nu-ni-e-li (28) KURE-ba-ni-a-ši e-di-ni su-ṭu-qu-bi²¹. «Менуа говорит:... двух царей я оттуда удалил—(царя) страны племени Балтулхи (и царя) страны города Халдириулхи; (какие только были) в стране укрепленные цитадели, я оттуда (их) отторгнул».

Из этих стран каждая, по мнению Г. А. Меликишвили, представляла одну из областей союза племени Днаухи. Это подтверждается тем, что как, по-видимому, и Кулмери, эти города-страны, каждая в отдельности, имели своих царей, которых Менуа удалил, и множество крепостей É.GAL^{MEŠ}-a-ši-li, которые Менуа отнял.

В связи с обсуждаемым вопросом важным является тот, упомянутый в надписи из Муша, факт, что Менуа поставил свою стелу видимо в области Кулмери: [D]UB te-ru-b[i] [Q]u-ul-me-ri a-su-u-ni²² „надпись я установил. Кулмери asuni“. Кстати, Г. А. Меликишвили²³, хотя и не переводит слово asuni, но указывает, что оно ставится после названий городов, например: (6) ¹Me-nu-a-še (7) a-li-e ḫa-ú-bi ¹Di-a-ú-

²¹ УКН, № 36, ст. 18, стк. 24—28.

²² См. выше, стр. 125.

²³ УКН, № 41, прим. 1.

-e-ḫi KUR-ni-i-e... (10) ku-ṭu-ú-bi pa-a-ri-e KURŠe-še-e-ti-i-na-a²⁴ (11) URUZu-a-i-na-a URUU-ṭu-ḫa-a-i a-su-ni²⁵ „Менуа говорит: завоевал я страну Днаухи... Дошел (?) я до страны Шешети, (до) города Зуа, город Утухан asuni“ или (б) Sar₃-du-ri-še a-li... (13) KURQa-la-'a-ni 'a-al-du-bi... (14) ku-ṭu-bi pa-ri (15) KURMu-šá-ni-e URUZa-ap-šá a-su-ni XIV É.GAL LXXX(?) URUMES (16) šú-si-ni UDME-ni áš-gu-bi...²⁶

«Сардурн говорит... область (?) страны Калани я пощадил... дошел (?) я до страны Мушани, город Запша asuni, 14 крепостей (и) 80 (?) городов за один день я захватил». В этих примерах термин asuni, очевидно, означает «граница», «территория», поскольку сказуемое kuṭubi paḫi «дошел до» имеет значение ограничения. И. Сандадчян²⁷ термин asuni переводил как «доля», конечно, в географическом понимании. И. М. Дьяконов²⁸ asuni склонен толковать как «область» URUBi-ḫu-ra-a-ni a-su-ni-pi... «область Бихурани». Итак, можно предполагать, что одна из надписей Менуа, связанная с Кулмери, была установлена не в самом городе Кулмери-Куллимери, который, по Маркварту²⁹ и Э. Форреру³⁰, соответствует византийскому Хломарону и армянскому Кхмару и располагается южнее города Уппуму, на юго-восточной окраине горного массива Сасуна, а вообще на территории города-страны Кулмери-Куллимери. И если это—надпись из Трмерда, то можно думать, что такая территория области (asuni) Кулмери-Куллимери, которую указывает Менуа, в точности соответствует стране Шубриа ассирийских надписей или территории ее двух областей Уппуму и Куллимери.

Конечно, не должно вызывать никаких сомнений то обстоятельство, что в урартских надписях название города Qul-

²⁴ См. *Н. В. Арутюнян*, Бнайцили, стр. 415—417, где автор читает pa-ri-e šadŠe-še-e ti-i-na-a „до горы Шеше“.

²⁵ УКН, № 36, стк. 6—11.

²⁶ УКН, № 158, стк. 14—16.

²⁷ *J. Sandalgian*, IGU, 1902, Roma, стр. 335.

²⁸ *И. М. Дьяконов*, Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков. (Переднеазиатский сборник), М., 1961, стр. 409.

²⁹ *J. Marquart*, *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xor-e-nacl*, Berlin, 1901, стр. 141.

³⁰ *E. Forrer*, PAR, Leipzig, 1921, стр. 87—88.

meri начинается с «Q», в ассирийских же с «K» Kullimmeri. Есть ряд примеров, когда в ассирийских надписях название местности, которое начинается с «K» в урартском пишется с «Q», например: название Kuntulu ассирийских надписей в урартских надписях писалось Qutaḥa, а название Kunte—Qitenu и т. д.

Исходя из всех этих обстоятельств, мы приходим к тому заключению, что в урартских надписях город-страна Кулмери со всей охваченной им территорией соответствует стране Шубриа ассирийских надписей, иначе говоря, что урарты упоминали страну matSubria по названию ее центра Кулмери-Куллимери.

Это заключение подкрепляется рядом других фактов. Во-первых, тем, что в урартских надписях есть и другие случаи, когда упомянутые в ассирийских надписях страны названы по их центрам. Например: в надписи Саргона II matKam-manu выступает как страна, а ³¹alMi-lid-du—как ее царский город: i-na ug-gat lib-bi-ja matKam-manu a-na paṭ gim-ri-ša ak-šud ³¹alMi-lid-du al šarru-ti-šu kar-ra-niš aḥ-pi³¹. „В гневе сердца своего я захватил страну Камману до крайних пределов ее. Мелидду, его царский город я разбил, как горшок». Урартские цари, начиная с Менуа, совершенно не упоминают название страны matKammanu, а эта страна упоминается по имени ее центра URUMe-li-ṭa-a-(ni).

Далее, в ассирийских надписях matMušasir выступает как страна, а ³²alAridi³², по нашему мнению, выступает как ее

³¹ H. Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, Bd. I, Leipzig, 1889, стр. 30—34, стр. 182—189; И. М. Дьяконов, АВИИУ, № 46.

³² Салманасар III о расположении города ³²alAridi сообщает следующие сведения: ina ni-ri-bi ša šadSi-me-si i-ru-ub a-na ³²alA-ri-di al dan-nu-ti-šu ša ³²mNi-in-ni aq-te-rib... ištū ³²alA-ri-di at-tu-muš... a-na ³²alHu-bu-uš-ki-a aq-ṭi-rib... ištū ³²alHu-bu-uš-ki-a at-tu-muš a-na ³²alSu-gu-ni-a al dan-nu-ti-šu ša ³²mA-ra-me matU-ra-ar-ṭa-ala aq-te-rib... (E. Schrader, KB, I, 1889, стр. 152—156, col. I, стр. 14—23; И. М. Дьяконов, АВИИУ № 27, стр. 227). «Прошел перевалом Симеси и подошел к Ариду, укрепленному городу Нинни... Я вышел из Ариду... Подошел к Хубушкин... Я вышел из Хубушкин и подошел к Сугунни, укрепленному городу Араме урартского...». Очевидно, что город Aridi находился западнее перевала Симеси и восточнее города Хубушкин и территории Урарту. Такое расположение города Aridi по данным VIII похода Саргона II, соответствует стране Муца-

царский город. В противоположность этому, урартские цари в надписях на урартском языке совершенно не упоминают название страны matMuṣaṣir. Название ¹Муṣaṣir вступает лишь в ассирийских вариантах³³ их надписей; эту страну они называют по имени ее центра URUArdini³⁴. Отметим также, что в урартских надписях в ряде случаев с детерминативом URU «город» упоминаются такие названия, которые в ассирийских надписях выступают с детерминативом mat. Например, страна matṣala в урартских надписях выступает как URUṣala, matḪurri (в хурритском тексте matḪurriḫḫe) страна URUḪura и т. д.

Сходное явление имеет место также в случае со страной Шубриа и названием ее центра Кулмери-Куллимери: страна Шубриа урартами именовалась по названию ее центра Кулмери-Куллимери. В связи с этим весьма ценные сведения сохранились в надписи ассирийского царя Тиглатпаласара III (745—727), согласно которым этот царь в 735 году совершил поход на Урарту и установил победную стелу в стране matKullimēri: matUl-lu-ba matḪab-ḫi ša šērē šadNa-la a-na gi-mir-ti-šu ak-šud a-na mi-šir matAššur utir-ra ša-lam šarru-ti-ja ina matKullimēri-im-me-ri ul-ziz³⁵. „Уллубу и Хабхи, расположенные у подножья горы Нал, я завоевал целиком и включил в границы Ассирии. Мое царское изображение я водрузил в стране Куллимери“. Очевидно, что в этой надписи matKullimēri употребляется в таком же смысле, что и matUlluba и matḪabḫi, т. е. в смысле не города, а страны. Причем, нужно отметить также, что в надписи Тиглатпаласара III страна matKullimēri располагается между Урарту, Уллубой и Хабхи, т. е. занимает ту самую территорию, которая подходит под понимание Шубриа. Надпись Тиглатпаласара III свидетельствует не только о том, что Кулмери-Куллимери выступает как страна, но и о том, что в его время название страны Шубриа не упоминает-

шир и его центру Ардини. (*F. Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon, Paris, 1912, стк. 306—310; И. М. Дьяконов, АВИИУ, № 49, стр. 330.*)

³³ УКН, №№ 19₁, 15... 264₂, 8...

³⁴ УКН, №№ 19, Урарт. I, 17; 124_{1,4}, 55... 264₂, 8.

³⁵ *P. Rost, Die Keilschrifttexte Tiglat-pileasers III, Band I, Leipzig, 1893, стр. 50—52, стр. 41—43.*

ся. Значит, Тиглатпаласар III, как и Менуа, знал эту страну под названием одного из главных центров Кулмери-Куллимери.

Отсюда возникает вопрос, почему Шубриа выступает не под названием своего, известного нам, царского города Упуму, а под названием центра Кулмери-Куллимери.

Во-первых, надо учесть тот факт, что Кулмери-Куллимери был не второстепенным городом Шубриа, а обычно упоминается наряду с царским городом Упуму. Надпись Асархаддона свидетельствует, что из 21 города страны Шубриа, которые были захвачены царем Ассирии, разорены, а затем снова восстановлены, — город Куллимери был первым по своему значению: (5) *alanimes šá-tu-nu ul-tu uššemes-šú-nu a-di gab-dib-b[i-šú-nu]*³⁶ (6) *ša 1Kul-im-me-ri 1Mar-ku-ĥa 1KAK-zu/ba [.....]* (10) *šum-šu-nu maĥ-ra-a ú-nak-kir-ma...* «Эти поселения от оснований их до баш[ен их я отстроил (?)]. Прежние их имена Куллимери, Маркуха, Как-зу... изменил...». А когда Асархаддон делит страну Шубриа на два ассирийских наместничества, то одним из центров делает Упуму, а другим Куллимери. (1) *[mātu] 1šú1-a-tú a-di II-šú a-[zuz]* (2) *[II amelšutrēši-ja ana amelpaĥātūti ellšunu] ú-še-šib 1Bi-'-lu (-?)*³⁷ *{ina 1Uppummu}* (3) *1Bél-iddina i-na 1Kul-li-im-me-ri [aškun]* (4) *a-na mi-šir matAššurki ú-tir [...]*³⁸

«Эту страну раз[делил] на две части, [их начальниками] утвердил двух [моих приближенных]; [над городом Упуму] — 1Bi-'-lu(-?); над городом Куллимери [утвердил] Бел-Иддина, вернул в пределы Ассирии [...]

Уже отмечалось, что в надписях Ашшурбанапала больше нет термина *matŠubria*, его заменяют два названия: *matKullim-meri* «страна Куллимери» и *matUppummu* «страна Упумму», *matAn-da-ri-a* (6) *amelbél-peĥāti* (вариант: *ameltur-ta-nu*) *matUr-*

³⁶ T. Bauer, Ein Erstbericht Asarhaddons, Berlin und Leipzig, 1931, стр. 134—260, col. IV, стк. 5—6; АВНИУ, № 67 (H).

³⁷ У Фоппера — ^mMarduk[eriba], PAR, стр. 87—88.

³⁸ R. Borger, Die Inschriften Asarhaddons, Graz, 1956, стр. 112.

-ar-ti (7) ša a-na ka-ša-ad matUp-pu-um-mi u matKul-li-im-me-ri³⁹
 (8) ir-da-a il-li-ka qi-rib mu-ši-ti (9) nišēmeš a-ši-bu-ti a¹Kul-
 -li-im-me-ri (10) ardānimeš da-gil pa-ni-ja (11) ina ..... mu-ši
 di-ik-ta-šú ma-ḥa-aš-šu i-du-ku la ez-zi-bu aia-um-ma⁴⁰.
 «Андариа, областеначальник (вариант—туртан) страны
 Урарту, который спустился в страну Уппумму и страну Кул-
 лиммери среди ночи—люди, населявшие город Кулли-
 мери—рабы, покорные мне, в ночное время разбили его в
 сражении, никого не оставили». Итак, Кулмери-Куллимери не
 только был одним из главных центров Шубриа, но во время
 Ашшурбанапала по его имени называлась часть этой страны.
 Этот факт пополняет ряд свидетельств, сохранившихся в
 надписях Менуа и Тиглатпаласара III, в которых Кулмери-
 Куллимери замещает страну Шубриа.

Далее, надо иметь в виду и тот важный факт, что Сал-
 манасар III в свое время захватил царский город Упуму
 царя Анхите: a¹U-pu-mi ša mAn-ḥi-ti ma¹Šub-ri-a-ja ak-šud⁴¹.
 «Я завоевал город Упуму Анхите Шубрийского». У ассирийцев
 захватить столицу вражеской страны большей частью значи-
 ло и разрушить ее. Так, Салманасар III захватил и столицу
 a¹Arzaškun Араме Урартского, после чего она была оставлена
 и царь Урарту Сардури I вынужден был построить для Урар-
 ту новую столицу Тушпу. По существу, той же судьбы удосто-
 ился Упуму, после падения которого переживает подъем
 другой центр Шубриа—Кулмери-Куллимери, по имени которо-
 го урарты и называли страну. Впоследствии Упуму возрожда-

³⁹ Рассматривая Куллимери как страну, Ашшурбанапал употребляет
 детерминатив ma¹ti «страна», когда же рассматривается конкретно город
 Куллимери, то с ним употреблен детерминатив a¹ti «город». Это также
 один из важных факторов, которые показывают, что Кулмери, будучи
 конкретным городом, в то же время рассматривался как страна. (Срав.
 АВНИУ № 73; Н. В. Арутюнян, Бианбили, стр. 327 и прим. 71).

⁴⁰ G. Smith, History of Assurbanipal, London, 1871, Part VI, Cylinder
 «A», col. IV, стр. 98—99, стк. 6—14.

⁴¹ A. H. Layard, Inscriptions in the Cuneiform Character from Assyri-
 an Monuments, London, 1851, table 46, стр. 89, стк. 52—54; table 12, стр.
 14, стк. 11—12; F. Delitzsch und P. Haupt, Beiträge zur Assyriologie und
 Semitischen Sprachwissenschaft, Bd. VI, Leipzig, 1909, стр. 46; И. М. Дья-
 конов, АВНИУ № 29.

ется и во время Асархаддона он снова—центр Шубриа. А когда страна делится на два ассирийских наместничества с центрами Уппумму и Куллимери, то по-видимому, название Шубриа не употребляется, а вместо него выступают названия центров двух наместничеств страны, по которым и именуется страна во время Ашшурбанапала.

Из указанных фактов можно сделать вывод, что Кулмери-Куллимери не имеет отношения к Урме; следовательно, Урме не отождествляется с Шубриа, а является лишь соседней с ней страной.

Г. А. ТИРАЦЯН

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОСЛЕУРАРТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ (ТУРЦИЯ) И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Археологическое изучение территории современной Турции развивалось неравномерно. Сравнительно хорошо изученному малоазийскому пространству противостояли оставшиеся, за редкими исключениями, вне поля зрения археологов восточные провинции страны. За последние десятилетия положение, однако, несколько изменилось: были предприняты раскопки ряда памятников, расположенных к востоку от реки Евфрат. Вместе с тем здесь стал постепенно проявляться большой разрыв между степенью археологической изученности древнейших и более близких к нам периодов. Выявленная раскопками картина последовательного развития материальной культуры западных областей Армянского нагорья, начиная с каменного века, обрывается там, где кончается история и культура Урарту. Относящиеся к более поздним—древнеармянскому и средневековому периодам памятники остаются, как правило, нетронутыми, вследствие чего самые восточные археологически изученные памятники эллинистического периода—это памятники Коммагены, расположенной к западу от Евфрата.

В связи с нарастающим интересом к истории и культуре Урартского государства, вызвавшим раскопки целого ряда новых урартских центров в Турции, а также в ходе производящихся здесь строительных работ, были обнаружены памятники и материалы более позднего, послеурартского облика, относящиеся, как увидим ниже, в основном к эллинистичес-

кому времени (III—I вв. до н. э.). Их характеристике посвящена настоящая статья.

Частые находки археологических материалов послеурартского времени в самих урартских памятниках ставят еще раз вопрос о последовательности культур на Армянском нагорье. Возобновление, а в некоторых случаях, возможно, и продолжение жизни в ряде крепостей и поселений в период, последовавший за упадком урартского государства, имеет принципиальное значение для правильного понимания исторического процесса на рассматриваемой территории. Научный интерес к данному вопросу, зародившийся уже при археологическом исследовании крепости Эребуни (Аринберд), продолжает нарастать и в настоящее время особенно ярко проявляется при изучении Аргиштихинили-Армавира. Новые археологические материалы из Западной Армении в свою очередь позволяют надеяться, что разработка этого вопроса в данном направлении окажется плодотворной.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ КЕБАНСКОЙ ПЛОТИНЫ

Кебанская плотина построена чуть ниже места слияния Восточного Евфрата (Арацани, Мурад-су) с Западным Евфратом (Кара-су), или просто Евфратом. Образовавшийся здесь водоем охватывает довольно широкую территорию от плотины вверх по течению Западного Евфрата—до Акна (Кемалие) и Восточного Евфрата (Арацани)—до Палу. На заливаемых территориях расположен ряд археологических памятников от каменного века до средних веков. Некоторые из них выявляют слои эллинистического и римского времени¹.

В Килисе Яязи (Килисе Дюзю), на холме Каличиклер и в Пагник Ерени на правом (западном) берегу Евфрата, в Калайчик-тепе—на левом (восточном) его берегу была обнаружена сеть крепостных сооружений первых веков н. э., об-

¹ Результаты археологических исследований в зоне затопления Кебанской плотины издаются в виде серии, второй и третий том которой оказались нам доступными. См. *Keban Project 1969 Activities*, Ankara, 1971 и *Keban Projects 1970 Activities*, Ankara, 1972 (Middle East Technical University Keban Project Publications, Series 1, № 2, 3).

разующих оборонительную систему этой пограничной полосы. Их датировка подкрепляется соответствующими археологическими материалами как из самих крепостей, так и из близлежащих некрополей².

Особого внимания заслуживают раскопки двух холмов, расположенных на южной стороне Арацани (Восточный Евфрат); Ашван в западной части Харбердской равнины и Шимшат—в восточной.

Британская археологическая экспедиция (рук. Д. Френч) при помощи траншей на Ашванском холме выявила пять культурных слоев (раннебронзового и железного веков, эллинистического и римского времени, средневекового). Материалы слоя II—I вв. до н. э.³ позволяют положить начало изучению эллинистической культуры Софены, области в юго-западной Армении. Здесь были обнаружены остатки жилищ, пострадавших от пожара, с вделанными в полы очагами-тондирами. Был найден чернолощенный фигурный сосуд в виде быка, по стилю и отделке напоминающий такой же сосуд в виде барана из урартской крепости Алтин-тепе⁴, обнаружены образцы керамики восточноримского происхождения, металлические изделия, в том числе полуяйцевидный кубок из бронзы, а также клад серебряных монет царей Каппадокии Ариобарзана I и Ариарата IX.

Пожалуй, наибольший интерес представляют раскопки на холме по названию Шимшат-калеси у самого берега Арацани, близ селения Хараба между Элязигом и Палу (работы ведутся Анкарским университетом, рук. Б. Эгюн). Этот интерес обусловлен как самим обнаруженным здесь археологическим материалом⁵, так и названием холма, позволяющим

---

² См. Кебан 2 и Кебан 3. В Калайчике был раскопан еще могильник эллинистического времени, состоящий из карасных погребений, некоторые из них—с монетами Александра Македонского.

³ *D. French, Asvan Excavations 1969, Кебан 2, стр. 35—37, табл. 29—33. См. еще Кебан 3, стр. 67.*

⁴ *K. Emre, The Urartian Pottery from Altin-tepe, Turk Tarih Kurumu Belleten, т. XXXIII, № 131, табл. IV, 4.*

⁵ *B. Ögün, Haraba Excavations, 1969, Кебан 2, стр. 43—46, табл. 34—41, см. также Кебан 3, стр. 77—78, табл. 50—53. M. Mellink, Archaeology in Asia Minor, American Journal of Archaeology (далее AJA) 1972, № 2.*

отождествить его с древнеармянским Аршамашатом—Арсамосатой античных авторов⁶.

Холм, с двух сторон омываемый водами Восточного Евфрата и господствующий над равниной по обеим сторонам реки, ввиду своей стратегически выгодной позиции, вполне мог служить местом для цитадели эллинистического города, каким являлся Аршамашат. Древнейшие слои холма оказались хеттского и урартского времени, часть открытых на холме стен, вернее, их фундаментов, может быть отнесена к эллинистическому и римскому периодам. Из строительных остатков, несомненно эллинистического времени, особого внимания заслуживают остатки прямоугольной в плане башни оборонительной стены цитадели. Башня сложена без применения раствора из прямых рядов прямоугольных хорошо обработанных камней средней величины. Значение ее для изучения архитектуры и строительного дела Армении эллинистического времени очень велико.

Были раскрыты также остатки большой полукруглой башни рядом с воротами города, ведущими к реке, и стен самого города, верхние ряды которых датируются средневековьем, а нижние, по мнению Эгюна, имеют урартское происхождение.

Среди найденных на холме археологических материалов преобладают предметы III в. до н. э.—III в. н. э. Фрагмент чернолакового сосуда с поясками черного и коричневого цвета происходит из Аттики и датируется раннеэллинистическим временем (IV—III вв. до н. э.)⁷. Это по существу один из первых образцов аттического импорта на Армянском нагорье. К этому, или несколько более позднему времени относятся глиняный веретенообразный бальзамарий⁸ и глиняные светильники⁹.

---

⁶ Название местности Шимшат скорее напоминает Самосату, но она, как известно, находилась далеко на юго-западе, на правом, западном берегу Евфрата, в соседней с Арменией Коммагене.

⁷ Кебан, 2, табл. 41, 3.

⁸ Ук. соч., табл. 40, 2.

⁹ Ук. соч., табл. 40, 3 и Кебан, 3, табл. 53, 11.

Число привозных бальзамариев постепенно увеличивается, как это видно на примере раскопок восточных центров эллинистической Армении (Армавир, Арташат). Фрагмент чаши-фиалы¹⁰ увязывается Эгюном с фригийской керамикой, хотя она имеет многочисленные аналогии среди археологического материала городов и крепостей Армении эллинистического времени. Чаши-фиалы с перехватом, округлым дном и расходящимся венчиком представляют собой одну из основных форм древнеармянской керамики¹¹.

К первым векам н. э. относятся фрагмент красноощенного блюда и светильник¹².

Город Арсамосата был основан в 40-е годы III в. до н. э. царем Аршамом и стал столицей объединенного государства Софены и Коммагены вместо Самосаты, основанной несколько раньше Самом, другим софено-коммагенским царем.

Согласно данным античных историков, город Арсамосата находился на равнине, простиравшейся между Восточным Евфратом и Западным Тигром («В так называемой Прекрасной равнине между Евфратом и Тигром» — Плиний, VIII, 25, или же «близко от Евфрата» — Плиний, VI, 10). Из предложенных в наше время локализаций города, как видно уже по первым результатам раскопок, правильным оказалось высказанное В. Томашеком мнение о нахождении города на левом берегу Восточного Евфрата, на месте развалин около нынешнего селения Хараба¹³.

Окончательное отождествление рассматриваемого холма и остатков построек у подножья с цитаделью и городом Аршамашат имело бы исключительное значение для истории и культуры Армении эллинистического времени.

---

¹⁰ Кебан, 2, табл. 36, 3.

¹¹ Г. А. Тирацян, Древнеармянская керамика из раскопок Армавира (опыт классификации и датировки). Историко-филологический журнал (далее ИФЖ), 1971, № 1, табл. 1, 11, табл. 11, 8, стр. 221; Ж. Д. Хачатрян, Одна из характерных форм керамики Армении VII—I вв. до н. э., ИФЖ, 1970, № 2.

¹² Кебан 2, табл. 39, 1, 2.

¹³ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, II изд. Ереван, 1954, стр. 32—33; W. Tomaschek, Sassun und das Quellengebiet des Tigris, Wien, 1895, стр. 31.

Холм Алтын-тепе находится на расстоянии около 20 км к востоку от Ерзынка (Эрзиджан), на дороге, ведущей в Эрзерум, вблизи селения Джимин (Думнина) известного еще в античное время¹⁴. Крепость основана, вероятно, в конце VIII в. урартским царем Аргишти II. В начале VI в. до н. э. в связи с падением урартского государства крепость прекратила свое существование, но как увидим дальше, жизнь здесь возобновилась. За случайными находками последовали систематические раскопки, начатые в 1959 году археологической экспедицией турецкого исторического общества и Отделом музеев и древностей под руководством Т. Эзгюча¹⁵. За десять с лишним лет территория крепости была подвергнута всестороннему обследованию, в результате чего раскрыта крепостная стена, к которой в отдельных местах прилегалли сложенные из камней поперечные сооружения, а также остатки первоклассных зданий (дворец, храм, колонный зал, кладовые), позволяющие по-новому взглянуть на ряд вопросов развития урартской архитектуры. Найденные здесь предметы материальной культуры, особенно изделия из слоновой кости, удачным образом дополняют полученную картину.

Определенный интерес представляет керамика. Ей посвящена специальная работа¹⁶. По мнению ее автора, керамика из раскопок Алтын-тепе по стратиграфическим соображениям отчетливо делится на две группы. Одна, происходящая из первого, раннего строительного горизонта (храм, кладовые, погребения), датируемого концом VIII в. до н. э., состоит из красноощенной посуды общезвестного типа, светлоглиняных карасов и прочего керамического материала¹⁷. Другая группа керамики найдена в зданиях второго, более позднего строительного периода (колонный зал и сопредельные строе-

¹⁴ С. Т. Еремян, Армения по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века), Ереван, 1963, стр. 50, 57.

¹⁵ Т. Özgüç, Altın-tepe, I, II, Ankara, 1966, 1969.

¹⁶ К. Emre, The Urartian Pottery from Altın-tepe, Turk Tarih Kurumu, Belleten, XXXIII, № 131, 1969.

¹⁷ К. Emre, ук. соч., рис. 1—18, табл. I—III, V.

ния) и датируется автором второй половиной VII в. до н. э. Она включает, помимо обычной одноцветной посуды, и расписные образцы¹⁸.

Более подробное ознакомление с расписной керамикой из второго слоя Алтын-тепе показывает, что ее нельзя отнести к урартскому периоду и что она по своим основным признакам явно тяготеет к послеурартской керамике Армянского нагорья¹⁹. Сравнительный анализ форм, а также росписи керамического материала, с одной стороны, Алтын-тепе, с другой—Гарни и Армавира эллинистического времени, недвусмысленно указывают на их общность²⁰. Общими являются формы чаш-фиал, чайниковидных сосудов, мисок, тарелок. Общность наблюдается в способе нанесения росписи (по венчику с внутренней стороны на чашах), в узорах росписи (среди которых преобладают треугольники, сплошь заполненные краской или заштрихованные вертикальными параллельными линиями, не говоря об орнаменте в виде лепестков на борту тарелки или на обломке чайниковидного сосуда, имеющего прямые аналогии среди узоров гарнийской керамики), наконец, в самом цвете росписи (красный, коричневый).

Фигурный сосуд в виде головы барана, коричневого цвета, лощеный, найденный, по сведениям К. Эмре, в первом слое²¹, напоминает сходный по стилю сосуд из Ашвана в виде головы быка из слоя, датируемого эллинистическим временем²².

Раскопки последних лет на территории Армении выявили расписную керамику послеурартского времени, характеризующуюся довольно устойчивыми формами и четким набором расписных узоров. Стратиграфические наблюдения и

¹⁸ Там же, рис. 20—22, табл. IV, V.

¹⁹ Ж. Д. Хачатрян, ук. соч., стр. 273.

²⁰ Ж. Д. Хачатрян, ук. соч.; Г. А. Тиранян, О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), ИФЖ, 1965, № 3; *его же*, Древнеармянская расписная керамика, Вестник общественных наук, 1970, № 1 (на арм. языке); *его же*, Древнеармянская керамика из раскопок Армавира (опыт классификации и датировки), ИФЖ, 1971, № 1; *его же*, Археологические работы в Армавире (на арм. языке), Вестник общественных наук, 1973, № 5.

²¹ К. Emre, ук. соч., табл. IV, 4.

²² D. French, Aşvan excavations 1969, Keban 2, табл. 29, 4, стр. 36.

сравнительный анализ позволяют уточнить время бытования этой керамики, представляющей собой одно из интереснейших явлений древнеармянской культуры. По-видимому, основную массу расписной керамики, которую мы знаем по расколкам таких памятников, какими являются Армавир, Арташат, Гарни, следует отнести к эллинистическому времени.

Рассматриваемая здесь керамика из Алтын-тепе выявляет некоторое сходство с керамикой северо-западного Ирана — района озера Урмия (Хасанлу, Зивие, Калатгах)²³. Эту керамику, датируемую 700—550 гг. до н. э., с расписными узорами в виде завитков, серпов, волнообразных линий, звезд, характеризует мотив так называемого висящего треугольника²⁴, встречающийся и на керамике из Алтын-тепе. Развитие этого мотива имеет длительную историю, во всяком случае, он встречается не только раньше (керамика начала I тыс. до н. э.), но и позже, как об этом могут свидетельствовать некоторые расписные образцы из армянских центров эллинистического времени (Гарни, Армавир). Роднит позднюю керамику из Алтын-тепе с керамикой района Урмии и форма чаш-фиал, хотя точно не известно, какие очертания имели днища урмийских образцов, отличающихся к тому же более косыми венчиками; последнее сближает их с урартской керамикой и с находками из Хасанлу IV.

Вообще, не исключено, что эта керамика иранского Азербайджана представляет собой по сравнению с послеурартской керамикой Армянского нагорья более ранний этап новой волны развития расписной керамики — с более архаичными формами (наряду с чашами здесь встречаются и маленькие горшки с шаровидным туловом и расширяющимся косым венчиком), если даже учесть, что часть ее может быть отнесена к VI в. до н. э.

---

²³ O. Muscarella, Qalatgah: An Urartian Site in Northwestern Iran, Expedition, XIII, 3, 4, 1971, стр. 47.

²⁴ T. Cuyler Young, A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500-500, Iran, III 1965, рис. 5 (Ziwije, Hasanlu). R. Dyson, Early Cultures of Solduz, A Survey of Persian Art, Vol. XIV. London, 1967, рис. 1036 (Hasanlu III), рис. 1037 (Ziwije); O. Muscarella, ук. соч., стр. 46. (Qalatgah, Ziwije, Hasanlu).

Для полного выяснения вопроса взаимоотношений расписной керамики Урарту, Армении и прилегающих областей большое значение имеет правильная интерпретация, вернее, переосмысление расписного керамического материала из Вана²⁵, а также издание обнаруженных в последнее время на территории Западной Армении новых данных (Бадноц, Ван)²⁶. В итоге, естественно датировать алтынтепинскую расписную керамику не урартским временем (пусть даже ее более поздним этапом, как это предлагает Эмире), а послеурартским, возможно даже—эллинистическим.

Последние результаты раскопок Арташата (1972 г.) позволяют уточнить как раз в этом смысле датировку гаринийской расписной керамики из нижних слоев прихрамовой площади, служившей, в свою очередь, как известно, убедительной параллелью для керамики из Алтын-тепе.

Взаимосвязь керамического материала из трех памятников (Алтын-тепе, Гарни, Арташат) еще раз демонстрирует возможность вышепредложенной датировки расписной керамики из Алтын-тепе.

Здание, в котором найдена основная часть этой керамики — колонный зал. Изданный план крепости показывает, что одним своим углом зал лежал над развалинами урартского храма (его ограды, во всяком случае), преграждая вход во двор. Исходя из этого, а также из факта сходства найденных здесь росписей с росписями из колонного зала урартской крепости на холме Аринберд, был сделан вывод о послеурартском, ахеменидском, происхождении самого колонного зала Алтын-тепе²⁷. Следует учесть, однако, то обстоятельство, что стратиграфическое соотношение храма и колонного зала не обязательно говорит о послеурартском происхождении последнего. Вполне возможно, что перекрывающий фундамент более раннего здания зал был построен в более поздний период того же урартского времени. Сравнение с аринбердскими росписями также неубедительно, так как в тридцатиколонном зале Аринберда они найдены на стенах его древ-

²⁵ O. *Muscarella*, ук. соч. стр. 48.

²⁶ K. *Emre*, ук. соч. стр. 301, O. *Muscarella*, ук. соч. стр. 48.

²⁷ G. *de Francovich*, *Problems of Achaemenid Architecture, East and West*, 1966, vol. 16, 3—4, стр. 219—221.

ней, первоначальной части, представляющей, как известно, портик урартского храма.

В свете этих данных колонный зал на Алтын-тепе следует отнести к урартскому времени; об этом говорят и его росписи и, по-видимому, часть найденной здесь керамики. Появление же здесь расписной керамики послеурартского времени может свидетельствовать о продолжении или возобновлении жизни на этом холме в армянское время.

КУРГАНЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ВБЛИЗИ ЭРЗЕРУМА

В 1965 году К. Кошаем и Г. Вари на средства Эрзерумского университета была раскопана группа курганов около Каиберкёя (Алачасирт, Икизтепелер) примерно в 20 км к северу от Эрзерума. Из существующих здесь пяти курганных погребений были изучены три.

Курган № 1 имел у основания каменный круг. Большой камень лежал у головной части погребения. Костяк плохо сохранился, но в погребении были найдены подтреугольные железные наконечники копий с остатками древка, фрагмент края железного щита и железный трезубец.

Курган № 4 имел две погребальные камеры, выложенные из обработанных камней (по Меллинка) или высеченные в скале (по Алкиму), куда вел коридор-дромос с каменными стенами и перекрытием. Стены одной из камер были оштукатурены. В ней, кроме костяка, ничего не было найдено. Во второй камере лежал костяк с серебряной драхмой Александра Македонского во рту. Вместе с погребенным были уложены алабастры (ок. 30 см высоты), глиняные бальзамарии, остродонные амфоры и др.—всего около 25 предметов.

Курган № 5 оказался разграбленным. В его развалинах все же удалось подобрать бусы из полудрагоценных камней и золотые подвески двух типов—дисковидный с орнаментом в виде двойной петли (так называемый «парик Хатор») и полукруглый с тремя висящими маленькими дисками. Золотые предметы, не обнаруживая каких-нибудь связей с пречес-

ким ювелирным искусством, являются скорее всего произведениями местного стиля²⁸.

Курганные погребения Эрзерумского района датируются, вероятно, раннеэллинистическим временем и представляют интерес как с точки зрения устройства, так и с точки зрения погребального инвентаря, найденного в них. Курган, описанный камнями, напоминает кромлехи первобытно-общинного времени. В последние годы, однако, на территории Советской Армении засвидетельствованы более поздние кромлеховидные погребения, с характерным каменным кругом вокруг них²⁹.

Высеченные в скале камеры могут восходить к урартским традициям, богатым скальными погребальными сооружениями, хотя наличие дромоса указывает на греческое влияние.

Встречающиеся повсеместно в эллинистическом мире погребения в виде каменных склепов засвидетельствованы и в других местах Армении. В Хасан-кале к востоку от Эрзерума, в верховьях Аракса в Басеной долине в 1917 г. был доследован разрушенный во время земляных работ насыпной курган III—II вв. до н. э. с прямоугольным в плане склепом и с проходом, ведущим к нему. Стены склепа были сложены из припнанных аккуратно тесанных плит, камни пола имели специальные углубления для металлических скреп³⁰.

Каменный склеп I в. до н. э. был обнаружен на юге Армянской ССР (Зангезур) в районном центре Сисиан. Он также был сложен из обработанных камней и имел характерное для эллинистического, а также более раннего времени уступчатое перекрытие³¹.

Найденная в эрзерумском кургане № 4, во рту покойника драхма Александра Македонского привлекает к себе внима-

---

²⁸ *M. Mellink, Archaeology in Asia Minor, AJA 1966, № 2; H. Alkim, Explorations in Turkey 1965, 1966, Anatolica, II, 1968.*

²⁹ Кромлехи эллинистического времени в Айгешате (раскопки Р. Торосьяна) и Ошакане (раскопки А. Калантаряна и С. Есяяна).

³⁰ *С. В. Тер-Аветисян, Курганы Хасан-Калы, Известия Кавказского Историко-археологического института, Тифлис, 1926, IV, рис. 1.*

³¹ *Б. Аракелян, Ж. Хачатрян, Т. Хачатрян, О раскрытом в Сисиане погребении, «Советакан Айастан», от 18 мая 1971.*

ние не только как датирующий элемент, но и дает представление о некоторых обрядовых особенностях захоронения. Погребения с монетами Александра встречаются на территории Армении в Кармир-блуре (город), Гарни, Гехадире (между Ереваном и Гарни) и, как выяснилось совсем недавно, в Калайчике, на левом берегу Евфрата^{31а}.

По-видимому, большинство этих погребений относятся к раннеэллинистическому времени. В Кармир-блуре монета оказалась во рту погребенного здесь ребенка. Этот обычай, возможно, связан с греческими обрядами, но нет уверенности—об этом, кстати, свидетельствует анализ инвентаря, в том числе и эрзерумских курганов,—что в этих погребениях похоронены именно греки.

Из предметов, найденных в эрзерумских курганах, железные, вероятнее всего, местного происхождения. Наконечники копий характерной подтреугольной формы сопоставимы со сходными предметами раннеармянского (Джрарат, Берд) и эллинистического (Армавир) времени. Такими являются, по-видимому, и трезубец (Гарни) и щит, впервые засвидетельствованный в Армении в эллинистический период.

Большой интерес из-за их местного облика представляют также и золотые предметы. Они указывают на существование местных ювелирных мастерских, которые, как можно предположить, существовали в Армении в предшествующий ахеменидский период³².

Алабастроны, найденные в кургане, по-видимому, привозные, хотя в Армавире известны алабастроновидные расписные и нерасписные сосуды, безусловно, местного происхождения. Засвидетельствованные в этом же кургане глиняные бальзамарии, так называемые унгуентарии, стали все чаще появляться в исследуемых эллинистических центрах Армении. Один почти целый чернолаковый привозной экземпляр был найден в Армавире (1972 г.) и датируется, по-видимому, III в. до н. э.

^{31а} U. Serdaroglu, Agin and Kalaycik Excavations, 1970, Keban, 3, табл. 18, 27, стр. 32—33.

³² Г. А. Тирацян, К вопросу о торевишке и ювелирном деле Армении в ахеменидское время, ИФЖ, 1969, № 1, стр. 104—105.

Эрзерумские курганы помогают охарактеризовать раннеэллинистическую культуру Армении, находя свое место среди постепенно выявляющихся памятников того же времени.

Гарнийские погребения с монетами Александра Македонского содержат металлические украшения (бронзовые браслеты с прогибом, перстни, кольца, подвески, булавки), глиняные сосуды, в том числе и расписную чашу, имеющую свои аналогии в Ахбаше, Двине и среди материалов из раскопок Х. Дадыана³³.

Саркофаги из Гехадира, в одном из которых была также найдена монета Александра Македонского, имели в качестве инвентаря каменную вазу на ножке, гладкие и витые браслеты с прогибом, четырехгранные наконечники стрел, стеклянную многогранную печать и другие предметы украшения³⁴.

Могильник на территории города Тейшебаини (Кармир-блур) состоит из каменных ящиков овальной формы, в одном из которых была найдена монета Александра Македонского. Отсюда происходят стеклянные бусы с позолотой посередине, браслеты с прогибом и шаровидными утолщениями³⁵.

С. В. Тер-Аветисян, обследовавший курган в Хасан-кале, оставил описание разрушенного каменного склепа вместе с планом и разрезом, а также составил основанный на рассказах очевидцев предположительный список расхищенного погребального инвентаря, из чего явствует, что курган относится к эллинистическому времени. Происходящая из кургана золотая гривна на основе сохранившейся фотографии может быть датирована IV—III вв. до н. э.³⁶

Материалы раннеэллинистического времени обнаруживаются и в раскапываемых античных городах, поселениях и кре-

---

³³ Г. А. Тирацян, О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), ИФЖ, 1965, № 3, табл. II, 1; Ж. Д. Хачатрян: Некоторые образцы расписной керамики, найденные в Армении, ИФЖ, 1966, № 1, табл. II, 3; Г. А. Тирацян, Древнеармянская расписная керамика, Вестник общ. наук, 1970, № 1, табл. I, стр. 70.

³⁴ Ж. Д. Хачатрян, Археологические находки в Гехадира, Вестник общ. наук, 1966, № 1.

³⁵ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, Ереван, 1950, стр. 19 (раскопки А. А. Ваймана).

³⁶ С. В. Тер-Аветисян, ук. соч., табл. II; Г. А. Тирацян, ук. соч., стр. 103.

постях. Нижние слои древнеармянского горизонта в Армави-ре с остатками жилищ и предметов материальной культуры, в том числе чернолаковый бальзамарий, остракон с греческой надписью и т. д., по-видимому, можно датировать IV—III веком, т. е. раннеэллинистическим временем. Сюда можно отнести и найденные, вероятно в одном из погребений армавирского некрополя, золотые медальоны с втиснутыми изображениями женских голов, по-видимому, богинь³⁷.

Археологические материалы Армении раннеэллинистического времени, неполный обзор которых мы постарались здесь привести в связи с Канберкейскими курганами III в. до н. э., все отчетливее распадается на две части, относящиеся соответственно к культуре более зажиточных слоев и даже верхушки общества (Хасан-кале, Канберкей, Гехадир, Гарни, Армавир) и к культуре рядового населения (Кармир-блур (город), Гарни, Армавир). Такая дифференциация соответствовала расслоению армянского общества, усиливавшемуся, по известным причинам, как раз в раннеэллинистическое время, в условиях образования армянского государства Еруандидов.

Уже самое поверхностное изучение всего рассматриваемого материала показывает, что привозные вещи сосуществуют с местными. Последние образуют основную часть и проливают некоторый свет на развитие местного ремесленного производства в рассматриваемое время.

Наконец, следовало бы привлечь все археологические данные, связанные с основанием ранних городов как восточной Армении (помимо Армавира еще Еруандашат и Еруандакерт), так и западной Армении (Самокарт, Аршамашат, две Арсамен). Как видим, эти материалы встречаются на широкой территории Армянского нагорья, на северо-востоке — в Араратской долине и в районах предгорий, на севере — в верховьях Евфрата и Араксе и в Басенской долине, на юго-западе — в равнине Харберда. В этой связи небезынтересно отметить ту разностороннюю связь, которую выявляют эти материалы с культурой Армении предшествующего раннеармянского-ахеменидского времени.

---

³⁷ С. Тер-Акопян, Вторая вновь найденная надпись из Армавира, Материалы по истории древней Армении, т. 1, Ереван, 1935, рис. 4.

Бадноц (Patnos) находится севернее Ванского озера на Бансане, левом притоке Арацани, недалеко от города Маназкерта (Малазгирт). В 1964 г. в самом Бадноце и прилегающих непосредственно местностях Азнавур-тепе, Гирик-тепе Паша-тепе археологической экспедицией Эрзерумского университета (рук. К. Балкан, Р. Темизер) были начаты систематические раскопки расположенных здесь урартских памятников (крепость, дворцовые сооружения, храм). Найденные урартские надписи, а также археологический материал показывают, что урартский центр в Бадноце был основан в самом конце IX в. до н. э. и разрушен в начале VI в. до н. э.

По имеющимся данным, вместе с урартскими материалами была найдена керамика, часть которой, как увидим ниже, можно будет отнести к послеурартскому времени. Речь идет о расписном сосуде в виде льва, покрытом двухцветной росписью, о ритоне в форме рога с зооморфным окончанием, об асиковидных сосудах черного цвета, о фляге, покрытой поясками красного цвета и о черепках черных и двухцветных сосудов.

М. Меллинк, считающая эту керамику неурартской, приводит ее в связи с персидским и фригийским материалом VI в. до н. э. или же относит ее к более ранним этапам железного века Восточной Анатолии³⁸.

Э. Акургал, издавший сосуд с человеческими лицами, датирует его VII в. до н. э., относя его к зрелому стилю урартского искусства³⁹.

Вместе с тем, однако, очень возможно, что основная часть керамики, найденной случайно, в потревоженном слое, может относиться к раннеармянскому-ахеменидскому (VI—IV вв. до н. э.) или, что вероятнее, к эллинистическому времени (III—I вв. до н. э.).

Особенно важным нам кажется в этом смысле наличие среди найденного керамического материала расписной фляги.

³⁸ M. Mellink, *Archaeology in Asia Minor*, AJA, 1964, № 2, 1965, H. Alkim, *Explorations and Excavations in Turkey*, 1964, *Anatolica* 1, 1967.

³⁹ E. Akurgal, *Urartäische und Altiranische Kunstzentren*, Ankara, 1968, табл. XXXV, С, стр. 17, 19.

Такие сосуды, покрытые узорами, нанесенными краской по тулову, в большинстве случаев в виде концентрических кругов, встречаются сплошь и рядом в центрах эллинистического времени как Армении (Армавир, Арташат, Гарни), так и других стран. С уверенностью можно утверждать сейчас, что фляги, тем более расписные, образуют один из основных типов армянской эллинистической керамики⁴⁰.

Фигурные сосуды из Бадноца также могут найти себе аналогии среди материалов эллинистического времени из Армавира. Здесь, как известно, были найдены сосуды в виде барабана, медвежонка, или коня⁴¹. Из того же эллинистического слоя Армавира происходит расписной аск, который мог бы служить параллелью для таких же сосудов из Бадноца⁴². Предложенная интерпретация керамического материала Бадноца, дающая возможность датировать его полностью или частично ахеменидским или, скорее, эллинистическим периодом, дает основание думать о продолжении жизни в этом месте в послеурартское, армянское время.

КАМЕННЫЕ КВАДРЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ С УГЛУБЛЕНИЯМИ ДЛЯ СКРЕП В ЗЕРНАКИ-ТЕПЕ

Зернаки-тепе по-курдоки «Золотой холм» находится вблизи г. Арчеш к северу от Ванского озера. Здесь Ч. Барнеем были обнаружены остатки древнего, построенного по заранее намеченному плану города, характерной особенностью которого являются длинные прямые улицы, пересекающиеся под прямым углом. Сохранилась часть оборонительной стены, опоясывающей город и его цитадель, с обработанными,

---

⁴⁰ Г. А. Тирацян, О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э., III в. н. э.), ИФЖ, 1965, № 3, табл. II, 5, стр. 277—278; Б. Н. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, ИФЖ, 1969, № 4, табл. II; Г. А. Тирацян, Древнеармянская керамика из Армавира (опыт классификации и датировки), ИФЖ, 1972, № 1, табл. 1, 10, Тб. III, II, стр. 222.

⁴¹ Б. Н. Аракелян, ук. соч., рис. 12, 13; Г. А. Тирацян, Археологические работы в Армавире, Вестник общ. наук, АН Арм. ССР, 1973, № 5, рис. 7.

⁴² Г. А. Тирацян, Раскопки Армавира, 1970, Вестник общ. наук, АН Арм. ССР, 1972, № 2, рис. 7.

характерным для урартской строительной техники способом; квадратами. Местами квадраты были уложены прямо на скале, служившей фундаментом и соответственно подготовленной для этой цели.

Особенности города позволяют считать его урартским (сходную планировку имеют хорошо известный город Тейшебаини в Араратской долине и урартский город, обнаруженный в северо-западном районе Ирана, между Маку и Бастамом, около местности Дучаги⁴³, что подтверждается и находками керамики, среди которой есть и красноощенные черепки)⁴⁴.

К. Ниландер, специально изучивший местность, уделил также внимание характеру скреп, применявшихся для связи камней между собой. Им зафиксированы углубления на уступах скал, служивших фундаментом для оборонительных стен, а также на древних камнях, перевезенных позднее и использованных в кладке современных жилищ деревни Ишекликлей, расположенной у подножья памятника. Углубления прямоугольной формы (20×30 см, глубина 8—9 см) на уступах скалы были предназначены, по мнению автора, для вертикальных деревянных креплений, связывающих нижний ряд кладки стены с самой скалой. Углубления же на квадратах, найденных в деревне, имеют характерную форму в виде «ласточкина хвоста». По мнению Ниландера, углубления как на скале, так и на камнях относятся к урартскому времени⁴⁵.

Однако, несмотря на огромное число исследованных памятников урартской архитектуры (военной, гражданской, культовой), был зафиксирован, как увидим, только один случай нахождения специальных углублений для вышеназван-

---

⁴³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, Ереван, 1950, стр. 17; А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, Ереван, 1961, стр. 106—107; W. Kleiss, Urartäische Plätze in Westazerbaidjan (Iran), The memorial volume of the V International Congress of Iranian Art and Archeology, I, Teheran, 1972, стр. 112.

⁴⁴ Ch. Burney, Urartian Fortresses and Towns in the Van region, Anatolian Studies, VII, 1957, стр. 49—50; Ch. Burney, G. Lawson, Measured Plans of Urartian Fortresses, Anatolian Studies, X, 1960, стр. 185—188; C. Nylander, Remarks on the Urartian Akropolis of Zernaki-tepe, Orientalia Suecana, (1965—1966) Uppsala, т. XIV, XV, 1966, стр. 141—144.

⁴⁵ C. Nylander, ук. соч., рис. 3, 9, стр. 145—148. См. его же, Ionians in Pasargadae, Uppsala, 1970, стр. 64, прим. 160.

ных целей. В этой связи небезынтересно отметить, что хотя применение скреп в Египте и в Переднеазиатской архитектуре имеет довольно давнюю историю, — будучи засвидетельствованным и в соседних с Урарту странах и областях (М. Азия, Сирия, Двуречье) — следует указать на крайне ограниченный и случайный характер их употребления⁴⁶.

Из обнаруженных в Зернаки-тепе углублений только вделанные в скале и предназначенные для вертикальных креплений, могут быть отнесены к урартскому времени. Обработка скалы в виде ступеней, а также характер находимых поблизости обработанных камней стены говорят об урартском происхождении всего комплекса, в том числе и вышеуказанных углублений. Что же касается углублений в виде ласточкина хвоста, то более чем вероятно, что они датируются не урартским, а несколько более поздним временем.

Скрепы в виде ласточкина хвоста, наряду со скрепами в виде скоб, образуют один из основных типов крепления, применяемого с древнейших времен в каменной архитектуре как в Передней Азии, так и в Эгейском мире. Скрепы в виде ласточкина хвоста или чаще всего гнезда для них этой же формы на камнях засвидетельствованы в Египте, на Крите, в Микенах, Сирии, Малой Азии, Двуречье. Изготавливались скрепы из дерева, олова, меди или бронзы⁴⁷.

Время наибольшего их распространения в архаической Греции начинается в VII—VI вв.⁴⁸ На Востоке же скрепы этого типа в своем чистом виде не получили должного развития. В ахеменидских памятниках они образуют около 3% более 600 исследованных скреп⁴⁹. Зато заметно распространяется возникший в первой половине I тыс. до н. э. смешанный тип скреп, сочетающий «ласточкин хвост» со скобой. Он засвидетельствован в Ионии, Лидии — на Западе, встречается в

---

⁴⁶ C. Nylander, *Ionians in Pasargadae*, стр. 63—66, рис. 19а, б, с.; *ego же*. Clamps and Chronology, *Iranica Antiqua*, VI, 1966, стр. 132—133, R. Nauman, *Architectur Kleinasiens*, Tübingen 1955, стр. 104—105.

⁴⁷ C. Nylander, *ук. соч.*, рис. 19а (Вавилон); A. K. Orlandos, *Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs*, часть II, Paris, 1968, стр. 102—103; рис. 112.

⁴⁸ A. K. Orlandos, *ук. соч.*, стр. 102, стр. 103, прим. 1.

⁴⁹ C. Nylander, *ук. соч.*, стр. 42.

довольно большом количестве на Востоке — в Иране (Пасаргады и Персеполис)⁵⁰. Это нововведение, выработанное в греко-лидийской среде и заимствованное Ахеменидами, не продержалось долго. Произошло разграничение между двумя типами, в результате чего в V—IV вв. скобы в виде скоб снова появляются и местами даже начинают преобладать⁵¹. Они продолжают существовать на западе и позже, как в эллинистическое, так и в римское время.

Обособление двух типов скреп друг от друга объясняется как соображениями функционального порядка (скрепа в виде скобы берет на себя дополнительную вертикальную нагрузку), так и стремлением экономить металл (олово), шедший в большом количестве на скрепы в виде ласточкина хвоста.

Имеются многочисленные данные о том, что скрепы в виде ласточкина хвоста продолжали свое существование, во всяком случае, в греческом мире не только в VI—IV вв., но и в эллинистическое и даже римское время⁵².

Краткий обзор развития скреп, в том числе и в форме ласточкина хвоста показывает, что эта в общем более древняя типологическая форма наибольшее распространение получила начиная с VI в. до н. э. и применялась вплоть до эллинистического и римского времени в Греции, на Эгейских островах, в Малой Азии. Представлена она, как мы увидели, и в ахеменидских памятниках, причем меньше — в чистом виде и больше — в сочетании со скобами. Встречаются врубки в виде ласточкина хвоста и в соседней Грузии на камнях Армазской античной крепости II в. до н. э. (Багинети)⁵³. В Западной

---

⁵⁰ А. К. *Orlandos*, ук. соч. стр. 104. С. *Nylander*, *Ionians*, стр. 42—43, 65—66, рис. 10а (Персеполис), *ego же*, *Clamps and Chronology*, табл. XXXI, 1, 2 (Персеполис).

⁵¹ А. К. *Orlandos*, стр. 105, 109—110; С. *Nylander*, ук. соч., стр. 43, рис. 10 b (Персеполис), а также рис. 11 (развитие основных форм скреп на ахеменидских памятниках); *ego же*, *Clamps*, табл. XXXII (Персеполис), табл. XXXIII (Бузпар).

⁵² А. К. *Orlandos*, ук. соч., стр. 103, прим. 1; G. *Gruben*, *Zum Artemis-Tempel von Sardis*, *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung*, рис. 76, 1961.

⁵³ Д. М. *Мшвениерадзе*, *Строительное дело в древней Грузии*, Тбилиси, 1952, табл. 16—18, рис. 31, 35, стр. 27, 29; *ego же*, *Строительное искусство в древней Грузии*, Тбилиси, 1959, рис. 46, стр. 38.

Грузии, в Шорапани на камнях античной кладки встречаются своеобразные врубки в виде восьмерки, имеющие аналогии в Сардах, Пасаргадах и Персеполе, где они снабжены еще дополнительными отверстиями для окоб⁵⁴.

В таких условиях более чем вероятно, что система крепления камней при помощи скреп в виде ласточкина хвоста появилась в Армении в послеурартский период — в ахеменидское или эллинистическое время.

Примеры углублений в виде ласточкина хвоста из Зернаки-тепе не единичны на Армянском нагорье. Имеется ряд пунктов, где зафиксирована эта форма углублений, предназначенная для применения скреп. Среди них, к счастью, имеются и такие, которые так или иначе поддаются датировке.

Прежде чем перейти к рассмотрению примеров, следует упомянуть о креплениях в виде железных скоб, залитых свинцом, имеющихся на камнях оборонительной стены и античного храма гарнийской крепости, датированных I в. н. э. Хотя не раз указывалось на несостоятельность датировки, предложенной только на основе анализа форм самих скреп или их гнезд, все же нет сомнения в том, что, по крайней мере, преобладающая часть примеров с углублениями в виде ласточкина хвоста на территории Армении древнее, чем гарнийская стена с его креплениями в виде скоб; не говоря уже о том, что, в целом, скрепа в виде ласточкина хвоста типологически считается более древней⁵⁶.

Обзор примеров на территории Армении углублений в виде ласточкина хвоста мы начнем с сравнительно хорошо датированных памятников. Таким является курган № 1 из Хасанкале (к востоку от Эрзерума), разрушенный в ходе строительных работ и исследованный С. В. Аветисяном. На угловых камнях пола склепа хорошо видны специальные углубления в виде ласточкина хвоста⁵⁷.

⁵⁴ С. Nylander, *Jonians.*, рис. 11, 5А., 20, 3, стр. 67.

⁵⁵ А. К. Orlandos, *ук. соч.*, стр. 102.

⁵⁶ См. Nylander, *ук. соч.*, стр. 42. Есть, однако, и обратный пример: скрепы в виде скоб, датированные эллинистическим периодом, и скрепы в виде ласточкина хвоста, относящиеся к римско-имперскому времени. G. Graben, *ук. соч.*, стр. 179—184, рис. 2.

⁵⁷ С. В. Тер-Аветисян, *ук. соч.*, стр. 78—79, рис. 1.

Особенности кургана, форма и устройство погребальной камеры-склепа, выложенной из хорошо тесанных плит, состав разграбленного, но восстановленного ориентировочно погребального инвентаря указывают на время сооружения кургана. Изучение единственного дошедшего до нас предмета, золотой приязы, вернее, ее фотографии, показывает, что она может быть датирована IV—III вв. до н. э.⁵⁸, а курган и склеп с креплениями в виде ласточкина хвоста—соответственно раннеэллинистическим временем.

Камни с подобными углублениями имеются на Армавирском холме, в кладке отдельных построек крепости. Часть их была увезена отсюда местными жителями и встречается в близлежащих селах, а также на кладбище у подножья холма. Развернувшиеся в крепости систематические раскопки позволяют подойти с достаточной осведомленностью к этой детали строительной техники, засвидетельствованной, как показывают наблюдения, именно на постройках послеурартского времени—на башне округлых очертаний, возведенной подаль от урартской оборонительной стены, и на камнях явно перестроенной части урартского здания на вершине холма⁵⁹.

В свете новых археологических данных, полученных на территории самой крепости, упомянутые строения или их передельки возможно относятся к эллинистическому времени, особенно если учесть, что такие углубления не встречаются на камнях заведомо урартских построек, в том числе и оборонительной стены, что выяснилось и при дополнительном ее обследовании.

Каменные блоки с гнездами в виде ласточкина хвоста встречаются на территории Армении еще в Ани, в Ташбуруне, по-видимому и в Ерундакертe. В Ани они засвидетельствованы в вышгороде, на камнях так называемой Камсаракановской стены. По всему видно, что эти камни вторичного использования и что они привезены из какого-нибудь другого сооружения или происходят из находившейся тут же древней разрушенной стены, опоясывавшей некогда территорию

---

⁵⁸ Г. А. Тирацян, К вопросу о тюретике и ювелирном деле Армении ахеменидского времени, ИФЖ, 1969, № 1, стр. 103.

⁵⁹ Б. Н. Аракелян, ук. соч., рис. 5, стр. 163, 166.

вышгорода⁶⁰. Наличие этих камней в Ани указывает на эллинистический период истории Ани и его окрестностей, о существовании которого мы до сих пор не догадывались. Вероятнее всего, на территории самого вышгорода в послеурартское время возникла древнеармянская крепость — предшественница раннесредневековых Камсаракановых крепостных сооружений в этой части Ани. В связи с Камсаракановской стеной Т. Тораманян упоминает увиденные им в Еруандакерте камни с углублениями для железных скреп. Это обстоятельство наводит на мысль, что речь именно идет об углублениях в форме ласточкина хвоста, что, конечно, не противоречит дате возникновения Еруандакерта (конец III в. до н. э.).

Камни с углублениями для поперечных связей заметил М. В. Никольский при обследовании древнего укрепления в Ташбуруне, на правом берегу Аракса, у подножья Арарата⁶¹. Частые ссылки на замеченные им также в Армавире углубления позволяют думать, что ташбурунские углубления на камнях также имели форму ласточкина хвоста⁶². Это было бы дополнительным важным доказательством в пользу существования здесь в эллинистическую эпоху крепости и поселения, лишним подтверждением для локализации древнеармянского Цолакерта на этом месте.

М. В. Никольский указывает на обстоятельство, связанное с одной из найденных здесь урартских надписей, которое может иметь большое значение при хронологическом определении скреп и их углублений. Никольский обратил внимание на выбоину на камне с урартской надписью № 11. Выбонна находилась на одной стороне камня и по его мнению служила для вкладывания поперечных связей. «Подобное, — продолжает автор, — нам приходилось встречать на других камнях в развалинах близ I Ташбурунской надписи; то же самое было замечено еще проф. А. С. Уваровым на Армавироском холме»⁶³. К сожалению, на фотографии эстампажа надписи фор-

---

60 Н. Я. Марр, Ани, Л.—М., 1934, стр. 15, 49; Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры, I, Ереван, 1942, стр. 330—331.

61 Т. Тораманян, ук. соч., стр. 331.

62 М. В. Никольский, Клинообразные надписи Закавказья, Материалы по археологии Кавказа, вып. V, М., 1896, стр. 17.

63 Там же, стр. 21.

ма выбоины не совсем ясна⁶⁴. Тем не менее, если это углубление действительно не является случайным, а сделано специально для крепления камня, то оно со всей определенностью указало бы на его послеурартское происхождение, так как углубление явно разрушило начальные части верхних строк урартской клинописной надписи.

То обстоятельство, что скрепы или, вернее, их гнезда на камнях встречаются в урартской среде (Зернаки-тепе, Ташбурун, Армавир, Ани), все же может дезориентировать исследователя и склонить его к мысли, что техника крепления рассматриваемого типа датируется урартским временем. Засвидетельствованное, однако, историческими и археологическими данными продолжение жизни на упомянутых объектах, стратиграфические наблюдения, касающиеся непосредственно камней с углублениями в виде ласточкина хвоста, их параллели не оставляют сомнения в их послеурартском происхождении.

* * *

Первые впечатления от рассмотренных здесь нововыявленных на западных территориях исторической Армении материалов приводят к убеждению, что больше всего они связаны с III—I вв. до н. э.⁶⁵, т. е. с эллинистическим време-

⁶⁴ Там же, табл. V.

⁶⁵ Что касается культуры раннеармянского, ахеменидского времени, то пока каких-нибудь определенных данных нет, если, конечно, не отказаться от мысли, что часть вышеприведенных материалов можно будет передатировать в свете каких-нибудь новых, дополнительных данных. Правда, на ряде урартских памятников, в Чавуш-тепе (Аствацашен) к юго-востоку от Вана в Адылджевазе, в Гирик-тепе около Бадноца и в Норшун-тепе, южнее Арацани в Харбердской долине, наряду со следами пожара и разрушения есть остатки заселения этих местностей хотя бы частично в период непосредственно после упадка Урартского государства. *M. Mellink*, *Archaeology in Asia Minor*, *AJA*, 1963, № 2, 1969, № 2, 1970, № 2, 1972, № 2, 1973, № 2. *H. Hauptman*, *Die Grabungen auf dem Norşuntepe*, 1969, 1970, *Keban* 2, табл. 36, 9, стр. 177. *Keban* 3, табл. 69, стр. 105—107. К сожалению, кратковременный характер этих поселений, немногочисленный археологический материал, скифский облик части которого вероятен, не позволяет пока сделать какие-нибудь определенные выводы о культуре VI—IV вв. до н. э.

нем развития древнеармянской культуры. В этом прежде всего их большая ценность, особенно если учесть, что изучение культуры Армении упомянутого времени началось сравнительно недавно и что наши знания о ней имеют довольно ограниченный характер. В этом аспекте осмысление и использование новых данных может дополнить только что начавшуюся вырисовываться картину культуры Армении в эллинистическое время.

С другой стороны, эти данные как нельзя лучше показывают однородность культуры на Армянском нагорье в рассматриваемое время, выявляют тождество форм и явлений в разных его частях, обусловленных общностью исторического процесса, этнической и социальной структурой древней Армении.

Наконец, эти данные лишним раз обращают наше внимание на необходимость научного осмысления вопросов взаимосвязи и, более того, преемственности урартских и армянских культур⁶⁶.

---

⁶⁶ Г. А. Тирацян, Урарту и Армения (К вопросу о преемственности материальной культуры), Вестник общ. наук АН Арм. ССР, 1968, № 2.

И. М. ДЬЯКОНОВ

МЕСТО ФРИГИЙСКОГО СРЕДИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

(Тезисы)

1. Ряд исследователей конца XIX—начала XX в. придерживался гипотезы о близком лингвистическом родстве армянского и фригийского языков, исходя при этом главным образом из свидетельств Геродота и Эвдокса Книдского. Однако за последние полстолетия стало так же модно отрицать близость между армянским и фригийским, как раньше было модным из нее исходить. В настоящее время чаще всего считается, что фригийский, хотя, безусловно, и не является греческим диалектом, все же наиболее близко стоит к греческому.

2. Важнейшими доводами в пользу относительно близкого родства между фригийским и греческим являются: предполагаемый *centum*-ный характер фригийского (индоевропейск. $*k'$, $*g'(h) >$ фригийск. k, g), сходство флексии (особенно именной, но ср. также аугмент *e-* в глаголе) и заметное количество лексических изоглосс. Тот же *centum*-ный характер фригийского обычно приводится и в качестве доказательства того, что не существует единой фрако-фригийской ветви индоевропейских языков.

3. Доводами против близкого армяно-фригийского родства обычно считаются: *satəm*-ный характер армянского (индоевропейск. $*k'$, $*g'(h) >$ арм. s, c, ζ), резкое отличие армянского от фригийского в области флексии, особенно именной (ср., однако, аугмент *e-* в глаголе также и в армянском), и незначительное количество выявленных лексических

изоглоссе между армянским и фригийским. Тем не менее, из всех индоевропейских языков наиболее близким к армянскому обычно признается греческий; а следовательно, и фригийский, являясь языком, наиболее близким к греческому, должен был бы считаться ближайшим родичем армянского. В последние годы армяно-фригийское родство оспаривается менее решительно, в частности, в связи с тем, что противопоставлению *sentum : satem* стали придавать меньше значения. Характерна, например, эволюция В. Дресслера от решительного отрицания армяно-фригийского родства¹ до его полупризнания².

4. Серьезным препятствием для решения вопроса о месте фригийского языка среди индоевропейских является отсутствие **достоверного** свода фригийского эпиграфического материала и материала фригийских изоглосс. Недавняя книга О. Хааза³ таким **достоверным** сводом не является, так как стоит на очень низком эпиграфическом и лингвистическом уровне и пестрит произвольными умозаключениями и прямыми ошибками. Поэтому книга О. Хааза, как и другие его работы, может только ввести в заблуждение читателя, не проработавшего самостоятельно всего материала. Предшествовавшие же поколения исследователей фригийского пустили в оборот (главным образом, во вторичной научной литературе) большое количество ошибочных якобы фригийских глосс, в действительности частью добытых путем произвольного и потому нередко ошибочного деления текста на отдельные слова (большинство фригийских текстов написано без какого бы то ни было орфографического словоделения), частью основанных на эпиграфических ошибках, а частью — являющихся результатом произвольного отнесения к фригийскому языку глосс из Гезихия и других лексикографов, которые в действительности не были отмечены ими как фригийские. Что касается О. Хааза, то он повинен еще и в произволе противоположного характера: он включает из числа фригийских также глоссы, которые прямо обозначены в источнике как фригийские, но противоречат его концепции этого языка. — Всякая дальнейшая серьезная работа над фригийским языком возможна только после составления свода материалов, в котором отдельные лексические единицы были

бы выделены строго объективными методами. Такой свод в настоящее время подготовлен к изданию автором настоящих тезисов при участии и с помощью В. П. Нерознака.

5. В свете имеющихся у автора данных следует отметить решающее значение армяно-фригийских изоглосс в области фонетического развития; в частности, общим является направление передвижения взрывных, история начального *s-, почти полностью совпадает ход развития всей системы гласных (ср. особенно переходы *ē>ī, *ō>u и утерю долгот гласных; в целом одинаково изменяются слогаобразующие l, m, n, r). Хотя каждая в отдельности из соответствующих фонетических изоглосс объединяет фригийский не только с армянским, но также и с другими индоевропейскими языками, однако весь комплекс фонетических изменений в их совокупности является общим только для фригийского с армянским.

6. Особо следует остановиться на проблеме centum: satəm. Находясь как диалект индоевропейского между греческим (тип centum) и армянским (тип satəm), фригийский может, естественно, занимать и в области истории палатализованных заднеязычных некоторое среднее положение. Метания исследователей от безоговорочного признания фригийского языком типа satəm к столь же безоговорочному признанию его языком типа centum объясняются выборочным использованием глосс вместо сплошного изучения фригийских текстов, и даже без надлежащей проверки каждой глоссы. В действительности же во фригийском все случаи индоевропейских *k', *g'(h) засвидетельствованы либо в позиции перед i, e, либо в позиции перед неслогообразующими сонантами l, m, n, r: в первом случае и.-е. *k', *g'(h) > s, z: например и.-е. *k'ig- > фриг. sik-inn-is „танец“⁴; и.-е. *k'j- > фриг. si „сей“; и.-е. *k'ej- > фриг. e-saj-it Aor. conj. „приготовил“, где -ai-, по-видимому, является нормальным фригийским развитием индоевропейского *-ei-, ср., например, фриг. ai-(ni) „если“ с греч. ei, лат. si с тем же значением; и.-е. *g'hed- > фриг. zet-na „ворота, проход“; и.-е. *g'hei(H)- > фриг. zel-k-ia „зелень“; во втором случае и.-е. *k', *g'(h) > k(h), k, g: например, и.-е. *k'lū-, *k'lū-dhro- > фриг. Kludros название реки, ср. арм. lu <

<*k'lu-t-os: и.-е. *syeκ'ɾ(ur)-os> фриг. дат. падеж wekrū „свекру“ при арм. skeṣur „свекровь“ <и.-е. *syeκ'ūrā; и.-е. *sye-g'no- (?)> фриг. wegno- „своерожденный, родич (?)“: и.-е. *g'hlor- > фриг. glur-os „золото“ и т. д.; ср. также фриг. te-tik-men-os „проклятый, обреченный“, возможно, из и.-е. *dik' : *deik'-. Из достоверных фригийских лексических единиц пока не поддается объяснению по этому простому правилу только ge-garit-men-os, для которого было предложено толкование от и.-е. *g'her-, *g'har-: однако как этимология, так и перевод этого слова пока сомнительны. Таким образом, фригийский может, подобно армянскому, рассматриваться в качестве языка типа satəm, в котором лишь в позиции перед согласными сонантами l, m, n, r палатализованный задненебный сохраняется как задненебный. Что сибилантизация палатализованных задненебных является во фригийском ранней, видно из того, что нет следов дальнейшего перехода непалатализованных и лабиализованных задненебных в (c), (č), (j) перед передними гласными, что, вообще говоря, характерно для всех языков типа satəm. Впрочем же, если исключить неполную сибилантизацию палатализованных задненебных взрывных, то система фонетических изоглосс объединяет фригийский с армянским теснее, чем с каким-либо иным индоевропейским языком; при этом близость этих двух языков должна быть весьма древней, поскольку она, очевидно, предшествует процессу «сатемизации». Близость же фригийского с греческим заметнее, чем его близость с армянским, просто в силу большей сохранности индоевропейских черт во фригийском и греческом, чем в армянском, который мы знаем только с V в. н. э., когда он успел подвергнуться сильнейшему фонетическому воздействию со стороны местного хуррито-уратского и лувийского субстрата.

7. Следующим возражением против армяно-фригийского родства является довод о различии в характере флексий. Однако следует учесть, что на месте своего позднейшего бытования армянский язык в дописьменный период своей истории (XII в. до н. э.—V в. н. э.) подвергался все тому же мощному хуррито-урартскому и отчасти лувийскому воздействию. Это следует как из общих исторических соображений

(вообще теория фригийско-армянского родства как нельзя лучше укладывается в рамки известных нам исторических фактов)⁶, так и из выявленного нами слоя хурритских слов в армянском⁷. Под этим влиянием в армянском произошло общее выравнивание места ударения (общим правилом стало ударение на предпоследнем слоге, характерное и для урартского), вследствие чего в дальнейшем совершилась полная утеря гласных конечного слога, а также всех односложных флексий. Но вместо того, чтобы развиться в сторону аналитического строя, как это имело место, например, в иранских языках, в армянском произошла перестройка флексивной системы за счет сохранения и перенесения во все парадигмы реликтов двусложных флексий типа *-iḫos, *-uḫos, *-Vbhi, *-etos, *-skos > -i, -w, -it, -c (последняя форма — развившаяся под лувийским и урартским влиянием адъективная замена родительного падежа, распространенная на всем ареале от восточной Анатолии до Каспийского моря). Естественно, что в этих условиях не могло сохраниться сходства между сложившейся гораздо позднее своеобразной древнеармянской флексией и фригийской флексией с ее мало изменчивыми историческими индоевропейскими формами оклонения основ на -a-, -o- и основ среднего рода без тематического гласного. Но эта древнеармянская инновация относится к эпохе много позже Геродота и Эвдокса, писавших о языковом родстве армян с фригийцами. Разумеется, рассматривать армян как «фригийских отселенцев» (по Геродоту) нельзя, и ряд лингвистических черт с несомненностью указывает на автономность развития армянского и фригийского в течение достаточно длительного времени.

8. Наконец, что касается лексических изоглосс, то при скудости и специфичности имеющегося в нашем распоряжении фригийского лексического материала, говорить о большем числе преко-фригийских, чем армяно-фригийских изоглосс невозможно; следует учитывать, что большинство старофригийских надписей еще не поддается интерпретации, а новофригийские относятся к периоду, когда разговорным языком Фригии уже был греческий; многочисленные гречизмы в новофригийских надписях, и даже в старофригийских, — либо несомненные, либо вероятные заимствования, исторически

легко объяснимые; число слов, относящихся к фонду лексики, исторически общему с греческим, но не с армянским, вовсе не так велико, и число сохранившихся выразительных армяно-фригийских лексических изоглоссов по отношению к общей массе сохранившегося лексического материала нужно признать вполне достаточным. Следует также отметить многочисленные фригийско-балтославянские изоглоссы.

9. Признание фригийского языка языком типа *satəm* со специфической областью позиционных изменений также по типу *centum* (а такие изменения имеются в ограниченном числе и в других *satəm*-ных языках)⁸, снимает важнейшее из возражений и против постулата о существовании фрако-фригийской ветви индоевропейского; остается, однако, сомнение совсем другого рода в существовании этой ветви. Все наши сведения о фракийском являются пока в высшей степени ненадежными; они почти целиком, насколько я могу судить, базируются на этимологизировании собственных имен и топонимов, действительное нарицательное значение которых нам по большей части неизвестно, а лишь реконструируется, в свою очередь, в зависимости от принятой этимологии. Но любая этимология не может считаться доказанно правильной, пока нам из независимых данных не известна семантика этимологизируемого слова, или же если часть слова не может из топографических соображений быть отождествлена как обозначение, скажем, «реки», «мыса», «горы» и т. п. Поэтому, — насколько мы можем судить, — пока ясно лишь общее направление фонетического развития фракийского, и оно, в общем, представляется весьма сходным с тем, что наблюдается в армянском, а также и во фригийском.

10. Мы приходим, таким образом, к выводу, что хотя фригийский и являет черты известной близости к греческому, но едва ли менее значительна его историческая близость к древнеармянокому, если учесть наличие в последнем далеко идущих изменений, намного позднейших по сравнению с эпохой армяно-фригийских контактов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. См. *W. Dressler*, Armenisch und Phrygisch, „Handes Amsorya“, 1964, № 10—12, p. 485.
2. См. *W. Dressler*, рец. на *O. Haas*, Die phrygischen Sprachdenkmäler, „Die Sprache“, XIV, I (1968), стр. 49.
3. *O. Haas*, Die phrygischen Sprachdenkmäler, Sofia, 1966.
4. К англ. *hitch*, русск. *сигать*?
5. Предполагаемое существование фригийского слова *gdān, якобы соответствующего греч. *chthōn* «земля», недостоверно и к тому же не соответствует уверенно реконструируемому рефлексу и.-е. *ǵ во фригийском (>u).
6. См. подробно нашу работу «Предыстория армянского народа». Ереван, 1968, стр. 203—229.
7. См. пока там же, стр. 201; *I. M. Diakonoff*, Hurrisch und Urartäisch München, 1971, стр. 10, пр. 10; 64 сл., 83—86. Об этом я надеюсь опубликовать особую работу.
8. Ср. литовск. акти ō, русск. *камень* при др.-инд. *áṣṭan-*; русск. *берег* (как нем. *Berg*) при др.-иранск. *bəgəz-*, арм. *baḡʻ*-г. Подобные примеры можно найти в любом пособии по сравнительно-исторической фонетике индоевропейских языков. Однако типичными являются не эти рефлексy, а такие как лит. *vėža*, русск. *везет*, др.-инд. *vāhatī* (h < z), др.-иранск. *vazaʻtī*, при нем. *be-wegt*, лат. *vehit*, греч. (w)okhos ~ русск. *воз*.

В. П. НЕРОЗНАК

К ИЗУЧЕНИЮ ФРИГИЙСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Языком населения древней Фригии, которая точно локализуется центральной Анатolieй (территория современной Турции), начали интересоваться со второй половины XIX века с небольшой, в несколько страниц, статьи М. Шмидта¹. Подлинно научный подход к изучению остатков фригийского языка следует связывать с именем А. Фика, который впервые попытался установить место фригийского языка в кругу других индоевропейских языков. Исходя из отражения во фригийском индоевропейского наследия, А. Фик пришел к выводу, что фригийский относился к языкам группы *satəm*. В качестве аргументов он использовал не только соответствующий материал глосс, но и отдельные примеры из надписей, в частности, местоименную форму *semi(n)*, которую он сопоставил со слав. СЕМОУ.

Мнение Фика² о сатемности фригийского было принято А. Торпом³ и П. Кречмером⁴, которым принадлежит заслуга дальнейшей лингвистической обработки фригийских языковых источников. Особо следует подчеркнуть значение работ Кречмера для последующего изучения не только фригийско-

¹ *M. Schmidt*, Phrygisches, Neue lykische Studien, Jena, 1869, стр. 132—136.

² *A. Fick*, Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, 14, 1889, стр. 50.

³ *A. Torp*, Zu den phrygischen Inschriften aus römischer Zeit, Det Norske Videnskabselskabets Skrifter, II Hist.-fil. Klasse, 1894, № 2.

⁴ *P. Kretschmer*, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896.

го, но и других палеобалканских языков. Выдвинутая им концепция фрако-фригийского языка время от времени подвергалась критике, но тем не менее до сих пор не была всерьез никем опровергнута, и все последующие попытки объяснения фригийских языковых остатков отправлялись от Кречмара вне зависимости от того, разделяют они его концепцию или же опровергают. Среди других ученых, занимавшихся фригийской проблемой, нужно выделить Ф. де Соссюра, Ф. Сольмсена, Р. Мейстера, Н. Йокля, И. Фридриха, Х. Педерсена⁵ и др.

Эпиграфическое описание фригийских памятников было предпринято в конце прошлого века В. Рамзеем⁶; более поздними собраниями явились собрания надписей И. Фридриха в числе других малоазийских языковых памятников⁷ и корпус малоазийских надписей В. М. Калдера, куда помимо большой массы греческих и латинских надписей из М. Азии вошли также новофригийские надписи⁸. Кроме того *Corpus Inscriptionum Neo-Phrygiarum* публиковался им в нескольких номерах *The Journal of Hellenic Studies*.

Помимо списка новофригийских надписей, превышающего 100 текстов, относящихся к римскому периоду II—III вв. н. э., в распоряжении исследователей находилось до недавнего времени 27 старофригийских надписей, время появления которых датируется VIII—V вв. до н. э.

Вначале И. Фридрих опубликовал два десятка надписей, которые дополнил позже еще несколькими номерами⁹. Спустя десять с лишним лет О. Массон приводит уже 27 надписей¹⁰. В 1965 г. И. Фридрих издает две не издававшиеся

⁵ *H. Pedersen, Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung*, „Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-fil. Med.“ XXVIII, 1, Kopenhagen, 1941.

⁶ *W. M. Ramsay, Phrygian Inscriptions of the Roman Period*, KZ, 28, 1887, стр. 381—400. Id. *On the Early Historical Relations between Cappadocia and Phrygia*, JRS, 1883.

⁷ *J. Friedrich, Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, Berlin, 1932.

⁸ *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*, ed. by W. M. Calder, vol. I—VIII, Manchester, 1928 sqq.

⁹ *J. Friedrich, Phrygia. Sprache*, „Real-Encyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft“, ed. Pauly-Wissowa-Kroll, XX, 1, col. 869 (1941).

¹⁰ *O. Masson, Épigraphie asiatique*, „Orientalia“, 23 (1954), стр. 411.

прежде надписи XXII, XXIII¹¹. Последней по времени сводкой старофригийских надписей явился перечень, состоящий также из 27 надписей в книге О. Хааза «Фригийские языковые памятники»¹². Как указал К. Брикс, списки Массона и Хааза не совпадают¹³. Так, надпись, помеченная у Массона № 24, на которую обратили внимание К. Биттель и Х. Г. Гютербок¹⁴, отсутствует у Хааза. От внимания Хааза ускользнула также арханчская надпись, обнаруженная в 1953 г. и опубликованная в 1955 г. Р. Янгом (AJA, 59 (1955), 10). Этой надписью открылась цепочка находок многих других фригийских надписей арханчского периода. В нумерации О. Хааза XXIV, XXVI соответствует № 26, 25 у О. Массона. Надпись XXV у Хааза представляет собой текст из Гордиона, опубликованный Р. Янгом в 1958 г. (AJA, 62 (1958), p. 153). И, наконец, надпись XXVII, опубликованная К. Биттелем и Х. Г. Гютербоком¹⁵, во всех предыдущих изданиях и списках отсутствовала.

Таким образом, на начальном этапе исследований прежде всего необходимо идентифицировать все известные старофригийские тексты и составить их конкорданс.

Число старофригийских надписей за последние пятнадцать лет увеличилось более чем вдвое в результате раскопок, производимых американскими, немецкими и турецкими археологами в Гордионе и Германе (древняя Битиния). Почти все вновь найденные тексты старофригийского периода были опубликованы американским археологом Р. Янгом в журнале «Hesperia»¹⁶. Остальные старофригийские надписи опубликованы

¹¹ J. Friedrich, „Kadmos“, 4 (1965), стр. 154—156.

¹² O. Haas, Die phrygischen Sprachdenkmäler, Sofia 1966, стр. 172—199.

¹³ C. Brixhe, Un ouvrage sur la langue phrygienne, „Revue de Philologie“, T. XLII fasc. II (1968), стр. 307.

¹⁴ K. Bittel, H. G. Güterbock, Bogazköy, Berlin, 1935, стр. 16.

¹⁵ K. Bittel, H. G. Güterbock, Op. cit., стр. 80.

¹⁶ R. S. Young, Old Phrygian Inscriptions from Gordion, Toward a History of the Phrygian Alphabet, „Hesperia, Journal of the American School of Classical Studies at Athens“, Vol. 38, № 2, 1969, стр. 252—296. Обзор литературы вопроса см. В. П. Перознак, Новые работы по фригийскому языку, Предварительные материалы Первого симпозиума по балканскому языкознанию (Античная балканистика), М., 1972, стр. 55—56.

ликованы в различных журналах и изданиях, которые в ряде случаев оказываются труднодоступными. Как уже было объявлено в научной печати, Французский институт в Стамбуле, после тщательной ревизии на месте находок изданных, а также по каким-то причинам ускользнувших от внимания лингвистов и археологов старофригийских надписей, предпринимает издание корпуса старофригийских эпиграфических материалов¹⁷. Можно заранее предположить, что некоторое число чтений будет пересмотрено, однако не следует ожидать, что это издание сразу решит проблему истолкования старофригийских текстов. В лучшем случае будет выделено еще несколько слов, однако вследствие недостаточности старофригийских текстовых фрагментов, не имеющих словоделений, для определения структуры старофригийской фазы развития языка эти тексты, вероятно, немного смогут добавить к имеющемуся лингвистическому материалу. Исключение могла бы составить большая надпись из Германа (около 250 знаков), если бы она не была сильно испорчена¹⁸. Предпринятые публикации ее неудовлетворительны.

---

¹⁷ *C. Brixhe*, Recent Archaeological Research in Turkey, Phrygia. „Anatolian Studies“, Vol. XXI, 1971, стр. 24—25. *M. Lejeune*, Discussions sur l'alphabet phrygien, „Studi Micenei ed Egeo-Anatolici“ (SMEA), fasc. 10 (1969), стр. 19. Об этом же сообщает Г. Нойман (*G. Neumann*, Epigrafische Mitteilungen. Kleinasien. A) Phrygien. „Kadmos“ Bd. X, II 2, 1971, стр. 174—175). В этих сообщениях указывается, что Э. Ларош и К. Брикс посетили старофригийские городища с целью изучить на месте эпиграфические памятники. В Германе ими был сделан эстампаж с помощью латекса самой пространной старофригийской надписи, опубликованной Л. Тугрулом и Н. Фиратлы. В «Городе Мидаса» были изучены известные тексты и сделана копия-эстампаж надписи, ранее не опубликованной. В районе Афиона ими была произведена частичная расчистка фасада Мальташа и сделана копия текста, о существовании которого лишь упоминалось. В Гордионе были изучены и сфотографированы документы, опубликованные Р. Янгом. Важным является сообщение французских ученых о существовании около 30 неопубликованных надписей, хранящихся в запасниках местного музея. В археологическом музее в Анкаре, как указывают К. Брикс и Э. Ларош, новый просмотр надписей № 10, 14, 15 (по Фридриху) дал много дополнительной информации. Кроме того, в районе Аладжа Хойюк была скопирована надпись на небольшом фригийском жертвеннике.

¹⁸ *L. Tugrul*, *N. Firatly*, Germanos Phryg Kitabesi, Istanbul Arkeoloji Müselerî Yıllığı, № 13—14 (1936), 237—236.

Проблема коллекционирования надписей, как известно, не является самоцелью. Исследователи всегда пытаются правильно истолковать тексты, пустить в обиход идентифицированные и объективно выделенные слова, форманты и грамматические категории нового языка.

Лингвистические опыты использования фригийского материала имели место давно, но они не выходили за рамки нескольких форм: типа *semu* (n), *matar*, *ios pi* и т. д. Сравнение фригийских данных с данными других языков носило бессистемный и спорадический характер. Новую попытку ввести фригийские языковые факты в круг широких индоевропейских проблем предпринял Р. Гусмани¹⁹, который сверил все известные ему факты с фонетико-морфологическими явлениями других языков. Он попытался установить ряд изоглосс с фригийским по всему индоевропейскому ареалу. Многие из его наблюдений заслуживают внимания, например, обнаружение ряда изоглосс с палеобалканскими языками, а также армянским и албанским. На его ареальные построения заметное влияние оказала работа В. Порцига «Членение индоевропейской языковой области».

И тем не менее Гусмани не смог подойти критически к использованному им материалу фригийских надписей. В своих выводах он опирался на чтения предшествующих ученых, т. е. брал факты из вторых рук. Так, вслед за Р. Мейстером, П. Кречмером и А. Торпом он читает *arezastin* вместо *agejastin*, *zos* вместо *jos* (A 7) (так читает и Хааз) и т. д. (RIL, Vol. 92, fasc. III (1958), стр. 871, 874).

Из работ этого же периода можно назвать статью И. М. Дьяконова «Хетты, фригийцы и армяне»²⁰, в которой делается попытка, и как нам представляется небезуспешная, свя-

---

¹⁹ R. Gusmani, Studi sull'antico frigio. La popolazione, le glosse frige presso gli antichi. Rendiconti Istituto Lombardo, Classi di Lettere (RIL), 92, 3, 1958, стр. 835 сл.; Id. Le iscrizioni dell'antico frigio, ibid., 870 сл. Id. Monumenti frigi minori e onomastica, ibid., стр. 904 сл.; Id. Il frigio e le altre lingue indoeuropee, RIL 93, 1, 1959, стр. 17 сл.

²⁰ И. М. Дьяков, Хетты, фригийцы и армяне. «Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии», М., 1961, стр. 333—368. Впервые эта статья была опубликована на армянском языке в «Известиях АН АрмССР», № 11, 1956.

зять фригийский и фракийский языки с проблемой армянского этно- и лингвогенеза. Сопоставив ряд фригийских и фракийских глосс с армянскими формами, И. М. Дьяконов пришел к выводу о ближайшем генетическом родстве этих языков. В этой работе, как и в названной выше работе Р. Гусмани, также отсутствовал объективно выделенный материал надписей. Однако выводы о фригийско-армянских особых связях имели большое значение для последующих исследований в области фригийского языка. Важным был также вывод о самостоятельности фригийского языка по отношению к армянскому; для обоих языков постулировалось родство, восходящее к отдаленному периоду, когда и протоармянский и протофригийский были более близкими, и лишь потом в силу историко-лингвистических причин разошлись. В этой же статье И. М. Дьяконов показал, что хотя древнеармяно-фригийские изоглоссы в отдельности охватывают и некоторые другие индоевропейские языки, система изоглосс нигде не дает такого полного совпадения с древнеармянским, как во фригийском²¹.

Как уже указывалось выше, достоверность фригийских фактов почти не признавалась исследователями и использовалась в работах мало. Более того, с легкой руки известных индоевропейцев (А. Мейе, К. Бругмана и др.) было пущено в научный обиход мнение, что о фригийском нам почти ничего не известно, поэтому-де и все выводы о его месте и связях могут носить лишь чисто гипотетический характер. Такого рода высказывания не соответствовали действительному положению вещей.

Одним из первых в сфере исследований ареального членения индоевропейских диалектов материал фригийского и других реликтовых древнебалканских языков ввел упоминавшийся уже В. Порциг. Но его примеры из фригийской язы-

---

²¹ И. М. Дьяконов, Хетты, фригийцы и армяне..., стр. 341 и сл. Идея, высказанные здесь, автор продолжает развивать в последующих работах. См. *его же*, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968; стр. 130—134, 190—195, 203—209; *его же*, Место фригийского среди индоевропейских языков, предварительные сообщения Первого симпозиума по балканистике (Античная балканистика), М., 1972, стр. 3—8.

ковой зоны ограничивались несколькими глоссами. Материал надписей также не привлекался. Необходимо было дать лингвистическое истолкование надписей обоих типов: новофригийского и старофригийского. Эту задачу взял на себя О. Хааз, уже ранее выступавший в печати²² с попытками объяснения фригийских языковых остатков и их соотносительности с данными других индоевропейских языков, в первую очередь с греческим и армянским.

В работе «Фригийские языковые памятники»²³ им была предпринята попытка дать одновременно корпус имеющихся текстов из области древней Фригии, составить сводку исторических сведений о фригийцах по археологическим и античным письменным источникам и произвести лингвистическую интерпретацию текстов и глосс. В вышедших после издания работы О. Хааза рецензиях²⁴ уже отмечались ее достоинства и недостатки. Приходится с сожалением констатировать наличие многих ошибок, которых больше, чем обычно бывает в такого рода изданиях.

В качестве достоинств можно отметить, что до О. Хааза отсутствовал свод фригийских данных, подвергнутых в полном объеме основательному лингвистическому обследованию. В характеристике положительной стороны в работе О. Хааза сошлемся на высказывание Р. Гусмани, который в своей рецензии отмечает, что «книга дает не только полное собрание фригийского материала, но и освещает ряд общих проблем исторического, языкового и герменевтического свойства»²⁵.

И все же недостатков у О. Хааза значительно больше, чем достоинств. Главным из них является отсутствие системы в классификации материала. Чересполосица в изложении исторических и лингвистических фактов приводит часто к потере

---

²² Назовем некоторые из них: *O. Haas*, Die sprachgeschichtliche Stellung des Phrygischen, Сб. «В чест на акад. Ст. Младенов», София, 1957; *Id.*, Armenier und Phryger, «Балканско езикознание», III, 2, 1961, стр. 29—66; *Id.* Neue spätphrygische Texte, «Die Sprache», VI, 1960, стр. 9—32. Ему же принадлежит ряд других работ по фригийскому языку.

²³ *O. Haas*, Die phrygischen Sprachdenkmäler, София 1966.

²⁴ *R. Gusmani*, «Indogermanische Forschungen», B. 72, H. 3, 1967, S. 323—328. *A. Heubeck*, «Gnomon», B. 39, H. 6, 1969, стр. 579—583. И особенно важны: *W. Dressler*, «Sprache», B. XIV, H. 1, 1968, стр. 40—50.

²⁵ *R. Gusmani*, указ. соч., стр. 323.

логической связи между отдельными разделами. Для работы такого обобщающего характера необходимо было дать, хотя бы краткий очерк предшествующих попыток лингвистического истолкования надписей. У Хааза этого нет, в тех же, довольно редких случаях, когда имеется ссылка на интерпретации других авторов, они, как правило, отвергаются без всякой аргументации. В работе наличествуют многочисленные тавтологии: так, трижды идет рассказ о предполагаемых трех волнах в переселении фригийских народов. В написанной и уже подготовленной к печати работе «Фригийский язык» и в комментарии к русскому переводу извлечений из работы Хааза И. М. Дьяконов указывает также на ряд других крупных изъянов в работе Хааза. В плане интерпретации надписей главным из недостатков является необоснованное словоделение многих фригийских текстов, которые, как правило, выполнены без знаков словораздела. Естественно, что и все лингвистические операции с мнимыми «словоформами» лишаются смысла. Неправомерно также изъятие из лексического фонда некоторых глосс, помеченных в источниках как фригийские. Как правило, это объясняется тем, что эти глоссы противоречат теоретическим построениям Хааза о месте фригийского языка в индоевропейской языковой системе.

Резкое возражение вызывает классификация О. Хаазом фригийских языковых остатков. Анализируя фригийский материал, Хааз приходит к сомнительному выводу о наличии трех фригийских языков: «великофригийского», «северо-восточнофригийского» и «дофригийского». Выводы об этом О. Хааз сделал на основании теории *centum/satem*, по которой противопоказано объединять в одно языковое целое материал с различной трактовкой гуттуральных. Именно поэтому Хааз выделяет весь материал с сатемной трактовкой индоевропейского наследия в сатемный «дофригийский» язык, который, по его мнению, был близок армянскому. Абсолютно необоснованно выделение в особый язык так называемого «северо-восточнофригийского», который, помимо всего прочего, не зафиксирован, как на это указывает В. Дресслер²⁶, в

²⁶ W. Dressler, „Die Sprache“, В. XIV, Н. 1, 1968. Несмотря на конструктивную критику О. Хааза А. Хойбеком, Р. Гусмани, И. М. Дьяко-

именах собственных. Отсутствуют и надписи на этом придуманном языке. Впрочем О. Хааз пытается их выделить. Вообще же как новофригийские, так и старофригийские тексты дают мало вариантов словоформ, которые можно было бы использовать не только для реконструкции нескольких фригийских языков, но и для выделения диалектных особенностей материала, ср., например, варианты указательного местоимения *semou(n)*, *simou(n)*, *semup*. Если же говорить о фонематическом инвентаре старо- и новофригийских надписей, то он почти тождествен. Новофригийские надписи к тому же пестрят многочисленными ошибками и описками резчиков, что объясняется тем, что во II—III вв. до н. э. язык фригийского населения почти вышел из употребления. Как считает Р. Гусмани, в христианский период греческий, хотя и с сильной диалектной окраской, фактически был разговорным языком этого населения, в то время как фригийские формулы проклятья сохранялись как традиционное добавление, которым приписывали охранительную силу²⁷.

Проблема ближайших генетических связей фригийского языка является одной из самых спорных в индоевропеистике. В настоящее время мы имеем дело с двумя теориями: 1) согласно первой из них, которую защищает О. Хааз, фригийский язык наиболее близок к греческому. Свою точку зрения он отстаивает во многих статьях, а также в основной своей работе «Фригийские языковые памятники». Наиболее ясно сформулировал свою точку зрения О. Хааз в своей последней работе «Проблема происхождения фригийцев и их связи с балканскими народами»²⁸, в которой он, в частности, пытается одним разом возразить на высказываемую по его адресу

новым и особенно В. Дресслером, некоторые исследователи продолжают повторять вслед за Хаазом тезис о существовании трех фригийских языков. См., например, R. A. Crossland, *The position in the Indo-European language-family of Thracian and Phrygian and their possible close cognates*, *L'ethnogenèse des peuples balkaniques**, Sofia, 1971.

²⁷ R. Gusmani, *IF*, В. 72, Н. 3, 1967, стр. 328. О формулах проклятья в новофригийских надписях см. A. Heubeck, *Bemerkungen zu den neu-phrygischen Fluchformeln*, *IF*, В. 64, Н. 1, 1958, стр. 13—25.

²⁸ O. Haas, *Das Problem der Herkunft der Phryger und ihrer Beziehungen zu den Balkanvölkern*, *Acta Antiqua**, *Ac. Sc. Hungaricae*, т. XVIII, fasc. 1—2, 1970, стр. 64 ff.

критику в связи с его книгой о фригийском языке. Решающими доводами в пользу греко-фригийского родства он считает следующие греко-фригийские изоглоссы: развитие $f, l > ar, al, \eta, \eta > a$; замещение конечного $-m$ через $-n$; $-n$ ершелкыстикоп, „эпентеза“ l в группах $-rl-$, $-ll-$, $-nl-$. В морфологии Хааз выделяет великофригийский и греческий местоименный дат. пад. типа др.-инд. *tasmai*, который был заменен отчасти формой *toi*. Им. п. мн. ч. от основ на $-o$ в обоих языках образованна $-oi$: *eioi*, *etitetikmenoï* и т. д. Явление это отсутствует в хеттском и других близлежащих языках, но встречается в кельтском и в латинском. Важной изоглоссой О. Хааз считает дат. п. на $-si$ в греч. и позднефригийском: в других языках, как, например, в др.-инд. и балт., а также в славянских здесь $-su$. В качестве примеров приведены новофриг.: *diounsîn, zemelosi*. В числе изоглосс, которые должны подчеркнуть особые прекофригийские отношения, названы отглагольное имя на $-menos$, форма *gegaritmenos*, медиальный императив *egedu, eïdu*, аугмент, прогибитивная частица *me*, относительное местоимение. Многие из названных изоглосс: аугмент, частица *me* встречаются и в других языках (первая — в армянском и иранском, вторая — в армянском и албанском и т. д.), поэтому эти факты не должны рассматриваться как исключительно прекофригийские изоглоссы. Как уже упоминалось выше, с армянским Хааз сближает «дофригийский». Ряд исследователей, в частности В. Дресслер, высказывают сомнение в правомерности такого постулата, отмечая, что особые армяно-дофригийские изоглоссы вообще отсутствуют.

Другим аргументом, которым пользуются сторонники особых греко-фригийских языковых отношений, является ссылка на замечание знаменитого греческого философа Платона о том, что в греческом и фригийском некоторые слова: $\pi\acute{\upsilon}\rho$ „огонь“, $\u03b8\acute{\upsilon}\delta\omicron\rho$ „вода“, $\alpha\iota\ \chi\acute{o}\nu\epsilon\varsigma$ „собаки“ звучали очень сходно. И. М. Дьяконов, возражая против этой аргументации, указывает, что речь здесь может идти о простых заимствованиях из греческого, поскольку уже в старофригийском имеются такие заимствования. Кроме того, отмечает И. М. Дьяконов, подозрительно, что как раз эти слова заимствованы в хетто-лувийских языках, словарный

запас которых, по имеющимся сведениям, сильно различается от фригийского словаря. Нет ли здесь случая смешения с каким-нибудь другим малоазийским языком, задает он вопрос. Отметим все же, что помимо хетто-лувийских языков эти слова встречаются в тохарском, литовском и армянском, а два слова из трех даже в самом фригийском и фракийском. Так, греч. $\epsilon\delta\rho$ вполне фонетически должно соответствовать арм. *hug*, которое во времена Платона могло звучать, — и это устанавливается путем реконструкции, — как $*p(h)ug$. Для фригийского это слово не засвидетельствовано²⁹, и мы не можем заниматься реконструкцией *ex nihilo*, но, учитывая, что и в греческом и в армянском реконструируется единый архетип, можно вполне допустить, что и во фригийском слово со значением «огонь» звучало омофонно. Здесь важно отметить, что фригийский сохраняет близкую к индоевропейской фонетическую и морфологическую структуру слова. В откошении второго слова, $\epsilon\delta\omega\rho$ «вода», сравнение с греческим по сравнению с армянским еще более проигрывает, так как во фригийском зафиксирована глосса $\beta\acute{\epsilon}\delta\omega$, которая в византийской традиции могла передавать $*wed\acute{u}$ из $*\epsilon\delta\omega-$, ср. македонск. $\text{''}\epsilon\delta\omega\sigma\sigma\alpha < *wedesja$ (совр. город Воден), с ним хорошо сопоставляется арм. *get* «река» $< *wedd-$. Точно также греческое $\alpha\acute{\iota} \chi\acute{o}\nu\epsilon\varsigma$ сравнимо с фрако-фригийским названием божества Καυδάτις, Καυδάων , но кроме того и с латышским *kuņa*, тохарским *ku*, *kop* и арм. *šup* род. пад. *šap* (с неясным ξ). Все три слова, вероятно, восходят к древнейшему периоду индоевропейского языкового состояния и, возможно, свидетельствуют о происхождении их из единой диалектной области. На существование тохарско-фригийских изоглосс указывал Вяч. Вс. Иванов, в частности, на функциональное соответствие фригийского относительно-местоимения с энклитической частицей *ios pi* тохарскому *A kus ne*²⁹, фригийского *Fanaktei*, (дат. п. — основа *wanakt-*) тохарск. $*wel\bar{a}-w(e)\acute{n}akte$ ³⁰. Таким образом, надо, вероятно,

29 Вяч. Вс. Иванов, *Общинеоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы*, М., 1965, стр. 233.

30 Вяч. Вс. Иванов, *К происхождению микенского греческого WA-NA-KA*. «Предварительные материалы Первого симпозиума по балканскому языкознанию (Античная балканистика)», М., 1972, стр. 48—52.

говорить не о заимствованиях, а об отдаленных генетических связях всех названных языков.

Что касается непоследовательной трактовки индоевропейских палатализованных задненебных во фригийском, то правдоподобным представляется его объяснение И. М. Дьяконовым³¹. Напомню основную мысль И. М. Дьяконова: во фригийском и.-е. палатальные не становились сибилантами лишь в положении перед сонантами. Вывод, который делает И. М. Дьяконов, сводится к мнению о сатемности фригийского. К мысли о сатемности склоняется и В. Дресслер, который писал в ювовой рецензии на книгу Хааза: «Так как во фригийском все гуттуральные ряды, по-видимому, совпали, то можно говорить о нем как о сатемном языке, если принять мнение В. П. Шмидта, что утеря лабиального элемента у лабиовелярного предшествовала изменению палатального в свистящий»³². В этой же связи Дресслер указывает, что высказывание О. Хааза о якобы имеющем место во фригийском переходе лабиовелярного перед *i* в дентальный лишено всякого основания.

Возвращаясь к мнению И. М. Дьяконова о трактовке палатальных во фригийском, следует поддержать вышеназложенную точку зрения и к его фригийским примерам добавить ряд примеров из других палеобалканских языков. Уже в 1960 г. в одной из своих статей тезис о депалатализации палатального в положении перед сонантом для албанского выдвинул Э. Хэмп³³. Примерами такого рода могут быть названы *kluhet* «называть», *mjekër* «подбородок», *vjehër* «свёкор», сюда же ср. имена личные из балканоиллирийского: *Agron*, *Acrobanis*, *Vescleves* и т. д.³⁴ Во фракийском, так же как и в иллирийском и фригийском, наличествует велярное

³¹ И. М. Дьяконов, Место фригийского среди индоевропейских языков, стр. 5—6.

³² W. Dressler, „Die Sprache“, В. XIV, Н. 1, S. 47—48. Отметим, что в более ранней своей работе В. Дресслер разделял мнение О. Хааза о близости греческого и фригийского и подчеркивал расхождение фригийского с армянским. W. Dressler, Armenisch und Phrygisch. „Handes Amsorya“, 10/12, 1964, стр. 485 ff.

³³ E. P. Hamp, Palatal before resonant in Albanian, KZ, 76, 1960, стр. 275—280.

³⁴ Подчеркнуто автором статьи (В. Н.).

отражение палатального в положении перед сонантом, ср. фракийский (дакийский) и фригийский топоним *Asmonia*, "Азмьон, фриг. эпитет Зевса и т. д. (ср. лит. *akmuõ—āsmens*) (IEW, 19). В письменной традиции следы палеобалканских языков фиксируют рефлексы гуттуральных двойко, то как *k, g*, то как *s, z*. В некоторых случаях во фракийском и иллирийском мы имеем два варианта, один с сибилантным отражением гуттурального, другой с сохранением палатального: так, у Прокопия отмечено название *Bidigis* наряду с *Bedizis*. Во фракийском в нескольких источниках засвидетельствованы варианты топонима: *Ζερμίζερρα—Γερμίζερρα*, *Germisera—Gernigera* (D. *Detschew*, *Die thrakischen Sprachreste*, Wien, 1957, стр. 103).

В последнее время высказывается мысль (А. Камменхубер, Вяч. Вс. Иванов, Р. Кроссленд и др.) о существовании в индоевропейской языковой области зоны переходных диалектов. Непоследовательность в трактовке индоевропейских гуттуральных в палеобалканских языках и является определяющим признаком принадлежности к этой зоне. В связи с этим корреспонденции фригийского с греческим и армянским, а также с иллирийским и фракийским не должны вызывать удивления, так как все эти языки, а также хетто-лувийский и индоиранский, выделились из индоевропейского языкового континуума примерно в одно время. Впрочем, соответствий фригийского с хетто-лувийским мало. Как отмечает В. Дресслер, тесно соседствовали на Балканах *Vogurgriechisch* и *Vogurphrygisch*. По его же словам, менее близкие, но не столь и отдаленные связи для обоих напрашиваются в первую очередь с армянским. Ср. вокализация ларингала *ə: auzr* = арм. *ауг*—важный изофон.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы о ближайших генетических связях фригийского. Находясь в промежуточной зоне между ярко выраженным кентумным греческим и столь же ярко выраженным сатемным армяноким, фригийский, а также, вероятно, и другие палеобалканские языки: фракийский, иллирийский, мессапский, древнемакедонский, в отдаленном прошлом относились к единой диалектной области. Об этом нам говорит относительная близость лингвистических фактов на уровне дальней реконструкции, а также

сопредельность территории на всем протяжении исторического развития.

В заключение несколько слов надо сказать о проблеме старофригийского алфавита. Как известно, старофригийский алфавит является разновидностью архаического типа письма, сходного с греческим, но, вероятно, все же имевшего свой путь развития. Проблемам, связанным со старофригийским алфавитом, посвятил ряд работ М. Лежен³⁵.

Он, в частности, пришел к выводу, что знаки z, v не являются обозначениями для фонемы z, как считал И. Фридрих, а знаками для йод (j). Отметим, что в ряде случаев уже О. Хааз читал как *йод* часть этих знаков, но не был до конца последовательным и в других случаях читал их как z. Следует подчеркнуть тот факт, что до М. Лежена такое прочтение было предложено И. М. Дьяконовым в дополнении к книге «Предыстория армянского народа», в котором он исправляет чтения О. Хааза: zos, Arezastis, lavaltei, предлагая читать: jos, Arejastis, lawagtei³⁶. По предположению М. Лежена, эти знаки были заимствованы непосредственно из семитского письма. Чтение знаков z, j, как йод значительно облегчает интерпретацию надписей старофригийской фазы.

Большие трудности в фонологической идентификации связаны со знаками †, ψ, Ψ. Для знака † ср.: a†ionī (A19, A3) si†idosakor (A25=Go 1957a), k†ianavejos (A3)³⁷. Ни один из этих примеров пока не интерпретирован. Лежен полагает, что † мог означать некий вторичный продукт палатализации, аффрицированную фонему. Этот знак не восходит к греческому алфавиту и, следовательно, является добавочным, более древним чем z, j. Такой же знак есть и в лидийском, однако Лежен считает возможным объяснить появление его в лидийском письме как результат заимствования. Вопрос о происхождении знака Ψ до сих пор остается открытым. Не совсем ясен вопрос о фонологическом значении знака Ψ. В качестве вероятных объяснений М. Лежен предлагает несколько гипотез

³⁵ М. Lejeune, Discussions sur l'alphabet phrygien, SMEA, fasc. 10, 1969, стр. 19–47. Id. Notes paléophrygiennes, „Revue des études anciennes“, Т. 71, № 3–4, стр. 283–301. Id. Les inscriptions de Gordion et l'alphabet phrygien, „Kadmos“, В. IX, Н. 1, 1970, стр. 51–75.

³⁶ И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, стр. 243.

³⁷ Буквой А обозначены надписи старофригийского периода.

тез: 1) Ψ был вариантом $\uparrow$. В качестве типологической отсылки можно указать на мессапский алфавит, где знаки $\uparrow$, Ψ были вариантами одного знака, означающего глухой дорсальный спирант, первоначально отличный от h , но затем смешавшийся с ним. 2) Ψ был заимствован из ликийского, где он означал велярный смычный или спирант. По этой гипотезе $da\Psi et$ было бы ликийским написанием фригийской формы $dakhet$. 3) Ψ было греческим по происхождению знаком. Последняя возможность кажется Лежену более вероятной. По Лежену, знак Ψ мог означать звуки: либо kh , либо ps . 4) $\tilde{\alpha}\pi\tilde{\alpha}\tilde{\zeta}$ на черепке с надписью A37: $e\Psi ta$, знак Ψ . Он может быть вариантом Ψ , или же самостоятельной буквой для обозначения шипящего звука; в таком случае $e\Psi ta$ A37 могло оказаться близким к $estatoiavun$: A71. От правильной идентификации этих знаков во многом будет зависеть прогресс в деле истолкования старофригийских текстов. Комбинаторным путем из них удастся установить ряд слов: $evais$, $matar$, $edaes$, $kubilej$ и т. д. Некоторые из новонайденных надписей, как нам кажется, являются именами собственными: A17: $Kadiun[-j]$ ... можно сравнить с именами из Фригии, ср. у Л. Згусты $\Lambda\pi\tilde{\alpha}\tilde{\lambda}\tilde{\alpha}\tilde{\nu}\tilde{\iota}\tilde{\alpha}\tilde{\nu}$ $Kad\tilde{\alpha}\tilde{\nu}$ (SIG, 3965), у него же $Kad\tilde{\alpha}\tilde{\nu}$ —из Фригии, ср. также $Kad\tilde{\delta}\tilde{\iota}\tilde{\alpha}\tilde{\nu}$ из Исаврии. Точно так же A16: $Kulija$ [... : A54: $Kulijas$ у Згусты имена $K\tilde{\alpha}\tilde{\nu}\tilde{\alpha}\tilde{\lambda}\tilde{\alpha}\tilde{\nu}$, $K\tilde{\alpha}\tilde{\nu}(\tilde{\lambda})\tilde{\iota}\tilde{\alpha}\tilde{\nu}$, этническую принадлежность которых он затрудняется определить³⁸.

Выводы: Критика собрания фригийских материалов побуждает наметить на будущее такой план действий (он был составлен И. М. Дьяконовым и дополнен мной).

1. Необходимо создать новый полный свод надписей. Новофригийский свод подготовлен И. М. Дьяконовым с участием автора этой статьи, корпус старофригийских надписей готовит Французский институт в Стамбуле под руководством проф. Э. Лароша.

2. Произвести тщательное эпиграфическое обследование материала: проверка чтений по фотографиям и проверка правильности зарисовок.

³⁸ L. Zgusta, *Kleinasiatische Personennamen*, Prag, 1961, стр 207—209, 253.

3. Составить конкорданс надписей и разбить их на типы и повторяющиеся блоки. Первый этап дешифровки—формально-дистрибутивный. Комбинаторным путем установить границы слов. Для фригийского, например, геминированное написание букв является показателем словораздела, так как геминаты во фригийской орфографии, по-видимому, отсутствуют: A39...] akraunni [... ..., A57....] esservasbo...

Далее нужно установить морфемный состав объективно выделяемых слов.

4. При истолковании текстов памятника следует большое внимание уделять историко-археологическим данным. Использование квазибилингв, учет типа памятника: сосуд жертвенный, бытовой, часть надгробия и т. д., наличие сопутствующего текста на греческом языке. Все это должно быть с должной осторожностью использовано и учтено при интерпретации текстов.

5. И на последнем этапе, выделив достоверные лексемы и форманты, а позже и парадигмы, можно апеллировать к другим индоевропейским языкам для этимологических выводов и реконструкций праформ и архетипов.

Г. Х. САРКИСЯН

ГРЕЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА В УРУКЕ И ПРОБЛЕМА *GRAECO-BABYLONIACA*

История Вавилонии селевкидского времени представляет одну из важных, хотя и малоисследованных эпох развития великой вавилонской цивилизации—период ее заката, и интересна также фактом столкновения и взаимодействия последней с другой великой—греческой—цивилизацией. Проблема же *Graeco-Babyloniaca* в различных ее аспектах представляет большую важность для дальнейшей истории человечества. Среди разнохарактерного материала, служащего освещению этой проблемы, значительное место занимает бытовавшая в Вавилонии греческая ономастика, а она наиболее ярко, конкретно и осязательно представлена в материалах из Урука—в деловых документах, фиксировавших различного вида сделки между гражданами этого города. Этот материал и является объектом рассмотрения в нашей статье.

Ядром Урука селевкидского времени являлась ее гражданско-храмовая община—продукт постепенного слияния гражданской части города с храмовым персоналом в единый гражданский четко очерченный коллектив типа городских общин эллинистических полисов. Гражданско-храмовая община имела свой определенный статус в системе государства—была полуавтономна, имела различные привилегии в отношении государственных податей и повинностей, присущие городам этой эпохи, обладала своими органами самоуправления и в своей деловой жизни продолжала придержи-

ваться традиционной клинописной нотариально-правовой системы¹.

Продуктом этой системы и являются упомянутые деловые документы из Урука, содержащие, несмотря на сравнительную малочисленность, огромный ономастический материал. Таких документов в поле нашего зрения при данном исследовании имелось более 200 единиц. Основная часть их издана², а 50 неизданных находятся в нашем распоряжении

---

¹ Об Уруке селевкидского времени см. статьи: *A. Alnard*, Une ville de la Babylonie Séleucide d'après les contrats cunéiformes, „Revue des études anciennes“, 1938, № 1, стр. 5—42; *G. Goossens*, Au déclin de la civilisation babylonienne: Uruk sous les Séleucides, „Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie royale de Belgique“, 1941, 5 sér., t. 27, № 6—9, стр. 222—244.

Об урукской гражданско-храмовой общине см. статьи автора настоящей работы—*Г. Х. Саркисян*, Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—73; *его же*, О городской земле в селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1953, № 1, стр. 59—72; *его же*, Социальная роль клинописной нотариально-правовой системы в селевкидской Вавилонии, «Eos», XLVIII, 2 (1957), стр. 29—44 и др.

² *A. T. Clay*, Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan, II: Legal Documents from Erech, N.-Y., 1913 (в дальнейшем BRM); в индекс имен этого издания включены также греческие имена остальных, не вошедших в издание, контрактов коллекции Моргана, которые далее будем обозначать MLC; *O. Schroeder*, Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königl. Museen zu Berlin, XV: Kontrakte der Seleukidenzeit aus Warka, Lpz., 1916 (в дальнейшем VS); *G. Contenau*, Musée du Louvre, Textes cunéiformes XIII: Contrats Néo-Babyloniens, P., 1929 (в дальнейшем TCL); эти контракты обработаны *M. Rutten*, Contrats de l'époque séleucide conservés au Musée du Louvre, P., 1935 (в дальнейшем—Rut.); *L. Speleers*, Recueil des inscriptions de l'Asie Antérieure des Musées Royaux du Cinquantenaire à Bruxelles, Bruxelles, 1925 (в дальнейшем—Sp.); *Г. Х. Саркисян*, Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа, ВДИ, 1955, № 4, стр. 136—170 (в дальнейшем—КГЭ); *J. Oppert et J. Ménant*, Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée, P., 1877 (в дальнейшем—OM); *G. Kh. Sarkisian*, New Cuneiform Texts from Uruk of the Seleucid Period in the Staatliche Museen zu Berlin, „Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte. Archaeologische Beiträge“, Bd. 14 (1974), S. 15—76 (в дальнейшем—VAT). Прочие издания урукских контрактов не содержат интересующего нас здесь материала.

в виде фотографий³. Прочие неизданные, вероятно превышающие две сотни, документы этого рода, хранящиеся в различных музеях мира и частных коллекциях, были нам недоступны.

Из общего числа использованных документов греческую ономастику содержат 52 контракта⁴ и две строительные надписи⁵. В этих контрактах, не считая царских имен в колофонах, имеется 113 случаев (и два случая—в строительных надписях) упоминания всего 48 греческих имен, которые принадлежали 69 лицам.

Первой задачей, вставшей перед исследователями при рассмотрении аккадских транслитераций, была их идентификация с их греческими оригиналами. Основная масса имен идентифицировалась с легкостью, некоторая часть потребовала определенных усилий. Общими усилиями подавляющее большинство имен уже идентифицировано⁶. Немногие остающиеся идентифицируются с неполной уверенностью.

---

³ Контракты из собрания Oriental Institute of University of Chicago, фотографии которых были любезно предоставлены мне проф. И. Гельбом для исследования (далее А).

⁴ BRM 33, 37 = A 2523 (дубликаты), 38, 40, 44, 48, 49, 52, 53, 55; MLC 2154, 2159, 2165; VS 7, 12, 13, 14, 17, 25, 30, 31, 32, 34, 36, 44, 46, 47, 48, 50; A 2523 = BRM 37 (дубликаты), 3489, 3498, 3671, 3678, 3680, 3682, 3685, 3687, 3689, 3690, 32114 = 32115 (дубликаты); VAT 16468 = 16484 (дубликаты), 16474, 16488, 16490, 17923 (соответственно: *Sarkisian, New Cuneiform Texts, Nos 2=16, 8, 21, 23, 25*); TCL 240, 246; Rut. VII; Sp. 297; КГЭ 15568; OM V.

⁵ Строительные надписи: Ануубаллита-Никарха—*A. T. Clay, Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection, New Haven, 1915, № 52*; Ануубаллита-Кефалона—*A. Falkenstein, Topographie von Uruk, I: Uruk der Seleukidenzeit, Lpz., 1942, стр. 4.*

⁶ Эта работа, в совокупности с изучением греческих транслитераций позднеавилонских текстов, помогла также выявить ряд закономерностей в греческо-аккадских фонетических соответствиях. Ср. *W. C. Schilejko, Ein babylonischer Weihtext in griechischer Schrift, „Archiv für Orientalforschung“, V. 1, 1928*; *R. A. Bowman, Anu-uballit-Kefalon, „The American Journal of Semitic Languages and Literatures“, Vol. LVI, pp. 231—243.* *E. Sollberger, Graeco-Babyloniaca, „Iraq“, XXIV, 1962*; *И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 315—316; 461—462*; *W. Röllig, Griechische Eigennamen der Babylonischen Spätzeit, „Orientalia“, 29 (1960), № 4, стр. 376—391 и др.*

Следующей задачей, уже специально вставшей перед нами при выполнении настоящей работы, явилось разделение установленных лиц с греческими именами на две основные категории: собственно греков, проживавших в Уруке, и урукитов-вавилонян. Решение этой задачи было связано с определенными трудностями. Из общей массы совершенно четко выступает группа вавилонян, носивших греческие имена—их выделяет наличие генеалогии, состоящей из вавилонских имен (упоминаются отец, дед, иногда прадед, почти всегда—родоначальник), или второе, параллельное вавилонское имя. Достаточно малейшего следа этих признаков, чтобы распознать под греческим именем урукита-вавилонянина. Однако если таких признаков или их следов нет, это не может еще безоговорочно означать, что перед нами грек, ибо они могли пасть на поврежденную часть документа или просто отсутствовать.

Греков мы определяем преимущественно по тому признаку, что они упоминаются лишь по отчеству. В некоторых случаях по различным сопутствующим обстоятельствам грека можно распознать и при упоминании его без отчества, или же, напротив, при упоминании также и имени его деда (последнее, возможно, имело место под влиянием вавилонского обычая). И хотя после тщательного разбора все же остаются некоторые сомнения в отношении этнической принадлежности отдельных лиц, тем не менее удается с большей или меньшей уверенностью разделить общее количество лиц с греческими именами на две почти равные части—34 грека, из коих 5—женщины и 35 вавилонян, из коих одна женщина (от ее имени сохранилось лишь окончание и притом достаточно плохо. См. ниже, стр. 205).

Рассмотрим поочередно обе части.

1. ГРЕКИ В УРУКЕ

Греков, упоминаемых в деловых документах из Урука, можно разделить на 15 групп, определяемых по признаку родства. Группы имеют различную емкость, включая от одного до пяти лиц. Указанные группы целесообразно рассмотреть в

хронологическом порядке появления в документах их наиболее ранних представителей.

1. Наиболее раннее упоминание грека в урукских деловых документах (это также первое упоминание в них греческого имени вообще, если отвлечься от имен царей) встречается в TCL 240, датированном 224 г. до н. э. (88 г. селевкидской эры)⁷. Здесь упомянут некий Zu-[xx]-su, сын Ni-iq-ni-gi (Νιζάνορ), выступающий в роли владельца внутригородского участка, соседящего с отчуждаемым по контракту участком, т. е. являющийся урукским жителем. Поврежденное имя с большой долей вероятности может быть восстановлено на основании контракта Rut. VII, датированного 151 г. до н. э., в котором упомянут некий Zu-ur-su (Ζωρός, Ζῶρος)⁸, сын Qé-er-lu-ú-ni (Κεφάλων), внук Zu-ur-su, в качестве хозяина ḫrāiḫi („слуги“, „работника“), также носящего греческое имя, к чему ниже мы вернемся. Итак, имя Zu-[xx]-su из TCL 240 может быть дополнено как Zu-[ú-ur]-su, возможность какового написания подтверждается BRM 49:14. Но, кажется, на этом не следует останавливаться, и можно идентифицировать не только имена, но и лиц, носивших их, признав Zu-[ú-ur]-su из TCL 240 и Zu-ur-su деда из Rut. VII за одно и то же лицо, поскольку они совпадают и по времени: Zu-ur-su, упоминаемый в 151 г. до н. э. в качестве деда выступающего в документе лица, должен был действовать уже в последней трети III в. до н. э., а существование двух греков с одинаковым именем среди малочисленного еще тогда (как мы в этом убедимся ниже) греческого населения Урука хотя и теоретически не исключено, но практически мало вероятно. Таким образом, мы, судя по всему, имеем дело с греческим родом урукитов, прослеживаемым на протяжении четырех поколений—Νιζάνορ—Ζωρός—Κεφάλων—Ζωρός.

⁷ В дальнейшем годы по селевкидской эре не указываются, кроме необходимых случаев. Отсчет ведется округленно, без учета месяцев и дней, принимая за 1 год селевкидской эры 311 г. до н. э.

⁸ W. Pappe, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Dritte Auflage, I—II, Braunschweig, 1875, стр. 449.

2. Следующее по времени упоминание грека встречается в контракте VS 50 (218 г. до н. э.). Здесь выступает некий A-gi-is-tu-ú-nu ('Αρίστου) сын At-tu-nu, в качестве владельца недвижимости, соседящей с отчуждаемым по контракту объектом. Имя At-tu-nu пока не идентифицировано удовлетворительно⁹, однако же по общему облику трудно искать его где-либо, кроме как в греческой ономастике. Не без колебаний, мы, все же склонны сопоставить это имя с именем At-ta-ti-na-', отца Ar-te-mi-du-ú-gu ('Αρτεμίδωρος), выступающего в контракте MLC 2159, который, возможно, относится к концу того же III века до н. э.¹⁰

3. Третья группа слагается на основании следующих данных: Ni-i-qa-nu-gu (Νικάνωρ) сын Is-[x]-tu-ú-nu — свидетель при контракте (VS 47, 192 г. до н. э.); Su-ú-sa-an-dar (Σώσανδρος) сын Di-'-du-ur-e-su (Διδώρος) внук Is-sa-gu-ú-tu-nu, свидетель при контракте (BRM 40, 162 г. до н. э.), охарактеризованный вдобавок как Uruk^{KI}-a-a — „урукит“; An-ti-'-ra-aḡ-gu-su ('Αντίπατρος) сын Di-i-du-ur-su (Διδώρος) покупатель внутригородского земельного участка (TCL 246, 151 г. до н. э.)

Имя Is-sa-gu-ú-tu-nu из BRM 40 может помочь восстановлению немного поврежденного имени из VS 47, как Is-[sar]-tu-ú-nu¹¹, кроме того — их носители — современники, жили в конце III—начале II вв. до н. э., и их можно свести к одному лицу. Точно так же отождествимы два носителя имени Διδώρος — сын Is-sa-gu-ú-tu-nu и отец Σώσανδρος'a (BRM 40) и отец 'Αντίπατρος'a (TCL 246). Можно реконструир-

⁹ W. Röllig, ук. соч., стр. 382, прим. 4 справедливо отвергает одну из попыток идентификации ('Αδων) и вообще сомневается в греческом характере этого имени.

¹⁰ Боумен предлагает идентифицировать At-ta-ti-na' с греческим именем 'Ατινάς (AJSL LXI, стр. 237), что представляется вероятным.

¹¹ Имеется и ряд других вариантов вавилонской транслитерации этого, пока не идентифицированного с греческим оригиналом, имени. См. Röllig, стр. 391, прим. 1. Может быть, все же следует остановиться на имени Στρίτων, (Goosens, стр. 231), несмотря на существенные трудности, возникающие при такой идентификации (дело в том, что для греческого στ в клинописи всегда выступает эквивалент st; ср. Sarkisian, New Cuneiform Texts, стр. 19).

ровать, таким образом, еще один ряд греков-урукитов — Is-sa-tu-ú-tu-nu (Is-[sar]-tu-ú-nu) — Διδώροϛ — его сыновья Σώστρυ-δρος и Ἀντίπατροϛ.

4. Следующая группа представляет очень значительный интерес. В контракте VS 7 с отбитой датой и в неизданном пока контракте A 3678, датированном 191 г. до н. э., выступает женщина по имени Ἄν-τι-ἰ-ki-su (Ἀντιοχίς), дочь Δι-ἰ-ῶ-ρα-αν-tu-us-su (Διοφάντος), имя которого полностью сохранилось в контракте A 3678, но отбито в VS 7. В обоих случаях Ἀντιοχίς — Антиохиды выступает в качестве покупательницы прав на „довольствие“ (išqu/isqu). Эта дама, помимо прочего, интересна тем, что она была супругой правителя Урука Ануубаллита-Кефалона, и на ней как и на ее потомстве, прослеживаемом до 30-х гг. II в. до н. э., мы подробно остановимся.

5. Контракт VS 30, датированный 168 г. до н. э., упоминает I-si-du-ur-su (Ἰσιδωροϛ), сына I-si-te-ú-su (Ἰσιθεοϛ), в качестве владельца внутригородского участка, соседнего с отчуждаемым по контракту участком.

6. В неизданном контракте, представленном двумя дубликатами (A 32114 = A 32115), датированном 164 г. до н. э., в качестве лица, гарантирующего выполнение условий контракта одним из контрагентов, выступает некто Ni-qa-la-wu₄-su (Νιχάλας)¹² с параллельным вавилонским именем РехатАну. Нас в данном случае интересует не само это лицо, которое по нашей классификации относится ко второй, вавилонской части урукитов, носивших греческие имена, в связи с которой и будет рассмотрено, но его мать. Дело в том, что вопреки всем вавилонским обычаям, генеалогия этого гаранта сводится к упоминанию матери по имени Ἰ-ра-па-а, предстающей, также вопреки вавилонским обычаям, без генеалогии и без упоминания имени мужа. Имя Ἰ-ра-

¹² Форма транслитерации Ni-qa-la-wu₄-su интересна передачей омикрона через *a*, при обычном эквиваленте *u*, зафиксированном также в другом варианте транслитерации того же имени Ni-iq-qu-ú-la-wu₄-ú-su. Интерес к этой передаче поддерживается транслитерацией Ti-ma-la-e Τιμόλας (см. в тексте), где омикрону опять-таки соответствует *a* (ср. также зафиксированную вне Урука форму As-ta-ar-ta-ni-iq-qu — Σατασνικτή).

-па-а, вероятно, отождествимо с греческим именем Φανεία¹³, и необычность ситуации заставляет видеть в ней именно гречанку, а не вавилонянку с греческим именем. Факт отсутствия упоминания в контракте ее мужа — отца Николая-РехатАну, и в этом случае нуждается в дополнительных объяснениях, для которых, однако, контракт не дает материала. Можно предположить, что его упоминание было почему-либо нежелательным.

7. В том же контракте A 32114=A 32115 (164 г. до н. э.) в качестве отца братьев—владельцев соседнего с отчуждаемым объекта, имена которых не упомянуты, выступает лицо с греческим именем Ti-ma-la-e, отождествимым, по видимому, с Τιμόλαος¹⁴.

8. Контракт BRM 48, датированный 152 г. до н. э., дает имя свидетеля при контракте: A-pu-ul-lu-ú-pi-de-e ('Απολλωνίδης) сына Ni-iq-qu-ú-la-wu₄-ú-su (Νικόλαος)¹⁵.

9. В контракте Rut. VII, датированном в 151 г. до н. э., в качестве покупателя внутригородского земельного участка за 10 сиклей серебра выступает De-e-miṭ-ri-su (Δημήτριος), сын Ag-ki-'-a ('Αρχίας)¹⁶. Именно этот грек, как об этом

¹³ См. F. Dornseiff, B. Hansen, Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen B., 1957, S. 15; F. Preisigke, Namenbuch, Heidelberg, 1922, S. 455.

¹⁴ Чтение и идентификация имени связаны с определенными трудностями. Не вполне исключена возможность чтения предпоследнего знака как *te* (ибо знаки *te* и *la* в позднеавилонском урукском письме и, в частности, в данном тексте, весьма сходны), и тогда Ti-ma-te-e следовало бы идентифицировать с Τιμόθεος. В обоих случаях остаются еще трудности, связанные с окончанием *-e*, которое абсолютно не характерно при клинописной транскрипции греческих имен на *-ος*.

¹⁵ Форма Ni-iq-qu-ú-la-wu₄-ú-su, где дополнительный гласный кажется необоснованным, ибо в греческом имени ему соответствует омикрон, а не омега, возможно, указывает на привлечение вавилонскими писцами в некоторых случаях (помимо случаев передачи через них греческих долгих гласных — см. Röllig, стр. 385 сл. — и столкновения гласных — см. ниже, стр. 196, прим. 29), как средство передачи греческого ударения: Ср., например, A-te₉-e-nu-ú-pi-lu-su — 'Αθηνόφιλος, A-te₉-e-nu-ú-du-ur-su — 'Αθηνόδωρος (оба — КГЭ 15568), 'An-ti-'-pa-aṭ-tu-su — 'Αντίπατρος (TCL 246) — последнее — с нередким замещением дополнительного гласного алефом.

¹⁶ Значительно менее вероятным представляется мне предложение Боумена (AJSL LVI, стр. 237) усмотреть здесь весьма редкое греческое имя 'Αρχέας.

предварялось выше, обозначен как ^hra1i1u („слуга“, „работник“) другого грека — потомственного урукита — Zu-ur-su, сына Кеφαλον'а, сына Zu-ur-su (выше, № 1).

10. В контракте ОМ V¹⁷, датированном именем царя Деметрия в колофоне, т. е. относящемся к 162—150 гг. до н. э., в качестве свидетеля выступает I-si-du-ru (Ἰσιδωρος), сын E-re-su-ti-ú-nu (Ἐρζετιών). Предлагаемая здесь идентификация последнего имени находится в русле закономерностей клинописной транскрипции греческих имен; передача греческого придыхания, как мы уже отмечали, в клинописи факультативна¹⁸; в данном случае она отсутствует; монофтонгизация z и передача его через различные оттенки e для середины II в. до н. э. уже обычна¹⁹. Наличие u между s и t легко объяснимо особенностями клинописного письма.

11. В неизданном контракте А 3671, датированном временем селевкидского царя Александра (150—145 г. до н. э.), в качестве матери контрагента (имя которого сохранилось лишь на ребре таблички, при отпечатке его перстня, притом очень плохо, но, по-видимому, является вавилонским) выступает некая 'Di-a, имя которой мы считаем греческим и идентифицируем с наличными в греческой ономастике именами Δία или Δία. По поводу причин, побуждающих считать ее гречанкой, а не вавилоняжкой, см. выше, 6-й пункт.

12. В контракте VS 13 (146 г. до н. э.) в качестве покупательницы внутригородского земельного участка выступает женщина по имени 'Di-i-ni-'i-si-'a (Διονύσια), дочь E-ra-aq-li-di-i (стк. 11) или E-ra-aq-qu-li-de-e (стк. 20) (Ἐρζελλι-

---

17 При обработке данных контракта ОМ V, благодаря любезному указанию д-ра Н. Эльснера (Иенский университет, ГДР), я имел возможность, вместо устаревшего издания в транскрипции ОМ, воспользоваться хорошими фотографиями таблички, приведенными в приложении к полному машинописному тексту диссертации О. Крюкмана (*O. Krückmann, Babylonische Rechts- und Verwaltungs-Urkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen*; изд. сокр. текста: Weimar, 1931); хранящемуся в Государственной библиотеке в Берлине.

18 См. *Sarkisian, New Cuneiform Texts*, стр. 19.

19 *E. Schwyzler, Griechische Grammatik, I. Band, Zweite unveränderte Auflage, München, 1959, S. 194f.*

ῥης)²⁰, жена вавилонянина по имени Анубелшуну. Любопытно, что, возможно, именно этот Анубелшуну возглавляет перечень свидетелей при контракте.

13. В том же контракте в качестве владельца соседнего участка выступает Ni-in-ni-ú-gi (Νιζάνωρ, если здесь налицо ошибка писца — *in* вместо *iq*; ср. Ni-iq-ni-gi в контракте TCL 340; в противном случае можно ориентироваться на Nivvzpsz, предложенное Боуменом — AJSL, LVI, стр. 242), сын An-dar-ni-qu-su ('Ανδρόνικος). В неизданном контракте A 3690, датированном 133 г. до н. э. (115 г. аршакидской эры), в качестве свидетеля при контракте выступает некий A-ri-is-tu-uq-la-e ('Αριστοκλήης)²¹, сын An-dar-ni-qu-su; оба отца, носящие одинаковое имя, являются, таким образом, современниками и естественно предположить, что это одно и то же лицо.

14. В контракте BRM 52, датированном 139 г. до н. э. (109 г. аршакидской эры) в качестве продавца какого-то объекта упоминается A-ta-pé-e-du-su ('Αθηγάδης), сын A-lek-se-e-up-ru-su ('Αλέξιππος).

15. В контракте BRM 53, также аршакидского времени (сама дата обломана), в качестве дарителя храмам Урука рабыни по имени 'A-ra-ḥu-na-' (возможно, как полагает Боумен — AJSL LVI, стр. 237 — греческое имя 'Αράχνη; идентификация особых возражений не вызывает), выступает не-

---

²⁰ Röllig, стр. 387 справедливо указывает на форму 'Prazklēthēs (а не 'Prazklēidēs), как форму, бытовавшую в это время в греческом койнэ.

²¹ Окончание *-la-e* необычно для передачи окончаний имен на *-ῥης* и *-ης* (ср. A-ga-ta-uq-le-e — 'Αγαθακλήης — VAT 17923; A-ri-si-tu-ug-gi-ra-te-e — 'Αριστοκράτης — A 3498 и др.). Касаясь дополнительного гласного *-e* в конце таких имен, по-видимому, следует отличать их роль от роли дополнительных гласных в середине имени, передающих в большинстве случаев долготу соответствующего греческого гласного (Röllig, стр. 385 сл.), а иногда, возможно, греческое ударение (см. выше, стр. 188, прим. 15). Дело в том, что если передача в середине слова греческого долгого гласного в клинописи через дополнительный гласный факультативна и может отсутствовать (ср. 'Αριστων — A-ri-is-tu-ú-nu — VS 50 и Δημήτριος — De-e-miṭ-ri-su — Rut. VII и De-me-ḥi-ri-ḏa — BRM 55 и др.), то *-e* в конце транслитераций греческих имен на *-ῥης*, *-ης* совершенно обязательно; возможно, поэтому, что его наличие прежде всего означает указание на сохранение в конце имени произносимого гласного.

кто Ni-qà-ni-úr (Nizávor), сын De-e-tu-uq-ra-te-e (Δημοκράτης, или быть может, по некоторым соображениям, изложенным ниже, Ti-e-tu-uq-ra-te-e — Τιμοκράτης).

Таковы наши данные о греках в Урукке²².

Подытоживая их, рассмотренные 15 мелких групп можно свести к двум большим — первую, охватывающую пункты 1—4, и вторую, включающую пункты 5—15. Чем же они отличаются друг от друга?

Первую из них характеризует то обстоятельство, что наиболее ранние представители этих родов — это одновременно и первые греки, упоминаемые в урукских документах. Эти лица зафиксированы в документах, составленных между 224 и 191 гг. до н. э., а тянущиеся за ними поколения (это касается 1, 3 и 4 групп) прослеживаются по урукским контрактам до середины II в. до н. э. и отчасти даже несколько далее.

Вторую большую группу образуют преимущественно отдельные лица, как правило, упоминаемые с отчествами. Эти лица появляются в урукских документах существенно позже ранних представителей первой большой группы — между 168 и 133 гг. до н. э.

Итак, вырисовываются две волны появления греков в урукских документах: одна — в последней четверти III в. и

²² Мы согласны с мнением А. Т. Олмстеда, приведенным у Боумена (AJSL, LVI, стр. 238, прим. 32) и поддержанным Röllig'ом (ук. соч., стр. 382, прим. 4), по которому в ^mdi-'u-qé-te-e-su (BRM, 31:8) следует усматривать не собственное имя, а название должности ^bzkršrš, по нашему мнению, соответствующей в данном случае, судя по контексту, должности ^braqd—«попечитель» (ср. VAT 9175—221 г. до н. э.). Речь, по-видимому, идет об очередном «попечителе храмов Урука», а в детерминативе ^m следует усмотреть скорее ошибку писца (вместо ^w), нежели неумение его отличить имя от названия должности. Можно отметить еще, что этот термин выделяется среди всех имен на -rš тем, что сохраняет конечное -s (см. ниже, перечень имен.).

Здесь же следует высказаться по поводу четырех имен, иногда принимаемых за греческие — La-si-ja, Ki-ne-a-a (оба—VS 1), Ba-as-si-ja (VS 15; BRM 2, 17, 20 и др.) и женского имени ⁱBu-'i-tu₄ (VS 20). Относительно последних трех совершенно основательны сомнения Боумена в их греческой принадлежности: все они встречаются в ново-авилонский период. Что касается имени La-si-ja из VS 1, то его принадлежность к греческой ономастике может быть отвергнута на основании характера самого документа, представляющего собой перечень родоначальников родовых объединений, в котором встречаем имена Хузну, ЛуштаммарАдада, Ахуту, ГимилАну и других, восходящие к древности.

в первом десятилетии II в. до н. э., вторая — в 60—30-е гг. II в. до н. э. Разрыв между волнами составляет два с лишним десятилетия. Приведенные данные, однако, касаются не появления греков в Уруке вообще, а появления их в урукских клинописных деловых документах. Несомненно, например, что греки должны были прийти в этот важный городской центр Вавилонии гораздо раньше, еще при Александре Македонском, и уж наверняка начали оседать здесь при Селевке I Никаторе (312—281 гг. до н. э.). Однако установление упомянутых двух волн позволяет разделить пребывание греков в Уруке хронологически на четыре этапа. Первый из них начинается с их приходом в Урук и кончается к последней четверти III в. до н. э. В этот период они проживали в Уруке, но не оформляли своих сделок в клинописной нотариально-правовой системе, а, вероятно, делали это как-либо иначе²³, если вообще оформляли. В качестве второго этапа вырисовывается уже отмеченный период — последняя четверть III в. и начало II в. до н. э., когда греки, проживавшие в Уруке, начали фиксировать свои сделки в клинописной нотариально-правовой системе. Третий этап, грубо говоря — середина II в. до н. э., характерен появлением новых греков в урукских документах, может дать повод двойному толкованию: либо, что в местную правовую систему включились греки и ранее проживавшие в Уруке, но почему-либо продолжавшие жить изолированно от местного элемента, либо же, что нам представляется, собственно, несомненным, что в Урук пришли новые греческие колонисты; далее мы подробнее остановимся на этом вопросе. Четвертый этап охватывает время с 30-х гг. II в. до н. э., когда упоминание греков постепенно исчезает из клинописных документов, возможно, вследствие их постепенного ухода из Урука или ассимиляции. Впрочем, в это же время постепенно исчезают и сами урукские деловые клинописные документы.

Следует попытаться осветить еще вопрос о социальном положении греков в Уруке. Дать однозначный ответ на него непросто, ввиду односторонности имеющихся источников — деловых документов. Однако естественное предположение о

²³ Ср. *M. Rostovtzeff*, *Seleucid Babylonia*, „Yale Classical Studies“, III (1931), а также *Саркисян*, „Eos“, XLVIII, 2 (1957), стр. 31 сл.

том, что греки должны были в основном принадлежать к верхам урукского общества, получает определенную поддержку и в наличном материале. Так, например, можно вспомнить, что гречанка Антиохида была замужем за правителем Урука Ануубаллитом-Кефалоном. Грек Zu-ug-su выступает как хозяин другого грека, Деметрия, который, однако, в свою очередь является домовладельцем и имеет возможность потратить 10 секлей серебра на приобретение участка земли. Далее, мы встречаем и грека-рабовладельца, который в состоянии подарить рабыню урукским храмам и т. п.

В большинстве же случаев статус греков в деловых документах никак не выделяет их из ореды урукитов-вавилонян: они, подобно последним, появляются в роли контрагентов, их родни, свидетелей и т. п.

II. ВАВИЛОНЯНЕ С ГРЕЧЕСКИМИ ИМЕНАМИ

Вторая часть греческих имен, встречающихся в деловых документах из Урука, принадлежит, как было упомянуто, вавилонянам.

Здесь также можно выделить несколько групп, в основе отбора которых опять-таки лежит родственно-хронологический принцип.

1. В урукских деловых документах первое упоминание греческого имени применительно к вавилонянину встречается в контракте VS 34, датированном 219 г. до н. э. Здесь свидетелем при контракте выступает некто ^dAnu-aḫ-iddin, сын Ni-din-tu, ^dAnu внук Ni-iq-ar-qu-su (Νίκαρχος), потомок Aḫu-'u-ú-tú. Вне контрактов, однако, упомянутый здесь в качестве деда Никарх встречается раньше — в его собственной строительной надписи, датированной 244 г. до н. э. (68 г. селевкидской эры), временем правления Селевка II (246—225 гг. до н. э.). В этой надписи упомянутое выше лицо представлено как ^{md}Anu-uballit māru šá ^{md}Anu-ik-šur apal ^mAḫu-'u-ú-tú ^bšaknu ^{nu} šá Uruk^{ki} šá ^mAn-ti-'i-i-ku-su šar matatemeš ^mNi-qi-qa-ar-qu-su šum-šú ša-nu-ú iš-kun-nu, т. е. „Ануубаллит, сын Ануиксура, потомок Ахуту, наместник (правитель, букв. „поставленный над“) Урука, которому Антиох, царь стран, пожаловал второе имя Никарх“²⁴.

²⁴ См. выше, стр. 183, прим. 5.

Речь идет, очевидно, об Антиохе II (261—246 гг. до н. э.), так что Ануубаллит-Никарх начал править в Уруке еще при этом царе, да и объем строительных работ, об окончании которых гласит надпись, указывает, что Никарх начал править в Уруке едва ли позже 250 г. до н. э.

В 219 г. до н. э. он, как мы видели, упоминается уже не как действующее лицо, а в генеалогии. Его имя и далее часто упоминается в генеалогии действующих в контрактах лиц, по нашим подсчетам, более двадцати раз; в большинстве случаев он выступает как дед действующего лица, но по несколько раз как отец и как прадед. Некоторое варьирование в аккадских транслитерациях этого имени не внушает сомнений относительно идентичности лица, скрывающегося за ними. Лишь два случая дали в свое время повод для сомнений и создания несуществовавшего лица с именем *Ni-ir-ra-šú* (*Ni-iq-qa-šú* — VS 48:29; *Ni-iq-ar-ra-su* — MLC 2159), однако хорошо документированное генеалогическое древо рода Никарха, в которое полностью укладываются оба эти случая, не оставляет сомнения, что налицо всего лишь ошибки писцов²⁵. Мы приводим это древо²⁶, могущее далее послужить и для других целей.

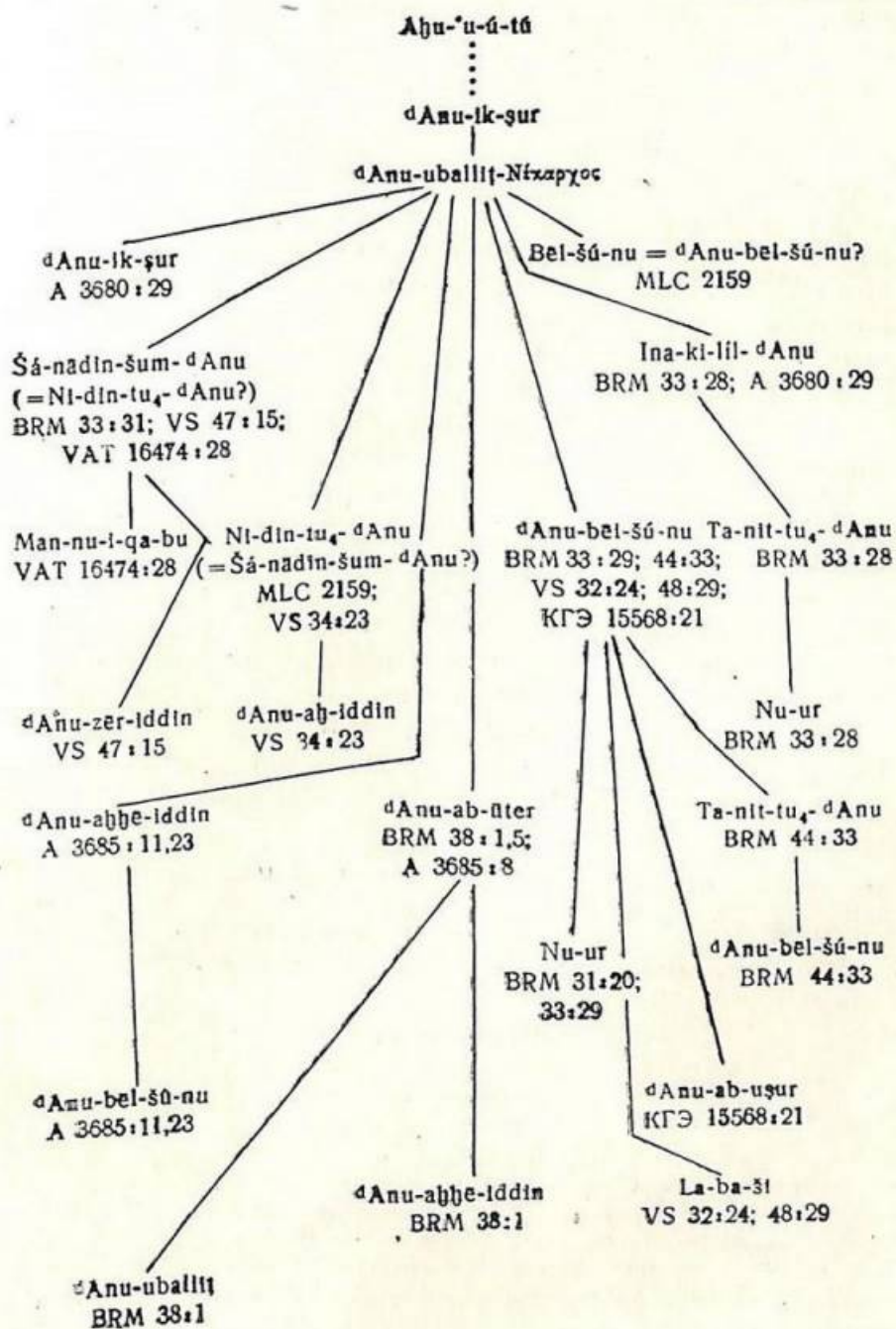
2. Следующее по времени греческое имя, принадлежащее вавилонянину, также впервые выступает не в деловом документе, а в строительной надписи другого правителя Урука, датированной 202 г. до н. э. (110 г. селевкидской эры)²⁷. Здесь читаем: ^{md}Anu-uballit šá šum-šú šanú ^mQé-er-lu-un-ni (= Κεφαλον—Г. С.) aplu šá ^{md}Anu-balaš-su-iqbl ^bGAL ^bSAG ali šá Uruk^{KI} ²⁸: „Ануубаллит, второе имя которого — Кефалон, начальник, глава города Урука“. Как видим, о царском пожаловании греческого имени речи уже нет. Далее это лицо встречается в неизданном пока контракте А 3678, датированном 191 г. до н. э., где Ануубаллит-Кефалон упо-

²⁵ Ср. Röllig, стр. 378, прим. 2—з отношении *Ni-iq-ar-<qu>-su*; то же верно относительно *Ni-iq-ar-qu-i-su* (MLC 2159). Имеется также ошибочное написание *Ni-iq-ar-qu-ra* (BRM 38)—*ra* вместо *su*.

²⁶ Привлечены лишь те документы, в которых непосредственно упоминается имя Никарха.

²⁷ См. выше, стр. 193, прим. 5.

²⁸ Форма *alu šá Uruk^{KI}* как бы выделяет гражданскую общину.

мянут как живое лицо с аналогичным представленному в надписи титулом ^hGAL SAG āi— „начальник, глава города“; он выступает здесь в качестве супруга женщины-контрагента.

Женой Ануубаллита-Кефалона является ^tAn-ti-'-i-ki-su (^tΑντιωχίς), дочь Di-'-ū-pa-an-tu-us-su (Διοφάντης), и выступает в контракте в качестве покупательницы išqu — права на „довольствие“. Совершенно аналогична ситуация в контракте VS 7, где, однако, обломаны дата и имя отца. Об этой паре — отце и дочери, уже говорилось в предшествующем разделе как о греках; далее к этому будет приведен еще дополнительный материал.

Что касается Ануубаллита-Кефалона, то он в контрактах упоминается еще пять раз (VS 12; BRM 55; VAT 16490, A 3682 и 3687) в качестве то домовладельца, то отца контрагента, то хозяина раба-домовладельца, то деда действующего в контракте лица.

Сын Ануубаллита-Кефалона носил имя деда по матери — Διοφάντης и упоминается в пяти контрактах в различных ролях — контрагента, отца действующего лица и т. п. (BRM 53; 55; VAT 16488; A 3682; A 3690 (дважды)). Его имя, однако, передано по-аккадски порой весьма несходным с оригиналом образом, настолько, что Боумен лишь предположительно идентифицировал его с Διοφάντης²⁹. В качестве отца Дно-

²⁹ AJSL, LVI, стр. 235. Каких трудов стоила вавилонским писцам передача столкновения гласных, в частности—^to—хорошо прослеживается на примере транслитерации имени Днофант—Διοφάντης. Пять вариантов транслитерации этого имени хорошо иллюстрируют способ, каким писцы приспособляли греческое имя к своим представлениям. Приводим их (ссылки см. в заключительном перечне имен).

Di-'-ū-pa-an-tu-us-su
 Di-'-pa-at-tu-su
 Di-i-pa-tu-su
 Di-pa-tu-su
 Di-ip-pa-tu-s u

Прибавим, что очередность транслитераций не придумана нами, а в целом соответствует хронологической очередности их появления в документах—первая—в 191 г. до н. э., последняя—в 133 г. до н. э. Аналогичную картину дают транслитерации имен Διοφάνης (Di-'-pa-né-e—Di-i-pa-né-'e—Di-pa-né-e), Διόδωρος (Di-'-du-ur-e-e-su—Di-i-du-ur-su), Διονυσία (Di-i-ni-'-i-si-'a).

фант-внук упоминает трижды, и во всех трех случаях его сыновья носят греческие имена; к сожалению, лишь одно из них читается полностью и отчетливо — A-gi-is-tu-up (Ἀριστων — свидетель при контракте BRM 53, аршакидское время); в другом случае сохранилось лишь окончание имени [xxx]-de-tu-su [.....]δῦδος — это даритель двух рабынь храмам Урука (в неизданном контракте A 3690 — также аршакидского времени — 133 г. до н. э.); в третьем случае читается нечто вроде Ni?-ka?-nu?-nu?-su? — это свидетель при том же контракте A 3690.

Относительно Ануубаллита-Кефалона и Ануубаллита-Никарха, со ссылкой на одинаковость их вавилонских имен, а также на принадлежность их к одному и тому же родовому объединению Ахуту, и в связи с почти 40-летним интервалом между зафиксированными в их надписях датами их правлений, высказывалось мнение, что первый из них, возможно, был внуком второго, нося по обычаю вавилонян, нередкому и среди других народов, имя деда³⁰. Достаточно хорошо зная, однако, потомство Никарха, мы могли убедиться, что Кефалону с его отцом Ануубалатеуикби в этом потомстве нет места. Куда больше оснований усмотреть в отце Кефалона Ануубалатеуикби лицо с таким же именем, сына Ануахиттану, из того же родового объединения Ахуту, упомянутое в контракте VAT 9175, датированном 221 г. до н. э., в качестве ^hraq-du šá bit ilānimeš šá Uruk^{kl} — „попечителя храмов Урука“ — весьма высокой должности и, как мы утверждали еще в 1952 г., идентичной той, в которой упомянут Ануубаллит-Кефалон — ^hGAL ^hSAG alī — „начальник, глава города“³¹. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что упоминав-

³⁰ Мнение О. Крюкмана, приведенное у A. von Haller, Siebenter vorläufiger Bericht über die von Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen („Abhandl. der Preuss. Ak. der Wiss., Phil.-hist. Klasse“, № 4, 1935, S. 37). С этим мнением справедливо не соглашается Боумен (AJSL, LVI, стр. 232), но и его собственное предложение (там же, стр. 232 и генеалогическое древо), сводящееся к тому, чтобы считать двух Ануубаллитов двоюродными братьями, не может быть принято уже потому, что дедом Ануубаллита-Кефалона был не Инакилли-Ану, как полагал Боумен, а Ануахиттану, как это явствует из нашего дальнейшего изложения.

³¹ См. об этом Саркисян, ВДИ, 1952, № 1, стр. 78.

шийся только что Анубалатсуикби, сын Ануахиттэнну, потомок Ахуту, в одном из урукских культовых текстов, датированном тем же 221 г. до н. э., что и контракт VAT 9175, предстает с титулом ^hGAL ^hSAG ali³². Не может быть, поэтому, сомнений, что Ануубаллит-Кефалон был как сыном именно этого Анубалатсуикби, так и его преемником в его двуединой должности³³.

В связи с родственниками Ануубаллита-Кефалона рассмотрим еще несколько контрактов. В контракте BRM 37 (и в его дубликате A 2523), датированном 179 г. до н. э., в качестве продавца дома упоминается An-ti-'i-ku-su ('Αντιόχος) сын Tim-gi-ra-te-e (Τιμοκράτης)³⁴, внук ^dAnu-balāt-su-iqbi, потомок Абу-'u-ū-tū. Упомянутый здесь Анубалатсуикби и по имени и по времени (дед лица, действовавшего в 179 г. до н. э., должен был жить именно во второй половине III в. до н. э.), и по принадлежности к родовому объединению Ахуту совпадает с отцом Ануубаллита-Кефалона. Их отождествление более чем вероятно (сно предложено еще Боуменом—AJSL, LVI, стр. 235), и тут играет роль также то соображение, что именно брат Кефалона—правителя Урука—мог в столь раннее для распространения греческих имен среди вавилонян время—на грани III—II вв.—носить греческое имя более, чем кто-либо другой. Итак можно предполагать, что Тимократ был братом Кефалона—вероятно, младшим.

---

³² F. Thureau-Dangin, TCL VI: Tablettes d'Uruk à l'usage des prêtres du Temple d'Anu au temps des Séleucides, P. 1922, № 1 (AO 6452) Rs. 57 (pl. IV).

³³ См. Sarkislan, New Cuneiform Texts, стр. 21, прим. 31.

³⁴ В дубликатах контракта A 32114=A 32115, датированного 164 г. до н. э., в качестве соседа упомянут An-ti-'i-ku-su ('Αντιόχος), сын Ti-'uq-ra-te!-e (или: Di-?) без дальнейшей генеалогии. За отождествление этой пары с парой, упомянутой в тексте и, тем самым, имени Ti-'uq-ra-te!-e с Tim-gi-ra-te-e (Τιμοκράτης) говорит имя сына — общее для обеих пар. Однако есть и трудности. Это, во-первых, исключительность случая, когда мы должны предположить передачу греческого ρ через алеф. Во-вторых, это предпоследний знак, который в одном из дубликатов ясно выписан как *ni*, *li* (A 32114), а в другом (A 32115), видимо, исправлен вложенным сверху нового знака, вероятно *te*. Однако не вовсе исключено и чтение *ne* (менее вероятно — *li*), и тогда возможно чтение Ti-'uq-ra-né/ne-e или менее вероятное Ti-'uq-ra-lé/le-e.

Далее, в контракте Sp. 297, датированном 152 г. до н. э., в качестве свидетеля при контракте выступает некий Qé-er-lu-ú-nu (Κεφαλών), сын De/Ti-e-mu-uq-ra-te-e, потомок Ахуту. Второе греческое имя (имя отца) можно с почти равной вероятностью идентифицировать с греческими именами Δηροκράτης и Τιροκράτης. Если остановиться на втором, то это лицо также можно отождествить с братом Кефалона. Соображения времени этому никак не противоречат, а имя сына — Кефалон, совпадающее с именем знаменитого дяди, даже подкрепляет наше предположение.

Рассмотрим теперь в той же связи другую группу контрактов. В дубликатах контракта VAT 16468=VAT 16484, датированного 157 г. до н. э., в качестве супруга некоей An-tu₄-banat, покупательницы išqu—права на „довольствие“, выступает An-ti-'-i-ku-su (Ἀντιόχος) сын Ina-ki-lil-^dAnu, внук ^dAnu-balāt-su-iqbi, потомок Aḥu-'u-ú-tú. В контракте VAT 17923, также датируемом по ряду признаков серединой II в. до н. э. (дата обломана), в качестве покупателя строения выступает некий A-lek-si-an-dar (Ἀλέξανδρος), сын Ina-ki-lil-^dAnu, внук ^dAnu-balāt-su-iqbi, потомок Aḥu-'u-ú-tú. Едва ли можно усомниться, что Антиох и Александр были братьями. Александр покупает строение у своих племянников, четырех братьев — сыновей его брата — что специально указано. Племянников же зовут: A-ga-ta-uq-le-e (Ἀγαθαλλής), He-ra-qu-li-de-e (Ἡρακλίδης), Se-lu-ku (Σελουκος) и Qé-er-lu-ú-nu (Κεφαλών). Вероятно, однако, что эти четыре брата, племянники Александра, все же были сыновьями неизвестного нам его брата Антиоха (поскольку мы знаем имя сына последнего, и оно — вавилонское — Анубалатсункби, совпадающее с именем прадеда), а другого брата, имя которого остается нам неизвестным. Во всяком случае их прадедом, дедом Антиоха и Александра, был Анубалатсункби, который по имени и по времени совпадает с отцом Ануубаллита-Кефалона, а их дед, т. е. отец Александра и Антиоха, и, таким образом, предполагаемый брат Ануубаллита-Кефалона, носил вавилонское имя Ina-ki-lil-^dAnu. Вероятно, это был старший брат Кефалона.

Другая группа контрактов дает следующую картину. Контракт VS 14, датированный 190 г. до н. э., в качестве свидетеля

при контракте упоминает некоего Di-ra-pé-e (Διορᾶννης), сына Is-si-ra-ti-nu, внука Ina-ki-líl-^dAnu. Контракт BRM 55, относящийся ко второй четверти II в. до н. э. (дата обломана), упоминает в качестве гаранта Di-i-ra-pé-' (Διορᾶννης) сына I-si-ra-tu-', внука Ki-din-^dAnu, охарактеризованного в контракте как Uruk^{KI}-a-a — „урукит“. Кроме того, имеется еще контракт MLC 2165, в котором также упомянут Di-'-ra-pé-e (Διορᾶννης) сын I-si-ra-te-ú-nu. Трудно удержаться от попытки отождествления этих трех пар—сыновей и отцов—именно потому, что их имена парно совпадают: простое совпадение здесь трудно допустить в небогатой греческими именами урукской среде, несмотря даже на реальное препятствие на пути такого отождествления. Дело в том, что если в одном случае имя деда — Ina-ki-líl-^dAnu, то в другом — Ki-din-^dAnu (в третьем случае дед не упомянут). Мы предлагаем видеть ошибку писца в написании имени деда и решить дело в пользу имени Ina-ki-líl-^dAnu, а лицо, носящее это имя, идентифицировать с предполагаемым старшим братом Ануубаллита-Кефалона, носившим то же имя.

Итак, попытаемся восстановить генеалогическое древо рода также Ануубаллита-Кефалона, которое однако будет отличаться от аналогичного древа рода Ануубаллита-Никарха тем, что если там все строго документировано, то здесь целый ряд пунктов имеет характер лишь обоснованных предположений. Однако сколь ни сомнительными могут представиться отдельные звенья или ветви, вернее — не сами ветви, а их принадлежность к древу, картина в целом подкрепляется тем несомненным фактом, что почти половину всех известных нам лиц вавилонского происхождения, носивших греческие имена, удастся как-то сгруппировать в пределах одного рода, притом рода правителя Урука, лица, как увидим, приближенного ко двору Селевкидов.

3. Существенная часть остальных лиц вавилонского происхождения, носивших греческие имена, также принадлежит к родовому объединению Ахуту. Вправе ли мы сделать предположение, что они также, тем или иным образом, примыкали к роду Ануубаллита-Кефалона? Если и вправе, то это было бы предположением лишь логического порядка, не подкрепленным пока фактическими данными. Поэтому мы рассмо-

трим соответствующие данные самостоятельно, безотносительно к роду Ануубаллита-Кефалона.

В контракте VS 31, относящемся к первой четверти II в. до н. э., в качестве лица, сдающего внаем дом, выступает ^dAnu-bēl-šú-nu, со вторым именем An-ti-'-i-ku-su ('Αντιοχος), сын Šá-nādin-šum-^dAnu, внук Та-nit-tu₄-^dAnu, потомок Ађu-'u-ú-tú; в контракте же VS 30, датированном 168 г. до н. э., в качестве покупателя дома появляется сын этого ^dAnu-bēl-šú-nu-Антиоха. В контракте BRM 55 в качестве продавца išqu — права на „довольствие“, выступает ^dNa-pa-a-iddin, со вторым именем De-me-ti-gi-ja (Δημήτριος), сын Ni-din-tu₄-^dAnu, внук Та-nit-tu₄-^dAnu, потомок Ађu-'u-ú-tú.

Эти лица объединяются не только принадлежностью к родовому объединению Ахуту, но и наличием в их генеалогии имени Та-nit-tu₄-^dAnu, которое, может быть, принадлежало одному и тому же лицу; однако настаивать на этом невозможно, ибо это имя в Уруке селевкидского времени было весьма распространенным.

В контракте OM V, относящемся, как уже отмечалось, к 162—150 гг. до н. э. (царствование Деметрия I), в качестве мужа женщины-контрагента выступает некто ^dAnu-aђ-ittanni, сын An-ti-ra-aђ-gu-!su¹ ('Αντίπατρος), потомок Ађu-'u-ú-tú. То же лицо появляется в контракте Sp. 297 (152 г. до н. э.) в качестве свидетеля, и здесь греческое имя его отца передано как A-ti-raђ-gu-su. В контракте же A 3689, датированном 132 г. до н. э., это же имя 'Αντίπατρος в транслитерации An-ti-rā-ti-gu-su носит свидетель по контракту, сын Šá?-nādin?-šum?-^dAnu?. Родоначальник не упомянут. Идентичны ли эти лица или это -- тезки? Второе более вероятно, судя по разнице во времени (один в 152 г. выступает в роли отца, другой в 132 г. действует сам).

В контракте VS 46 с обломанной датой в качестве свидетеля выступает некто ^dAnu-ik-šur, сын !Ar-l-gi-gar-su ('Ηραγώρας?), потомок Ађu-'u-ú-tú.

4. Предлагаемый теперь вниманию читателя случай с вавилонянином, носившим греческое имя, зафиксированный в неоднократно уже цитировавшемся контракте A 32114=A 32115, датированном 164 г. до н. э., имеет принципиальное значение. Он показывает, что засилие среди вавилонян, носив-

ших греческие имена, лиц, принадлежавших к родовому объединению Ахуту, не означает, однако, что греческие имена были монополей только лишь этого родового объединения. В упомянутом контракте в качестве свидетеля выступает Ag-te-mu-du-ur (Ἀρτεμίδωρος), внук (имя отца обломано), ^dNa-na-a-iddin, потомок Lu-uš-tam-mar-^dAdad. Луштаммар-Адад — это родоначальник другого урукского родового объединения, число членов которого, судя по совокупности известных нам документов селевкидского времени, сравнимо с численностью членов родового объединения Ахуту. И, тем не менее, необходимо подчеркнуть, что в находящихся в нашем распоряжении материалах это единственный случай упоминания родового объединения Луштаммар-Адада в связи с греческим именем.

Однако следующие несколько примеров, в которых родоначальники вовсе не упоминаются, дают некоторые, хотя и небольшие основания к предположению, что упоминаемые в них вавилоняне также принадлежали к родовому объединению Луштаммар-Адада. Вот эти примеры.

Одним из контрагентов в контракте VS 25 выступает ^dAnu-uballit, со вторым именем Pi-il-pi-li-su (Φίλιππος), сын Anu-ab-ušur, внук ^dNa-na-a-iddin, пекарь. Дата обломана, однако имеются основания полагать, что это — то же самое лицо, которое выступает в контракте VS 17, датированном 169 г. до н. э., в качестве одного из контрагентов со вторым именем Pi-il-pi-su (Φίλιππος); вавилонское имя его отбито. Далее, в контракте VS 44, датированном 191 г. до н. э., одним из контрагентов является A-pi-lu-ni-ū-su (Ἀπολλωνός), сын ^dNa-na-a-iddin, внук Ina-ki-lil-^dAnu, а в контракте A 3498 (164 г. до н. э.) — в качестве покупателя(?) — A-gi-si-tu-ug-gi-ra-te-e (Ἀριστοκράτης), сын ^dNa-na-a-iddin (дальнейшая генеалогия, видимо, имелась, но обломана). Если упомянутое в этих контрактах имя ^dNa-na-a-iddin принадлежит одному и тому же лицу, и это лицо совпадает также с вавилонянином с этим же именем, выступающим в контракте A 32114 = A 32115 в качестве потомка Луштаммар-Адада, то появляется возможность причислить к этому родовому объединению и всех упомянутых в настоящем пункте лиц с греческими именами. Идентичность этих четырех ^dNa-na-a-iddin'ов,

однако, далеко не бесспорна, вследствие большой распространенности в урукской среде селевкидского времени также и этого имени. В пользу нее все же говорят соображения времени, вполне допускающие идентификацию, а также то любопытное обстоятельство, могущее оказаться важным, что греческие имена этой группы выделяются из имен, принятых в родовом объединении Ахуту: ни одного из них мы там не встречаем.

Последнее относится и к имени одного из свидетелей в уже упоминавшемся контракте OM V: Du-ú-qú-lle-e (Διοκλήτης), сын ^dAnu-uballit-su, потомок [E-kur-za]-^fkir!?. Если имя родоначальника прочтено верно, то перед нами еще один вавилонянин-урукит, носящий греческое имя, но относящийся не к родовому объединению Ахуту, и, вместе с тем, пока единственный, принадлежащий к еще одному крупному урукскому родовому объединению—Экурзакир.

5. Остается рассмотреть группу вавилонян с греческими именами, принадлежность которых к какому-либо из родовых объединений остается неизвестной, и нет также косвенных данных или намеков на этот счет. Прежде всего интересен в этом смысле контракт КГЭ 15568, датированный 159 г. до н. э., в котором четыре брата—продавцы строения — носят сплошь греческие имена, имея, однако, вавилонскую генеалогию. Это A-te₉-e-ni-ú-nu ('Αθηρίων), A-te₉-nu-ú-pi-lu-su ('Αθηρόφιτος), A-te₉-e-nu-ú-du-ur-su ('Αθηρόδωρος) и Qé-ep-lu-ú-nu (Κεφάλων), сыновья ^dAnu-uballit, „называющегося сыном“ (очевидно усыновленного) Re-ḫat-^dAnu, который принадлежит к числу членов корпорации ^bki-niṣ-tu₄ храмов Урука. Любопытно пристрастие их отца к теофорным именам с 'Αθηρῶν, Афина, отождествлявшейся, вероятно, с одной из вавилонских богинь (Нанай?).

В контракте VAT 16474, относящемся по ряду признаков ко второй четверти—середине II в. до н. э. (дата отбита), в качестве контрагента выступает Ar-rí-si-ṭe'-wu₄-su ('Αριστέος?)³⁵, сын A-a-ta-^dNa-pa-a, внук Ma-ak?-^dDilbat; родоначальник не упомянут.

³⁵ Имена этого круга бытовали в Вавилонии селевкидского времени; ср. имя 'Αριστέος в греческой надписи: ΑΡΙΣΤΕΑΣ ΟΙ ΑΛΛΟ ΟΝΟΜΑ ΑΡΑΒΗΛΑΤΕΙΟΥS — „Аристей, другое имя которого Ардибелтей (= Arad-Belti — вавилонское имя) — A. T. Clay, Epics, Hymnes, Omens, and other

В контракте BRM 49 (145 г. до н. э.) в качестве гаранта вместе со своими двумя братьями, носившими лишь вавилонские имена, выступает ^dAnu-uballit со вторым именем Zu-ú-ur-su, сын Dum-qi-^dAnu, сына Arad-bīt-rēš, сына Dum-qi-^dAnu, привратника достояния бога Ану. Родоначальник не упомянут.

Под данной рубрикой непричисляемых к какому-либо родовому объединению следует снова указать на упоминавшегося уже в другой связи (см. выше, стр. 202) Антипатра, сына Šá?-nādin?-šum?-^dAnu? (контракт А 3689, 132 г. до н. э.), а также сказать об одной, носившей, по-видимому, греческое имя вавилонянке, продавщице строения в контракте А 3687 (первая четверть II в. до н. э.), от имени которой сохранилось лишь окончание, да и оно читается плохо — [ʿxxx]-ra-te-e, дочери ^dAnu-aḫ-ittannu, сына ^dAnu-uballit и супруге Nu-ur, сына Ta-nit-tu₄-^dAnu, потомка Aḫu-'u-ú-tú.

По поводу вавилонян—носителей греческих имен, возникает в качестве первоочередного тот же вопрос, который был поставлен в отношении греков-урукитов — о хронологических этапах развития явления.

Здесь также выделяется четыре этапа. Первый из них — середина III в. до н. э.— характеризуется отсутствием греческих имен в среде вавилонян-урукитов. Единственный зафиксированный случай является в полном смысле слова подтверждающим правило исключением — греческое имя жалуется правителю Урука Ануубаллиту I в виде особой царской милости. Второй этап приходится на конец III—начало II вв. до н. э. Греческие имена в среде вавилонян уже имеются, но в очень ограниченном количестве и в ограниченном кругу: поч-

---

Texts, BRM IV. New Haven, 1923, № 58. Подробнее о предлагаемой выше идентификации см. *Sarkisian*, *New Cuneiform Texts*, стр. 19. Здесь отметим еще следующее по поводу передачи греческого дифтонга *eu* посредством аккадского *e'wi*. Это противоречит передаче того же дифтонга через *u* в имени Σίλευκος — Se-lu-ku (ср. также Σελουκεία — Se-lu-ki-'a; других примеров передачи этого дифтонга у нас нет). Нужно, однако, сказать, что как дифтонги, так и случаи столкновения гласных, совершенно обычные в греческом, задавали непривычным к подобным звуко сочетаниям вавилонским писцам столь трудную задачу при их транслитерации средствами клинописи, что выработать для них однозначный эквивалент было просто невозможно (см. выше, стр. 196, прим. 29).

ти исключительно в семье другого правителя Урука—Ануубал-лита II. Однако их появление уже не связано с царским пожалованием. Третий этап—середина II в. до н. э.—время изобилия греческих имен в среде вавилонян; их носят уже целые семьи, нарекая греческими именами всех сыновей — вспомним два случая, когда по четверо братьев носят сплошь греческие имена. Четвертый этап — с 30-х гг. II в. до н. э.—время затухания изучаемого явления.

Далее следует вопрос о социальном положении вавилонян—носителей греческих имен. По-видимому, и они — подобно грекам-урукитам — принадлежали в основном к привилегированным слоям городского населения. Это проявляется, во-первых, в том обстоятельстве, что греческие имена носили два правителя Урука, а также представители семьи одного из них и потомки этих представителей. Далее, одно такое лицо оказалось в состоянии подарить двух рабынь храмам Урука (А 3690, 133 г. до н. э.) и т. п. Ниже мы подкрепим наши выводы еще новыми соображениями.

Важно также составить представление о том, каковы были источники греческих имен вавилонян-урукитов, откуда они черпали свои греческие имена. Во-первых, это царские имена — Селевк, Антиох, Деметрий, Филипп, Александр — принятые в династии Селевкидов, а последние два, особенно Александр были известны и помимо Селевкидов; к ним можно прибавить и имя Гефестион. Во-вторых, несмотря на ограниченность материала, в целом ряде случаев мы фиксируем у вавилонян-урукитов имена, характерные для греков-урукитов — Гераклид, Антипатр, Демократ (или: Тимократ), Аристон, Артеמידор, Зорос, I-si-ra-tu-ú-ni (Стратон ??), что указывает на заимствование коренными урукитами имен селившихся в Уруке греков—явление вполне естественное. Источники остальных имен пока не ясны; вероятно, что существенная часть их опять-таки была заимствована у неизвестных нам греков-урукитов.

Урукские документы фиксируют также наличие института смешанных браков. Нам известны два несомненных случая брака между вавилонянином и гречанкой, еще два случая—более или менее документированных и один—более сомнительный. Речь прежде всего идет об уже упоминавшейся-

ся паре Ануубаллит-Кефалон и Антиохида, дочь Диофанта, соответствующие данные о которых уже приводились выше. Далее следует пара Белшуну и Дионисия, дочь Геркалида, о которой также уже упоминалось.

Выше говорилось о женщине по имени Rḡa-pa-a, имя, идентифицированное нами с греческим именем Φαυρία, и приводились мотивы вывода о том, что это была гречанка. Поскольку сына ее звали вавилонским именем РехатАну, то речь может идти лишь о смешанном браке между вавилонянином и гречанкой. Совершенно аналогичен случай с гречанкой 'Dī-a—Dīa или Δία, упоминаемой вместе с сыном, носившим, судя по прослеживаемому в его плохо сохранившемся имени компоненту 'Апи, вавилонское имя. В контракте А 3687, относящемся к первой трети II в. до н. э. (дата обломана), упоминается женщина с плохо сохранившимся именем ['xxx]-ra-te-e, дочь Анунттанну, сына Ануубаллита, жена Нура, сына ТаниттуАну, потомка Ахуту. Нося греческое имя и являясь дочерью вавилонянина, она, возможно, была плодом смешанного брака.

Следует специально отметить, что отсутствие данных о смешанных браках обратного свойства, т. е. о браках между греками и вавилонянками, вовсе не означает, что такие браки не заключались. Все дело в специфике наших документов, в которых при упоминании действующих в контрактах женщин обычно называются их мужья, но при действующем лице — мужчине упоминание его жены совершенно отсутствует.

Касаясь вопроса имен потомства от смешанных браков, следует отметить, что, согласно наличному скудному материалу, оно могло носить и греческие (ср. имя сына Кефалона и Антиохида — Диофант), и вавилонские (ср. имя сына Фании—РехатАну) имена и, можем мы заключить, также двойные — греко-вавилонские имена, как мы видели, нередкие в урукской среде.

III. ВЫВОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Итак, при классификации материала по греческим именам, встречающимся в деловых документах из Урука, выяв-

ляюся две группы их носителей—греки-урукиты и вавилоняне-урукиты. Выявляется также четыре этапа в жизни греков-урукитов и четыре же примерно синхронных им этапа в развитии греческой ономастики в среде урукитов-вавилонян. Такое совпадение не может быть случайностью и несомненно имеет под собой историческую подоплеку.

Прежде чем попытаться выяснить ее, напомним в двух словах данную в начале статьи характеристику Урука селевкидского времени: это была гражданско-храмовая община, четко очерченный гражданский коллектив, типологически сопоставимый с гражданскими коллективами эллинистических полисов селевкидской державы.

Первый этап, выявленный нами, характеризовался, с одной стороны, полным отсутствием участия греков в применявшейся в гражданско-храмовой общине традиционной клинописной вавилонской нотариально-правовой системе, а с другой—отсутствием в вавилонской среде греческих имен — с единственным исключением — следствием специального пожалования селевкидским царем греческого имени правителю Урука — вавилонянину. Это означает, что греки в Уруке в этот период жили обособленно, вероятно — в виде изолированной колонии — политевмы, и свою деловую активность фиксировали иначе, в другой — греческой нотариально-правовой системе, либо не фиксировали, ибо нельзя предположить, что деловая жизнь у них вовсе отсутствовала.

Пожалование же греческого имени урукскому правителю-вавилонянину иллюстрирует унаследованную Селевкидами от Александра и культивировавшуюся ими далее политику создания социально-классового союза с верхушкой местных обществ, имевшую целью облегчить, чтобы не сказать — просто сделать возможным, совладение, управление огромной державой.

Наиболее интересен *второй этап*. Напомним, что как появление первых греков в урукских деловых документах, так и первая волна распространения греческих имен среди вавилонян относятся к последним десятилетиям III в. и первому десятилетию II в. до н. э., и таким образом, в точности укладываются в период правления Антиоха III Великого (223—187 гг. до н. э.); эти явления не могут быть рассмотрены вне

связи с внутренней политикой этого выдающегося правителя. Его целью, как известно, было восстановление, а затем, по возможности, и расширение державы его предка — Селевка I Никатора, для чего им были сделаны огромные военные усилия. Этой же целью диктовалось стремление к более тесному сближению с местной знатью, укреплению социальной опоры царской власти посредством союза с верхами местных обществ.

Если конкретизировать это явление на примере Урука, то можно утверждать, что при Антиохе III произошло включение ранее обособленной греческой колонии Урука в систему его гражданско-храмовой общины. Только так и можно толковать факт переноса греками своей деловой активности в рамки совершенно чуждой им местной клинописной нотариально-правовой системы. Греки становятся членами—гражданами—гражданско-храмовой общины Урука. В обосновании этого положения особенно существенное значение имеет факт выступления греков в контрактах не только в качестве контрагентов, что само по себе достаточно показательно, но неоднократное их появление в них в качестве свидетелей сделок, гарантов контрагентов—ролях, подававших только полноценным и никак не дифференцированным от исконных вавилонских представителей гражданско-храмовой общины ее членам. Это положение продолжалось затем на всем протяжении обозреваемого нами периода существования урукской гражданско-храмовой общины (минуя многочисленные случаи выступления греков в контрактах в качестве контрагентов, напомним лишь примеры их появления в качестве свидетелей при сделках — VS 47 — 192 г. до н. э.; BRM 40 — 162 г. до н. э.; BRM 48—160 г. до н. э.; A 3690—133 г. до н. э.; OM V—162—150 гг. до н. э.; гаранта—A 32114=A 32115—164 г. до н. э.). Кроме того стоит напомнить факт упоминания грека Сосандра, сына Диодора, сына Стратона (??) с характеристикой Uruk^{KI}-a-a «урукит», каковое определение соответствует демотикону в греческих полисах. Можно привести еще пример грека, посвятившего рабыню храмам Урука (см. выше); можно припомнить и факты смешанных браков и т. п.

Включение греков в общественную и деловую жизнь урукской общины имело своим последствием проникновение греческих имен в среду урукитов-вавилонян.

Вероятно, и даже несомненно, что в этой обстановке при Антиохе III произошло расширение внутренней и государственно-правовой компетенции гражданско-храмовой общины в направлении приближения ее статуса к статусу эллинистического полиса. Хорошим показателем такой акции может послужить изменение титула (или названия должности) правителя Урука, каковым, как мы помним, при Ануубаллите I (Никархе) служил ^hšaknu ša Uruk, а далее, при Ануубалт-сункби, стал ^hGAL ^hSAG āli и в таком виде был унаследован его сыном, Ануубаллитом II (Кефалоном).

Другим показателем возрастания роли и значения гражданско-храмовой общины при Антиохе III можно считать женитьбу ее правителя на гречанке Антиохиде, дочери Диофанта. Здесь речь идет отнюдь не только о смешанном браке. Чтобы оценить этот факт по достоинству, нужно вспомнить, что политика династических браков, применявшаяся и ранее Селевкидами с обычной для таких браков целью укрепления связей (или зависимости) с соседними (или подвластными) странами, приобрела особенно широкий размах при Антиохе III. Нам известно шесть таких фактов. Одна из дочерей Антиоха III была замужем за Птолемеем V Эпифаном; другая — за пергамским царем Евменом II; третья — помолвлена с бактрийским царевичем; четвертая, по имени *Ἀντιοχίς* (Антиохиды), была женой каппадокийского царя Ариарата IV³⁶. Антиохидой же звали одну из сестер Антиоха III, выданную им замуж за правителя армянского царства Софена Ксеркса, чем был урегулирован конфликт с этим полузависимым от Селевкидов царством. В этой истории, рассказанной Полибием³⁷, фигурирует еще племянник Антиоха III Митридат, судя по имени — плод брака между каким-то восточным династом,

---

³⁶ H. H. Schmitt, *Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit*, „Historia“, Einzelschriften, Heft 76, Wiesbaden, 1964, стр. 23–26.

³⁷ Polyb., VIII, 23 (25), 1–5.

иранским или, скорее, опять-таки, армянским, и одной из сестер Антиоха III³⁸.

'Αντιοχίς в качестве женского имени встречается не иначе как только среди отпрысков рода Селевкидов³⁹, и мы не ошибемся, связав и нашу Антиохиду ('An-ti-'-i-ki-su — 'Αντιοχίς) Урукскую с этим родом, если не с отцовской стороны—отца ее звали Диофантом (однако и это не исключено—Диофант мог быть представителем одной из ветвей рода Селевкидов), то, хотя бы, с материнской (т. е. предположив, что мать Антиохиды принадлежала к роду Селевкидов и была выдана замуж за Диофанта).

Итак, если Антиох II в свое время пожаловал правителя Урука Ануубаллита I греческим именем Никарх (судя по имени, возможно, также за какие-либо ратные подвиги), то Антиох III сделал большее—он выдал замуж девушку из своего рода за современного ему правителя Урука Ануубаллита II, носившего также греческое имя Кефалон (по-видимому, к этому времени—к концу III в., греческие имена уже не могли стать объектом специального пожалования, будучи в значительной мере распространенными в негреческой среде державы Селевкидов).

Третий этап, как мы помним, характеризуется, с одной стороны, появлением в урукских документах множества новых лиц греческого происхождения, а с другой—обилием в них урукитов-вавилонян с греческими именами. Как бы ни интерпретировали первое из указанных явлений, второе из них состоит в тесной связи, если не в зависимости от него. И оба вместе, несомненно, знаменуют дальнейшие попытки укрепле-

³⁸ M. Holleaux, *Études d'épigraphie et d'histoire grecques*, III: Lagides et Séleucides, P. 1942, XVI: Ardys et Mithridates („Hermes“, 1912, стр. 481—491), стр. 192; Գ. Սարգսյան, *Սեփարդոս Գ. Սելևկյանը և հայկական պետությունները* (Г. Саркисян, Антиох III Селевкид и армянские государства), «Вестник Ереванского университета», 1969, № 1, стр. 47—48.

³⁹ Кроме упомянутых выше Антиохид—сестры и дочери Антиоха III, это имя носила также дочь Ахея (*Strab.*, XIII, 4, 1), родича Селевкидов, возможно—младшего брата Антиоха I (см. J. Seibert, *Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit*, Wiesbaden, 1967, „Historia“, Einzelschriften, Heft 10, S. 54). Она была женой пергамского царя Аттала I (*Strab.*, *ibid.*). 'Αντιοχίς именовалась также одна из афинских фил.

ния связей гражданско-храмовой общины с центральной властью Селевкидов. Этот этап начинается со времени правления Антиоха IV Эпифана (175—164 гг. до н. э.), пытавшегося—в значительно более сложных внутренних и внешних условиях и более сумбурно—возродить и продолжить охарактеризованную выше политику Антиоха III, и продолжается при его преемниках, вплоть до Деметрия II (145—140 гг. до н. э.).

Несравненно более вероятной интерпретацией факта появления новых членов общины—греков, мы, как было уже сказано, считаем не включение в ее состав уже ранее проживавших в Уруке греков, почему-либо остававшихся вне рамок общины, а новую волну греческих колонистов—результат стремления Селевкидов укрепить греческий элемент в восточных областях державы перед лицом стремительно и опасно нараставшей парфянской экспансии на запад в период правления царя Митридата I (170—139 гг. до н. э.)—основателя могущества Парфянского государства.

Существенных результатов эта политика, однако, уже не дала и не могла дать, вследствие общего ослабления Селевкидской державы, представлявшей собой лишь военно-политическое объединение и стоявшей на пороге исчерпания своих объединительных ресурсов. После 140 г. до н. э. Вавилония, и вместе с ней Урук, подпадает под власть парфянских Аршакидов.

Четвертый этап жизни греков и бытования греческого влияния в Уруке, таким образом, протекал уже в условиях власти Аршакидов, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Естественным результатом этого было постепенное исчезновение имен греков и вавилонян с греческими именами в урукских документах. 130-е гг. дают лишь три контракта с упоминанием лиц этих категорий, а в более поздний период исчезают и сами деловые документы, демонстрируя, очевидно, постепенную деградацию клинописной нотариально-правовой системы.

В заключение необходимо попытаться определить место рассмотренного материала в постановке и решении проблемы *Graeco-Babyloniaca*. Основной вопрос состоит в том, какой из аспектов проблемы — социальный, экономический, политический или культурный — больше затрагивает этот материал.

Общий взгляд на изложенное выше склоняет скорее к выдвиганию на передний план политического, в определенной мере — и социального, и в существенно меньшей мере экономического и культурного аспектов. По счастью, у нас имеется весьма примечательный факт и несколько других моментов, позволяющих апробировать это мнение. Речь идет о сравнении двух родословий—генеалогического древа, ведущего начало от Ануубаллита I Никарха и древа семьи Ануубаллита II Кефалона, берущего начало от его отца Анубалатсуикби. Первое из них хорошо документировано (см. табл. I), второе же восстанавливается в своих некоторых звеньях с долей обоснованной предположительности, но в целом и его картина реалистична (см. табл. II). При сравнении наблюдается коренная разница в составе имен. Если родословие семьи Кефалона почти сплошь состоит из лиц с греческими именами, то в родословии Никарха, кроме его собственного имени, нет ни одного греческого имени. Наше объяснение этой разницы заключается в том, что в силу каких-то не известных нам обстоятельств Никарх был отрешен от власти, род его отошел на задний план на политико-административной арене Урука, потеряв контакт с Селевкидами, и был замещен в этом качестве родом Анубалатсуикби. Передача им по наследству своей должности сыну—Кефалону, вкупе с женьбой Кефалона на представительнице рода Селевкидов, прочно связало с последними и все потомство семьи.

Вспомним теперь, что подавляющая масса вавилонян-урукитов, носивших греческие имена, принадлежала к родовому объединению Ахуту; однако ведь и Никарх со своим потомством также принадлежал к этому объединению и, тем не менее, для них греческих имен не нашлось. Дело, следовательно, было не просто в принадлежности к этому родовому объединению, но к его определенной ветви или ветвям. Отметим также, что из прочих урукских родовых объединений, судя по урукским документам—не только не менее многочисленных, но и не уступавших Ахуту в отношении экономического веса или социального положения,—таких, как объединение ЛуштамарАдада, Экурзакира, Силекиунинини, Хунзу, и менее емких—Кури, ГимилАну и других—лишь два первых из перечис-

ленных, были причастны, да и то в минимальной степени (см. выше) к греческим именам, а остальным они и вовсе чужды. Все это сильно сужает рамки того круга урукской общины, в котором были распространены греческие имена, и вместе с тем придает этому кругу специфический, а именно—политико-административный оттенок.

Итак, апобация подтверждает сделанное выше заключение. Если же специально обратиться к требующему особого отношения вопросу—вследствие нахождения его в центре внимания исследователей эллинизма — о проникновении греческой культуры в вавилонское общество, то в рамках рассмотренного материала его содержание ограничивается тем немногим, что могло быть привнесено в указанный узкий круг вместе с греческими именами. Из общей же картины этого материала, напротив, складывается впечатление об определенной степени включения самих греков в устоявшуюся в течение тысячелетий вавилонскую цивилизацию. В этом же направлении побуждает думать и тот факт, что не урукская гражданско-храмовая община была преобразована в эллинистический полис, явление, наблюдаемое во многих частях Селевкидской державы, не обладавших столь высокой степенью сопротивляемости, а, напротив, греческая колония была растворена в урукской общине. В этом же смысле мы склонны оценивать факты смешанных браков.

Не желая никак предварять выводы по этому вопросу, какие могут быть сделаны на основании совершенно иного круга источников, относящихся к материальной и духовной культуре и т. п. и происходящих из иных областей той же Вавилонии или даже из самого Урука, все же хотим отметить, что, при оценке взаимодействия двух великих цивилизаций, невозможно сбросить со счетов выводов, вытекающих из данного конкретного, представленного в настоящей работе материала.

ПЕРЕЧЕНЬ ГРЕЧЕСКИХ ИМЕН
ИЗ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ УРУКА⁴⁰

'Αγαθαλῆς	A-ga-ta-uq-le-e (VAT 17923:16, п. р.)
'Αθηνάδης?	A-ta-né-e-du-su (BRM 52:1)
'Αθηνίωv	A-te ₉ -e-ni-ú-nu (КГЭ 15568:1, 14, 17, п. р.)
'Αθηνόδωρος	A-te ₉ -e-nu-ú-du-ur-su (КГЭ 15568:1, п. р.)
'Αθηνόφιλος	A-te ₉ -e-nu-ú-pi-lu-su (КГЭ 15568:1, 14, п. р.)
'Αλέξανδρος	A-lek-si-an-dar (VAT 17923:10, 13, 18, 20)
'Αλέξιππος	A-lek-se-e-up-pu-su (BRM 52:1, 3)
'Ανδρόνικος	An-dar-ni-qu-su (VS 13:4; A 3690:о. с. 7)
'Αντιοχίς	^f An-ti-'-i-ki-su (A 3678:о. с. 4; VS 7:5, 14)
'Αντισοχς	An-ti-'-i-ku-su (VS 30:16 ⁴¹ , 23; 31:2; п. р.; BRM 37:9; VAT 16468:2; A 32115:4)
	An-ti-i-ku-su (VS 37:14)
	An-ti-'-ku-su (VS 37:16)
'Αντίπατρος	An-ti-'-pa-át-ru-su (TCL 346:12, 14, 16, 17)
	An-ti-pá-ḫi-ru-su (A 3689:о. с. 2)
	An-ti-pa-aḫ-ru-su (OM V:2)
	A-ḫi-páḫ-ru-su (Sp. 297:22)
'Απολλωνίδης	A-pu-ul-lu-ú-ni-de-e (BRM 48:9)
'Απολλωνοῦς	A-pi-lu-nu-ú-su (VS 44:10, 14, 16, 17)
'Αριστεύς?	Ar-ri-si-ḫe-'-wu ₄ -su (VAT 16474:20, 23, 25, п. р.)
'Αριστοκλῆς	A-ri-is-tu-uq-la-e (A 3690:о. с. 7)
'Αριστοκράτης	A-ri-si-tu-ug-gi-ra-te-e (A 3498:4, 9)
	A-ri-is-tu-'-gi-ra-te-e? (<i>Röllig</i> , 381)
'Αριστων	A-ri-is-tu-ú-nu (VS 50:12)
	A-ri-is-tu-un (BRM 53:21, в. р.)
'Αρτεμίδωρος	Ar-te-mi-du-ú-ru (MLC 2159)
	Ar-te-mi-du-ur (A 32114:23, в. р. = A 32115:22, в. р.)
'Αράχνη?	^f A-ra-ḫu-na' (BRM 53:2, 9, 16, 17)
'Αρχίας	Ar-ki-'-a (Rut. VII:3, 10)
'Αττινάς?	At-tu-nu (VS 50:12)
	At-ta-ti-na-'a (MLC 2159)
Δημήτριος	De-e-miḫ-ri-su (Rut. VII:3,10)
	De-me-ḫi-ri-ḫa (BRM 55:1)
	Di-i-me-ri-ḫi-ḫa (BRM 55:13)
Δημοκράτης	De-e-mu-uq-ra-te-e (BRM 53:1; Sp. 297:23)

40 Имена царей в перечень не включены, ибо деловые документы дают лишь часть их упоминаний; прочие содержатся в культовых, астрономических и других текстах, не входящих в рамки настоящей работы. Сокращения: в. р.—верхнее ребро; л. с.—лицевая сторона; н. р.—нижнее ребро; о. с.—оборотная сторона; п. р.—правое ребро.

41 Вместо *Ал* выписано ^d*Алу*—ошибка писца: ср. стк. 23 того же текста, где слог выписан правильно.

Δία, Δῖα	^f Di-a (A 3671:2, 5)
Διδωρος	Di-'du-ur-e-su (BRM 40:34) Di-i-du-ur-su (TCL 246:12, 18)
Διουλής	Du-ú-qu-le-e (OM V:36; n. p.)
Διουσία	Di-i-ni-'i-si-'a (VS 13:10, 13, 16, 18, 19)
Δισφάνης	Di-'pa-né-e (MCL 2165) Di-i-pa-né-' (BRM 55:15, 19) Di-pa-né-e (VS 14:23)
Δισφάντος	Di-'ú-pa-an-tu-us-su (A 3678:o. c. 4) Di-'pa-at-tu-su (A 3682:5, 10,13) Di-i-pa-tu-su (BRM 55:10,13; VAT 16488:5) Di-pa-tu-su (BRM 55:16) Di-ip-pa-tu-su (BRM 53:21; A 3690:λ. c. 1, ο. c.1)
Ἡραγόρας?	ἩAr'-ri-gar-su (VS 46:32)
Ἡρακλίδης	E-ra-aq-qu-li-de-e (VS 13:20) E-ra-aq-li-di-i (VS 13:11) He-ra-qu-li-de-e (VAT 17923:17, n. p.) ⁴²
Ἡρασιών	E-pe-su-ti-ú-nu (OM V:33)
Ζωρός, Ζώρος	Zu-ur-su (Rut, VII:11 дважды) Zu-ú-ur-su (BRM 49:14); Zu-[ú-ur]-su (TCL 340:7)
Ἰσιδωρος	I-si-du-ur-su (VS 30:12; OM V:n. p.)
Ἰσιθεός	I-si-te-ú-su (VS 30:12)
Κεφάλων	Qé-ep-lu-ú-nu (VAT 16490:12; 17923:15; Rut. VII:11; Sp. 297:23; A 3678:o. c. 5; 3682:6, 10, 13; 3687:3; ΚΓΘ 15568:2; VS 36:16. n. p.) Qé-ep-lu-un-nu (см. выше, стр. 183, прим. 5) Qé-ep-lu-ú-'u (BRM 55:14, 17) Qé-ep-lu-ú (BRM 55:10) Qé-ep-lu-ú (VS 12:6)
Νικάνωρ	Ni-qā-nu-úr (BRM 53:8) Ni-i-qa-nu-ru (VS 47:30) Ni-iq-nu-ru (TCL 340:7) Ni-in-nu-ú-ru (VS 13:4) ⁴²
Νικαργός	Ni-iq-ar-qu-su (VS 34:23; 47:15; ΚΓΘ 15568:12, 21; VAT 16474:28; A 3685:2, 8, 11, 23; 3489:5) Ni-i-qi-ar-qu-su (BRM 31:19; 20; 33:28, 29, 32) Ni-iq-ar-qu-ú-su (BRM 44:34; MLC 2197) Ni-qi-qa-ar-qu-su (см. выше, стр. 183, прим. 5) Ni-qi-ar-qu-su (A 3680:30) Ni-iq-ar-ku-su (VS 32:24) Ni-iq-ar-ra-su (MLC 2159) ⁴³ Ni-iq-qa-r-su (VS 48:29) ⁴³ Ni-iq-ar-qu-ra (BRM, 38:5) ⁴³

⁴² См. выше, стр. 189, прим. 18.

⁴³ См. выше, стр. 194 прим. 25.

Νικολός	Ni-iq-qu-ú-la-wu ₄ -ú-su (BRM 48:8)
	Ni-qa-la-wu ₄ -us-su (A 32114:16=32115:16)
Σέλευκος	Se-lu-ku (VAT 17923:16, π. p.)
Στρατών??	Is-sa-ru-ú-tu-nu (BRM 40:34)
	Is-si-ra-ti-nu (VS 14:23)
	I-si-ra-te-ú-nu (MLC 2165)
	I-si-ra-tu-' (BRM 55:15)
	I-[sar?]-tu-ú-nu (VS 47:30)
Σωσανδρός	Su-ú-sa-an-dar (BRM 40:34, v. p.)
Τιμάλας?	Ti-ma-la-e (A 32114:4=32115:5) ⁴⁴
Τιμαράτης	Tim-gi-ra-te-e (BRM 37:9, 14, 17; A 2523:o. c. 2)
	Ti-'-uq-ra-te!-e (A 32114:4=A 32115:4) ⁴⁵
Φανεία	^f Pa-na-a (A 32114:16=A 32115:16)
Φίλιππος	Pi-il-pi-li-su (VS 25:10, 20)
	Pi-il-pi-su (VS 17:5, 6, π. p.)
-δημος? -εμος?	[xxx]-de-mu-su (A 3690:10)
-αράτης? -στράτης?	[^f xxx]-ra-te-e (A 3687:1, 15)
	Ni?-ka?-nu?-mu?-su? (A 3690:o. c. 1, v. p.)

⁴⁴ См. выше, стр. 188, прим. 14.

⁴⁵ См. выше, стр. 198, прим. 34.

ИГРАР АЛИЕВ, ГАРДАШХАН АСЛАНОВ

ПЛЕМЕНА САРМАТО-МАССАГЕТО-АЛАНСКОГО КРУГА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В настоящее время вопрос о проникновении на территорию Азербайджана¹ на рубеже и в первые века нашего летоисчисления сармато-массагето-аланских племен можно ставить и решать на основании как данных письменных источников, так и археологии.

Судя по материалам Мингечаурского некрополя, в первой половине I в. насельники этой зоны еще продолжали хоронить своих покойников в больших кувшинах². Других погребальных обрядов в это время здесь не засвидетельствовано.

Картина резко нарушается лишь во второй половине I в., когда в Мингечауре появляются новые погребальные сооружения и обряды. При продолжающем некоторое время быто-

---

¹ Имеется в виду территория совр. Азерб. ССР. Следует отметить, что ираноязычные племена стали проникать в интересующую нас зону, по-видимому, еще на рубеже II—I тыс. до н. э., во всяком случае—в самом начале I тыс. до н. э. Этому вопросу мы посвятим специальное исследование.

² О кувшинных погребениях Мингечаура см. *Е. А. Пахомов*, Кувшинное погребение из Мингечаура, «Изв. Азерб. ФАН СССР», 9, 1944; *М. М. Иващенко*, Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии, «Изв. АН Азерб. ССР», 1, 1947; *С. М. Казиев*, Археологические раскопки в Мингечауре, МКА, 1, 1949; *он же*, Минкэчевирдэ археоложи јадикарлар, там же; *С. М. Газыјев*, *Г. М. Асланов*, Ики куп гәбри һаггында, МҚА, II, 1951; *Г. И. Ноне*, Еще раз о датировке кувшинных погребений, ДАН Азерб. ССР, IV, 10, 1948; *он же*, Мингечаурские кувшинные погребения с оружием, ҚСИИМҚ, 60, 1955; *Т. И. Голубкина*, Материалы к истории албанских племен Кавказа по данным кувшинных погребений Азербайджана (автореферат), Тбилиси, 1952.

вать обряде кувшинных погребений, здесь, по-видимому, одновременно или почти одновременно появляются погребения в катакомбах³.

Катакомбы раннего периода, как правило, заключают в себе погребения в кувшинах и срубах. Лишь несколько позднее, начиная с III в., в Мингечаурской округе появляется, так сказать, чисто катакомбный обряд захоронения.

Говоря о появлении катакомбных погребений в районе Мингечаура, мы не можем не обратить внимания на следующие обстоятельства.

Катакомбные погребения I—IV вв., принадлежность которых аланам⁴ в настоящее время никем не оспаривается⁵,

---

³ Катакомбных погребений в Мингечаурской зоне (на левом берегу р. Куры) обнаружено более двухсот. Нами завершена монография о катакомбных погребениях Мингечаура.

⁴ Аланское объединение оформилось на базе родственных племенных групп—массагетов—Средней Азии, с одной стороны, и сарматов Поволжья и Южного Приуралья—с другой. Среднеазиатско-Приуральские связи алан не подлежат сомнению. Это явственно отмечается в этнической терминологии и языке, в терминах политической и культурной жизни, в материальной культуре и т. д. (см. *J. Charpentier*, *Die ethnographische Stellung der Tocharer* ZDMG, 71, 1917; *H. Sködt*, *Die ossetinischen Lehnwörter im ungarischen*, LUG, NF. 1, 20, 4, 1925, стр. 73 сл.; *G. Vernadski*, *Sur l'origine des Alains*, *Byzantion*, XVI, 1, 1944; *H. W. Bailey*, *Asica* TPhS, London, 1946; *он же* *Irano-Indica*, BSOAS, XIII, 1, 1949; *B. H. Абаев*, *Среднеазиатский политический термин афшин*, ВДИ, 2, 1959; *Б. А. Калоев*, *Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин. Происхождение осетинского народа*. Орджоникидзе, 1967, стр. 118 сл.; *он же*, *Скифо-сармато-алано-осетинские параллели. История, археология и этнография Средней Азии*, М., 1968; *он же*, *Осетины*, М., 1971). И все это совсем не удивительно, ибо асси-асианы (языги?; см. *В. И. Абаев*, *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, 1, М.—Л., 1958, стр. 79—80; *Ю. С. Гаглойти*, *Аланы и вопросы этногенеза осетин*, Тбилиси, 1966, стр. 167 сл.; *он же*, *К истории северокавказских аорсов и сираков*, ИЮОН ИИ АН Груз. ССР, XV, 1968, стр. 30—31), составлявшие какое-то единство с аланами, аорсы, в среде которых в значительной мере вызревал аланский этнос (см. ниже), были племенами среднеазиатского происхождения и входили в состав Массагетской конфедерации (см. ниже).

Здесь же необходимо указать, что иранское происхождение алан и самого этнонима их никогда не вызывали сомнений у серьезных ученых. Имя „алан“ вне всякого сомнения восходит к общему этнониму ариев и иранцев — агуа. откуда др.-иранск. *āryāna* — („арийский“), безупречным с фонетической стороны осетинским оформлением которого является

обнаружены на всей территории Северного Кавказа⁶. С I века аланы, как кажется,— уже господствующее племя края⁷.

Письменные источники сообщают о набегах алан на страны Закавказья и прилегающие области в I—III вв.⁸ Важно,

---

аллон (В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, стр. 47). Об этнониме алан см. также А. Freiman, *Ossetica*, *Rocznik Orientalistyczny*, III, 1927, стр. 159; В. А. Абаев, ОЯФ, I, М.-Л., 1949, стр. 156; I. Gershevitch, *Word and Spirit in Ossetic*, BSOAS, XVIII, 1955, стр. 485; H. W. Bailey, *Iranian Arya- and Daha-*, JPhS, 1959, стр. 97; Г. Ахледуани, Сборник избранных работ по осетинскому языку, Тбилиси, 1960, стр. 211 сл. Есть и другие, менее удачные этимологии интересующего нас этнонима (см. например, *Vernadski*, указ. соч., *Byzantion*, XVI, 1, 1944, стр. 82). Однако ни одна из научных интерпретаций термина «алан» не выходит за рамки иранского, в крайнем случае—индоевропейского языкового материала. Все утверждения о тюркском происхождении этнонима «алач», об «изначальной тюркоязычности» аланских племен и т. д. см. У. Б. Алиев (выступление). О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, стр. 251; К. Г. Лайпанов, О тюркском элементе в этногенезе осетин, Происхождение осетинского народа, стр. 208 и др.; Х. И. Хаджилаев, К топонимике Карачая. Из истории Карачаево-Черкесии, Тр. КЧНИИ, VI, Ставрополь, 1970, стр. 374; М. А. Хабичев, О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах, СТ, 2, 1970, стр. 69 и др. не выдерживают критики, вполне находят за пределами науки и не нуждаются в опровержении по крайней мере с точки зрения филологии, археологии, истории и антропологии.

⁵ Л. Г. Нечаева, Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Исследования по археологии СССР, Л., 1961; В. Б. Виноградов, Сарматы Северо-Восточного Кавказа, Грозный, 1963; *он же*, Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III—I вв. до н. э. СА, 1968, № 1, стр. 48, сл.; Р. М. Мунчаев, Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии СА, 1965, № 2, стр. 174 сл.; М. П. Абрамова, Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии, СА, 1963, № 3, стр. 114. сл.; *она же*, Исследование Нижне-Джуглатского могильника в 1967 г., КСИА, 124, 1970; Е. П. Алексеева, Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, М., 1971, *passim*; Т. М. Минаева, К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным, Ставрополь, 1971.

⁶ См. исследования, указанные в примечании 5.

⁷ См. В. Б. Виноградов, Сарматы..., стр. 105 сл.

⁸ Об этом сообщают Иосиф Флавий («О войне иудейской», VII, 7, 4), Моисей Хоренский (II, 50), Дион Кассий (LXIX, 15) и другие авторы. См. также: Т. Моммзен, История Рима, М., 1949, стр. 356—357, 365; К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 125 сл., 130 сл.; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии.

что эти сообщения подтверждаются данными археологии и иными материалами, красноречиво свидетельствующими о пребывании в этих районах алан⁹.

Археологические памятники свидетельствуют о проникновении в первые века нашего летосчисления и даже несколько раньше племен сармато-массагето-аланского круга на территорию Дагестана¹⁰, южные районы которого, по-видимому, входили в состав Мазкутского царства¹¹. В Дагестане этого времени археологически засвидетельствованы многочисленные памятники материальной культуры сарматского и сарматондского облика. Здесь немало сарматских предметов вооружения, различного рода пряжек, бус и т. д. Встречается и сарматская керамика, отдельные элементы которой близки ялойлутепинской на территории Азербайджана¹². В областях Да-

---

Тбилиси, 1959, стр. 344 сл., 357 сл.; В. Б. Виноградов, Сарматы... стр. 165 сл.; N. S. Debevoise, Political history of Parthia. Chicago, 1938, стр. 20 сл.

⁹ Интересно, что в ряде случаев материальные следы пребывания алан удается обнаружить именно в тех областях, куда они, судя по письменным источникам, ходили походами. Это можно утверждать в отношении Грузии, зоны Мингечаура, Дайламана (вспомним сообщения хотя бы Иосифа Флавия и Диона Кассия о походах алан в Мидию) и др. районов. О катакомбных захоронениях Дайламана см. Namio Egami and Shinji Fukai, Seichi Masuda, Dailaman, II. The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960. The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition, Report 7. The Institute for Oriental Culture the University of Tokyo, 1966; T. shihik) Sono and Shinji Fukai, Dailaman, III, The Excavations at Hassani mahale and Ghalekuti, 1964. The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report 8. The Institute for Oriental Culture the University of Tokyo, 1968. См. также рец. Ю. А. Заднепровского на первую из названных книг в СА, I, 1969.

¹⁰ Е. Н. Крупнов, Новый памятник древних культур Дагестана, МИА СССР, 23, 1951; К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА СССР, 23, 1951, стр. 226 сл.; он же, Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, МАД, II, 1961, стр. 167 сл.; В. Г. Котович, Новые археологические памятники Южного Дагестана, МАД, I, 1959, стр. 145, 154 сл.

¹¹ О Мазкутском царстве см.: С. Т. Еремян, Страна «Махелония» надписи Каба-и-Зардушт. ВДИ, 1967, 4, стр. 55; В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, М., 1963, стр. 108 сл.

¹² В. И. Марковин, Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан), КСНА, 124, 1970, стр. 95.

тестана обнаружены катакомбные захоронения¹³ и группы населения с деформированными черепами¹⁴. Письменные же источники сообщают о пребывании здесь массагетов-алан¹⁵.

¹³ В. Г. Котович, ук. соч., МАД, 1, 1959, стр. 148 сл.

¹⁴ Там же, стр. 148, 151.

¹⁵ См. Аммиан Марцеллин, XXIII, 5, 16. Аланы, о которых говорит этот автор, могли быть только на территории Южного Дагестана и Северного Азербайджана.

Вопрос о массагетах и племенах, входивших в эту конфедерацию, имеет очень важное значение для понимания проблем этнической истории алан (см. ниже).

Мы выше уже отмечали, что племенные группы, в среде которых в значительной мере вызревал аланский этнос, входили в состав Массагетской конфедерации. Здесь же следует указать на то, что по Аммиану Марцеллину аланы—массагетского происхождения. Нельзя не указать также на Страбона (XI, VIII, 8), отметившего родство массагетов и хорасмиев. А хорезмийский язык, как указывал А. Бируни (см. С. Волин, К истории древнего Хорезма, ВДИ, 1, 1941, стр. 194), был близок аланскому (см. также W. В. Henning, Über die Sprache Chvaresmier, ZDMG, 90, NF, 15, 3/4, 1936, стр. 28 сл.).

Массагеты времен Геродота—довольно неопределенное название кочевых скифоязычных племен, по-видимому, северной части Средней Азии и Казахстана. Есть основания полагать, что уже Геродот (I, 153) включал массагетов в число саков. Массагеты, как кажется, представляли собою один из наиболее крупных сакских племенных союзов. Mas-saka-t должно означать «большие (великие) саки», т. е. «большая сакская орда» (см. А. Christensen, Die Iranier. München. 1933, стр. 250; J. Junge, Saka Studien. Leipzig, 1939; W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951). По этому вопросу имеются и иные точки зрения (ср. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 243).

Есть основания ранних массагетов античных авторов отождествлять с saka tigraxaudā (см. А. Hermann, Massagetai RE, XXVIII).

В связи с саками нельзя не упомянуть и то, что они, по-видимому, были известны источнику Геродота (III, 92) под названием «ортокорибантис», которые вместе с париканиями (жителями Маннейского царства?) входили в состав Мидийской сатрапии и жили, очевидно, на территории Азербайджана (см. Н. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 338; Нерар Алиев, История Мидии, Баку, 1960, стр. 103, 230). Хорошо известно, что название «ортокорибантис» является переводом древнеперсидского tigraxaudā, а последнее—это эпитет одной из групп сакских племен, см. А. Kiessling, Zur Geschichte der ersten Regierung Darius Hystaspes. Leipzig, 1900, стр. 17; см. также J. Junge, Orthokorybantier. RE. В IV в. до н. э. сакесины, вместе с кадусиями и албанами участвовали в качестве союзников Мидийского сатрапа Атропата в войне персов с Александром Македонским (Arr., III, 8, 4; III, II, 4).

До алан в зоне Дагестана и, как кажется, в районах, расположенных южнее, почти несомненно побывали аорсы, археологические следы которых, быть может, засвидетельствованы в Таркинском могильнике¹⁶.

По-видимому, сами аорсы—выходцы из аральско-сырдарьинских областей и входили в Массagetскую конфедерацию¹⁷. Продвижение аорсов и других среднеазиатско-казах-

---

Саки, судя по всему, вместе со скифами приходили в Азербайджан в VIII—VII вв. Об этом говорит не только этно-топонимическое Сака-сена —, название Скифского царства на территории Азербайджана, — (о Скифском царстве см. *E. Cavaignac, A propos du début de l'histoire des Médes. JA, 249, 2, 1961, стр. 156*), — и то, что в одном из текстов VII в. киммерийцы названы саками (см. *R. C. Thompson, The British Museum Excavation of Nineveh, 1931—1932, AAA, XX, Liverpool, 1933*. На эту работу указал нам Э. А. Грантовский, за что выражаем ему свою признательность).

¹⁶ По мнению К. Ф. Смирнова (Археологические исследования в районе дагеставского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951, стр. 271—272) утидорсы Плиния (VI, 38), очевидно, албано-сарматское племя, образовавшееся вследствие смешения удинов-витиев и аорсов. Возможно, однако, и то, что этноним «утидорсы» означает «утийские аорсы»; ср. формы: *lyko-sygoi* («ликийские сирийцы»), *celto-ligures* («кельтские лигуры»), *celto-scythae* («кельтские скифы») и др., см. *Гр. Кананян, Хаяса—колыбель армян, 1948, стр. 172*.

¹⁷ Сложение аорского союза племен в последние века до н. э. можно проследить по археологическим данным. В работах К. Ф. Смирнова выдвинуто и обосновано положение о том, что протоаорсы были создателями нового союза Приуральских сарматских племен. В прохоровское время (IV в. до н. э.) в областях Южного Поволжья существует уже союз Верхних аорсов. Но К. Ф. Смирнов в прохоровской культуре Приуралья очень тонко подметил казахстанско-нижнесырдарьинские сако-массагетские элементы (см. *К. Ф. Смирнов, Савроматы, М., 1964, стр. 286 сл.*). Если верно, что носители языка *toxri* именовались *arsi*, т. е. аорсами (см. *H. W. Bailey, указ. соч., BSOAS, XIII, 1, 1949, стр. 135*; ср. *A. J. Van Windekens, Les noms des ārçi-toxares (A) et des āinous. BNF, 1, 1966/67, стр. 323 сл.*), то вхождение аорсов (тохаров) в массагетскую конфедерацию, как кажется, не должно вызывать сомнений (см. *С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 244*; ср. *W. W. Tarn, указ. соч., стр. 80—81*). Правда, трудно сказать, входили ли тохары изначально в массагетскую конфедерацию. Но, несомненно, что есть немало оснований связывать упоминаемых позднее в китайских источниках Больших юэ-чжи (которых отождествляют с тохарами, см. *Ю. Н. Перух, Тохарская проблема. Народы Азии и Африки, 1963, 6, стр. 118 сл.* Ср. также *С. П. Толстов, Ук. соч., стр. 244—245*. Однако другие исследователи идентифицируют

станских племен в североприкаспийские и более западные и юго-западные области следует, по-видимому, поставить в связь с «тохарским завоеванием»¹⁸.

юэ-чжи с асиями-асианами, см. *W. W. Tarn*, ук. соч., стр. 284 сл. Наконец, некоторые считают их сакским племенем, см. *J. E. van Lohuizen de Leeuw*, The „Scythian“ period. Leiden, 1949, стр. 43 сл.) с ветвью массагетов (*J. Klaproth*, Tableaux historiques de l'Asie, depuis le monarchie de Cyrus jusqu'au nous jours. Paris, 1826, стр. 287. *O. Franke*, Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Scythen Zentralasiens. Berlin, 1904, стр. 25; *С. П. Толстов*, ук. соч., стр. 244), откочевавшей в свое время на восток до границ Монголии (в III в. до н. э.), а затем под натиском гушнов вторгшейся в Среднюю Азию (см. *G. Haloun*, Zur Ue-tsi Frage. ZDMG, 91, 1937, стр. 240 сл.). Где-то в последние века до н. э. или на рубеже ее именно эти тохаро-аорские элементы, наравне с другими среднеазиатско-казахстанскими этническими группами, как полагаем мы, влились в состав того союза, который К. Ф. Смирнов, следуя Страбону, называет союзом Верхних аорсов. Само наименование союза восходит к этнониму aors—arsi. Судя по китайским источникам, в Северном Прикаспии во всяком случае уже во II в. до н. э. существует страна Яньчай (см. *С. П. Толстов*, Древний Хорезм, стр. 21). Совершенно бесспорно, что название Jen-ts'ai или An-ts'ai восходит к „Аорсам“—arsi (см. *J. Marquart*, Untersuchungen zur Geschichte von Eran, II, Leipzig, 1905, стр. 83 сл.).

¹⁸ Продвижение аорсов и других среднеазиатско-казахстанских племен в североприкаспийские и более западные области, следует по-видимому, поставить в связь с „тохарскими“ завоеваниями (ср. *J. Harmatta*, Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1952, стр. 28; *он же*, Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia, Budapest, 1952, стр. 10, сл.). Говоря об этих кочевых племенах, Страбон (XI, 8, 2) называет в числе их аснев, пасиан, тохаров и сакараулов, которые вышли из-за сырдарьинских областей. Юстин же, упоминая о сарауках и асианах, называет их то скифами, то тохарами (XLI, XLII, 1—2), а в оглавлении XLII книги Помпея Трога, как явствует из Юстина, сообщалась, как „асиане, став царями тохар, погубили сакараваков“ („сака хаумаварга“, „скифы амюргии“, см. *С. П. Толстов*, Древний Хорезм, стр. 243, 244; ср. *Б. А. Литвинский*, Саки, которые за Согдом. Тр. АН Тадж. ССР, СХХ, 1960). Как кажется, аорсов в Приаралье знает и Птолемей (см. *J. Harmatta*, Studies on the History..., стр. 28). Возможно, это племя известно Плинию (VI, 48) под названием Arsi.

Перечисленные выше племена массагетской конфедерации, несомненно, сыграли наравне с сарматами важную роль в формировании аланского этноса. Но особенно, по-видимому, значительной была роль аорсов-тохаров, явившихся, очевидно, важным этническим компонентом алан.

Наш интерес к аорсам, кроме всего прочего, объясняется еще и следующими обстоятельствами.

В последние три века до н. э. аорсы были самым сильным объединением, господствовавшим над северо- и северозападно-прикаспийскими областями. Они, по словам Страбона, «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидян»¹⁹. Уже одно это обстоятельство должно свидетельствовать о роли и значении аорсского элемента в Прикаспийской полосе Дагестана и Азербайджана. Здесь же необходимо отметить, что керамика астраханской группы сарматов, т. е. той группы, которую уверенно можно связать с аорсами²⁰, и ялойлутепинской культуры Азербайджана являет черты сходства²¹. Сарматские элементы в кувшинных погребениях Азербайджана²² также, по-видимому, следует объяснить влиянием аорсов.

Все сказанное выше и некоторые другие обстоятельства, которых мы коснемся ниже, дают основания считать, что племена сармато-массагето-аланского круга уже на рубеже нашей эры проникали через Дербендский проход на территорию Прикаспийской полосы Азербайджана²³.

Важно указание китайского источника о том, что где-то на рубеже I—II вв. «Владение Яньцай переименовалось в Аланья (A-lan-pa)» [см. *Н. Я. Бичурин*, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II, М.—Л., 1950, стр. 229]. И позднее аланы, как кажется, назывались «ал-Ларисийа (что = арсийа, арисийа, см. *В. Ф. Минорский*, История Ширвана и Дербенда, стр. 193) и они являются переселенцами из окрестностей Хорезма» (там же, стр. 193—194).

В связи с аорсами следует упомянуть и аланорсов. Говоря об аорско-аланских этногенетических связях, нельзя не отметить очень важные тохарско-осггинские языковые соответствия (см. *В. И. Абаев*, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 137—138).

¹⁹ Страбон, XI, 5, 8.

²⁰ К. Ф. Смирнов, Савроматы, стр. 290.

²¹ К. Ф. Смирнов, Сарматские племена Северного Прикаспия, КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 110.

²² К. Ф. Смирнов, ук. соч., МИА, 23, стр. 260.

²³ Ср. указание Аммиана Марцеллина (XXIII, 5, 16). Между прочим, у Анонима Равеннского, данные которого восходят к IV—V вв., patria Albania и patria Massageton упоминаются рядом, см. С. Т. Еремян, ук. соч., ВДИ, 4, 1967, стр. 57.

У одних писателей массагеты западного Прикаспия скрываются под названием скифов²⁴, у других—алан²⁵, которых некоторые считают частью скифов²⁶. Правда, иногда массагеты и аланы упоминаются одновременно, в одном и том же кочтексте²⁷.

Мазкуты, упоминаемые армянскими²⁸, а позднее арабскими²⁹ авторами, как племена, обитающие у западного побережья Каспия, несомненно, тождественны массагетам³⁰, обитанию которых в указанной области, по соседству с албанами, говорят также античные авторы³¹. Именно здесь было создано государство, упоминаемое в I в. в связи с парфяно-римскими отношениями³². Это так называемое Царство мазкутов³³.

Хотя топонимика интересующего нас района и язык его татского населения специально не изучались с точки зрения выявления в них остатков скифо-сармато-аланских элементов, однако на кое-что в этом отношении уже обращено внимание.

Можно, например, указать на то, что названия рек Самур и Рубас (на территории Маската) означают по-осетински соответственно «куница» и «лиса»³⁴. Название села на Апшеронском полуострове Маштага (из Машгата) объясняется как

---

²⁴ В частности, у Тацита, *Анн.*, II, 68. Интересно, что Носиф Флавий (*Иудейские древности*, XVIII, 4, 97), говоря об аланах у Дарьяльских ворот, называет их также скифами.

²⁵ См., например, Аммиан Марцеллин, XXIII, 5, 16.

²⁶ См. *Носиф Флавий*, О войне иудейской, VII, 7, 4.

²⁷ У Аванция Ширакаци (автора VII в.) названы: мидяне, албаны, лины, аланы, амазонки, чилбы, массагеты (см. *С. Т. Еремян*, ук. соч., ВДИ, 1967, стр. 51).

²⁸ Наиболее ранние упоминания мазкутов имеются у Фавста Бузанда (*История Армении*, Ереван, 1953, кн. III, гл. 5—7).

²⁹ См. *В. Ф. Минорский*, *История Ширвана и Дербенда*, стр. 64.

³⁰ У нас нет никаких оснований считать, как это делала К. В. Тревер (ук. соч., стр. 193—194; ср. по этому поводу: *С. Т. Еремян*, ук. соч., ВДИ, 4, 1967, стр. 54—55), что мазкуты и массагеты разные племена. См. также *Ю. С. Гаглойти*, *Аланы и вопросы этногенеза осетин*, стр. 153.

³¹ См. *Иггар Алиев*, *Сармато-аланы на пути в Иран. История иранского государства и культуры*, М., 1971, стр. 200.

³² См. *С. Т. Еремян*, ук. соч., ВДИ, 4, 1967, стр. 56.

³³ См. там же, стр. 57.

³⁴ См. *В. Ф. Минорский*, ук. соч., стр. 110.

«массагеты». Хороним Машкур, соответствующий армянск. Мазкут, арабск. Маскат, также восходит к имени массагетов³⁵.

Название прохода Чора (Чола), район южнее Дербенда, по-видимому, также можно объяснить при помощи скифо-сарматских языковых материалов³⁶.

В областях западного Прикаспия источники наши локализируют «абасгов, называемых также массагетами». Один из авторов прямо пишет: «Абхаз (то же что и абасг.—авт.)— это страна мазкутов, находящаяся на берегу моря Врканской страны»³⁷.

Этно-географическое и политическое название Абхаз// абасг, наравне с Маскатом, часто упоминается в источниках³⁸. Нет сомнения в том, что во всех этих случаях речь идет о племени массагетского происхождения, каковым, с нашей точки зрения, могло быть племя, вернее, какие-то группы племени апасиаков (т. е. «водных саков») ³⁹, которые, как полагают, тождественны «массагетам болот» Страбона⁴⁰. Они вместе с другими массагетскими элементами вторглись в область западного Прикаспия⁴¹.

Есть некоторые данные, свидетельствующие о каких-то связях между апасиаками и парнами⁴², откуда вышла парфянская династия Аршакидов⁴³. Интересно, что позднее какие-то группы апаринов—Апарнов обитали в области Баласакан-Каспиана⁴⁴, которая примыкала к государству Мазкутских Аршакидов на территории Азербайджана⁴⁵.

³⁵ Там же.

³⁶ См. А. Хромов, Новые материалы по лексике языка ягнобцев Acta orientalia, XXX, 1966, стр. 135.

³⁷ См. С. Т. Еремян, ук. соч., ВДИ, 4, 1967.

³⁸ Там же, стр. 55.

³⁹ См. С. П. Толстов, По следам древней хорезмийской цивилизации М.—Л., 1948, стр. 99—104.

⁴⁰ Там же, стр. 104.

⁴¹ Этому вопросу мы намерены посвятить специальную статью.

⁴² См. С. П. Толстов, ук. соч., стр. 124.

⁴³ J. Wolski, Arsaces I, fondateur de l'etat Parthe, Eos, 38, 39, 1937 1938.

⁴⁴ См. у С. Т. Еремяна (ук. соч., ВДИ, 4, 1967, стр. 56), который ссылается в данном случае на автора V в. Египше.

⁴⁵ См. карту «Армения в I—IV вв.», составленную С. Т. Еремяном для «Атласа Армянской ССР», стр. 104. По мнению С. Т. Еремяна (Рас-

Хотя прикаспийская полоса Азербайджана археологически обследована слабо⁴⁶, тем не менее можно утверждать, что в интересующей нас зоне имеются явственные следы сармато-массагето-аланских культур. Прежде всего, необходимо отметить, что среди погребенных в каменных ящиках (зона Шемахи) встречаются индивиды с деформированными черепами. Об аланском влиянии говорят и детали погребального обряда: вытянутое трупоположение, резко бросающиеся в глаза черты огненного ритуала, захоронение вместе с покойниками собак и т. д. В инвентаре каменных ящиков встречаются также типично сармато-аланские вещи, в частности, пряжки с треугольной обоймой. Особо следует отметить железный однолезвийный меч-палаш и т. д.

В свете сказанного выше небезынтересно отметить, что уже Птолемей под Азиатской Сарматией разумел всю территорию Прикаспия—от устья Волги до устья Куры⁴⁷.

Что же можно сказать о северо-западной зоне Азербайджана, где, как уже упоминалось выше, обнаружены катакомбные погребения?

В Мингечауре обнаружено более двухсот катакомбных погребений. Катакомбы, как тип могильного сооружения, погребальный обряд, зафиксированный в них, деформированные черепа части погребенных, часть инвентаря, обнаруженного в этих погребениях — все это является новым для зоны Мингечаура, появляется здесь внезапно и не только не имеет местной традиции, но и не находит по существу никаких аналогий в местной среде.

селение горских народов Кавказа по Птолемию и «Армянской географии» VII в., Труды VII МКАЭН, 8, М., 1970, стр. 403), апархи были представителями правящей династии кавказских массагетов.

⁴⁶ Об археологических раскопках в этой зоне см. Ч. Э. Халилов, Хыныслы гэдим јашајыш јери, Изв. АН Азерб. ССР, 3, 1963; он же, Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании, СА, I, 1962; он же, Хыныслыда археолоји газынтыларын илк нәтијәләри һаггында, МКА, VI, Баку, 1965.

⁴⁷ См. Игерар Алиев, ук. соч., История иранского государства и культуры, стр. 205.

Упомянутые явления, чуждые культуре автохтонного населения северо-западных районов Азербайджана, со всей определенностью свидетельствуют о проникновении на эту территорию нового этнического элемента. Однако тут же встает вопрос: какого, откуда пришедшего?

Пытаясь дать этническую атрибуцию культуры катакомбных погребений, обнаруженных в северо-западной зоне Азербайджана, мы должны отметить, что уже с I в. н. э. аланы начинают просачиваться на земли Картлийского (Иберийского) царства⁴⁸, на что указывают данные письменных источников⁴⁹, ономастики⁵⁰ и археологии⁵¹. Очень важно отметить, что в Грузии I—III вв.⁵², так же как в Азербайджане и других районах Кавказа⁵³, археологически засвидетельствованы племенные группы с деформированными черепами, каковыми в ту пору в областях Кавказского перешейка могли быть только сармато-аланы, у которых (точнее, алан) этот обычай становится этническим признаком⁵⁴.

---

⁴⁸ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 344.

⁴⁹ Там же

⁵⁰ Там же, стр. 356; В. И. Абаев, Вокруг арамазской билингвы. САН Груз. ССР, 1944, № 8; он же, О некоторых осетинских элементах в грузинском. ТИЯ АН СССР, VI, 1956; см. также Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета—древней столице Грузии. ВДП. 2, 1948; М. К. Андроникашвили, Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям, Тбилиси, 1966 (на груз. языке); W. B. Henning (Mitteliranisch Handbuch der Orientalistik, I, Bd. IV, Abschn. 1. Leiden-Köln, 1958, стр. 38 сл.), считал, что иранские языки Иберии и Атропатены (об иранском языке Атропатены см. также А. Г. Периханиян, Арамейская надпись из Зангезура. ИФЖ АН Арм.ССР, 4, 1965) должны быть близки.

⁵¹ См. Г. А. Ломтадзе, Некрополь II века в Кддеети, Тбилиси, 1957.

⁵² М. Г. Абдушелишвили, К краниологии древнего и современного населения Кавказа, Тбилиси, 1966, стр. 49; он же, К палеоантропологии самтаврского могильника, Тбилиси, 1954, стр. 15.

⁵³ См. хотя бы Т. М. Минаева, Могильники Байтал-Чапкан в Черкесии, СА, 1956, XXIV, стр. 254.

⁵⁴ См. К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья, ДСИФ МГУ, 1947, № 5, стр. 82.

Уже в 70-ые годы I века⁵⁵ эти воинственные подвижные племена⁵⁶ «привлекли на свою сторону половину Иберии»⁵⁷. Следовательно, аланы вплотную или почти вплотную подошли к северо-западной зоне современного Азербайджана, к той территории, на которой обнаружены катакомбные погребения.

Данные письменных источников позволяют считать, что проникновение алан и в названный район Азербайджана относится к I в. и связано с их известным походом в страны Закавказья и далее на юг в 72 г. Аланы, «будучи в союзе с иберийским⁵⁸ царем⁵⁹, прошли через Дарьяльский проход и напали «огромной массой на ничего не подозревавших мидян... дошли до Армении, все опустошая»⁶⁰.

Для нашей темы исключительно важно то, что, судя по одному из наших источников, «народ аланский» после грабительского набега, о котором говорилось выше, возвращается на север, «переходит через великую реку Кур и лагерем располагается на северном берегу реки»⁶¹. Другой наш источник, правда, зависящий от только что цитированного⁶², еще более уточняет место, которое избрали возвращающиеся из похода аланы. Судя по «Картлис цховреба», аланы «стали лагерем в Камбечоване на р. Иори и начали дележ пленных и добычи»⁶³.

Итак, судя по письменным источникам, достоверность сведений которых подтверждается перекрестной проверкой⁶⁴, аланы в 70-х годах I в. появились в Камбечоване—Камбисене

⁵⁵ См. Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 344—345.

⁵⁶ См. Рассуждения В. Н. Абаева (Из истории слов, Этимология, 1966, М., 1968, стр. 244—246) о русском диалект. аланец «непоседа».

⁵⁷ Моисей Хоренский, II, 50. Ср. интерпретацию этого места у Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 247.

⁵⁸ Путаница возникла от того, что в источнике речь шла о царе «гирканцев». Позднее было разъяснено, что у античных авторов названием Нугсапіа обозначалась и Иберия (арм. Միգակ); см.: К. В. Тревер. Очерки..., стр. 126; Г. А. Меликишвили, К истории..., стр. 348.

⁵⁹ См. Иосиф Флавий, О войне иудейской, V, 7, 4.

⁶⁰ Там же. Приблизительно то же сообщают «Картлис цховреба» (см. Г. А. Меликишвили. К истории..., стр. 346 и сл.) и Моисей Хоренский (II, 50).

⁶¹ См. Моисей Хоренский, II, 50.

⁶² См. Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 346.

⁶³ Там же, стр. 346—348.

⁶⁴ В. Б. Виноградов, Сарматы..., стр. 133.

античных авторов⁶⁵. Чрезвычайно интересно, что именно на части территории исторической Камбисены—в зоне Мингечаура⁶⁶ и, что очень важно—на левом берегу Куры и именно с I в. появляются первые катакомбы, новые погребальные обряды и индивиды с деформированными черепами⁶⁷—носители культуры катакомбных погребений.

Как уже отмечалось выше, аланская этническая принадлежность катакомбных захоронений сарматского времени на Северном Кавказе не может вызывать сомнения. Нет также никаких оснований считать мингечаурские катакомбы погребениями местных племен. Уже одно то обстоятельство, что в I в., в период аланских походов, в зоне Мингечаура появляются неизвестные здесь ранее погребальные сооружения, новые погребальные обряды и частично инвентарь, чуждые старым местным культурам, но тождественные тем, которые приносили с собой в завоеванные области аланы в I в. и позднее, позволяет уверенно говорить о вторжении в северо-западные районы Азербайджана нового этнического массива—алан.

Основная масса мингечаурских катакомб чрезвычайно близка по своим показателям к самым древним из числа известных нам аланских катакомб—нижнеджулатским, причем, так называемого I типа⁶⁸. Нижнеджулатские катакомбы II типа⁶⁹ в Мингечауре не встречаются.

На протяжении более шестисот лет существенных изменений в конструкции мингечаурских катакомб не наблюдается, что должно свидетельствовать о едином характере погребальных сооружений и одинаковых приемах их устройства на протяжении всей катакомбной поры (I—VII вв.) в Мингечауре.

Тщательное изучение мингечаурских катакомб⁷⁰ показало, что они по конструкции, форме и размерам своим в общем

---

⁶⁵ *Игерар Алиев*, ук. соч., История иранского государства и культуры, стр. 201.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Р. М. Касимова*, Антропологическое исследование черепов из Мингечаура, Баку, 1960, стр. 42 сл.

⁶⁸ О них см. *М. П. Абрамова*, Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. КСИА, 124, 1970, стр. 88 сл.

⁶⁹ Там же, стр. 91.

⁷⁰ Исследование катакомб Мингечаура проделано авторами этих строк в монографии, которая сдана в печать.

и целом, часто и в деталях укладываются в серию сармато-аланских или, быть может, вернее аланских катакомб поздней античности и раннего средневековья. Входные ямы—дромосы, сегментовидной формы отверстия—лазы, прикрытые камнем или кирпичем, эллипсовидной, очень редко удлинённо-прямоугольной формы с закругленными углами камеры с куполообразно вырубленными потолками и т. д. —это типично аланские катакомбы, широкораспространённые на Северном Кавказе и хорошо известные в Мингечауре. Поскольку это так, то никакого сомнения в том, что катакомбы принесены в зону Мингечаура быть не может. Допустить возможность гетерогенного, независимого происхождения мингечаурских катакомб нельзя, тем более, что против этого свидетельствуют и многие другие обстоятельства.

Что касается оборудования погребальных камер и деталей погребального обряда в начальный период существования культуры катакомбных погребений на территории Мингечаурского округа (I—III вв.), то они несколько отличаются от, так сказать, чисто аланских.

Хотя и встречаются вытянуто уложенные костяки, но значительная часть покойников похоронена в скорченном положении в кувшинах или срубках, помещённых в катакомбные камеры. В инвентаре, наравне с аланскими, встречается немало предметов местных форм. Среди погребённых встречаются индивиды как с деформированными, так и недеформированными, даже плохо, неумело деформированными черепами⁷¹.

Существование в начальный период у мингечаурских катакомбников как аланских обрядов, так и обрядов, отличных от аланских, не должно нас смущать—так обычно бывает в зоне, где контактируют этнические группы с различными погребальными обрядами. Достаточно сослаться на Нижне-Джуклатский могильник⁷².

---

71 На это обстоятельство указала нам в частной беседе Р. М. Касимова, которая, как и мы, полагает, что индивиды со слабо и плохо деформированными черепами были, по-видимому, представителями местного населения.

72 См. М. П. Абрамова, *ук. соч.*, КСИИ, 124, 1970.

Типичной чертой сармато-аланских захоронений⁷³, засвидетельствованной в мингечаурских катакомбах, является наличие в погребальной камере заупокойной пищи—обычно обезглавленных тушек овец. Для мингечаурских катакомб, как и для сармато-аланских погребений⁷⁴, нередки случаи, когда в могиле имеются лишь отдельные части животных, например ноги и лопатки и т. д. (иногда в миске)⁷⁵, рядом с которыми (как у сармато-алан)⁷⁶, как правило, железный нож.

Нельзя не упомянуть о том, что в мингечаурских катакомбах уже раннего периода среди ритуальных предметов, кроме кусочков угля, мела, меловых бус и т. д., обнаружены песчаник, шлак, галька или булыжники, куски серы, реальгар и т. д., что не может не указывать на сармато-аланский погребальный обряд как на источник мингечаурского погребального ритуала⁷⁷.

В катакомбах Мингечаура мы встречаемся и с такими типично сармато-аланскими по своему характеру особенностями, как, например, положение в погребальную камеру грецких орехов, панцирей черепах, захоронение собак и т. д.⁷⁸

Особенно важно отметить, что в раннекатакомбное время на территории Мингечаурского катакомбного некрополя засвидетельствованы погребения коней⁷⁹. Вполне возможно, что часть этих захоронений — это погребальные тризны, хорошо известные, например, сармато-аланским племенам бассейна Дона⁸⁰.

Самих покойников в мингечаурских катакомбах хоронили в одеяниях с украшением, оружием и т. д. На погребенных,

---

⁷³ *Исраф Алшев*, ук. соч., История Иранского государства и культуры, стр. 203—204.

⁷⁷ Там же, стр. 204.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же, стр. 204.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ См. *С. И. Капошита*, Сарматы на Нижнем Дону. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, стр. 167; *С. А. Плетнева*, О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья. Исследования по археологии СССР, Л., 1961, стр. 181 сл.

как и в аланских катакомбах Северного Кавказа⁸¹, иногда удается проследить остатки савана.

Среди инвентаря мингечаурских катакомбных погребений есть немало явно сармато-аланских вещей. К таковым в первую очередь относятся типично сарматские поясные пряжки— круглые, полукруглые, овальные и четырехугольные с подвижным накидным язычком, с пластинчатой обоймой-щитком и без нее⁸². Появляются новые бусы, набор которых близок аланскому⁸³. Встречаются, и уже в довольно большом количестве, различного рода характерные подвески. Интересно отметить, что подвески-амулеты с фигурками оленей появляются в Мингечауре еще на рубеже нашей эры⁸⁴. Широко распространяются различные колокольчики⁸⁵. В Мингечауре первых веков нашего летосчисления обнаружено некоторое количество сармато-аланского оружия. Здесь, кроме мечей с кольцевым навершием, встречаются также небольшие ножи и кинжалы с таким же навершием⁸⁶.

Явный упадок керамического производства в Мингечауре следует объяснить особенностью быта проникавших сюда сармато-алан. В быту кочевника весьма важную роль играла деревянная посуда и различные кожаные изделия, в большом количестве встречающиеся в погребальных камерах катакомбников уже начиная с I в.

Таким образом, несмотря на наличие определенного местного влияния (погребальные кувшины, скорченность, часть инвентаря и т. д.), общая тенденция в формах погребальных сооружений, в погребальных обрядах и не в малой мере в инвентаре явно аланская (катакомбы, деформация черепов, следы огненного ритуала, мел и т. д., предметы одежды, некоторые украшения, оружие, и т. д.), которая со временем все более крепнет и становится ведущей линией развития в среде катакомбников Мингечаура вплоть до того времени, когда

---

81 *Играр Алиев*, ук. соч., История Иранского государства и культуры, стр. 203.

82 Там же, стр. 204—205.

83 Там же.

84 Там же.

85 Там же.

86 Там же.

здесь начинает преобладать христианство, приведшее к нивелировке погребальных ритуалов и т. п.

Все сказанное выше позволяет заявить, что носителями культуры катакомбных погребений, культуры, появившейся в Мингечаурской округе в последней трети I в. были аланы, совершившие в 70-х годах I в. свой грабительский набег на страны Закавказья и смежные области.

Уже в конце III в. катакомбно-кувшинный и катакомбно-срубный обряды в Мингечауре окончательно выходят из погребальной практики. Побеждает собственно аланский обычай — деревянная или глиняная подстилка под покойником становится необходимым атрибутом катакомбных могил интересующей нас зоны.

В указанный период (во всяком случае не позднее начала IV в.) в мингечаурских катакомбах, так же как и в известных нам аланских погребениях⁸⁷, северная ориентировка покойников становится господствующей.

В Мингечауре с III—IV вв. закрепляется типично сармато-аланский погребальный обычай⁸⁸ — положение покойника вытянуто на спине. Руки и ноги усопших часто уложены явно по сармато-аланскому обычаю⁸⁹.

Важно отметить, что четко проявляющиеся черты сармато-аланских погребальных обрядов, о которых только что говорилось, появляются в Мингечауре одновременно или почти одновременно с тем, когда указанные черты ритуала стали широко распространяться вместе с их носителями в областях Нижнего Дона, на Северном Кавказе и в других районах⁹⁰.

В Мингечаурском катакомбном некрополе позднего периода продолжают сохраняться и усиливаться элементы аланского погребального обряда, о которых уже говорилось выше. В инвентаре катакомб, так же как и прежде, много аланских вещей.

Все сказанное должно свидетельствовать о том, что и в позднокатакомбный период между «колонией» и «метропо-

⁸⁷ Там же, стр. 202.

⁸⁸ Там же, стр. 202—203.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, стр. 203.

лей» поддерживались интенсивные связи. Объяснить одинаковые формы погребального обряда, существовавшие в позднесарматское время на территории Мингечаура и в обширных районах обитания сармато-аланских племен, иначе нельзя⁹¹.

Рассмотренный выше материал со всей определенностью позволяет считать, что носителями культуры катакомбных погребений на территории Мингечаурской округи были вне всякого сомнения аланы.

Таким образом, можно утверждать, что в бурную эпоху передвижений значительных групп ираноязычных племен и народов на рубеже и в первые века нашей эры в областях прикаспийской полосы и в северо-западной зоне Азербайджана, так же как и в некоторых соседних районах, хозяйничали племена сармато-массагето-аланского круга.

Массагето-аланские племена прибрежной полосы Азербайджана являли собою в этническом и политическом отношении живую реальную силу еще, по-видимому, в начале второго тысячелетия нашего летосчисления.

Что же касается аланского элемента в северо-западных областях Азербайджана, то он, как кажется, начал сходить с исторической арены и, по-видимому, был ассимилирован соседствующими племенными группами где-то около конца VII в. Именно в это время стали под влиянием христианства⁹² выходить из погребальной практики катакомбы⁹³ и обряды, связанные с ними, хотя отдельные проявления катакомбных

---

⁹¹ Там же.

⁹² Как свидетельствуют письменные источники (см. хотя бы *Моисей Каганкатвацци*, История Агван, СПб., 1861, стр. 33 сл.), борьба христианства с дохристианскими культурами и обычаями, особенно жестокой была в Гамбече, т. е. в Камбисене античных авторов.

⁹³ В мингечаурских катакомбах встречаются изображения крестов. Такие встречаются и в катакомбах Северного Кавказа. Однако в отличие от мингечаурских катакомб с крестами, где покойники захоронены по языческому (катакомбному) обычаю, например, в пальчинских катакомбах с крестами чувствуются явные христианские элементы—западная ориентировка, скрещенные на груди руки и т. д. (см. *В. А. Кузнецов*, Аланские племена Северного Кавказа, МИА, 106, стр. 18).

погребальных традиций⁹⁴ встречаются в этой зоне и позднее⁹⁵.

---

⁹⁴ Это чувствуется в положении и позе погребенных раннехристианского периода. В частности, руки их почти всегда уложены по обычаю катакомбников, ноги часто перекрещены. Катакомбная традиция чувствуется и в инвентаре: фибулах, бусах, поясных пряжках, ножах и т. д.

⁹⁵ По-видимому, до IX—X вв.

Л. А. ТЕР-ПЕТРОСЯН

О ЗНАЧЕНИИ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ МАРУТЫ МАЙФЕРКАТСКОГО

Агиографический сборник Маруты Майферкатского¹, в котором описываются события «великих гонений» на персидских христиан в IV в. (340—379 гг.), открывается простран-ным предисловием, посвященным восхвалению святых мучеников. Оно содержится в двух сирийских кодексах² и издано П. Беджаном под условным заглавием «Первая речь о славе и мужестве святых мучеников Восточной страны»³. Предисловие написано с соблюдением всех жанровых особенностей прозаической гомиллии, принятых в христианских литературах Востока. Здесь имеются ораторские приемы, гиперболические сравнения, библейские параллели и т. д. Используя эти средства, автор старается создать определенное героико-эмоциональное настроение, подготовить читателя к усвоению нравсучительного содержания сборника. Фактический материал в предисловии занимает небольшое место и в некоторых случаях повторяет сведения, содержащиеся в отдельных мар-

¹ *E. Assemani*, *Acta sanctorum martyrum orientalium et occidentalium*, I vol., Romae, 1748, стр. 1—210; *P. Bedjan*, *Acta martyrum et sanctorum*, t. II, Paris, 1891, стр. 57—396 (в дальнейшем—AMS).

² Рукопись № 96 (VII—VIII вв.) библиотеки Диярбекирского сирийского патриаршества и № 161 (IX—X вв.) сирийского собрания Ватиканской библиотеки. Диярбекирская рукопись известна в сириологии по двухтомной копии, сделанной в 1879 г. в Мосуле и хранящейся в настоящее время в Марбургской библиотеке (№ 1256—1257). См. *J. Assjalg*, *Syrische Handschriften*, Wiesbaden, 1963, стр. 53—59.

³ AMS, стр. 57—122. В качестве заглавия, ввиду его утери, Беджан выбрал заключительное предложение предисловия.

тириях. Главное внимание в нем отведено созданию обобщенного образа мученика, идеала борца за христианскую веру. Автор сначала дает общие сведения о «великих гонениях», описывает разнообразные пытки и способы умерщвления жертв, затем переходит к восхвалению мучеников. Здесь наиболее сильно проявляются его ораторский талант и красноречие. Друг за другом следуют интересные аллегории, живописные сравнения, к месту вводятся библейские легенды и предания.

Научная ценность предисловия к сборнику Маруты Майферкатского заключается, однако, не только в том, что оно является прекрасным литературным произведением, ярким образцом сирийской художественной прозы V в., но и в том, что принадлежит предполагаемому составителю сборника, тем самым предоставляя возможность для решения многих проблем при исследовании сборника. Кроме того, предисловие имеет также большое значение с точки зрения изучения социальной истории сасанидского государства — содержащиеся в нем некоторые исторические сведения известны только по этому источнику.

Однако сирийский оригинал предисловия до нас дошел не полностью. По причине древности рукописей, как объясняет Беджан, в начале предисловия утрачен большой отрывок, почти одна треть всего текста (40 страниц по изданию)⁴. Полный текст предисловия сохранился в составе армянского перевода сборника Маруты Майферкатского и издан Г. Тер-Мкртчяном под заглавием «Мученичество многих мучеников Востока, которые погибли за Христа»⁵. Перевод выполнен Авраамом Зенакаци Исповедником в 50-х гг. V в.⁶ В армянской версии предисловия тоже имеются лакуны, однако, к счастью, в конце

⁴ AMS, стр. 57.

⁵ Արրանմու խոստովանողի Վկայք Արեւելից, աշխատասիրութեամբ Պ. Տեր-Մկրտչյան, Էջմիածին, 1921, стр. 5—94 (в дальнейшем — ГТМ (=Г. Тер-Мкртчян).

⁶ Об армянском переводе сборника Маруты Майферкатского см подробнее: Ե. Տեր-Մինասյան, Արրանմու խոստովանողի Վկայք Արեւելիցը և ասորական սկզբնատիպը, «Բանբեր Հայաստանի դիտ. ին-տի», 5. Ա-Բ, 1921—1922, стр. 114—126. Новое издание: Ե. Տեր-Մինասյան, Պատմա-բանասիրական հետազոտություններ, Երևան, 1971, стр. 65—87.

текста⁷. Перевод же отличается высоким уровнем исполнения, изяществом языка и исключительной точностью, благодаря чему он приобретает особо важное значение для текстологической критики сирийского оригинала. Однако самым большим достоинством армянского перевода предисловия является то, что в нем содержится утраченный отрывок сирийского оригинала, который занимает первые 40 страниц армянского текста по изданию Г. Тер-Мкртчяна⁸. Но для убеждения в том, что эта часть армянского перевода действительно является утраченным отрывком сирийского оригинала предисловия, а не присоединенным к нему самостоятельным сочинением армянского автора, требуются дополнительные доказательства. Решение этой проблемы затруднено тем обстоятельством, что язык армянского текста ничем не выдает сирийский архетип, в нем почти полностью отсутствует влияние сирийского языка. К счастью, этот отрывок армянского текста содержит большое количество библейских цитат, с помощью которых задача все же получает свое решение. При сличении этих цитат с соответствующими местами сирийской (Пешитта), армянской и греческой (Септуагинта) версий Библии выясняется, что они полностью совпадают с чтениями сирийской версии. Из этого, естественно, следует, что вышеупомянутая часть армянского текста предисловия является переводом с сирийского языка. Если бы автором этого текста был армянский писатель, то приведенные цитаты должны были быть почерпнуты из армянской версии Библии, которая переведена с греческого языка. Однако армянская и греческая версии Библии дают совсем отличные от предисловия и сирийской версии чтения. В этом можно убедиться на следующих конкретных примерах.

---

⁷ В армянской версии предисловия отсутствуют следующие отрывки сирийского оригинала: 72 строки по изданию Беджана на стр. 63—66 (ГТМ, стр. 52); 9 строк на стр. 78 (ГТМ, стр. 62); 8 строк на стр. 79—80 (ГТМ, стр. 63); 17 строк на стр. 81—82 (ГТМ, стр. 65); 25 строк на стр. 86—87 (ГТМ, стр. 70); 12 строк на стр. 89 (ГТМ, стр. 71); 8 строк на стр. 107 (ГТМ, стр. 93); страницы 108—122 по изданию Беджана (ГТМ, стр. 93, между последними абзацами). Армянским переводчиком и позднейшими редакторами и переписчиками пропущена, по-видимому, лишь незначительная часть этих отрывков, а в основном эти пропуски вызваны плохим состоянием рукописей.

⁸ ГТМ, стр. 5—44.

а) Иеремия, 8, 14.

«Ибо Господь Бог наш определил нас на погибель»⁹.

Арм. текст предисловия	Арм. версия Библии	Сентуагинта	Пешитта
<p>դի Տէր Առաւելած կար- կեցոյ զմեզ.</p> <p>Ибо Господь Бог застави нас молчать.</p>	<p>դի Տէր Առաւելած մեր ընկեց զմեզ.</p> <p>Ибо Господь Бог наш бро- сил нас.</p>	<p>ὅτι ὁ θεὸς ἀπέρριψεν ἡμᾶς.</p> <p>Ибо Бог бро- сил нас.</p>	<p>mejul d-marya 'alahān šatqan.</p> <p>Ибо Господь Бог наш заставил нас молчать.</p>

Как видно, слово *կարկեցոյ* (заставил молчать) армянского текста предисловия не могло быть заимствовано ни из армянской, ни из греческой версий Библии, в которых вместо этого слова имеется *ընկեց*, ἀπέρριψεν (бросил). Оно точно совпадает с чтением Пешитты — šatqan (заставил нас молчать).

б) Исайя, 24, 20.

«Укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев»¹⁰.

Арм. текст предисловия	Арм. версия Библии	Сентуагинта	Пешитта
<p>և թաքիր մինչև փոքր մի անցքե բարեւ թիւն իմ.</p> <p>И укройся на мгновение, по- ка не пройдет гнев мой.</p>	<p>Թաքիր առ ժամա- նակ մի մինչև անց- քե բարեւ թիւն տիւան.</p> <p>Укройся на время, пока не пройдет гнев Господа.</p>	<p>ἀποκρύβηθι μικρὸν ὅσον ὅσον, ἕως ἂν παρέλθῃ ἡ ὀργὴ κυρίου.</p> <p>Укройся на мг- новение, пока не пройдет гнев Господа.</p>	<p>w- 'ettaša qallil z'or 'ad 'abar rūgzi.</p> <p>И укройся на мгновение, пока не пройдет гнев мой.</p>

Здесь также имеется полное совпадение, с одной стороны, армянской и греческой версий Библии (гнев Господа), с другой — армянского текста предисловия и Пешитты (гнев мой).

⁹ ГТМ, стр. 24. Русский перевод библейских цитат дается по Синодальному изданию Библии 1913 г. См. Библия или книга Священного писания Ветхого и Нового завета, издание XI, СПб., 1913.

¹⁰ ГТМ, стр. 38.

«Войдешь во гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время»¹¹.

Арм. текст предисловия	Арм. версия Библии	Септуагинта	Пешитта
<p><i>Մտցես հանդրստեամբ ի դերեզման իրրի զգադիչ, որ հանդիսի ի ժամանակի.</i></p> <p>Войдешь спокойно во гроб как гадииш (сноп пшеницы), который убирается в свое время.</p>	<p><i>Եւ երթիցես ի զերեզման իրրի զգորեան ի ժամանակի հնձեալ.</i></p> <p>И пойдешь во гроб как пшеница, убранный в свое время.</p>	<p>Ἐλεύσῃ δὲ ἐν τήρῳ ὡσπερ σῖτος ὥριμος κατὰ καιρὸν θερισόμενος</p> <p>И пойдешь во гроб как созревшая пшеница, убранный в свое время.</p>	<p>wa-te'ol niħa'it l-qabrā 'ayk messaq gdiša b-zabneh.</p> <p>Войдешь спокойно во гроб как гдиша (сноп пшеницы), который убирается в свое время.</p>

В этом примере цитата армянского текста предисловия совпадает с Пешиттой уже в трех элементах. Это --- слово *մտցես*, te'ol (войдешь), вместо которого в армянской версии Библии и в Септуагинте имеется *երթիցես*, ἐλεύσῃ (пойдешь); слово *հանդրստեամբ*, niħa'it (спокойно) вообще отсутствует в армянской и греческой версиях Библии; слово *զագիչ*, gdiša (сноп пшеницы, скирда) в армянском тексте предисловия просто оставлено без перевода. Влиянием Пешитты надо объяснить также то, что в армянском тексте предисловия понятие „убирать“ выражено словом *հանդիսի* „поднимать“ (вместо *հնձիլ*), точно так, как сирийское слово *messaq* (slq).

«Преданы также будете и родителями и братьями»¹².

Арм. текст предисловия	Арм. версия Библии	Греч. оригинал	Пешитта
<p><i>Մասնեացն զձեզ ճորբ ձեր և եղբարբ.</i></p> <p>Предадут вас отцы ваши и братья.</p>	<p><i>Մասնեաջիբ և ի ծնողաց և յեղբարբ.</i></p> <p>Преданы будете и родителями и братьями.</p>	<p>Παροδοθήσεσθε δὲ καὶ ὑπὸ γονέων, καὶ ἀδελφῶν.</p> <p>И преданы будете и родителями и братьями.</p>	<p>našimunkōn den 'abahaḡkōn w-'aħaḡkōn.</p> <p>И предадут вас отцы ваши и братья.</p>

¹¹ ГТМ, стр. 26.

¹² ГТМ, стр. 28.

Самым существенным в этом отрывке является совпадение армянского текста предисловия с Пешиттой по конструкции предложения — в обоих текстах она активная, тогда как в армянской версии евангелия и в греческом оригинале это предложение имеет пассивную конструкцию. Не случайно также то, что в армянском тексте предисловия и в Пешитте перед *հորք ձեր*, 'abahaḳōn (отцы ваши) отсутствует союз «и». Далее, вместо греческого слова γονεὺς (родитель) в армянском переводе следовало бы ожидать слово *ծնող*, как имеется в армянской версии Библии, а не *հորք* (отцы), соответствующее сирийскому слову 'abāhē, основным значением которого (наряду с *родителями*) является именно «отцы». Греческое слово γονεὺς (родитель) тоже иногда употребляется в значении «отец», или армянское *հորք* (отцы), наоборот, в значении «родители», но это не их корневое и основное значение.

Приведенные сопоставления не оставляют сомнения в том, что вышеупомянутый отрывок армянского текста предисловия к сборнику Маруты Майферкатского переведен с сирийского. Тем более, что совпадения не случайны и имеется еще несколько аналогичных примеров¹³. Сирийское происхождение армянского перевода предисловия подтверждается также тем, что в «Хронике Карки де Бет-Селох», которая написана в VI в.¹⁴, сохранился сирийский оригинал небольшой части утраченного отрывка¹⁵. Этот факт сам по себе имеет большое значение для истории сирийской литературы, так как он говорит о существовании преемственной традиции в сирийской агиографии и о компилятивном характере «Хроники Карки де Бет-Селох». С другой стороны, мы имеем дело с интересным явлением в текстологии, когда связь между двумя независимыми оригинальными сочинениями обнаруживается благодаря переводу одного из них. Как показывает сопоставление текстов, автор «Хроники» дословно переписал из предисловия к сборнику Маруты Майферкатского около 2 страниц (по изданию Беджа-

¹³ Следует добавить, что определение языка архетипа с помощью библейских цитат может иметь существенное значение и при изучении других памятников древнеармянской переводной литературы.

¹⁴ A. Baumstark, *Geschichte der syrischen Literatur*, Bonn, 1922, стр. 135.

¹⁵ AMS, стр. 533—535 = ГТМ, стр. 28—31.

на) — все описание способов умерщвления христиан¹⁶. Для наглядности ниже приводятся небольшие фрагменты из этих текстов.

*Арм. текст. предисловия*¹⁷   *Хроника Карки де Бет-Селох*¹⁸

Какой только ужасной смерти не подвергали могучих мучеников нечестивые судьи, или какими только горькими пытками не терзали верных слуг Христа враги церкви?...

Одних угнетали голодом и жаждой, пока не изнурялись их тела и не умирали, других в полдень вешали головой вниз, пока не виднелись их кости и не умирали...

Одних убивали, мучительно сдирая их кожу, других убивали, распилив пилой поперек спины...

Какой только горькой смерти не подвергали могучих мучеников эти нечестивые судьи, или какими только страшными пытками и жестокими мучениями не терзали верных слуг Христа враги церкви?...

Одних угнетали голодом и жаждой, и изнурялись их тела, и они умирали, других в полдень вешали головой вниз, и они скудели плотью и умирали...

У одних безжалостно сдирали кожу, и они умирали, других жестоко пилили пилой поперек спины, и они умирали...

Установлением сирийского происхождения вышеупомянутого отрывка армянского текста предисловия еще не доказывается то, что он является именно переводом утраченной части сирийского оригинала. Об этом свидетельствуют уже другие факты. *Во-первых*, в этом отрывке, так же как и во всем предисловии, рассказывается о событиях «великих гонений» на персидских христиан, при этом его сведения полностью совпадают с содержанием самого сборника Маруты. Так, например, в сообщении о том, что мучеников «пилили поперек спины»

¹⁶ При подготовке нового издания сирийского оригинала сборника Маруты Майферкатского этот отрывок можно с уверенностью включить в состав предисловия.

¹⁷ ГТМ, стр. 28—29.

¹⁸ AMS, стр. 533—534.

подразумевается мученичество Тарбо¹⁹, или же—данные о царских эдиктах подтверждаются мучениками Симеона Бар-Саббаэ и дворцового чиновника Азада²⁰. *Во-вторых*, в этом отрывке, как во всем предисловии, повторяются одни и те же стилистические и художественные приемы—риторические восклицания, библейские параллели, мистические аллегории и т. д. Характерно, что метод параллелизма—общий для всего предисловия (сначала излагается библейское предание, а затем с ним сопоставляется описание конкретных исторических событий как факт свершения той пророческой идеи, которая подразумевается в этом предании). *В-третьих*, что очень существенно, часть последнего предложения этого армянского текста сохранилась в первой строке сирийского оригинала предисловия:

*Арм. текст предисловия*²¹   *Сир. оригинал предисловия*²²

Բռնիքս բոբրոքէին, սոկրիչն
ճիպէր զսեղ, սոկին ընտրէր,
աղտն խոտէր.

Горнило пылало, ювелир
торопливо чистил, золото
выбиралось, грязь выбрасывалась.

. . . . . ḥwā, 'ūmānā šārep
ḥwā, dahbā metbḥar ḥwā wa-
sūlanā meštde ḥwā.

. . . . . ремесленник
чистил, золото выбиралось,
грязь выбрасывалась.

Подтверждение достоверности вышеупомянутого отрывка армянского перевода предисловия имеет большое значение для правильной оценки всего сборника, так как в этом отрывке содержатся основные исторические сведения предисловия. Важность этих сведений обусловлена тем, что предисловие является единственным разделом сборника, который носит более или менее историографический характер. Написав свое сочинение через 20—30 лет после приостановления «великих гонений», автор предисловия имел возможность смотреть на факты обобщенно, критически, исходя из последствий

¹⁹ AMS, стр. 254—260.

²⁰ AMS, стр. 128—207, 248—254.

²¹ ГТМ, стр. 44.

²² AMS, стр. 57.

этих гонений. Благодаря этому в предисловии содержатся сведения, не известные по другим, более ранним источникам, таким, как мартирии, входящие в сборник. Исторические сведения предисловия часто переданы не прямо, а в виде апокалиптических картин, мистических аллегорий. Это, по-видимому, надо объяснить не столько требованиями жанра, сколько политическими обстоятельствами времени. Составив свой сборник в начале V в., когда христианская церковь Ирана пыталась наладить отношения с сасанидским двором, Марута Майферкатский не мог прямо упомянуть о зверствах предков господствующей династии. Однако под этой прозрачной маскировкой нетрудно угадать настоящие мысли автора.

Определенную историческую ценность в армянском переводе утраченной части сирийского оригинала предисловия представляют сведения о том, что христианское население Ирана в начале IV в. составляло небольшое число и занимало скромное социальное положение²³. Это, конечно, не отрицает известного по другим источникам факта, что персидские христиане играли значительную роль в городской жизни страны, особенно в ремеслах²⁴.

Благодаря этому отрывку подтверждаются также сообщения отдельных мученичеств о том, что преследования сначала были направлены против священников и вождей церкви²⁵, а затем по царскому указу гонениям подверглось все христианское население Ирана²⁶, что христиане покидали свои города и селения и находили убежище в пещерах и на вершинах гор²⁷, что гонения продолжались около 40 лет²⁸. Последнее сообщение имеет важное значение для решения проблемы начальной да-

---

²³ ГТМ, стр. 25—*Սերմն ստիպու. և անդաւր էր, զոր սերմաննցին աշխարհի մերոյ ճշակը արարուիբը:*

²⁴ Ср. Н. В. Пугулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956, стр. 243.

²⁵ ГТМ, стр. 27.

²⁶ ГТМ, стр. 37. J. Labourt, Le christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie Sassanide, Paris 1904, стр. 56.

²⁷ ГТМ, стр. 37—38.

²⁸ ГТМ, стр. 24.

ты «великих гонений», проблемы, которая оспаривается многими известными сириологами²⁹.

Некоторые сведения предисловия имеют большое значение для установления юридических норм уголовного кодекса сасанидского государства, как, например, описание способов умерщвления христиан³⁰. Другие сообщения дают представление о культовых традициях зороастризма. В связи с этим интересен следующий пример. Описывая страшные пытки и разнообразныe способы казни христиан, автор предисловия добавляет: «Святых не подвергали только одному наказанию, не жгли их на огне, так как они (персы) почитают огонь»³¹.

Важным сведением является также сообщение о том, что вследствие гонений многие христиане обратились в зороастризм³². Понятно, что такой факт не мог быть отражен в самих мученичествах, так как последние направлены именно на пропаганду всемогущества христианской веры, непоколебимой воли верующих, и поэтому здесь, наоборот, описываются массовые подвиги христиан, нередко даже обращение «язычников» в христианство. Однако и автор предисловия по этим соображениям вынужден говорить об отступлении христиан аллегорически³³. С другой стороны, сведение предисловия об обращении христиан в зороастризм говорит о том, что гонения Шапура II все же достигли своей цели, если не в отношении всех христиан сасанидского государства, то, по крайней мере, в отношении многих из них. Другие исторические и агиографи-

---

²⁹ Ср. P. Peeters, La date du martyre de St. Syméon. „Analecta Bollandiana“, t. 56, 1938, стр. 118—143; Le début de la persécution de Sapor d'après Fauste de Byzance, „Recherches d'histoire et de philologie orientales“, t. I, Bruxelles, 1951, стр. 59—77; M. Higgins, Aphraates Dates for Persian Persecution, „Byzantinische Zeitschrift“, Bd. 44, 1951, стр. 265—271; Date of Martyrdom of Simeon Bar Sabbae, „Traditio“, t. 11, 1955, стр. 1—36.

³⁰ ГТМ, стр. 28—31. Ср. A. Christensen, L'Iran sous les sassanides, Copenhagen, 1944, стр. 299—313.

³¹ ГТМ, стр. 31.

³² ГТМ, стр. 41.

³³ ГТМ, стр. 41 — Քաջասիրտք և պնդակազմք պատուի և պսակի հասանելին, և վատասիրտք և տազնապկալք կորուսանելին գյաղթութիւնն: Դասակք գասակք աւղեայ մտանելին խրդախելով, և պատակք պատակք ածեայ ելանելին սեպեալք գունով ուրացութեանն:

ческие сочинения, рассказывая о гонениях, часто описывают насильственные переселения христиан, сцены мучений и убийств, даже приводят невероятные цифры жертв³⁴, однако ни в одном из них нет упоминания о массовом отступлении христиан от своей веры. Поэтому до сих пор трудно было объяснить тот факт, почему после разгрома христиан в 40-х гг. IV в. для реорганизации персидской церкви потребовалось целых 70 лет, пока Маруте Майферкатскому и Исааку Селевкийскому не удалось созвать собор в 410 г.³⁵ Между тем предисловие к сборнику Маруты Майферкатского свидетельствует о том, что политика экономического давления и угрозы физического уничтожения, энергично проведенная Шапуром II, привела значительную часть христианского населения к принятию зороастризма.

В отрывке предисловия, сохранившемся в армянском переводе, содержится также одно очень интересное сообщение, обратившее на себя внимание арменистов: *Որդիք Հայոց վշտատեսաց կոխան փղաց և երիվարաց լինէին, քանզի արբին և նորա դրածակն դանոթիկան* «Сыны многострадальной Армении были растоптаны слонами и конями, поскольку и они испили чашу горечи»³⁶. Вместо чтения *որդիք Հայոց* «сыны Армении», которое дают списки АВ по изданию Г. Тер-Мкртчяна, в списке S имеется *որդիք հարց* «сыны отцов»³⁷. В этом случае перевод данного предложения выглядит следующим образом: «Сыны многострадальных отцов были растоптаны...». Как указывает Г. Тер-Мкртчян, смешение слов *Հայոց* «Армении» и *հարց* «отцов» в армянских рукописях возможно, однако при такой орфографии, когда полугласный *յ* «й» в письме не от-

³⁴ Например, по данным Созомена, во время гонений погибло 16000 христиан. См. *Sozomenus, Kirchengeschichte, herausgegeben von J. Bidez, G. C. Hansen, Berlin, 1960, стр. 69.*

³⁵ *O. Braun, Das Buch der Synhados, Stuttgart und Wien, 1900, стр. 5—35; J. B. Chabot, Synodicon orientale, „Notices et extraits des manuscrits“, t. 37, Paris, 1902, стр. 17—36, 253—275.*

³⁶ ГТМ, стр. 43.

³⁷ Списки АВ = рукописи № 1522 и 3777 Матенадарана им. Маштоца; S = *Սոփիերք հայկականք, 5. Ի, Վենետիկ, 1854.*

ражается³⁸. Действительно, в маюскульном письме, в так называемом округленном «еркатагире» армянские буквы *Ո* и *Ր* графически совершенно схожи (*ՀԱՈՅ* «Армении» = *ՀԱՐՅ* «отцов»). А. Варданян, не возражая против возможности смешения слов *Հայոց* «Армении» и *Հարց* «отцов» и даже, наоборот, отмечая интересный выбор чтения *Հայոց* «Армении» Г. Тер-Мкртчяном, считает, что все же нельзя решительно утверждать достоверность варианта *Հայոց* «Армении», ввиду того, что сирийский оригинал этого отрывка отсутствует³⁹.

Однако, учитывая нижеследующие обстоятельства, по-видимому, не следует сомневаться в правильности варианта *Հայոց* «Армении». Во-первых, *որդիք* *Հարց* «сыны отцов» логически немыслимое сочетание, так как слово *որդի* «сын» уже само содержит понятие происхождения и при нем слово *Հարց* «отцов» лишнее. Во-вторых, очень примечательно наличие союза *և* (и) перед местоимением *ոնրա* «они» — «...так как и они испили чашу горечи». До этого речь в предисловии шла о христианском населении Ирана, а здесь союз «и» показывает, что имеется в виду уже другой народ, наряду с вышеупомянутым. Это подтверждается и дальнейшим ходом повествования в следующем абзаце, в котором рассказывается о нападках «гордого» Востока (Ирана) на Запад (на Рим), на Север (на Армению) и на Юг (на Аравию)⁴⁰. Как видно, в таком контексте вряд ли можно сомневаться в правильности чтения *Հայոց* «Армении». Сомнению подлежит другой вопрос, вызванный опять же обстоятельством утраты сирийского оригинала указанного отрывка предисловия. Вопрос заключается в следующем: содержалось ли сообщение о гонениях в Армении в сирийском оригинале, или оно добавлено армянским переводчиком сборника, Авраамом Зенакци. Если оно содержа-

³⁸ Գ. Տեր-Մկրտչյան, Ազաթանդեղոսի ազրիւրնեբից. Յիշատակ դատահնարաց Գորիս և Շմոնի վկայից, որ վկայեցին յԱռհա, Վաղարշապատ, 1896, стр. 35.

³⁹ Լ. Վարդանյան, Ի վկայան արեւից նոր ու ջանցառ բառերու ուսումնասիրութիւն, «Հանդէս Ամսօրեայ», 1922, стр. 273.

⁴⁰ ГТМ, стр. 43 —... Արեւիք հպարտացեալ ամբարտաւանէին, Արեւուտը խոնարհեալ հնազանդէին, Հիւսիսի տապաս անկեալ կոխէր, Հարաւ Ի պարտութիւն մատնեալ վատթարէր. Об интерпретации этого отрывка см Գ. Տեր-Մկրտչյան, Ազաթանդեղոսի ազրիւրնեբից, стр. 37:

лось в сирийском оригинале сборника, то предисловие является единственным внешним источником, подтверждающим сведения армянских историков о том, что в 60-х гг. IV в. Сасаниды в Армении предприняли попытку обращения армян в зороастризм, используя для этого изменника Меружана Арцруни⁴¹. Если же это сообщение добавлено армянским переводчиком, то оно просто повторяет данные Фавста Бузанда и не имеет особого исторического значения. Предложение «Сыны Армении...», естественно, могло быть добавлено Авраамом на основе данных Фавста, однако, как показывает анализ армянского перевода предисловия, оно вполне гармонирует с контекстом данного отрывка, что, по нашему мнению, является явным свидетельством о его принадлежности первоначальному тексту сирийского оригинала. Сомневаться в осведомленности Маруты о делах Армении нет оснований, так как, во-первых, центр его епархии, город Майферкат, находился в одной из южных областей Армении, в Софене (*Սոփր*), во-вторых, по данным его жития, он с отцовской стороны происходил из армян⁴².

Как показывает этот краткий экскурс, предисловие к сборнику Маруты Майферкатского является интересным источником по социальной истории Сасанидского Ирана, однако ему еще до сих пор не уделено должного внимания. Такое отношение к предисловию следует, по-видимому, объяснить тем обстоятельством, что сириологи располагали неполным его текстом и можно надеяться, что привлечение данных армянского перевода будет способствовать дальнейшему изучению этого ценного историко-литературного памятника.

---

41 История Армении Фавстоса Бузанда, пер. М. Геворкян, Ереван, 1953, стр. 110 (Ср. «...мужчин бросали на растоптание слонам»).

42 Житие Маруты Майферкатского сохранилось в армянском переводе IX в. См. *Մարտի և զհայրանոցի թիւր արարց, 5. Բ. Վենետիկ, 1874*, стр. 17—32. Английский перевод: M. Ralph, *The Armenian Life of Maruta of Maipherkat*, „Harvard Theological Studies“, 25 (1932), стр. 47—73. Интересно, что и краткая греческая версия жития, сохранившаяся в рукописи № 376 Московской Синодальной библиотеки (=ГИМ, Син. 376), называет Маруту *ἐπίσκοπος Σοφηνίων τῆς Ἀρμενίας*. См. B. Latyšev, *Menologia Anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt*, fasc. 1, Petropoli, 1911, стр. 154—158.

М. Л. ХАЧИКЯН

ИЗ СТАРОХУРРИТСКИХ ЗАКЛИНАНИЙ

Памятники на хурритском языке немногочисленны, но они происходят из самых различных районов Передней Азии (Вавилонии, Митанни, Угарита, Хеттского царства) и довольно разнообразны по характеру.

Не считая митаннийского письма (XIV в. до н. э.)—самого большого и наиболее понятного текста, основную массу хурритского материала составляют ритуальные тексты из Богазкея. Кроме того, до нас дошли: строительная надпись Тишари из Уркиша и перечень даров в храм Энлиля в Ниппуре (конец III тыс. до н. э.), эпические отрывки, историко-мифологические и гадательные тексты, списки богов и жертвоприношений из Богазкея (XIV—конец XIII вв. до н. э.), посвящения и гимны богам, фрагмент письма, шумерско-хурритский словарный отрывок и поучения из Угарита (XIV в. до н. э.), заклинания и диалог (?) из Вавилонии (XIX—XVII вв. до н. э.).

Неудивительно, поэтому, что хурритские тексты обнаруживают много, часто довольно значительных диалектных, хронологических и жанровых различий.

Интересны в этом отношении тексты, найденные на территории Вавилонии. Их можно разделить на две группы: тексты из Мари¹ и остальные². Все они, за исключением одного (Mâri 6), который, на основании некоторых слов можно, по видимому, отнести к жанру диалога, являются, судя по колофонам на шумерском или аккадском языке, неканоническими

¹ F. Thureau-Dangin, *Tablettes hurrites provenant de Mari* (CA 36, 1939, стр. 1—28).

² J. van Dijk, *Nichtkanonische Beschwörungen und sonstige literarische Texte* (VS NF I, 1971). №№=5, 6, 7, 20, 22, 26.

заклинаниями от зубной боли, змей, скорпионов и любовных чар.

Попытка перевода этих заклинаний до сих пор не делалась.

В статье рассматриваются лишь те из них, которые поддались хотя бы частичному переводу (Mâri 1 = № 1, Mâri 2 = № 2; Mâri 5 = № 3; VS NF I 5 = № 4 и VS NF I 6 = № 5), а также делается предварительная попытка выделения особенностей данного хурритского диалекта.

1.

<i>Транслитерация</i>	<i>Транскрипция*</i>
1. ú-wə-al ú-wə-ri	uw-a-l(la) uw-i-r,l-i/e
2. ú-šu-ul ú-wə-ri	uss-o-l(la) uw-i-r/l-i/e
3. pa-ši-ib ú-wə-mi-ni-wə	pass-i-ib uw-um(m)e-ne-wa
4. ħi-ri-ib ka-nu-me-ni-wə	ħir-i-b kan-um(m)e-ne-wa
5. ti-da-wə	tid-a(e)-wa
6. a-na i-te-ni-e pa-ši-ib ša-tu-un	an(n)a ide-ne-je pass-i-b satt-o-n
7. ta-zi-ni-e	taze-ne-je
8. šu-ri ta-zi-ni-ti ú-la-wə-ri	suri taze-ne-di ul'n-a-wa-r/l-i/e
9. a-[n]a i-te-ni ta-zi-ni	an(n)a ide-ne taze-ne
10. [ta(?)]-a]l-me ši-di-la-ab	[t(?)a]lme šid-il-a-b
11. ....-[l]a ku-šu-ug-še-en	....kuss-ug-(a-)sse-n(??)
12. ....ti-ma-nu	.....tim-an-o
13. ....-[z]um(?) -mu ħa-nu-e pa-ab-ni	.....[z]-um-o(?) ħan-oe pab(a)-ne
14. ....-[t]u(?) -mu	.....[t]-um-o(?)
15. [k]u-[u]m-di i-ia-ru-[e]	kumdi ij-ar-oe
16. al-la-a-e-en	allae-n
17. Ša-ú-uš- < ka > -a-an	Ša(w)uska-n
18. ši-ni-im.....	sini-m(a).....
19. iš-ti k[a]-.....	iste k[a].....
Десять строк незаполненных	
30. i-ša-am-ma	iza(s)-ma
31. É-a wə-li tu-wə-la-an-e-en	Ea fal-i tuw-il-an-i/e-n
32. pa-ħi-ib-bi-ni-im e-ni-iš	paħi-(i)ffe-ne-m(a) ene-s
33. tu-wə-la-an-e-en	tuw-il-an-i/e-n
34. Te-šu-ba-am Ku-um-me-ni-en	Tesoba-m(a) Kumme-(e)nne-n
35. tu-wə-la-an-e-en	tuw-il-an-i/e-n
36. Ši-mi-gi-e-ni-im	Šimige-ne-m(a)
37. tu-wə-la-an-e-en	tuw-il-an-i/e-n

На левой боковой стороне по-аккадски: ši-pa-at tu-ul-tim

* В наборе петитом знаки $\bar{s}$, $\bar{z}$ и ħ в ряде случаев по техническим причинам заменены соответственно курсивными s, z и ħ.

2.

1. [n]a-wə-ri ú-wə-ri
2. [n]a-wə-ri u-wə-ri
3. [ú-wə]-al ú-wə-ri
4. ga... a-ga-ú-um
5. [ŋ]a-[n]u-e pa-ab-ni
6. šu...-ra pa-aŋ-mi-n[a]
7. ti-a-ni-wə[-ni(?)e(?)]
8. na-wə-ri-wə-ni-e....[-n]i-e
9. pa-ši-ib ū-[wə-mi-ni-wə]
10. ú-wə-ba-li.....
11. ɸi-ri-ib [ka-nu-me-ni-wə]
12. Ši-mi-te-e-ni-[iš]
13. šu-ú-wə-ri.....
14. i-ša-am-wa.....
15. i-ša-am-[ma].....
16. Ši-mi-te-e-n[i-iš]
17. šu-ú-wə-r[i].....
18. ^dŠin_U-šū-um.....
19. tu-wə-la-an-[e-en]
20. Ki-ib-li-im.....
21. tu-wə-la-an-[e-en]

- naw-ar-i uw-i-r/l-i/e
 naw-ar-i uw-l-r/l-i/e
 [uw]-a-l(la) uw-i-r/l-i/e
 ga... ag-af-m(a)(??)
 ɸan-oe pab(a)-ne
 ..... paɸmi-n[a]
 tija-ne-we[-ne-je]
 tija-ne-we-ne-je....[-n]e-je
 pass-i-b [uw-um(m)e-ne-wa]
 uw-ub-a-l-i/e(?).....
 ɸir-i-b [kan-um(m)e-ne-wa]
 Šimije-ne-s
 suw-ar-i/e
 iza(s)[-ma].....
 iza(s)[-ma].....
 Šimije-ne-s
 suw-ar-[i/e].....
- ^dŠin_{Ussu}-m(a).....
 tuw-il-an-[i/e-n]
 Kibli-m(a).....
 tuw-il-an-[i/e-n]

3.

1. i-si ši-in-ni
2. al-lu-li-e ši-in-ni
3. Ni-ra-da Bi-di-en-ɸi-ni-da
4. Ku-ma-ar-wə-ni-da-al
5. i-si a-ta-i-ta
6. i-nu i-su-di-iš
7. i-nu al-lu-lu-da-[š]
8. pa-pa-na-šū-uš a-du-đa
9. še-wə-na-šū-uš nu-du-un-đa
10. Ši-mi-gi-e-ni-wə-na
11. ši-in-di ša-la-ar-di
12. ši-ka-al ɸa-wə-in
13. ši-wa-al ɸa-wə-in
14. ši-ni-wa-al pi-iš-ši-la

- is-i/e sin(n)i
 all-ol-i/e sin(n)i
 Nira(e)-da Piden-ɸi-ne-da
 Kumarwe-ne-da-l(la)
 is-i/e attaj-da
 inu is-ud-e-z
 inu all-ol-ud-ae-z
 paba-n(e)-az-us ad-ud-a
 sewe-n(e)-az-us nud-u(n)d-a
 Šimige-ne-we-na
 sindi sal-ardi
 sikk-a-l(la) ɸa-wa-i/e-n
 siw-a-l(la) ɸa-wa-i/e-n
 sini-wa-l(la) piss-i-l-a(e)
 (unu piss-i-la?)

2.

1. pawagi пусть он iw-ует,
2. " "
3. находящихся в состоянии iw- пусть он iw-ует,
4. . . . . я веду и (??),
5. чтобы гора рожала
6. . . . .
7. (ничто, относящееся к) tija,
8. pawagi (и) X
9. он посылает (=посылающий-он) для iw-ания,
10. пусть он iw-ив-ует(?) . . . . .
11. он hiг-ует для кан-ания.
12. Шими(r):
13. пусть исцелит,
14. не я . . . . .
15. [не] я . . . . .
16. (а?) Шими(r)и
17. пусть исцелит . . . . .
18. и Ушну . . . . .
19. пусть очистит,
20. и Кибли . . . . .
21. пусть очистит.

3.

1. пусть он is-ует двоих,
2. пусть он (для се́бя) овладеет двоими
3. для(?) Ниры (и?) Пидинского
4. (и) Кумарби,
5. пусть он is-ует для(?) отца.
6. Как isudez,
7. как alloludaez,
8. горы aduda,
9. воды pudu(n)da.
10. (Бога) Шимиги
11. семь светил(?)
12. восходящих(?) пусть он не берет,
13. заходящих(?) пусть он не берет.
14. Не двоих pissila

15. ma-ru-sa
16. pi-ši-di-in ši-ni
17. pi-ši-iš-ti-di-en šini
18. ú-ħu-ni a-lu-un za-ar-ni
19. ħa-tu-di-en ki-ia-zi-ni
20. ki-ib-ti-en ma-an-šu-ra
21. ši-i-wə-ni

marusa
 piss-id(o)-i/e-n sini
 piss-ist-id(o)-i/e-n sini
 uḡu-ne al-o-n zar(i)-ne
 ħatt-ud-i/e-n kijazi-ne
 kiw-(u)d-i/e-n man(a)-(a)z-ura
 siwe-ne

4.

1. ti-wə-na ta-al-mu-uš-ši-e[n]
2. a-mu-mi-na-a-ma
3. ku-mi-ni-en ši-wa-ab
4. a-ku-ki-ni-en ši-ir-ri-en
5. ši-wa-ab teš-ši-na
6. ħi-šu-du úr-ra
7. i-ta(?) -gi-šu aš + du(?) -te(?) -bu
8. pa-ba-ni-na a-me-lu(?) -im
 še(?) -ni(?) -še-en
9. ši-e-ni t[u](?) -mu-ma-ap-ši
10. e-ši ħa-ar-ba-ni-da ħi-šu-du
11. ħa-wə-ru-na ši-la-lu-uš ħa-ri-eš
12. ...-wə-ka(?) kə-ad-ri-iš
13. [ħ]a(?) -tu-e-en
14. ka-ki-e-ir(?) -ni-iš ħa-wə-e-en
15. ku-uk-ka-la ħi-ri-bu ħu-za
16. ħi(?) -za-an-ni-X-ħi uš-šu-la
 ar-di-da
17. muš XXX zù ab-kud-dè

tiwe-na talmo-sse-n
 am-um(m)e-na-ma
 kum-i-n/l-i/e-n siw-a-b
 ag-ug-i-n/l-i/e-n sir-(l)r/l-i/e-n
 siw-a-b tessi-na
 ħiz-ud-o ur(i)-na
 X-iz-o X-b-o
 paba(a)nne-na am-il-oe-m(a)
 sen(?) -iz-i/e-n(?)
 siye-ne X-um-apsi
 eze ħarba-ne-da ħiz-ud-o
 ħawuru-na silalus ħares
 ...-wə-ka(?) kadri-s
 ħatt-w(a)-i/e-n
 kager(i)-ne-s ħa-wa-i/e-n
 kukk-a-la ħir-ib-o(?) ħuza
 ħiz-anni-...uss-o-la ardi-da

5.

На этой табличке записано 6 коротких заклинаний, из которых мы приводим наиболее понятное

9. ki-bi-ú-m[a-a] ti-wə-na
10. wə-ri-šu-wa-a-aí
11. inim-inim-ma muš búru-da-kam

kiw-iw-m/wa-l(la) tiwe-na
 wur-iz-u-wa-l(la)

15. . . . .
16. (а) двое пусть делают piss-
17. пусть сделают piss- двое.
18. иҗи, ало-п зар(i)
19. (и) kijazi пусть (они) hatt-уют
20. (и) пусть поставят вместе с ними (этими).
21. воду.

4.

1. Слова и ашаме величие(?)-есть.
2. "
3. Принесенное(?) пусть он кит-ует,
4. пусть он поведет (и) сделает подходящим(?)
5. принесенное; tessi
6. (и) иҗи находятся в состоянии hiz-
7. . . . .
8. Горы чтобы сделали ам-и- и . . . . .
9. вода . . . . .
10. небо . . . . . находятся(!) в состоянии hiz-
11. земли(!), ...
12. . . . . kadri
13. пусть не hatt-ует,
14. (и) kageři пусть не возьмет
15. kukkala, hiribo, huza,
16. hizanni . . . . . ussola к городу.
17. Змее . . . . . зуб чтобы вырвать (по-шумерск!).

5.

9. Ты не устанавливаешь дела (слова).
10. (и) ты их не узнаешь!
11. Заклинание: чтобы освободиться от змеи (по-шумерски).

1. *uw-a-l(la)* — причастие состояния на -a; переходное значение опативной формы *uw-i-r/l-l/e* при непереходном значении *uw-a-l(la)* достигается введением показателя переходности -i. Корень *uw-* ср. с урарт. *u(?)*- „просить“ (УПД³, стр. 91).

2. *uṣṣ-o-l(la)* — причастие состояния на -o, практически равнозначное причастию на -a. Следует отметить, что с корнем *uṣṣ-* употребляется всегда показатель -o, а не -a, ср. *uṣṣo* (2₁₈) и *uṣṣola* (4₁₆). Корень *ḫig-* ср. с *ḫirinoḫje* „дверная створка“ (Voc. I₂₃).

3—4. -b --- субъектно-объектный показатель 3 л. ед. ч. (до сих пор был известен только в именах собственных как архаизм). *uw-um(m)e* и *kap-um(m)e* — инфинитивы от глаголов *uw-* и *kap-*.

5. *tid-a(e)-wa*, видимо, супинная форма в дательном падеже. О вероятном значении „делить“ для хурр.-урарт. корня *t/did-* см. НуУ, стр. 76.

6. *anni//anna* — указательное местоимение. Относительно чередования -i//а см. ИИ, стр. 20.

Глагол *ṣatt-*, возможно, идентичен урарт. *ṣat-* „брать“, -n — связка. Относительно отсутствия субъектно-объектного местоимения см. ниже, прим. 12.

7. О передаче фонемы $\bar{z}$ через *z* см. ИИ, стр. 12. Здесь под „даром“, видимо, подразумевается „(очистительная) жертва“ или магический предмет, используемый при обряде очищения.

8. Слово *ṣurī*, судя по контексту, есть то, против чего направлено заклинание, и могло бы быть хурритским эквивалентом аккадского *tultu* „червь“, ср. колофон. Но это, конечно, не доказуемо. Глагол *ul-* идентичен глаголу *up-* „приходить“, ср. НуУ, стр. 76. -di равнозначно *edī* „для, ради, из-за“ в падежном, а не послесловном употреблении.

³ В статье употребляются общепринятые сокращения.

10. $\bar{s}id$ - ср. с идентичным урартским глаголом со значением „строить“, - $\bar{i}l$ - — породное наращение с неясным значением.

11. - ug - — показатель инхоативной (начинательной) породы, см. HuU, стр. 114; $\bar{s}\bar{s}e$ - здесь — показатель „номинализации“ глагола придаточного предложения, см. HuU, стр. 142, - n - — связка. Перевод „воздвигать“ для $ku\bar{s}\bar{s}$ - основан на сравнении с урарт. $ku\bar{s}$ - с тем же значением, см. УПД, стр. 89.

12—14. По-видимому, субъектно-объектное местоимение 3 л. ед. ч. - b не употреблялось при непереходных причастиях на - o , ср. также $\bar{s}att-o-n$ (1₆), $al-o-n$ (3₁₈), $\bar{h}ir-ib-o$ (4₁₂) и др.

Суффикс - oe , вероятно, параллелен - ae и имеет герундивно-причастное значение. По-видимому, герундивное причастие (так же, как, например, в эламском) не требовало эргативного показателя при субъекте действия. Это подтверждается наличием связки в параллельной форме $allae-n$ (1₁₆).

15. Исходя из параллелизма действия глагола $\bar{h}an$ - „рожать“ с $\bar{i}j-ag$ -, последний гипотетически переводим „зачинать, беременеть“.

30. - $\bar{s}a$ в митаннийском хурритском — союзная энклитика „и“, но здесь в этой функции выступает усеченная форма - n , поэтому вместо напрашивающегося перевода „и я“ требуется нечто иное. На основании сходных оборотов в вавилонских заклинаниях цикла Эа-Асаллухи можно предположить отрицание - n/wa .

31—37. Корень tuw -, видимо, идентичен урарт. tuw - „быть чистым“, см. УПД, стр. 91; - $\bar{i}l$ - и - an - — породные наращения. Параллельные формулы очищения хорошо известны в шумеро-аккадских заклинаниях. Отсутствие эргативного показателя при подлежащих, т. е. субъектах действия (он стоит только при первом субъекте $\bar{i}zamma < *i\bar{z}a\bar{s}ma$ и при третьем — $ene\bar{s}$) объясняется засвидетельствованным и в других хурритских текстах явлением языковой экономии.

В *Kumme-(e)nne-n -n* — связка со значением отождествления, ср. также 1_{16-17} и $3_{18}(?)$.

Постоянное употребление Солнечного божества $\bar{S}imige$ с определенным артиклем, а также прилагательное $\bar{S}imig(e)-anne-(\bar{s})$ от того же корня (см. КВо XVII 95 III 12) показывают, что это не имя собственное упомянутого божества, а имя нарицательное, возможно, „солнце“. На это указывал еще Ф. Туро-Данжен (RA 36, 1939, стр. 8).

К тексту 2'

1—2. *nawari*, видимо, существительное с наращением *-ar-*.

4. По-видимому, форму *a-ga-ú-um* можно интерпретировать как глагол 1 л. ед. ч. несовершенного вида + союзная энклитика (*ag-af-m(a)*) „я веду и“).

7—8. Судя по перенесенным показателям *-ne-je*, формы *tijanewe[neje]*, *nawariweneje* и .....*neje* являются определениями, возможно, к слову в предыдущей строке (*raṭ-mina??*). *tija* ср. с *tijašma*, какой-то жидкостью, к которой в магических целях добавляется смола (см. V. Haas, SMEA 14, 1971, стр. 135).

12. Ф. Туро-Данжен видел в форме $\bar{S}imije-$ уменьшительное от $\bar{S}imige$ (RA 36, 1939, стр. 10). Однако употребление уменьшительно-ласкательного суффикса с именем божества кажется несколько странным. Может быть, здесь чередование *g//j*, ср. урарт. *-ge* при хурр. *-je*, урарт. *-uj-* при хурр. *-ug-* и т. д.

13. Относительно значения „исцелять“ для $\bar{S}iwaṭ-$ см. И. М. Дьяконов, ВДИ, 1970, 4, стр. 46, прим. 37.

18. Глосса $\bar{S}in$ на боковой стороне таблички позволяет отождествить $\bar{U}ssu$ с Лунным божеством. По-видимому, это не имя собственное, а эпитет бога Луны.

К тексту 3

2. Корень *all-* предположительно переводим „владеть“, ср. *allaē* „госпожа“, урарт. *alaē* „господин, госпожа“. О рефлексивном или медиальном значении *-ol-* см. НуУ, стр. 260

114. Для корня *is-* по аналогии с параллельным глаголом *all-* и на основании сравнения с урарт. *iz-* „повелевать(?)“ (УПД, стр. 89) можно предположить значение „повелевать(?)“. Однако ввиду неясности вопроса с сибиллянтами в хурритском и урартском, трудно что-либо сказать о возможности соответствия хурр. *s* ~ урарт. *z*. Все „императивные“ и „оптативные“ формы (ср. NuU, табл. 8) условно переводим „пусть...“.

3. *Nira(e)*, букв. „быстрый“, видимо, эпитет какого-то божества. Является ли *Pidenṭi* определением к *Nira*, неясно.

4. *-l(la)* — субъектно-объектное местоимение 3 л. ед. ч., заменяющее, вероятно, числительное *ṣini*.

6—7. Значение форм *-ae/ē-z* (герундивных или адвербиальных) недостаточно ясно.

-ud- является, по-видимому, вариантом глагольного форманта множественного числа *-id(o)* (ср. ниже *passim*).

8—9. Параллельные предикативные(?) формы *aduda* и *pidunda* не поддаются толкованию. Однако в них можно выделить формант множественного числа *-ud-*; *-p-* во второй форме свидетельствует, возможно, о носовом характере гласного в этом форманте. Корень *ad-* ср. с *aduṭlu* „начальник“. Необычно для данной орфографической системы (старовавилонской) написание *pa-ra-na-šu-uš*, вместо ожидаемого *pa-ba-na-šu-uš, ср. также *a-ta-i-ta* (З₅), вместо *a-ta-i-da.

11. *ṣalardi* ср. с урарт. именем бога Луны *Ṣalardi* (= *ṣin*), см. УКН, стр. 382. Но при *ṣalardi* в нашем тексте стоит числительное „семь“, а, кроме того, для Лунного божества известно уже три хурритских названия: *Kuṣuṭ*, *Umbu* и *Ušṣu*. Поэтому отождествление *ṣalardi* с богом Луны маловероятно. Скорее всего в данном случае имеются в виду „семь светил“ (Плеяды?).

13. На основании сравнения *ṣiw-* с урарт *ṣi-* „(непер.) уходить; (пер.) посылать“ (см. УПД, стр. 91), *ṣindi ṣalardi*..... *ṣiwal(la)* переводим „семь светил..... заходящих“. Исходя из контекста, для *ṣikk-* можно предположить значение „восходить??“. Совершенно неясно, кто является субъектом действия глагола *ḥawaen*. Возможно, это то, против чего заклинают (змея?).

14. $\bar{s}\bar{i}n\bar{i}$ -wa-l(la), по-видимому, числительное $\bar{s}\bar{i}n\bar{i}$ с отрицательной частицей -wa („не двоих-их“). Обратить внимание на место отрицания (перед субъектно-объектным местоимением), ср. kiwiwmal(la) и wugi $\bar{z}$ uwal(la) (5_{9, 10}). Форму pi $\bar{s}$ ila ср. с kukkala и u $\bar{s}$ sola (4_{14, 15}).

15. Форма marusa интерпретации не поддается.

16. По-видимому, при числительных эргативный показатель был необязателен. Иначе трудно объяснить отсутствие его при $\bar{s}\bar{i}n(n)\bar{i}$, являющемся, по всей вероятности, субъектом действия переходного глагола (обратить внимание на следующий за корнем показатель переходности -i: pi $\bar{s}$ ila, pi $\bar{s}$ iden, pi $\bar{s}$ istiden).

17. Суффикс -st-, видимо, как и в урартском, означает завершенность действия (ср. HuU, стр. 117). Отсюда pi $\bar{s}$ iden „пусть делают.....“, pi $\bar{s}$ istiden „пусть сделают.....“.

18. u $\bar{z}$ une, $\bar{a}$ lon, zarne и kijazine (магические предметы?) являются, очевидно, объектами действия субъекта $\bar{s}\bar{i}n\bar{i}$. Вклинивание сказуемого между однородными членами предложения является, видимо, обычным для данного диалекта, ср. tiwena talmo $\bar{s}$ sen amuminama (4₁₋₂) и др.

К тексту 4

1. talmo $\bar{s}$ se, видимо, абстрактное существительное от прилагательного talmi „большой“, ср. tegi $\bar{s}$ se (Voc. II₂₄). О переходе i > o перед рядом именных суффиксов см. HuU, стр. 71.

Обратить внимание на отсутствие согласования: tiwena (мн. ч.) talmo $\bar{s}$ sen (ед. ч.), ср. также e $\bar{z}$ e hi $\bar{z}$ udo (4₁₀) и, возможно, pa $\bar{z}$ mina tijaneweneje (2₆₋₇).

2. amumina-(ma) и tiwena, очевидно, однородные члены предложения. Относительно порядка слов см. прим. 18–19 к тексту 3, am-ime ср. с amumi $\bar{b}$ huri и amumikkone (E. von Schuler, RHA XIX, 68, 1961, стр. 23, прим. 13).

-ma — союзная энклитика. Полная форма, вместо обычной для данного диалекта усеченной (ср. U $\bar{s}$ su-m, Kibli-m, 262

Tessoba-m, amiloe-m), видимо, объясняется ударением (обратить внимание на долгое *a* перед -ma).

О значении „быть/сделать подходящим“ для $\bar{s}ir$ - см. ИИ, стр. 117.

3. О значении $\bar{s}iw$ - см. 3, прим. 13.

6. Форма $\bar{h}iz$ -ud-o неясна, ср. *aduda, nudunda* (3_{8, 9}). $\bar{h}iz$ - ср. с урарт. $\bar{h}e\check{s}(?)\bar{h}e$ „быть мятежным“ (УПД, стр. 88). Неясно, как этот корень соотносится с хурр. $\bar{h}is$ - с приблизительно тем же значением.

7. X- $\bar{i}zu$ ср. с *wurizuwal(la)* (5₁₀). Возможно, - $\bar{i}z$ - является вариантом суффикса совершенного вида - $\bar{o}z$ -.

-b- в X-bu, как и в *hiribo* (см. ниже), видимо, наращение.

8. Форму *am-il-oe-m* ср. с *han-oe* и *ijar-oe* (1_{13, 15}).

9. X-um- $\bar{apsi}$ (прилагательное на - $\bar{psi}$?), очевидно, определение к $\bar{s}iye$ -ne.

11. О формах $\bar{s}ilalus$ и $\bar{h}ares$ трудно что-либо сказать (существительные в эргативе?); $\bar{h}ares$ ср. с *hagi* „дорога“.

13. Орфография данного текста отличается от орфографии заклинаний из Мари, приближаясь к митаннийской, согласно которой удвоенные согласные в интервокальном положении передавали глухой звук, а не удвоенные — звонкий. Тем не менее, несмотря на интервокальное положение *t* в *ha-tu-e-en*, эта форма является, видимо, отрицательным опативом от глагола *hatt*-, а не *had*-, ср. *hatt-ud-i/e-n* в Мари (3₁₉).

К тексту 5

kiwiwmal(la) и *wurizuwal(la)*, вероятно, глаголы 2 л. ед. ч. изъявительного наклонения в отрицательной форме. Относительно - $\bar{i}z$ - см. прим. 7 к тексту 4. Эти строки являются, видимо, обращением к змее, от которой хотят освободиться.

Разобранные выше тексты обнаруживают следующие особенности, отличающие „вавилонский“ хурритский язык от „классического“ митаннийского:

1) широкое применение причастий, вместо глаголов изъявительного наклонения. Известно лишь два сомнительных примера глагола в изъявительном наклонении (2₄, 5₉, 10);

2) употребление при причастиях субъекто-объектного энклитического местоимения 3 л. ед. ч. -b, известного до сих пор только в именах собственных как архаизм;

3) наличие для ряда морфем параллельных форм (-id//-ud-, при мит. -id-; -ae//-oe-, при мит. -ae).

4) усеченная форма союзной энклитики -та (-m);

5) вклинивание предиката между однородными субъектами (объектами);

Как видим, язык наших текстов, как и следовало ожидать, несколько архаичен по сравнению с митаннийским хурритским (ср. пункты 1, 2).

Заслуживает внимания и орфография этих текстов: если для заклинаний из Мари (XIX — начало XVIII вв. до н. э.) характерна старовавилонская орфографическая система, то остальные по своим орфографическим особенностям ближе к „митаннийской“ (см. II, стр. 11 и сл.). Этот факт позволяет датировать вторую группу текстов более поздним временем (XVII в. до н. э.).

Г. Х. САРҚИСЯН

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ ДЬЯКОНОВ
(к шестидесятилетию со дня рождения)

Игорю Михайловичу Дьяконову, выдающемуся советскому ученому, крупнейшему специалисту по Древнему Востоку, автору двух сотен трудов, двух десятков монографий, главе разветвленной историко-филологической школы, в минувшем, 1975 году — 12 января — исполнилось шестьдесят лет.

Едва ли сегодня кто-либо смог бы с равной компетенцией охарактеризовать все грани научной деятельности И. М. Дьяконова; они столь многочисленны, что и при простом их перечислении обязательно что-либо выпадает. И, однако, охарактеризовать его в целом — очень просто: это историк, историк, как говорилось в старину, «божьей милостью». Все остальные области своей науки, лингвистику, где самые изощренные специалисты признают в нем собрата, филологию в узком смысле, где перед нами мастер проникновения в текст, литературоведение, где поэт соревнуется с исследователем, этнографию, юриспруденцию, где он — в родной стихии и т. п. — все это И. М. Дьяконов в конечном счете подчинил единой цели — проникновению в историческую действительность, познанию ее подлинной сущности и воспроизведению ее подлинного облика.

Хронологический и географический охват его науки в течение сорокалетней деятельности перехлестнул за III тыс. до н. э., проник в нашу эру и из исходного ареала — Двуречья, распространился на всю Западную Азию. А это — времена и страны, пестрейшие в отношении условий жизни и этапов

эволюции; но мысль историка парила над ними, выискивая и находя общие закономерности развития.

Сам Игорь Михайлович нередко сетует по поводу своей многосторонности, полагая, что кое-где она приводила к недостаточной глубине погружения, что вызывало и справедливую критику; пытается даже найти «смягчающие обстоятельства» этой широте. Едва ли это правильно, ибо любая его статья, публикация, рецензия, не говоря о монографиях, сколь частному вопросу ни была бы посвящена, является продуктом именно этой вот всеобъятности эрудиции и оказалась бы ущербной в случае ее отсутствия. Иным представить себе И. М. Дьяконова невозможно.

Условно разделив ученых на теоретиков и эмпириков или, что реалистичнее, на тех, кто более склонен к теоретическим обобщениям и кто — к подбору и обработке фактов, мы не были бы в состоянии причислить И. М. Дьяконова к какой-либо одной из этих категорий. Ибо, с одной стороны, это преданный рыцарь фактов, ревностно и педантично добивающийся их максимально достижимого уточнения, о чем свидетельствуют его работы, посвященные изданию клинописных и иных текстов или освещению частных вопросов истории, языка, литературы или культуры. С другой — это высокий, если можно так выразиться, концептуалист, умеющий иной раз мудро и великолепно пренебречь незначительными фактами и историческими ситуациями в работах, выявляющих типологическое или генетическое сходство или единые закономерности эволюции различных обществ. Если систематизировать труды И. М. Дьяконова по признаку степени научного абстрагирования, то в их ряду обнаружатся все ступени снизу доверху. Это и придает им особую глубину и весомость.

Значение — и влияние — его трудов давно уже пересекло рубежи Советского Союза. Авторитет И. М. Дьяконова признан всюду, где только занимаются Древним Востоком и клинописью. А это — авторитет советской науки. С именем И. М. Дьяконова связано, в частности, два явления. Это, во-первых, неустанная пропаганда за границей достижений советских ученых, путем ли систематического аннотирования советских работ в иностранной периодике, устной ли информации о них на международных встречах всех калибров, со-

ставления ли и издания итогово-информационных статей и т. п., что очень хлопотно и отнимает время, которое иной предпочел бы обратить на продвижение собственных исследований; во-вторых, «навязывание», в хорошем смысле, тематики социально-экономической истории древности, а с нею, естественно, и определенной степени ее марксистских решений, прогрессивной части западных исследователей.

Попытку дать представление о науке И. М. Дьяконова можно начинать с любой области его деятельности, но лучше не с истории, поскольку именно к истории, как отмечалось, ведут у него все пути.

Многие монографии И. М. Дьяконова обладают свойством тотчас по издании становиться настольной книгой. В этом смысле одно из первых мест занимают его «Языки древней Передней Азии»¹, где подытожены его студии по неиндоевропейским языкам названного региона, частично опубликованные и в других его работах. Книга представляет собой сжатые изложения грамматик одиннадцати языков, связанные воедино определенной концепцией, предложенной читателю во вводных сравнительно-сопоставительных очерках. Последние обрисовывают систему всевозможных — исторических, генетических и структурных соотношений этих языков. Книга, таким образом, являет собой как бы историко-лингвистический атлас древней Передней Азии. Если полагать, а это недалеко от истины, что язык есть специфически закодированная летопись происхождения и дальнейшего развития данного народа в определенной среде, то труд И. М. Дьяконова дает эти летописи связанных своими историческими судьбами народов в их сплетении и взаимопроникновении.

Эта картина, однако, лишь один из аспектов труда, другой же заключается в крупных достижениях в деле конкретного изучения языков и их семей, каковыми не обойден ни один из грамматических очерков, составляющих книгу.

Так, во втором ее разделе, посвященном семитическим языкам, особенно выделяется новая теория И. М. Дьяконова о системе родства основных ветвей семитохамитских (афра-

---

¹ М., «Наука», 1967.

зийских) языков, развернутая автором первоначально в другом, отдельном труде².

В первом разделе, охватывающем несемитские языки, автор вносит свой исследовательский вклад и в очерке шумерского и в очерке эламского языка, но главное здесь — это изложение сравнительной грамматики хурритского и урартского языков³. Выявление закономерностей сходства и расхождения в части фонетики и морфологии языков, составляющих, как оказалось, семью, разработка проблемы урарто-хурритской лексики, грубо говоря, объединение хурритологии и урартологии в единую дисциплину, уже дало свои результаты и открывает дорогу для еще больших достижений. И не только в теоретически-лингвистическом плане, что очень важно, но и в плане особенно филолого-историческом, так как служит и послужит эффективным фактором в преодолении того явного застоя, который наблюдается в последние годы или даже десятилетия в чтении и понимании текстов на названных языках.

Об иных совершенно гранях творчества И. М. Дьяконова дает возможность судить книга «Эпос о Гильгамеше»⁴. Характеризовать этот величайший памятник древневосточной поэзии нет нужды, и речь пойдет о том, что сделал с ним И. М. Дьяконов. Должно признаться, что при всей глубине приложенного к переводу эпоса исследования, дающего верное и наглядное представление об эпохе и об отражении ее в эпосе, при всей многосторонней содержательности комментария, дающего читателю возможность проникновения в самую сущность эпоса, нас в этой книге более всего поражает язык перевода. Мы привыкли уже, что хороший поэт, который, как правило, *eo ipso* не является ученым, в случаях, подобных нашему, дает так называемый «литературный перевод», благозвучный, но часто далекий от буквы и духа оригинала; либо же, что хороший ученый, не будучи, по столь же веской причи-

2 «Семитохамитские языки. Опыт классификации», М., «Наука», 1965.

3 Более основательно она изложена в отдельной монографии, изданной пока только на немецком языке: „Hurrisch und Urartäisch“, Beischrift zu Münchener Sprachstudien, München, 1971.

4 «Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»)» (перевод, введение, комментарий), «Литературные памятники», М.—Л., Изд. АН СССР, 1961.

не, поэтом, предлагает скорее подстрочник с точной передачей смысла и терминологии, что лишает читателя, вероятно, все-таки, главного — поэзии. В этом смысле «Гильгамеш» Дьяконова уникален. Даже малонскушенный читатель ощутит, что тут адекватно отражена идеология, смысл поэмы, выражен дух эпохи ее создания, и вместе перевод захватывает изумительным использованием богатейших выразительных средств русского языка, его словаря, синонимики, порой — идиоматики, особенно — его синтаксической свободы.

«Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата...»

При этом читатель чувствует, что сохранена и передана трудная и чуждая метрика аккадского стиха. Поэзия — еще одна стихия И. М. Дьяконова, чему общающийся с ним постоянно получает множество доказательств.

Аналогичными качествами отличается перевод И. М. Дьяконовым той жемчужины древнееврейской литературы, которая именуется «Песнь песней», а также «Книги Экклесиаста»⁵.

Обратимся теперь к переводным трудам АВИИУ⁶ и ЗВАХ⁷, каковые инициалы настолько популярны в среде советских историков, что даже не требовалось бы их раскрытия. Теперь, когда они уже более двадцати лет обслуживают нас, просто невозможно себе представить, как обходились раньше без них. Как сами переводы, так и комментарии в большинстве выполнены самим И. М. Дьяконовым, прибегшим, однако же, в остальных случаях к помощи товарищей и учеников. При всем том общий уровень трудов нивелирован редакторским пером И. М. Дьяконова.

Разумеется, с характером переводимого и комментируемого материала меняется и арсенал средств, мобилизуемых для этого, хотя основные черты переводческой манеры нашего ав-

---

⁵ Библиотека всемирной литературы, серия I — «Древний Восток», т. I, Поэзия и проза Древнего Востока, М., 1973.

⁶ «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту», «Вестник древней истории», 1951, № 2, стр. 257—356; № 3, стр. 205—252; Указатель собственных имен и географических названий, 1951, № 4, стр. 283—305.

⁷ «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», «Вестник древней истории», 1952, № 3, стр. 197—303; № 4, стр. 205—311.

тора, охарактеризованные выше, четко прослеживаются и здесь. В случае с АВИИУ особо следует подчеркнуть исключительное знание И. М. Дьяконовым исторической географии в широком смысле, т. е. не только исторической карты, исторической топонимики, но исторических природных условий каждого района, налагавших свою печать на облик соответствующих обществ. Это знание придает неоценимое значение обширным комментариям к текстам, делая их в самом точном смысле этого слова необходимыми спутниками собранных в труде исторических источников.

В соответствии с природой «Законов», второго из упомянутых трудов, меняется и арсенал средств комментирования: теперь мы сталкиваемся с арсеналом юридическим, хотя и подчерпнутым в значительной мере у соавтора по комментариям юриста Я. М. Магазинера, но, что очень важно, превратившимся в руках И. М. Дьяконова в юридический арсенал историка, четко сознающего место права в жизни общества и далекого от его абсолютизации. Памятники права предстают здесь как специфическое, не всегда адекватное отражение действительности, требующее, при использовании его как исторического источника, особой сноровки и искушенности.

Отметим, кстати, что при создании этих двух работ, помимо прочего, проявился элемент того особого дара И. М. Дьяконова — организатора-участника (именно обязательно участника, а не просто организатора) коллективных научных трудов и вообще коллективных научных акций, который далее развернулся по поводу разнообразнейших событий научной жизни, таких, скажем, как издание I тома «Всемирной истории» или проведение в Москве в 1960 г. XXV Международного конгресса востоковедов (И. М. Дьяконов — генеральный секретарь конгресса). В ближайшем будущем ожидаются новые значительные плоды его труда как редактора-соавтора.

В цепи широких филологических интересов И. М. Дьяконова важнейшим звеном является также дешифровка или граничащее по сложности с дешифровкой чтение особо трудных памятников письменности. Еще до войны он издал работу, затрагивавшую, на материале архаических табличек из Государственного Эрмитажа, проблему возникновения письменности в Двуречье. (Заметим, что эта тема, хотя далее в печати

специально по ней он не выступал, до сих пор преследует И. М. Дьяконова. В январе 1975 г., в дни его чествования, в своем кратком итогово-исчерпывающем докладе он блистательно показал, что клинописное слоговое письмо образовалось фактически из окружающей пиктограмму (логограмму) системы ребусно-фонетических complements, в начале минимальной, затем, по мере отмирания шумерского разговорного языка, неизбежно разраставшейся).

В этой области И. М. Дьяконовым издано более двадцати работ, половина которых⁸ посвящена чтению документов парфянского хозяйственного архива из Нисы (Южный Туркменистан). В них, в сотрудничестве с иранцами (со старшим братом М. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем) была решена проблема языка записей этого архива, сделанных арамейским письмом на глиняных черепках (острака). В отличие от мнений о том, что язык записей — арамейский, было показано, что налицо гетерографически записанные тексты на среднеиранском, а именно — парфяском языке. Значение этих документов, число которых достигает нескольких тысяч, неопределимо для исключительно бедной источниками истории социально-экономического строя Парфии. В соавторстве с К. Б. Старковой, И. М. Дьяконовым был сделан также существенный шаг в чтении арамейских надписей царя Армении Арташеса I (189—160 гг. до н. э.)⁹.

Разыскания И. М. Дьяконова в области урартской эпиграфики тесно связаны с его студиями по хуррито-урартской фонологии и фонетике; им обоснован тезис о полифоничности урартских клинописных знаков и предложена новая система чтения для некоторых из них. Чрезвычайно существен его вклад в чтение урартских клинописных глиняных табличек — административно-хозяйственных документов и писем, большинство которых было открыто акад. Б. Б. Пиотровским при раскопках Кармир-блур¹⁰.

⁸ «Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы», М., 1960, и др.

⁹ «Надписи Артаксия I (Арташеса), царя Армении», «Вестник древней истории», 1955, № 2, стр. 161—174.

¹⁰ «Урартские письма и документы», М.—Л., 1963, с предисловием Б. Б. Пиотровского.

Следует учесть, что знание наших представлений об урартском языке и его письменности до этого покоилось на основе лишь текстов официальных царских надписей со стереотипными формулярами и весьма ограниченной специфической лексикой, высеченных лапидарным клинообразным письмом на камне; вполне сходны с ними по письму и краткие надписи на утвари.

Появление урартских клинописных табличек показало всю относительность наших знаний о предмете. Они выявили новый пласт лексики хозяйственной сферы, остававшейся ранее незатронутой источниками. Далее, они продемонстрировали новый вариант урартской клинописи — скоропись, во многом отличный от лапидарного письма.

Обусловленные этими обстоятельствами трудности чтения документов усугубляются их крайней малочисленностью — всего полтора десятка цельных табличек и фрагментов. Опыт чтения клинописных текстов разнообразнейших эпох и стран помог И. М. Дьяконову преодолеть многие из этих трудностей и в процессе чтения сделать важные наблюдения в области урартской палеографии. Так, он пришел к пересмотру того общепринятого мнения, что письменная культура урартов целиком основана на ассирийской клинописи X—IX вв. до н. э. В знаках скорописи, да и в формулярах документов, он обнаружил явные следы преемственности от хеттско-хурритской канцелярии, а это отодвигает время возникновения урартской письменной культуры до середины II тыс. до н. э. Излишне говорить о том, сколь велико значение этого положения для толкования проблем истории и культуры урартского общества.

Аналогично значение выдвинутого И. М. Дьяконовым положения о мидийском происхождении ахеменидского иранского клинообразного письма.

Перед тем как перейти к характеристике вклада И. М. Дьяконова в области собственно истории, сделаем небольшое отступление, чтобы сказать о том, как он готовился к своей научной деятельности и как готовит себе смену.

И. М. Дьяконов очень рано, уже с четырнадцати лет, начал входить в область своей будущей специальности. В университетские годы он имел прекрасного руководителя в обще-

лингвистическом плане и учителя в области клинописи в лице А. П. Рифтина. Своей блестящей филологической подготовкой он обязан также И. В. Юшманову, А. Я. Борисову, И. Ю. Крачковскому, В. И. Беляеву, А. В. Болдыреву и др. В число своих учителей, уже больше в плане истории и истории культуры, И. М. Дьяконов включает и старших коллег по Отделению Древнего Востока Государственного Эрмитажа (к которому он приобщился еще в начале 30-х гг., и где начал работать в 1936 г.) Н. Д. Флиттнер, М. Э. Матье, И. М. Лурье, ныне покойных, и Б. Б. Пиотровского. Влияние И. А. Орбелли, очень сильное на всех научных сотрудников Эрмитажа, сказалось в некоторых мировоззренческих чертах И. М. Дьяконова, в духе интернационализма и в общей идее единства исторического процесса Востока и Запада; далее, Иосиф Абгарович не раз решительно вторгался в его судьбу в трудные моменты.

Игорь Михайлович часто говорит о том, что он многому учится у своих учеников. Это, возможно, так, но до этого он их учит. Он стал «мэтром» в очень молодые годы (о чем иногда досадует и, опять же, ищет «смягчающие обстоятельства»), еще до войны, и не только в смысле лектора, а именно ментора, пестующего будущих ученых, и вкладывал всегда в это дело не меньше, а скорее — больше сил и энергии, чем в создание собственных трудов. Результат — созданная им советская древневосточная школа, представители которой трудятся во многих республиках и городах Советского Союза и уже за границей, — в странах народной демократии и др., в самых различных областях истории и культуры Древнего Востока¹¹.

Помимо множества «прямых», у него имеется и десятки «косвенных» учеников, т. е. таких, коих сам он не решается причислить к своим ученикам, но которые считают его своим учителем. Отношение И. М. Дьяконова к ученику обычно на-

---

¹¹ В Армении — урартоведы Н. В. Арутюнян и О. О. Карагёзян; автор настоящих строк — в области ассириологии; ныне вступает в науку молодое поколение — Л. М. Головлева, М. Л. Хачикян, А. А. Папазян. В известной степени ученицей И. М. Дьяконова является иранист А. Г. Перихания.

чинается со «стирки пеленок». «Пеленки» в данном случае — это тот зачастую отчаянно сырой материал, который преподносит ученик, и который Игорь Михайлович многократно и жертвенно корректирует (не считая это «черной работой»; он вообще не знает такой категории), снабжая ее острыми маргиналиями, но корректирует так, чтобы, обеспечив верное направление работы, вместе с тем заставить ученика пошевелить мозгами в процессе ее улучшения, уверовать в свои силы. Иной раз аналогичные хлопоты (будь то перевод трудных пассажей, или возня с представлением текста на иностранном языке и т. п.) доставляют учителю и уже ставшие «маститыми» ученики — по старой памяти. Игорь Михайлович безропотно выполняет и это. Вообще же он активно следит за дальнейшей деятельностью учеников и, в случае нужды, поощряет или предупреждает их. Последнее не всем приходится по вкусу; Игорь Михайлович переносит это философски.

Непосредственным продолжением этого рода деятельности является ампула рецензента в широком смысле, причисляя сюда всю критическо-оценочную деятельность ученого, начиная с выступлений по докладам и письменных отзывов и кончая рецензиями в тесном смысле этого слова. Важное их свойство — нелицеприятность. Она одинаково тверда в отношении учеников, товарищей, оппонентов и противников. Кстати, и в отношении самого себя. Иногда выраженная прямолинейно, она способна уколоть самолюбие и породить молву о высокомерии. Но все это меркнет перед объективной научной значимостью критики, ведомой И. М. Дьяконовым с высоты упомянутой уже громадной эрудиции и организующей ее твердой историко-логической мысли.

В числе десятков опубликованных И. М. Дьяконовым рецензий можно выделить два основных типа — критический и конструктивный (с вариантом критически-конструктивным). Некоторые образцы работ последнего типа практически переходят границы жанра рецензии и приближаются к соавторству, дополняя, развивая и уточняя основные выводы автора обсуждаемого труда, или же, наоборот, переосмысляя его концепцию.

В качестве примеров рецензий конструктивного типа можно привести статью «Арийцы на Ближнем Востоке — ко-

нец мифа»¹², написанную по поводу книги А. Камменхубер (Die Arier im Vorderen Orient) и существенно дополняющую ее, и статью „Die Hethitische Gesellschaft“¹³, в которой И. М. Дьяконов внес концепцию социально-экономического строя хеттского общества, в корне отличную от предложенной в книге Э. А. Менабде «Хеттское общество» (Тбилиси, 1965 г.), пользуясь при этом почти исключительно материалом, поданным в этой книге. В новой раскладке материал дал картину, которая естественно вписывается в общий фон социально-экономического строя современных хеттскому и соседних с ним, либо же типологически сходных обществ. Обладая широким географическим, хронологическим и, так сказать, «дисциплинным» охватом истории Древнего Востока, И. М. Дьяконов часто в состоянии высмотреть закономерности и сходения там, где другой увидел бы лишь разрозненные факты.

Именно здесь уместно сказать о двух монографиях И. М. Дьяконова. Одна из них, «История Мидии»¹⁴, удостаивается иногда по некоторым пунктам мало лестных оценок со стороны самого автора. Мнением автора и замечаниями некоторых рецензентов пренебрегать, конечно, нельзя, и все же только что упомянутый фактор видения отдельных районов и хронологических отрезков на фоне всей истории Передней Азии берет свое, и монография оказалась ярким факелом, осветившим многие сумрачные углы истории Мидии, анекдотически, но с основанием искони прославившей «темной и непонятной».

То же видение придает особую ценность другой монографии автора, посвященной проблеме этногенеза армян¹⁵. Эта проблема, как известно, не сегодня встала перед наукой; в древности ею занимались еще Геродот и Страбон, в раннем средневековье — Мовсес Хоренаци. Ее разрабатывали со

---

¹² «Вестник древней истории», 1970, № 4, стр. 39—63.

¹³ МЮ, 1967, № 3, стр. 313—366.

¹⁴ «История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э.» М.—Л., 1956.

¹⁵ «Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 до 500 г. н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне». Ереван, 1968.

времени зарождения исторической науки нового времени, особенно — после установления индоевропейской принадлежности армянского языка. Выдвигалось множество концепций и идей и европейскими и армянскими досоветскими и советскими учеными, крайние из которых настолько расходились, что будто относились к происхождению двух разных народов. Пришельцы или автохтоны? Вот на какой неправомерно прямой вопрос старалось дать ответ большинство исследователей. При этом ими привлекался, как правило, лишь «внутренний», т. е. непосредственно примыкающий к проблеме материал: армянский язык с выявляемыми им связями и пластами плюс те отрывочные исторические сведения, которые содержались в античных, а также в армянских источниках. И. М. Дьяконов же, и в этом его основная заслуга, подошел к проблеме в первую очередь извне, т. е. дал *ad hoc* обстоятельную картину политической, этно-языковой, отчасти и социально-экономической истории ареала, включавшего Армянское нагорье и окружающие его области — Малую Азию, Закавказье, Иранское плато, Северную Месопотамию, северо-восточное Средиземноморье, на протяжении длительной исторической эпохи. При этом вычертились те географические, этно-языковые и хронологические рамки, вне которых искать процессы происхождения и образования армянского народа было бы бессмысленно или, что то же, был определен круг, где их надо искать. И уже после этого, апеллируя к источникам, охарактеризованным нами выше как «внутренние», и прибавив к ним ряд данных из клинописных источников, И. М. Дьяконов нарисовал очень вероятную, во многом, по-видимому, верную картину. Она сводится в основном к тому, что народ армянский сложился безусловно на Армянском нагорье, имея ингредиентами как местные хуррито-урартские, хетто-лувийские и другие племена, внесшие свой огромный вклад в виде основной физической массы, культуры, языковых элементов, так и пришлые, явившиеся в пору движения «народов моря», индоевропейские — видимо фрако-фригийского круга — племена. Последние обосновались в начале на юго-западе исторической Армении, а затем энергично включились в этногонические процессы, внося свой язык в качестве ядра будущего армянского языка. Некоторые, в частности

лингвистические, связанные с фригийским языком, проблемы занимают И. М. Дьяконова и в настоящее время.

Теперь следует обратиться к *idia* историка, к тому собственному его полю, на котором взращиваются его стержневые концепции, строятся модели, кои далее служат испытанию прочих его наблюдений, выводов и догадок, т. е. к истории, в частности—«соцэк»-истории Месопотамии.

Для моего поколения дискуссии 30-х гг. о рабовладельческом характере древневосточных обществ имеют историографическое значение, для И. М. Дьяконова же — биографическое. Он присутствовал при знаменитом докладе академика В. В. Струве «Проблема возникновения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока», а в дальнейшем активно участвовал в разработке взявшей старт в этом докладе концепции советских историков, порой в согласии с ее основоположником и порой в острой полемике с ним. Можно сказать с уверенностью, что И. М. Дьяконов остался верен в целом концепции рабовладельческого характера древневосточных обществ. Он внес в нее существенные, иногда кардинальные изменения и поправки, подсказанные новым осмыслением известного материала или новым материалом, но модные в дальнейшем течения, призывавшие к возврату, в той или другой форме, к теории азиатского способа производства, остались ему чуждыми.

Большое количество трудов, написанных по этой проблематике И. М. Дьяконовым, группируется вокруг трех егоopusов, имеющих значение вех на пути выработки его итоговой на нынешний день позиции. Любопытно отметить, что эти вехи расставлены с приблизительно равными, десятилетними, промежутками.

Первая из них — это в то же время и первая монография И. М. Дьяконова — «Развитие земельных отношений в Ассирии»¹⁶, защищенная в качестве кандидатской диссертации. Поскольку земельные отношения являются ведущими общественными отношениями в древности, и автор рассматривает их именно в таком качестве, то перед нами фактически работа о социально-экономическом развитии Ассирии на протяжении

¹⁶ Л., 1949.

нии трех периодов истории: староассирийского — зарождение, среднеассирийского — возвышение и расцвет, новоассирийского — упадок, связанный прямой и обратной связью с фактом пышного цветения и катастрофического краха ассирийской государственности. Бросая ретроспективный взгляд на эту монографию, кажется правильным выделить ее третью, кстати, и наиболее обстоятельную часть, касающуюся новоассирийского периода, к вопросам которого, к проблемам I тыс. до н. э., автор в дальнейшем уже почти не возвращался. Эта часть, разумеется, в своих главных чертах, видимо, продолжает служить исследовательской основой соответствующего отрезка общей концепции социально-экономического развития Древнего Востока И. М. Дьяконова. Главное же здесь — это плодотворный вывод о кризисе рабовладельческого строя на Востоке уже в этот период, в VIII—VII вв. до н. э., отличающийся формами эксплуатации, при характеристике которых автор счел возможным провести типологическую аналогию с римским колонатом, отстоящим от них на многие века, и использовать термин «колоны» для условного обозначения определенного слоя производителей материальных благ в Передней Азии указанного периода. Отметим, пока без комментариев, что через два с лишним десятилетия И. М. Дьяконов употребит западный термин «илоты» и «илотия» для характеристики другого рабовладельческого института, относящегося на сей раз к раннему периоду истории Передней Азии.

Следующей вехой представляется докторская диссертация И. М. Дьяконова «Возникновение деспотического государства в древнем Двуречье», большая часть которой (за исключением раздела о старовавилонском периоде) была издана в монографии «Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер»¹⁷.

И. М. Дьяконов показал, что неверно широко принятое в науке представление о том, что вся территория шумерских «городов-государств» (или, как он иногда их именует — «номовых государств», типологически сближая с египетской действительностью) была занята храмовыми (впоследствии пре-

---

¹⁷ М., 1959.

вратившимися в царские) хозяйствами, и что все поголовно население так или иначе входило в систему этих хозяйств в качестве различных категорий персонала—от привилегированных до подневольной рабочей массы.

Поднятый им фактический материал продемонстрировал несомненный факт изначального, и никогда впоследствии не прекращавшегося, существования в «городах-государствах», а далее — в территориальных государствах, наряду и рядом с храмовым (а далее—с царским) хозяйством и зависимым от него и трудившимся на его землях населением, также свободного земледельческого населения, объединенного в сельские общины, жившего на своей, отличной от храмово-царской, общинной земле, которую можно было нередко и отчуждать. Община состояла из патриархальных семей, имела свои выборные органы самоуправления. В отличие от общинников, члены персонала храмово-царского хозяйства во всем зависели от администрации, не имели никакой внутренней организации, землей владели или пользовались условно, или же не владели вовсе, получая лишь натуральное довольствие.

Естественно, такая постановка вопроса подрывает основу того ходячего представления, согласно которому государство на Древнем Востоке, в частности, и в Шумере, было изначальным деспотическим. И. М. Дьяконов показывает, что «восточная деспотия» возникает лишь на определенном этапе развития государства, и ей предшествует длительный, так называемый раннединастический период — до середины III тыс. до н. э., когда царь вовсе не является деспотом, а делит власть с органами общинного самоуправления — советом старейшин, являвшимся органом родовой знати, и народным собранием — органом рядовых общинников. Эти органы сохраняются и после возникновения деспотии, ибо сохраняются и свободное общинное население, но они полностью теряют общегосударственные функции, ограничивая свою компетенцию сферой лишь низовых звеньев—составных частей государства — сельских или городских общин, аналогичных по своему историческому месту гражданским общинам — «полисам» античности.

И. М. Дьяконов прослеживает путь сложной, полной драматизма борьбы трех групп—царя с его людьми (служилой

знатю), родовой аристократии, рядовых общинников, в которой победу одерживает первая группа. Деспотия зарождается еще до Саргона Аккадского, приобретает более или менее определенные очертания при нем и его преемниках, получает уродливый противоестественный, базировавшийся на обреченном вскоре рухнуть царском паразитическом рабовладельческом сверххозяйстве, вид при III династии Ура и наконец уравнивается на классическом типе деспотического государства в период Хаммурапи и его преемников. Этот же период представляется И. М. Дьяконову наивысшей точкой развития древневосточной рабовладельческой экономики.

Проблема сословно-классового деления общества является тем фоном, на котором ведется И. М. Дьяконовым исследование вышеупомянутых вопросов в его названном труде и примыкающих многочисленных работах, из коих нужно отметить статью о «мушкенумах»¹⁸. Четко и постоянно в источниках выявляются две группы населения — свободные общинники и царские люди различных категорий. Общинная среда дифференцируется, выделяя, с одной стороны, верхушку, с другой — обедневших, потерявших землю общинников, которые тем самым как бы перестают быть общинниками и следовательно — свободными. Они по своему экономическому положению смыкаются с низшими слоями царских людей, также не имеющих в своем распоряжении земли, а эти две группы, вместе взятые, в классовом отношении приближаются к сословию рабов в собственном смысле этого слова. «Рабовладельческим» это общество можно назвать лишь условившись объединять все эти три рабских или околорабских слоя в единый, рабовладельческим способом эксплуатируемый класс, а также условившись не считать эксплуатируемой категорию всегда наличных в большой массе рядовых свободных общинников, обязанных государству лишь податями и повинностями.

Третья века — это серия статей, а по существу — сжатая монография о структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., состоящая из двух частей — «Проблемы

---

¹⁸ «Muškenum и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби», «Eos», XLVIII, 1, 1956, стр. 37—62.

собственности» и «Проблемы экономики»¹⁹. В этой работе автор, вооруженный выводами, добытыми на предшествующем этапе — при углубленном исследовании общества древнего Двуречья, как бы взлетает высоко над ним и охватывает взглядом весь огромный регион Передней или Западной Азии, «обращая,— говоря словами автора,— при этом внимание прежде всего на черты общности между различными странами Ближнего Востока и уделяя меньше внимания чертам различия...».

Очень важны первые две главы работы, отмечающие ставшее общим местом положение, что царь на Древнем Востоке был собственником всей земли государства; здесь четко охарактеризовано понятие собственности и разграничены представления о царе-собственнике, права которого ограничиваются пределами принадлежащей ему земли, и царе-суверене, власть которого простирается на все государство.

Ядро работы составляют ее третья и четвертая главы, названные соответственно: «Структура общинного сектора экономики в Западной Азии» и «Структура государственного сектора экономики в Западной Азии». Вопросы, как видим, прежние. Но, обогащенные обширным материалом многих стран, они выступают здесь уже в ранге теории, которая настойчиво обнаруживает все больше и больше точек соприкосновения и с социально-экономическими проблемами западного, «античного» мира, обещая на следующем этапе абстракции охватить и их.

В одном важнейшем пункте этот шаг уже сделан И. М. Дьяконовым в недавней статье «Рабы, илоты и крепостные в ранней древности»²⁰, которую автор заключает словами: «Для нас важно было показать, что те непосредственные производители материальных благ на Древнем Востоке, которые находились в государственной собственности, во-первых, не

---

¹⁹ «Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.», «Вестник древней истории», 1967, № 4, стр. 13—35; «Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.», там же, 1968, № 3, стр. 3—27 и № 4, стр. 3—40; серия в целом разделена на пять глав.

²⁰ «Вестник древней истории», 1973, № 4, стр. 3—29.

специфичны для Востока, а относятся к хорошо известной и на Западе категории илотов, во-вторых, что илоты и рабы составляют лишь две прослойки одного и того же экономического класса: их различия в конечном счете определяются существованием двух экономических секторов в пределах *единого способа производства в древности*— (курсив наш.—Г. С.)

А впереди еще новые дела.

SUMMARIES

THE TILMUN TRADE IN THE UR VERSION OF THE ENKI AND NINHURSAG MYTH

This paper is devoted to ll. II, 1--26 in the version of the Enki and Ninhursag Myth published in UET VI. These lines can be shown by abundant circumstantial evidence to be a late interpolation, which can with a great degree of probability be dated in the period of the Kingdom of Larsa, from the reign of Gungunum to that of Rīm-Sîn I. It is important to note that the Tilmun trade is viewed not from Sumer but, as it were, from Tilmun itself; some of the trade routes which normally went overland, lead in the text via Tilmun by sea, thus showing that the land roads were temporarily blocked (by Elam?).

The translation of the text in question is:

1. Let the land Tukriš carry to you gold from Ḫarali,
[bright] lapis lazuli;
let the land Meluḫḫa [bring] you the coveted carneol,
the costly,
the „wood of Magan“, the „wood of the sea“, the excellent,
5. (in) ships;
let the land Marḫaši [carry to] you jewels bright, crystal;
let the land Magan [bring] you the strong copper,
the co[stly(?)] asphalt,
diorite, precious stones;
- 10—11. let the „Sea Land“ [carry to] the you ebony wood,
the fine luxury of the king;
- 12—13. let the „Land of the Tents“ [bring] you sheep, excellent wool;

- 14—15. let Elam [carry to] you wool, the., tribute (?);
 let Ur the sanctuary, the temple of kingship, the illustrious city [bring] you
- 17—18. grain, oil, famous cloth, excellent cloth, (in) ships;
 let the broad sea [carry to] you its opulence!
20. All the dwelling-places of the city—let the dwelling-places be good [
 the dwelling-places of Tilmun—let the dwelling-places be good [
 its grain—let it be very, very small,
 its dates—let them be very, very big,
 its harvest—thrice [...
25. its tree (or: wood)—the tree (wood) [...
 [.....]

AISIK VAIMAN

STUDIES IN THE SUMERO-BABYLONIAN METROLOGICAL SYSTEM

The following conclusions are formulated as the result of the author's research in the Sumer-Babylonian metrological system of the Ur III (late third millennium B. C.) and the Old Babylonian Periods (first quarter of the second millennium B. C.).

During the Ur III Period, the unit of capacity, *sila*, was determined as the capacity of a cylinder of equal height and diameter, both measuring 6 šu-si. Hence

$$1 \text{ SAR of capacity} \approx 6'40'0 \text{ sila,}$$

$$1 \text{ sila} \approx 0.762 \text{ l.}$$

The determination of the unit of capacity *sila* was also used for the ratio between the volume of a cylinder, p , expressed in units of capacity *sila*, and the volume of a cylinder described round it, v , expressed in units of volume, SAR

$$v = 0'0'0'1 \text{ GAR}^3/\text{sila } p,$$

a formula applied in the solution of a series of problems.

Based upon the determination of the *sila* as a unit of capacity, the *sila* as a unit of volume was introduced in the Ur III Period, defined as the volume of a cube whose edge is 6 šu-si. Hence,

1 SAR of volume = 500 *sila* of volume = 18,000 *sila* of volume.

$$1 \text{ sila of volume} = 0.97 \text{ l.}$$

This unit (and the corresponding *gur* of volume) was used to measure the freight-carrying capacity of ships.

Based upon the definition of *sila* as a unit of capacity, the *sila* as a unit of square measure was introduced in the Old Babylonian Period, defined as the square whose side is 6 šu-si:

1 SAR of square measure = 1'0'0 *sila* of square measure,

1 *sila* of square measure $\approx 0.98 \text{ dm}^2$.

This unit was used to measure the section („thickness“) of a log. Though the two last-mentioned units, the *sila* of volume and the *sila* of square measure (and the metrological systems with which they were associated) were of secondary importance, the basic systems being those of volume and square measure with SAR for basis, they show that the Sumerians and Babylonians (especially the former) achieved a high stage in the development of metrological ideas. Characteristic of Sumero-Babylonian metrology as a whole is the use of metrological homonyms, metrological systems with identical scales (the ratio between the units, and their denominations) denoting different quantities, and metrological synonyms (systems of measures with different scales and units) expressing identical quantities.

We know from cuneiform mathematical texts of the existence of the clepsydra in the Old Babylonian Period. The author shows the daily expenditure of water in the clepsydres to have been determined as equal to 1 *gún* $\approx 30.48 \text{ kg}$. The clepsydra had the shape of a cylinder whose diameter was 1 *kùš* $\approx 49.5 \text{ cm}$, and whose height was $1/3 \text{ kùš} \approx 16.5 \text{ cm}$. The calculation of the clepsydra made by the Babylonians

was based on the unit of weight, *ma-na*, determined as the weight of water within the capacity of $2/3$ *sila*. Hence

$$1 \text{ ma-na} \approx 0,508 \text{ kg.}$$

VALERI KHACHATRIAN

SOME PROBLEMS RELATING TO THE TOPONYMY OF THE CENTRAL REGIONS OF THE LAND OF HATTI

In this article problems concerning the localization of the regions in the centre of the Hittite Kingdom: Hattussa, Kartapakha, Salma, Parsananhila and Samlusna are discussed.

Relying on the Hittite texts available, the writer concludes that Kartapakha occupied the basin of the middle course of the river now known as Kizil-Irmak, below its confluence with its tributary Delice, while Salma was located in the place of the Ancient Galatia, Parsananhila — between Galatia and modern Bogazköy (i. e. Hattussa), and Samlusna—in the region of modern Kirşehir.

NERSES MEKERTCHIAN

REDUPLICATION OF VERBS IN HITTITE AND IN ARMENIAN

In this paper the reduplication of word-roots is discussed as an important means of verb formation in Hittite and Armenian.

Accordingly, such Hittite and Armenian verbs are listed which constitute isoglosses solely between these two Indo-European languages. The writer believes that they may be accounted for not only in terms of indirect Armenian borrowings from Hittite but may also be due to their formation in the area common to both languages.

Hitt. *kurkur-ai-* „mutilate, maim“ -Arm. *k'rk'r-el-* „maimo-loosen“. Hitt. *katkat-inu-* „sprinkle“ (?) -Arm. *kat'kat'-el* „spray, sprinkle, Hitt. *galgal-ināi-* „a form of singing“ -Arm. *gel-gel-*

-el "trill, coloratura, modulation", Hitt. *kuškuš(š)*- "crushing"
 -Arm. *koškoč*-el "break up, thrash", Hitt. *gangat-ai(?)*-Arm.
gangat-el "complaint, lamentation" "Hitt. *uariyaran(t)*-bur-
 ning, flaming" Arm. *vařvřun/vařvařean, vařvřun* "burning,
 flaming" Hitt. *hulhul-ija* "struggle, wipe out" Arm. *xolxol-el*
 "smash, wipe out", Hitt. *zahh*- "beat, battle, smash, spatter"
 -Arm. *jax-el/jaxjax-el* "smash out, rout." Hitt. *ap/ep*- "take,
 Arm. *an'/ap'ap'*-el "take a handful, take hold of", Hitt. *šap-
 ija*- "scrape off, rasp off"-Arm. *šop-el/šopšop-el* "scrape off,
 take away", Arm. *alp'-un/alp'alp'-un* "shaky, dilapidated"
 -Hitt. *alp*-ant ant (?) etc.

A similar way of verb formation is still current in Modern Armenian.

HELMUT FREYDANK

NEW DATA ON THE RELATIONS BETWEEN THE MIDDLE ASSYRIAN KINGDOM AND THE NORTH-WESTERN REGIONS

Some of the unpublished Middle Assyrian documents in the Vorderasiatisches Museum zu Berlin contain the proper names *Urad-aI-nu-a*, *Šil-li-aHal-di-a*, *Er-ri-me-na*.

Especially interesting is the name *Errimena*, identical with the Urartian royal name *Erimena*. This is important because in the Urartian texts the name *Erimena* appears mainly not as a name of a reigning king but as a patronymic.

The author supposes that the above-mentioned facts point to a close relationship between the Assyrians and their northern neighbours, the Urartians.

SOLMAS KASHKAI

FORTRESS CITIES IN THE MANNĀI AREA

The Assyrian and Urartian cuneiform records which mention the settlements of the Land of the Mannāi make a distinction between the fortress cities, *alāni dannūti*, which were seized after prolonged fighting and settlements situated around

the fortress, *ālāni šeḫrūti ša lemēti-šunu*. At the approach of the enemy the population of the settlements hid in the nearest fortress and prepared for defence. Not all of the *ālāni dannūti* were of the type of fortified cities. Some of them seem to have been merely forts occupying strategically important positions and provided with a garrison whose task was to stop the enemy on their march towards the heart of the country. But some of the *ālāni dannūti* were carefully fortified strongholds, with a citadel and dwelling houses inside the walls. They served as places of residence for the nobles, and it was in them that the wealth of the land was concentrated.

The difference between the two types of *ālāni dannūti* appears in the description of the booty. At the taking of the fortresses of the first type, with their surrounding settlements, flocks and herds were seized; while the fortified cities yielded to the victor, in addition to cattle, also grain from the granaries, silver, gold, and articles of craftsmanship. This is clear from Sargon II's detailed description of the fortress *Uškāia*. Such fortified cities have been excavated by R. Dyson on the site of Hasanlu, and by Ch. Burney near Haftavan south of the town of Shapur.

It is clear from the materials at our disposal that the population of the Land of the Mannai had an elaborate system of defence consisting of structures which were built with a high technical ability. This is important evidence of the state of the economic and political development of the country.

NICOLAI HAROUTHYOUNYAN

SOME PROBLEMS OF THE LATER PERIOD OF THE HISTORY OF URARTU

The later period of the history of Urartu—the period of its decline and fall—has not yet been adequately studied. A certain amount of study has, it is true, been devoted to it, especially by Soviet historians, but a number of problems still need elucidation and sometimes a complete reconsideration.

The inadequacy of the existing notions about the period in question is not only due to the scarcity of the material con-

tained in the extant Urartian and Assyrian inscriptions, but even more to the rather superficial analysis of the Urartian written sources discovered in the last decades on the site of Teišeḫbaini (Karmir-Blur).

This has occasioned several discrepancies in the readings of the texts, and gave rise to interpretations of these which were not supported by sufficient evidence, and to incorrect solutions of the chronological problems of the later period of the history of Urartu, beginning with the reign of Sarduri III. Sarduri III, son of Rusa II, is known, apart from the texts of the Assyrian king Aššurbānapli, also from the text of one of the tablets found at Teišeḫbaini and from two seal impressions on tablets; Sarduri IV, son of Sarduri (III) from an inscription on the fragments of a bronze shield and on a fragment of a tablet from Teišeḫbaini; Erimena, from a seal impression on a tablet from the same site; Rusa III, son of Erimena, from short cuneiform inscriptions on bronzes (mainly shields) from Rusaḫinili, and from inscriptions on stones originating from Ereḫuni and Argištihinili; and, lastly, Rusa IV, son of Rusa—from an impression of a cylinder seal on a tablet from Teišeḫbaini (where he figures as prince royal) and from the impression of another seal on a clay bulla (where he is mentioned as king).

Based on these facts and on some archaeological data, the author suggests the following chronological sequence for the kings of Urartu in the later period of its history:

- Sarduri, son of Rusa (Sarduri III)
- Sarduri, son of Sarduri (Sarduri IV)
- Erimena, son of [Sarduri?!]
- Rusa, son of Erimena (Rusa III)
- Rusa, son of Rusa (Rusa IV)

MARGARET ISRAELIAN

SOME CORRIGENDA TO URARTIAN INSCRIPTIONS

1. The analysis of the scanty data on the system of numerals in Urartian leads to the conclusion that it was not based

either on the duodecimal or the sexagesimal principle; the system was decimal.

2. In YKH 127 II 17=HChI 80 read *pa-ri* for *si-ri*. The remains of the sign are clearly those of *pa*, and *pari* fits excellently into the context. The word *siri* is to be excluded from the Urartian vocabulary.

3. In YKH 266, 17=HChI 118 read *e-'a* "and" for *IM*, in accordance with the context, and with a clear *a* in the copy.

4. In YKH 127 IV, 72 read *iu* "when".

5. In YKH 127 I, 11. 33—35 read, by analogy to a similar formula in the Annals of Sarduri II, as follows: (33) uš-ta-di KURAr-tar-mu-e-di (ši-a-bi ka-ú-ki-e (34) gu-nu-ši-ni-l-e su-u-i-du-lu-ú-bi (35) URU^{mes}.

6. In YKH 127 II, in the beginning of l. 43 there was only *aše*; no place for a determination.

DIMITRI SARKISIAN

THE LAND ŠUBRIA IN URARTIAN INSCRIPTIONS

In the Assyrian inscriptions the land Šubria is mentioned since the reign of Aššur-bēl-kala (1076—1059) when it is localized in the Sasun mountain massive. However, it is not mentioned at all in the interval between Salmanaser III (859—824) and Sargon II (722—709). This is probably due to its having conquered by Urartu. However, in an inscription of Tiglatpileser III (747—727), in a passage connected with his campaign against Urartu in 735 (?) there is a mention of the land Kullimmeri. Since Kullimmeri is mentioned by Esarhaddon (680—669) as one of the two main centres of Šubria, and in the inscriptions of Aššurbanaplī (668—663) as one of the two districts which constituted Šubria, it seems possible to conclude that Tiglatpileser's matKullimmeri was either the whole of Šubria, or its part.

More important, however, is the fact that Šubria is not mentioned at all in the Urartian inscriptions, although in two inscriptions of king Menua (about 810—786) a city Quimeri with its country is mentioned (in one case, as it seems, with-

out the determinative URU). This allows us to suggest that Šubria was known in the Urartian inscriptions under the name of one of its two main centres, viz. Kullimeri/Qulmeri.

As to the commonly assumed identity of the land of Šubria with Urart. *Urme*, it should be noted that such identification is not borne out by the facts. From the inscription in question one can see that king Menua started his campaign against *Urme* and conquered it only after having first conquered Qulmeri with its country.

GEWORK TIRAZIAN

NEW ARCHAEOLOGICAL FINDS OF POST-URARTIAN PERIOD IN WESTERN ARMENIA (TURKEY) AND THEIR PLACE IN THE HISTORY OF ANCIENT ARMENIAN CULTURE

Excavations of Urartian centres in Turkey (Western Armenia) and chance finds during construction work have brought to light archaeological remains of the post-Urartian type relating to early Armenian (VI—IV centuries B. C.) and Hellenistic (III—I centuries B. C.) times.

Remnants of defence structures of the Hellenistic period were discovered in the area of submersion of the Keban dam on the Euphrates, (the Simšat-Kalesi hill on the southern bank of the Eastern Euphrates-Aracani, or Muradsu). The structures were made of well cut stone. An interesting collection of pottery has also been discovered there; it is similar to the pottery occurring in great quantities in the Early Armenian and Hellenistic times. Particular mention should be made of fragments of black glazed pottery, the first specimens of Attic importations into the Armenian Highland. The name of the hill as well as the archaeological finds allow for its identification with the citadel of the ancient Armenian city of Arshamoshat founded in the 240's B. C. by Arsham, king of Sophene and Commagene.

The pottery unearthed in the column hall of the Urartian fortress on the hill Altin-tepe, east of Erzincan, is attributed

by the publishers to the late Urartian period. However, a comparison of the shapes of vessels at Altin-tepe and their ornamental motifs with the pottery of the Hellenistic times of the eastern regions (Armavir, Garni, Artashat) unequivocally shows common features with the post-Urartian pottery of the Armenian Highland.

The discovery of pottery of the post-Urartian period on the Altin-tepe seems to attest the continuation (or revival) of life on this site in Armenian times; the town of Cumin is mentioned by ancient Armenian writers in its vicinity.

A set of tumuli with funeral objects discovered near Kanberköy north of Erzerum, dated by a coin of Alexander the Great to the end of the 4th or the beginning of the 3rd century B. C. — when compared with contemporary finds from Ancient Armenia (Hasan-Kala, Karmir-blur (the city), Garni, Gheghadir), shed light on a number of problems regarding the culture of Armenia in early Hellenistic times.

Discovered in Patnos, to the north of Lake Van, archaeological remains of the Urartians depict their mode of life from the end of the 9th to the onset of the 6th century B. C. Apart from other objects, pottery has also been excavated here, part of which dates from the post-Urartian period. Noteworthy is a flask covered with red linear decoration. Such vessels frequently occur in the Hellenistic centres of Armenia and are typical of the Armenian pottery of the period. Their occurrence in Patnos testifies to the continuation of life on the site during the post-Urartian Armenian period.

In Zernaki-tepe, situated near Arçes, to the north of Lake Van, archaeologists have discovered an Urartian city with a citadel. At the same time stone blocks transferred from the site were discovered in the nearby village. They had peculiar cuttings in the shape of a "dove-tail" to fix the stones together by special clamps.

A survey of various devices for fastening stones in the architecture of the Middle East and Greece shows that the time when metal clamps in the form of "dove-tail" became widely used begins in the 7th—6th centuries and continues through the Achaemenid and Hellenistic periods. It was at this time that such metal clamps appeared in Armenia. A whole

set of Armenian sites is now known, part of which is dated with certainty, where the application of "dove-tail" metal clamps is mentioned (Hasan-Kala, Armavir, Ani, Tsolakert-Tashburun, Eruandakert), which makes it greatly probable that the above stones from Zernaki-tepe should be dated to the Hellenistic period.

The value of the finds considered here, dating from the post-Urartian period, consists in their throwing added light on the picture of ancient Armenian culture (6th c. B. C.—4th c. A. D.), the archaeological explorations of which have been recently embarked upon in the territory of Soviet Armenia.

On the other hand, the new data from Western Armenia prove in a graphic way the uniformity of the culture of the Armenian Highland at the period under discussion, demonstrating the identity of forms in its various regions, due to the common nature of the historical process, the ethnic and the social set-up of ancient Armenia in its entirety.

Finally, these facts draw once more the attention to the need for a scientific interpretation of the problem of relations between the Urartian and the Armenian cultures, and moreover, to the problem of their continuity.

The revival, and, in some instances, the continuation of life in a number of areas in the period following the downfall of the Kingdom of Urartu is of significance for a proper understanding of the historical process in the territory in question.

IGOR DIAKONOFF

THE PLACE OF PHRYGIAN AMONG THE INDO-EUROPEAN LANGUAGES

(T h e s e s)

1. In the late 19th and early 20th century a number of scholars adhered to the hypothesis of a close Armeno-Phrygian linguistic relationship, basing their opinion mainly on Herodotus and on Eudoxus of Cnidus. However, in the last half-century it has become as fashionable to deny the proximity

between Armenian and Phrygian, as it has formerly been fashionable to take it for granted. At present the most common opinion is that Phrygian, not being a Greek dialect, stands nevertheless nearest to Greek.

2. The most important arguments in favour of a comparatively near relationship between Phrygian and Greek are: the supposedly *centum*-type of Phrygian, the similarity of the inflections (especially of the noun, but cf. also the augment *e-* in the verb), and an appreciable number of lexical isoglosses. The *centum*-type of Phrygian is also usually brought forward as an argument against the existence of a Common Thraco-Phrygian branch of the Indo-European family.

3. The arguments usually cited against a near relationship between Armenian and Phrygian are: the *satem*-type of Armenian, the crass dissimilarity of its inflectional forms to the Phrygian ones, especially as regards the noun (however, cf. the augment *e-* also in Armenian), and a supposedly low number of lexical isoglosses. In spite of this the language, which, among all the Indo-European, is regarded as closest to Armenian, is Greek; and, consequently, Phrygian, being, in its turn a language closely related to Greek should, it seems, be regarded as standing pretty near Armenian too. In the later years the possibility of a close Armeno-Phrygian linguistic relationship is discarded with less vehemence than formerly, partly because less weight is ascribed to the opposition of *centum* vs. *satem*.

4. A serious impediment to the solution of the problem of the place of Phrygian among the Indo-European languages is the absence of a really reliable corpus of Phrygian epigraphic material and of an equally reliable collection of Phrygian glosses. The *Phrygische Sprachdenkmäler* published by O. Haas a few years ago, is by no means a reliable corpus, its standard of epigraphic and linguistic techniques being very low; it is full of erroneous statements, inconsistencies, and arbitrary speculations. Thus, both this and the preceding works by Haas tend only to misguide a reader who has not worked his own way through all the available material. Former generations of students of Phrygian have launched a great number of quasi-Phrygian glosses which continue to be cited in the

296

secondary linguistic literature. Such erroneous glosses have in actual fact been produced partly by arbitrary and erroneous word division (most of the Phrygian texts being written without any kind of orthographic word-dividers), partly as a result of mis-reading of the epigraphic material, and partly through arbitrary ascribing to the Phrygian language of glosses from Hesychius and other lexicographers which they themselves have not expressly stated to be Phrygian. Moreover, Haas is guilty of the opposite sin of dropping from the list of Phrygian glosses words which are expressly stated to be Phrygian in the ancient sources but do not tally with Haas' own particular concept of what Phrygian ought to be. —Any further serious work on Phrygian will be possible only after the compilation of a complete corpus of the available sources, from which all the really separable lexemes are to be sorted out by rigorously objective methods. Such a corpus is at present being prepared for publication by the present author with the aid and collaboration of V. P. Neroznak.

5. The data available to the author allow to point out some important Armeno-Phrygian isoglosses in the field of phonetic development: thus, the two languages have in common the general direction of the shift of the plosives; the history of the initial *s-; the development of the whole system of vowels also is nearly totally identical in both languages (cf. especially the development of *e > i, *ō > u, the loss of vowel length, and the great similarity in the reflexes of I.-E. l, r, m, n). Although each of these phonetic isoglosses taken separately, may connect Phrygian also with other I.-E. languages, the whole system of the phonetic changes in its entirety is shared only by Phrygian and Armenian.

6. The *centum-satem* problem deserves special attention. Being an I.-E. dialect intermediate between Greek (a language of the *centum*-type) and Armenian (a language of the *satem*-type), it would be quite natural for Phrygian to occupy some intermediate position also in regard to the palatalized velar stops. The vacillation of the scholars from the conviction that Phrygian was a *satem*-language to the opposite of regarding it as a *centum*-language is due to the indiscriminate use of

allegedly Phrygian lexemes instead of a systematic study of Phrygian texts, or even a checking of the contexts. In actual fact, I.-E. *k', *g'(h) occur, in the hitherto available reliable Phrygian material, either before *i*, *e*, or before consonantal *l*, *r*, *m*, *n*. (The alleged Phrygian *gdān* ~ Greek *chthōn* is spurious and, moreover, does not tally with the reflex of I.-E. *ō > Phryg. *u* which is established beyond doubt). Thus, I.-E. *k'ig- > Phryg. *sikinnis* 'a dance'; I.-E. *k'ios > Phryg. *si*, *sos 'this', cf. Slav. *съ*, *ceŕ*; I.-E. *k'ei- > Phryg. caus. imperf. *e-sai-it*¹; I.-E. *g'hed- > Phryg. *zet-na* 'gate, opening'; I.-E. *g'hel(h)- > Phryg. *zel-ki-ia* 'vegetable'; but on the other hand, I.-E. *k'lū-t-, *k'lū-dhro- > Phryg. *Kludros* (a river-name), cf. Arm. *lu* < *k'lū-t-os; I.-E. *suek'r(ur)-os > Phryg. Dat. Sg. *wekro* 'father-in-law', cf. Arm. *suek'ūrā > *skesur* 'mother-in-law'; I.-E. *sue-g'nō- > Phryg. *wegno-* 'kinsman (?)' I.-E. *g'hlōr-(*g'hloH-r-) > Phryg. *glāoros* 'gold' etc.; cf. also Phryg. *te-tik-men-os*, possibly from I.-E. *dik'-//deik'-. Of the reliably established Phrygian words only *ge-gar(-)it-men-os* cannot be explained in accordance with this simple rule, if (as has been suggested) it is to be ethymologized from I.E. *g''her-*, *g'har-, but the ethymology and even the interpretation of the word are by no means certain. Thus, Phrygian may be regarded, similiary to Armenian, as a *satem*-language, where, however, the palatalized velar is retained as a velar in one particular position, viz., before the consonantal sonants except *j*, *ɟ*. With this exception the system of phonetic isoglosses connect Phrygian with Armenian closer than with any other I.-E. language. The proximity of Phrygian to Greek is more apparent simply on account of the better preservation of the general I.-E. phonetic type both in Greek and in Phrygian, as contrasting with its much greater disintegration in Armenian as we know it beginning with the 5th cent. A. D.

7. Another main argument against a close relationship between Armenian and Phrygian is the difference of the inflexional types. However, it must be borne in mind that in the area of its later distribution Armenian was, during the period before its fixation in writting (i. e., from the 12th century

¹ *aĭ*- is probably the normal Phrygian development of I.-E. *eĭ-. cf. Phryg. *aĭ(-ni)* 'if' with Gr. *ei*, Lat. *si*.

B. C. to the 5th century A. D.) exposed to a very strong Hurri-Urartian and, possibly, Luwian substratum influence. Thus can be concluded both from general historical considerations (the theory of a kinship between Phrygian and Armenian tallying excellently with all the known historical facts), and also from the Hurrian lexical substratum words which we were able to discover in Armenian². Under this substratum influences the stress pattern in Armenian changed to a general rule of *paroxytonon* stress; this led later to the loss of all final unstressed syllables, and thus also to the loss of all one-syllable inflexions. But instead of developing an analytical language structure, as it happened, e. g., in most Iranian languages in Armenian there occurred a "rejuvenation" of the inflexional system by retaining of the relics of two-syllable inflexions and extending their use to all paradigms, as **-iḫos*, **-uḫos*, **-Vbhi*, **-etos*, **-Vskos* (the last form, an adjectival equivalent of the genitive, having probably developed under Luwian and Urartian influence; replacement of the genitive by a form of the possessive adjective is typical of the entire area from Anatolia to the Caspian Sea). It is but natural that under these conditions no similarity could be preserved between the Armenian inflexional system that had developed much later, and the Phrygian inflexion preserving virtually unchanged the historical forms of the I.-E. declension of the **-o-* and **-ā-*themes, as well as of the neuter gender bases without thematic vowel. Of course, the Armenian innovation in question belongs to an epoch much later than that of Herodotus and Eudoxus; but it is most certain that we cannot regard the Armenians as *Phrygōn apoikoi* (according to Herodotus), because a number of linguistic features clearly point to an autonomous development of both Armenian and Phrygian during a considerable period of time (thus, e. g., cf. the rests of a Dative Pl. in *-m-* in Phrygian with *-w* < **-bhi* in Armenian).

8. Finally, as regards the lexical isoglosses, there is no ground to state that the number of Armeno-Phrygian ones was less than that of Graeco-Phrygian ones, since the available

² И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, I. M. Diakonoff, Hurrisch und Urartäisch, München, 1971, S. 10¹⁰, 83–86.

Phrygian material is both very limited and very specific; the numerous graecisms in Phrygian are in several cases either certainly or possibly direct borrowings from Greek; and the percentage of relevant Armeno-Phrygian lexical isoglosses found in the scanty extant reliable material may be considered, under the particular historical conditions in question, as quite sufficient for the conclusion that both languages are closely related.

9. If we consider Phrygian as a *satem*-language with a rather considerable amount of specific positionally conditioned forms of the *centum*-type (which, in a more limited number, are always present in all *satem*-languages) then the most important argument against postulating a Thracio-Phrygian branch of Indo-European loses its force; although doubts as to its existence may remain, such doubts will be of quite a different kind. The fact is that all our data on Thracian are so far most unreliable; so far as I can judge, they are all based on etymologization of PN and toponyms, whose real meaning in most cases cannot be ascertained but is always reconstructed precisely depending upon the correctness of the proposed etymology. But no etymology can be considered as proved unless the meaning of the word to be etymologized is known from a source independent from its etymology, or if a part of the word can on topographical grounds to be identified as meaning 'mountain', 'river', 'cape', 'lake' etc. Thus it seems that so far only the general trend of the phonetic development of Thracian can be said to be established with some probability; but this development seems not to have been dissimilar from what can be observed both in Phrygian and in Armenian.

VLADIMIR NEROZNAK

PHRYGIAN STUDIES: PROBLEMS AND RESULTS

For a long time Phrygian has been the object of research by specialists on IE languages. Since the middle of the 19th century, i. e. since the appearance of M. Schmidt's pioneering work the Phrygian language has been presenting various and

numerous problems, many of which have not yet received a satisfactory solution.

The publication of Phrygian inscriptions by W. M. Ramsay at the end of the 19th century aroused a considerable interest in Phrygian. Later there were published some other Phrygian texts; they have been collected by the late J. Friedrich and published among other Anatolian linguistic relics in transcriptions. The originals are published in the corpus of inscriptions of Asia Minor (MAMA) by W. M. Calder. These inscriptions are mainly Neo-Phrygian. At present they number more than 100. A considerable number of inscriptions discovered recently in the Phrygian area dates from the Palaeo-Phrygian period. As a result of the work R. S. Young, E. Akurgal, L. Tugrul and N. Firatli the corpus of Palaeo-Phrygian inscriptions was enriched considerably. Now more than 70 Palaeo-Phrygian inscriptions are known.

Of great importance is the announcement by C. Brixhe about an expedition to the Palaeo-Phrygian sites that has recently taken place in order to study newly discovered inscriptions and to collate the already known texts. M. Lejeune and C. Brixhe have reported that the French Institute in Istanbul is planning to publish a corpus of Palaeo-Phrygian inscriptions.

Up to a short time ago Phrygian had been studied on the basis of glosses and isolated words from inscriptions. Thus the material available to scholars interested in IE has been very limited. As far as genetic relationships of the Phrygian to other IE languages are concerned, two conceptions are current today. According to the first (O. Haas) Phrygian was closely related to Greek. The methods used by O. Haas in studying the Phrygian seem to us controversial. Haas' division of the Phrygian material into three independent languages is untenable.

The view-point that the Phrygian and Armenian are close cognates, now strengthened by new arguments by I. M. Diakonoff, should be seriously considered. Diakonoff's conclusion that IE palatalized stops were transformed into sibilants in Phrygian in all cases except the position before sonants (ex-

cept *l*, *u*) is, in our opinion, of special importance; W. Dressler also tends to regard the Phrygian as a „*satəm*“ language. It seems possible to assume that Phrygian occupied an intermediate position between Greek and Armenian.

The criticism of O. Haas' edition of the Phrygian linguistic material (C. Brixhe, W. Dressler, R. Gusmani, A. Heubeck, I. M. Diakonoff) proves the necessity of a new revised publication of all Phrygian linguistic data including Neo-Phrygian and all recently discovered Palaeo-Phrygian inscriptions.

Another important problem is that of the Palaeo-Phrygian alphabet. The phonetic identification of some of its signs present a great difficulty. The solution of this problem would help considerably to interpret the texts of the most ancient phase of Phrygian.

IGRAR ALIEV, GARDASCHCHAN ASLANOV

THE TRIBES OF THE SARMATO-MASSAGETO-ALANIAN GROUP IN AZERBAIJAN

At present, the question about the penetration into the territory of Azerbaijan, on the eve of the Christian era and in the first centuries A. D., of Sarmato-Massageto-Alanian tribes can be both posed and solved on the ground of the data of written sources and archaeology.

The data of the written sources and of ethno-toponymy permit to affirm that the above-mentioned tribes had at the beginning of the Christian era already penetrated through the Derbend pass into the territory of the Caspian zone of Azerbaijan.

The Maskuts, mentioned by the Armenian writers and later by the Arabic authors as tribes inhabiting the Western littoral of the Caspian Sea, are, undoubtedly, identical with the Massagetae, whose habitation in the neighbourhood of the Albanians is also mentioned by the ancients.

The penetration of the Sarmato-Alans into the North-Western zone of Azerbaijan dates from the seventies of the first

century A. D. This is indicated both by the archaeological materials discovered in the catacombs of the necropolis in the region of Mingečavir and by written sources (Josephus Flavius, Movses Khorenaçi, the chronicle "Kartlis tskhovreba" et al.).

The Masságeto-Alanian tribes of the Caspian zone of Azerbaijan, apperently, still presented a real force in the ethnical and the political relations at the beginning of the second millennium A. D.

As regards the Alanian element in the North-Western zone of Azerbaijan, it seems that it began to fade from the historical scene and, apparently, was assimilated by the neighbouring tribes at some time near the end of the VIIIth century.

MARGARET KHACHIKYAN

ON SOME OLD HURRIAN INCANTATIONS

The analysis of several Hurrian incantations from Mâri (№ 1=Mâri 1; № 2=Mâri 2; № 3=Mâri 5) and other cities of Babylonia (VS NF I 5, 6) allows us to reveal the following dialectal peculiarities of Hurrian from Babylonia:

1) wide use of participles instead of verbs. Only two dubious indicative forms are attested (2₄, 5₉, 10);

2) use, with participle forms, of the archaic enclitic pronoun of the 3 p. sg. -b. attested up to now in proper names only;

3) existence of parallel forms for certain morphemes (-id// -ud- alongside Mit. -id-, -ae// -oe alongside Mit. -ae.

4) apocopated forms of the connective -ma.

5) the predicate is placed sometimes between homogeneous subjects (objects).

Thus, as was to be expected, the language of our texts, in contrast to Mitannian Hurrian, is somewhat archaic (cf. items 1 and 2).

Certain interest represents the orthography of our texts: those from Mâri (XIX—XVIII centuries B. C.) are written in the Old Babylonian orthographical system, while the orthography of the others is closer to the "Mitannian" writing system (cf. IH. p. 11f.), a fact allowing us to date the second group of the texts to a later period (XVII century B. C.).

GAGIK SARKISIAN

GREEK PERSONAL NAMES IN URUK AND THE *GRAECO-BABYLONIACA* PROBLEM

The Seleucid period is an important although little studied epoch in the history of the great Babylonian civilization. It claims our interest by the fact that it was a time of collision and interaction with another great civilization, namely the Greek, the *Graeco-Babyloniaca* problem being, in its various aspects, of considerable consequence for the understanding of the history of mankind. Among the diverse materials throwing light upon that problem, a place of its own belongs to Greek personal names in Babylonia. In the compact corpus of business documents from Uruk registering different transactions between its inhabitants, these Greek names stand out conspicuously.

The core of Seleucid Uruk was its civic-and-temple community, the result of a merger of the inhabitants of the city enjoying civic rights with the temple personnel in a clearly outlined body typologically similar to the Hellenistic *polets*. Such civic-and-temple communities had a specific status inside the administrative system of the Seleucid empire; they were semi-autonomous, having a self-government of their own, were endowed with diverse privileges in regard to taxes and labour obligations, being in this respect similar to those of other cities of the epoch, and in their everyday business life they used their own traditional cuneiform notarial and law system.

The above-mentioned business documents from Uruk are the outcome of this system. Although by no means numerous, they contain a very considerable material for the study of

proper names. The present author has been able to examine more than two hundred business texts from Uruk, both unpublished and published.

Of the Seleucid texts studied by the author, Greek PN are mentioned in fifty-two deeds and in two building inscriptions. These Greek names, 48 in all and belonging to 69 persons (not counting the royal names in the colophons), are mentioned 113 times in the business documents and two times in the inscriptions.

In the available documents from Uruk there are mentioned thirty-four Greeks, five of them being women. These persons may be subdivided into fifteen groups of persons connected by kinship and consisting of one to five persons to each group. If bracketed together according to the time when the first representative of each group is mentioned, they clearly constitute two chronologically distinct strata (groups 1-4 and 5-15).

Stratum I includes thirteen persons belonging to family lineages which can be traced over a period of two to four generations. The first representatives of these lineages are also the first Greeks to be mentioned in the documents, namely during the period from 224 to 191 B. C.; their later generations can be traced to the middle of the 2nd century B. C. Stratum II includes twenty one persons; these consist of men directly mentioned in the texts, and of their fathers, the latter, according to Greek custom, appearing in the patronymics of the former. We encounter these persons only in the later documents, namely, from 168 to 133 B. C.

Thus the period of residence of Greeks in Uruk can be chronologically divided into four stages. At the first stage (before ca. 225 B. C.) the Greeks may have resided in Uruk but did not use the cuneiform notarial system for legalization of their deeds, probably having recourse to some other means. At the second stage (from ca. 225 to ca. 190 B. C.), the Greeks of Uruk resorted to local law practices. At the third (about the middle of the 2nd century B. C.), the Greeks who had settled in Uruk earlier were joined by a considerable reinforcement; and at the fourth stage, from the 130-ies on, the Greek names gradually disappear in the documents.

Now we turn to the second category of Greek PN in the documents of Uruk, namely those borne by persons of Babylonian origin. To this category belong thirty-five persons, one of them is a woman; these persons belong to five groups.

To the first group inside this category only one person belongs. This is the ruler of Uruk, Anuuballiṭ son of Anuikṣur, of the clan of Aḥ'ūtu. His second name was Nicarchus, and he specifically mentions in his building inscription, dated 244 B. C., that this name was personally conferred to him by the Seleucid king Antiochus II (261—246 B. C.). Later on Anuuballiṭ Nicarchus is frequently mentioned as the father, grandfather or great-grandfather of this or that party to a contract.

A later group, to which sixteen persons belong, is headed by another ruler of Uruk who also bore the name Anuuballiṭ, as well as a parallel Greek name, Cephalon; in this case, too, we first learn of the man not from a business document but from his building inscription, dated 202 B. C. Anuuballiṭ Cephalon was the son of Anubalāṣuiqbi and, like his predecessor Anuuballiṭ Nicarchus, he belonged to the clan of Aḥ'ūtu; however, there is no documentary evidence that he was a grandson of Nicarchus, as has been suggested. He is also mentioned in the business documents, in different capacities. He married a Greek, Antiochis daughter of Diophantus, and his descendants, beginning with his son named Diophantus in honour of his maternal grandfather, bore Greek names. About the same time other Babylonians bearing Greek names also appear in the documents; among them we should note Timocrates, pretty certainly a brother of Cephalon; his descendants too bore Greek names; and Straton(?) son of Cephalon's (elder) brother who bore a Babylonian name; but Straton(?)'s offspring likewise bore Greek names. The offspring of Cephalon and his brothers can be traced in the documents to the middle of the 2nd century and even as late as the 130ies.

A third group, consisting of four or five persons who appear in the middle of the 2nd century belonged to the same clan of Aḥ'ūtu; they may or may not have been related to Cephalon's family.

The fourth group was contemporary with the preceding; of the five persons belonging to it, at least one (but most probably three) belonged to another well-known house or clan of Uruk, that of Luštammar-Adad. One of them belonged probably to the clan of Ekurzakir.

The fifth group belongs to the middle of the second century B. C. No mention of kinship connections with any of the old clans or houses of Uruk is made in relation to these persons.

Thus, here, too, four stages in the development of Greek personal names can be established. At the first stage (until the middle of the 3rd century B. C.) Greek names are practically absent among the Babylonians of Uruk; at the second stage (end of the third to the beginning of the second century) Greek names do appear among the Babylonians but in a very limited milieu, practically only in the family of Anuballit Cephalon; at the third stage (middle of the second century), the number of Greek names among the Babylonians of Uruk is steadily growing, so that in the end they become fairly frequent, and that not only in the family of Cephalon but also in other Urukite circles; at the fourth stage, beginning with the 130, the Greek names gradually disappear among the Babylonians.

The problem may be raised of the sources from which the Babylonians derived their Greek names. One of them are the dynastic names of the Hellenistic kings: the names Seleucus, Antiochus, Demetrius, Alexander, Philippus are all encountered as belonging to Babylonian citizens of Uruk. Some names were probably borrowed from those current among the Greeks in Uruk, thus Heraclides, Antipatrus, Straton(?), Democrates (or Timocrates?), Arlston, etc.

As can be gleaned from the business documents of Uruk, mixed marriages were practiced.

Thus, classification of the material reveals four stages in the life of the Greeks in Uruk, and likewise four approximately synchronous stages in the development of the use of Greek PN in the Babylonian milieu of Uruk; this coincidence cannot have been fortuitous, and must have had some historical base.

The *first stage* is characterized by non-involvement of the Greeks residents in Uruk in the local civic-and-temple community; they probably lived there as a separate colony under its own customary law.

Most interesting is the *second stage* which pretty precisely coincides with the reign of Antiochus III the Great (223—187 B. C.). It is well known that the aim of this king was the restoration of the empire, which had been desorganized under his predecessors. This dictated the tendency towards a rapprochement with the local upper class. Specifically in regard to Uruk, we may with confidence presume that during this period the Greek colony in the city merged in its civic-and-temple organizational structure. Nothing else can possibly account for the Greeks beginning to transfer their business activities into the sphere of the local cuneiform notarial and law system.

This inclusion of the Greeks into the political, social and business life of the Urukite community resulted in the adoption of Greek PN by some of the Babylonian Urukites.

It is probable, virtually certain, that under such conditions the competence of the civic-and-temple community of the city must have been increased, its status becoming more like that of a *polis*. That such an action must have been undertaken, can be seen by the changes in the titles of the city rulers: while Annuballit I Nicarchus was a *šaknu*, i. e. "(royal) governor", the next ruler Anubalātsuiqbi and his son and successor Annuballit II Cephalon become *GAL.SAG*, i. e. "chief officer".

As another indication of the growth of the role and importance of the local civic-and-temple community should be regarded the marriage of Cephalon with Antiochis, daughter of Diophantus. The name Antiochis is not known to have been used outside of the house of the Seleucids, and we will hardly err if we suggest that Antiochis of Uruk, daughter of Diophantus, was related to the Seleucids, if not in the paternal, then at least in the maternal line.

The *third stage* (middle of the second century) is characterized, as we remember, by an influx of more Greeks to Uruk, now quite naturally entering the community membership,

and also by an abundance of bearers of Greek names among the Babylonian Urukites.

The influx of new Greek colonists should be connected with a tendency to strengthen the Hellenic element in the eastern provinces of the empire in order to counteract the violent growth of the Parthian pressure from East to West during the reign of Mithridates I (170—139 B. C.).

The *fourth stage* in the life of the Greeks and in the operation of Greek influence in Uruk coincided with the dominion of the Arsacides, with obvious results. The last Greeks, and the last Greek names in Babylonian families, are sporadically encountered in the 130-ies, but later they disappear, as well as the business documents in cuneiform themselves, demonstrating thus, in so far as we can judge, the desintegrating of the cuneiform notarial and law system in Uruk.

In conclusion, we may try to define the place which the material discussed above occupies in the solution of the *Graeco-Babyloniaca* problem. The question is, whether the material in question refers mainly to the social, the political, the economical, or the cultural aspect of the problem.

The general impression is, that here we have to deal mainly with the political and partly with the social aspects of the problem, and to a much lesser degree with the economical and cultural aspects.

If we turn to the very delicate question (because it is the one which mostly interests the historians of the Hellenistic period), namely, the question of how far did Greek culture penetrate into Babylonian society, we will have to conclude that, in so far as it is possible to judge from the material under discussion, it seems that there was not much influence, except for the names themselves; on the contrary, it seems that the Greeks were to a considerable degree integrated into the millennial traditional civilization of Babylonia. As a matter of fact, for instance, it was not the civic-and-temple community of Uruk which was transformed into a Hellenistic *polis*, as it so often did happen in other parts of the Seleucid empire, where the powers of resistance were not so strong; here it was the Greek colony which was absorbed by the community of Uruk.

LEVON TER-PETROSSIAN
FOREWORD TO THE WORKS OF MARŪTĀ
OF MAIPHERQAT

The long foreword to the works of Marūtā of Maipherqat, written in the style of a prosaic Christian homily, is most important not only for the history of Syrian literature but also for the social history of Iran during the Sasanian period. It contains materials illustrating the status of Christians, details of their persecution, the legal norms of the Sasanid state, the religious practices of Zoroastrianism, and other matters. Much of this information has not been found recorded in any other sources, even those of earlier date. And yet this highly interesting document has not so far been properly studied. This is probably due to the fact that the Syrian original of the foreword has not come down to us in its entirety. A considerable portion of the text, amounting to almost one-third of it, is missing at the beginning. The comparison of the Syrian original and the Armenian version, however, shows that the latter has preserved the missing part. Its Syrian origin is corroborated by Biblical quotations which, though differing from the Armenian and Greek (Septuaginta) versions of the Bible, are identical with the corresponding passages in the Syrian Peshiṭtā. Another evidence of the Syrian archetype of the Armenian translation is provided by a short fragment of the missing Syrian text cited in the *Chronicle of Karkā deBēt Selōk*. The author copied out from the foreword to the works of Marūtā of Maipherqat the whole description of the methods by which Christians were put to death, word for word.

The fact that the Armenian version of the first part of the foreword is authentic, is of importance for the correct appreciation of the entire collection, since it is here that the main historical information contained in the foreword is concentrated, and the foreword is the only part of the collection which has a more or less historiographical character. Separated from the period of the "Great Persecution" by a period of twenty to thirty years, the author of the foreword was in a position to view the facts against the general background of events, and from a critical standpoint, taking into consideration the consequences of the persecution.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Г. Комороци</i> (Будапешт), Гимн о торговле Тильмуна (интерполяция в тексте шумерского мифологического эпоса „Энки и Нинхурсаг“)	5
<i>А. А. Вайман</i> (Ленинград), Исследование по шумеро-вавилонской метрологии	37
<i>В. Н. Хачатрян</i> , Некоторые вопросы топонимики центральных районов страны Хатти	67
<i>Н. А. Мкртчян</i> , Редупликация глаголов в хеттском и армянском	76
<i>Г. Фрайдак</i> (Берлин), Новые данные об отношениях среднеассирийского царства с северными и северо-западными странами	86
<i>С. М. Кашкай</i> (Баку), О городах-крепостях на территории Манной	89
<i>Н. В. Арутюнян</i> , Некоторые вопросы последнего периода истории Урарту	98
<i>М. А. Израелян</i> , Уточнения к урартским надписям	115
<i>Д. Н. Саркисян</i> , Страна Шубриа в урартских надписях	121
<i>Г. А. Тирациян</i> , Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры	134
<i>И. М. Дьяконов</i> (Ленинград), Место фригийского среди индоевропейских языков (тезисы)	158
<i>В. П. Нерознак</i> (Москва), К изучению фригийского языка: проблемы и результаты	165
<i>Г. Х. Саркисян</i> , Греческая ономастика в Уруке и проблема <i>Graeco-Babyloniaca</i>	191
<i>И. Г. Алиев, Г. М. Асланов</i> (Баку), Племена сармато-массагето-аланского круга на территории Азербайджана	218
<i>Л. А. Тер-Петросян</i> , О значении Предисловия к сборнику Маруты Майферкатского	238
<i>М. Л. Хачикян</i> , Из староуррских заклинаний	251
<i>Г. Х. Саркисян</i> , Игорь Михайлович Дьяконов (к шестидесялетию со дня рождения)	265

S U M M A R I E S

<i>Géza Komoroczy</i> , The Tilmun trade in the Ur version of the Enki and Ninġursag myth	285
<i>Aisik Vainan</i> , Studies in the sumero-babylonian metrological system	286
<i>Valeri Khachatryan</i> , Some problems relating to the toponymy of the central regions of the land of Hatti	288
<i>Nerses Mekertchian</i> , Reduplication of verb in hittite and in armenian	288
<i>Helmut Freydank</i> , New data on the relations between the middle assyrian kingdom and the north-western regions	289
<i>Solmas Kashkai</i> , Fortress cities in the Mannā Areai	289
<i>Nicolai Harouthyounyan</i> , Some problems of the later period of the history of Urartu	290
<i>Margaret Israelian</i> , Some corrigenda to urartian inscriptions	291
<i>Dimitri Sarkisian</i> , The land Šubria in urartian inscriptions	292
<i>Gework Tirāzian</i> , New archaeological finds of post-urartian period in Western Armenia (Turkey) and their place in the history of of ancient armenian culture	293
<i>Igor Diakonoff</i> , The place of phrygian among the indo-european languages (Theses)	295
<i>Vladimir Neroznak</i> , Phrygian studies: Problems and results	300
<i>Igrar Aliev, Gardaschchan Aslanov</i> , The tribes of the sarmato-masageto-alanian group in Azerbaijan	302
<i>Margaret Khachikyan</i> , On some old hurrian incantations	303
<i>Gagik Sarkisian</i> , Greek personal names in Uruk and the Graeco-Babyloniaca problem	304
<i>Levon Ter-Petrosian</i> , Foreword to the works of Marūta of Maipherqat	310

*Печатается по решению ученого совета
Института востоковедения АН Армянской ССР*

Редактор издательства *Ж. В. Налчаджян*
Художник *Л. А. Садоян*
Технич. редактор *С. К. Закарян*
Корректор *В. Т. Симонян*

ВФ 00088   Заказ 767   Изд. № 4101   Тираж 2000

Сдано в набор 30. IX. 1974 г. Подписано к печати 27. IV. 1976 г.
Печ. л. 19,5. Изд. 16,9 л. Бумага № 1. 60×90¹/₁₆. Цена 1 р. 37 к.

Издательство АН Армянской ССР, Ереван, Барекамутян 24г.
Типография Издательства АН АрмССР, Ереван, Барекамутян 24.